

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МАГНИТОГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. Г. И. НОСОВА

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ

К 70-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА А.А. МАСЛЕННИКОВА
К 65-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА В.Д. КУЗНЕЦОВА

3 (61)

Июль – Август – Сентябрь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН в 1994 г.

МОСКВА-МАГНИТОГОРСК-НОВОСИБИРСК
2018

Научная подготовка журнала осуществляется Институтом археологии РАН и
Магнитогорским государственным техническим университетом им. Г.И. Носова
в сотрудничестве с Институтом археологии и этнографии СО РАН

Международный редакционный совет

член-корр. РАН *Р.М. Мунчаев* (председатель, Москва),

член-корр. РАН *Х.А. Амирханов* (Москва), член-корр. РАН *П.Г. Гайдуков* (Москва),
проф. *Ф. де Каллатай* (Брюссель), проф. *П. Каллиери* (Болонья),
акад. РАН *С.П. Карпов* (Москва), проф. *Д. Лернер* (Уинстон-Сейлем),
проф. *К. Липполис* (Турин), акад. РАН *Н.А. Макаров* (Москва),
д.и.н. *А.А. Масленников* (Москва), д.и.н. *Ю.М. Могаричев* (Симферополь),
проф. *М. Ольбрихт* (Жешув), акад. АН РУз *Э.В. Ртвеладзе* (Ташкент),
проф. *С.Ю. Сапрыкин* (Москва) проф. *А.Ф. Строев* (Париж),
д.и.н. *М.Ю. Трейстер* (Берлин), д.и.н. *Э.Д. Фролов* (Санкт-Петербург),
д-р. *У. Шлоцауэр* (Берлин)

Редакционная коллегия

Главный редактор д.и.н. *М.Г. Абрамзон* (Магнитогорск),

д.и.н. *А.В. Буйских* (Киев), д.и.н. *М.Д. Бухарин* (Москва),
д.и.н. *Н.Б. Виноградов* (Челябинск), д.филол.н. *А.П. Власкин* (Магнитогорск),
к.и.н. *В.А. Гаибов* (ответственный секретарь, Москва), д.и.н. *Е.Г. Дзвлет* (Москва),
д.и.н. *А.А. Завойкин* (Москва), к.и.н. *Д.В. Журавлев* (Москва),
д.и.н. *В.Д. Кузнецов* (зам. главного редактора, Москва),
к.и.н. *С.В. Мокроусов* (зам. главного редактора, Москва),
к.и.н. *В.И. Мордвинцева* (Симферополь),
д.и.н. *И.В. Октябрьская* (зам. главного редактора, Новосибирск),
д.и.н. *И.Е. Суриков* (Москва), д.филол.н. *С.Г. Шулежкова* (Магнитогорск)

Заведующая редакцией *Ю.А. Федина*

E-mail: history@magtu.ru

-
- © Российская академия наук,
Институт археологии РАН, 2018
  - © Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова, 2018
  - © Редакция журнала
«Проблемы истории, филологии, культуры»
(составитель), 2018

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
DEPARTMENT OF HISTORY AND PHILOLOGY
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION
NOSOV MAGNITOGORSK STATE TECHNICAL UNIVERSITY

**JOURNAL
OF HISTORICAL, PHILOLOGICAL
AND CULTURAL STUDIES**

**TO THE 70th ANNIVERSARY OF PROFESSOR
ALEXANDER A. MASLENNIKOV**

**TO THE 65th ANNIVERSARY OF PROFESSOR
VLADIMIR D. KUZNETSOV**

3 (61)

July – August – September

PUBLISHED QUARTERLY

FOUNDED in 1994 г.

MOSCOW – MAGNITOGORSK – NOVOSIBIRSK
2018

The contents is prepared in the Institute of Archaeology (Russian Academy of Sciences) and the Nosov Magnitogorsk State Technical University in cooperation with the Institute of Archaeology and Ethnography (Siberian Branch of Russian Academy of Sciences)

International Advisory Board

Prof. *Rauf Munchaev* (Chairman, Moscow),

Prof. *Hizry Amirkhanov* (Moscow), Prof. *François de Callatay* (Brussels),
Prof. *Pierfrancesco Callieri* (Bologna), Prof. *Eduard Frolov* (Saint-Petersburg),
Prof. *Petr Gaydukov* (Moscow), Prof. *Sergey Karpov* (Moscow),
Prof. *Jeffrey Lerner* (Winston-Salem), Prof. *Carlo Lippolis* (Torino),
Prof. *Nikolay Makarov* (Moscow), Prof. *Alexander Maslennikov* (Moscow),
Prof. *Yuriy Mogarichev* (Simferopol), Prof. *Marek Jan Olbrycht* (Rzeszów),
Prof. *Eduard Riveladze* (Tashkent), Prof. *Udo Peter Schlotzhauer* (Berlin),
Prof. *Sergey Saprykin* (Moscow), Prof. *Alexander Stroeve* (Paris),
Prof. *Mikhail Treister* (Berlin)

Editorial Board

Prof. *Mikhail Abramzon* (Editor-in-Chief, Magnitogorsk),

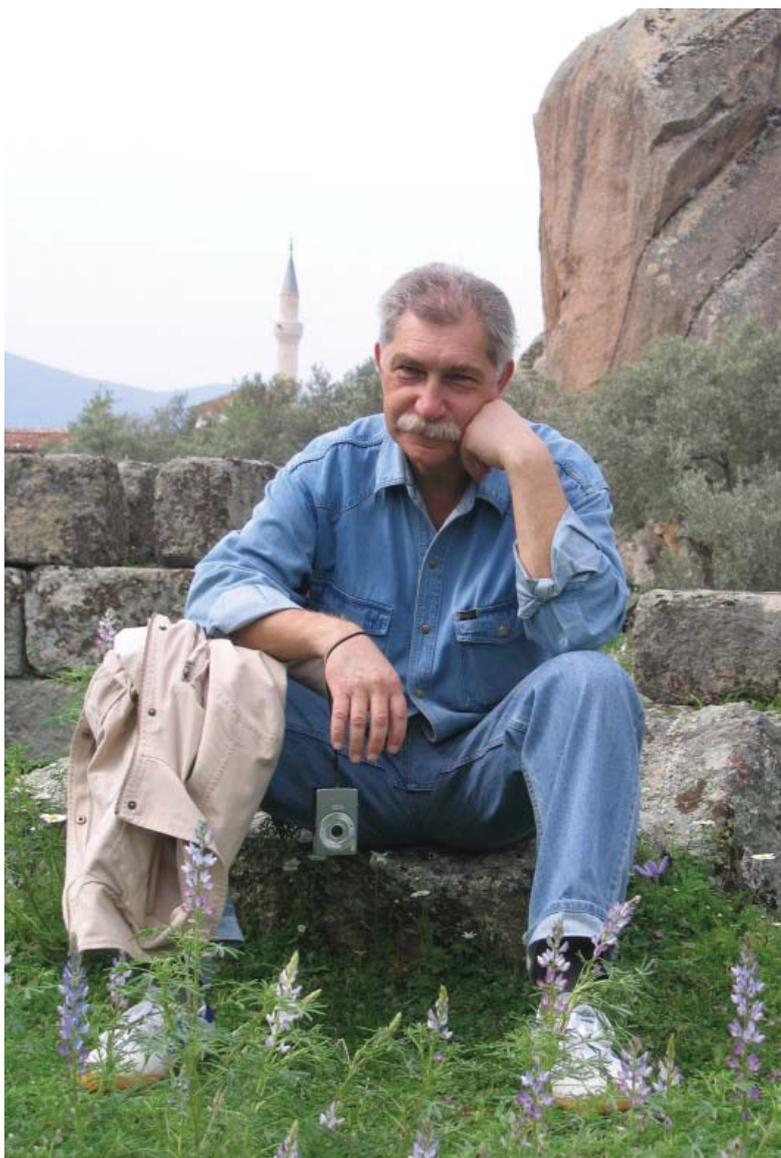
Prof. *Alla Bujskikh* (Kiev), Prof. *Mikhail Bukharin* (Moscow),
Prof. *Ekaterina Devlet* (Moscow), Dr. *Vasif Gaibov* (Moscow),
Prof. *Vladimir Kuznetsov* (Moscow),
Dr. *Sergey Mokrousov* (Moscow), Dr. *Valentina Mordvintseva* (Simferopol),
Prof. *Irina Oktyabrskaya* (Novosibirsk), Prof. *Svetlana Shulezhkova* (Magnitogorsk),
Prof. *Igor Surikov* (Moscow), Prof. *Nikolay Vinogradov* (Chelyabinsk),
Prof. *Alexsey Zavoykin* (Moscow), Dr. *Denis Zhuravlev* (Moscow)

Head of the Editorial Office *Yulia Fedina*

E-mail: history@magtu.ru

В этом году свой юбилей отмечают двое наших друзей и коллег: *20 августа* исполняется 65 лет В.Д. Кузнецову, а *23 октября* – 70 лет А.А. Масленникову.

Оба юбиляра – сотрудники Института археологии РАН, здесь начиналась их научная карьера, здесь они достигли вершин научного творчества. Оба – яркие индивидуальности, состоявшиеся в науке личности, у каждого – свой путь, свой стиль в жизни и науке.

А.А. Масленников. Гераклея-на-Латмосе, март 2010 г.

Александр Александрович Масленников – профессор, доктор исторических наук, заведующий Отделом полевых исследований ИА РАН (с 2004 г.) окончил Ист. фак. Тульского гос. педагогического университета в 1970 г., под руководством В.Д. Блаватского успешно защитил кандидатскую диссертацию «Население Боспорского царства VI–II вв. до н.э.» в 1977 г., докторскую диссертацию «Сельская территория Европейского Боспора в античную эпоху (система расселения и этнический состав)» защитил в 1993 г.

Вся жизнь юбиляра связана с полевыми исследованиями в Восточном Крыму. Не будет преувеличением сказать – без этого места, без этих работ жизнь и творчество А.А. Масленникова немислимы. И без него самого для многих из нас Восточный Крым с его памятниками древности – тоже представить невозможно. Он – создатель и бессменный руководитель Восточно-Крымской экспедиции, благодаря которому мы узнали античность в Крымском Приазовье, где его неустанными трудами были открыты и исследованы десятки интереснейших памятников, эллинских и варварских. О них, а также о других памятниках Европейского Боспора им написаны многочисленные книги и бесчисленные статьи. Главное в них то, что все они опираются на глубокое знание материалов (прежде всего, открытых им самим) и страстная, по-юношески свежая любовь их исследователя к памятникам древних культур.

И до сих пор, как только подует весенний ветер, сулящий приближение тепла и близость поля, глаз юбиляра загораются особым светом, выдающим жажду новых открытий под остро наточенной лопатой, там, где шумит неумолчная Меотида, ударяясь волнами в причудливые прибрежные скалы, а теплый ветер колышет цветущие ковыли...

А еще он – человек долга и чести. Почти полтора десятилетия А.А. Масленников возглавляет ОПИ, подразделение Института археологии, которое несет «государеву службу» по охране историко-культурного достояния России, не позволяя научному уровню исследования древних памятников пасть под напором коммерческой выгоды. Александр Александрович – главный эксперт страны в этом вопросе, через его руки каждый год проходят тысячи заявок на Открытые листы и тысячи отчетов о проведенных полевых работах. Трудно себе даже представить, сколько времени и душевных сил у него уходит на то, чтобы «не дать слабину», не поддастся соблазнам, найти правильный баланс разных интересов...

Пожалуй, нельзя не сказать еще об одном деле, которым занят А.А. Масленников постоянно, начиная с 1998 года. Он является главным редактором серийного издания ИА РАН «Древности Боспора». Каждый год с тех пор выходит очередной том (бывало и два) ежегодника. Уже увидел свет 21 том и собран 22-й. Смело можно заявить, что без упорства и ... трудно даже сказать, чего еще, век этого востребованного специалистами издания, поддержанного, по существу, одним лишь энтузиазмом, не был бы столь долог.

И еще, Александру Александровичу обязаны за бескорыстную помощь, добрый совет многие, но в особенности – его ученики, выросшие в его экспедиции, его аспиранты (некоторые из которых уже доктора наук). Их он воспринимает не просто как учеников и последователей, но и как бы «своих детей», о которых заботится, судьба которых ему не безразлична и после того, как «птенцы вылетели из гнезда».

В.Д. Кузнецов. Пергам, апрель 2014 г.

Владимир Дмитриевич Кузнецов – доктор исторических наук, чл.-корр. Германского археологического института (с 2007), заведующий Отделом классической археологии ИА РАН (с 2008 г.), директор федерального Историко-археологического музея-заповедника «Фанагория». Выпускник кафедры истории древнего мира МГУ им. М.В. Ломоносова, окончил аспирантуру в 1983 г., ученик В.Д. Блаватского и Г.А. Кошеленко, под руководством которого в 1984 г. он защитил диссертацию кандидата исторических наук по теме «Ремесло классической Греции», а докторскую диссертацию («Организация общественного строительства в древней Греции») в 1996 г.

В биографии Владимира Дмитриевича важную, едва ли не решающую, роль сыграл его приезд в Фанагорию, на раскопки которой он прибыл студентом из Самары (Куйбышева) в 1973 г. Это событие предопределило переезд в Москву для учебы в МГУ и дальнейшую научную карьеру и личную жизнь. Любовь к Фанагории и серьезный научный интерес к этому крупнейшему памятнику античной культуры сохранялись (даже тогда, когда В.Д. работал в Кечах – 1984-1989 гг.) и сохраняются до наших дней. Именно здесь были достигнуты самые значительные результаты его деятельности, научные и организационные.

Пережив вместе со всей страной тяжелейшие «90-ые», Фанагорийская экспедиция, возглавляемая В.Д. Кузнецовым в 2000-тысячных становится крупнейшей античной археологической экспедицией не только в РФ, но, наверное, одно из самых крупных вообще. Ставятся и успешно реализуются большие и амбициозные задачи.

Масштабные исследования проводятся на городище, включая его затопленную часть, и на некрополе. Сделаны многие важные, иногда сенсационные, открытия, одно перечисление которых заняло бы слишком много места. В.Д. Кузнецовым организовано серийное издание «Фанагория. Результаты археологических исследований», в котором получают отражение важнейшие итоги изучения древнего города и его округа, публикуются новейшие материалы раскопок и памятники, открытые в предыдущий период. С 2013 г. на сегодняшний день под редакцией юбиляра уже издано 6 полновесных томов и готовится очередной, 7-й том. Им же было инициировано и подготовлено издание (совместно с университетом Гёттингена) трех томов «*Altertümer Phanagorias*» (2011-2014).

В 2012 г. благодаря его неустанному труду был открыт научно-исследовательский центр Фанагорийской экспедиции: здание с хранилищами, лабораториями, конференц-залом и библиотекой, а также комфортабельными жилыми помещениями для сотрудников. В нем также проводятся международные конференции, посвященные истории и культуре Фанагории и Северного Причерноморья.

Благодаря усилиям В.Д. Кузнецова, в 2014 г. по инициативе Министерства культуры Российской Федерации был создан «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Фанагория». Закономерно, что он же, Владимир Дмитриевич, и возглавил это учреждение культуры. Это новое направление в работе юбиляра требует много сил и внимания. Но отступить – не в его характере.

Хотя загруженность организационными делами отнимает много времени, Владимир Дмитриевич ни в малой степени не утратил научного задора. Он – разносторонний специалист «европейского уровня», ориентированный на комплексное исследование источников, литературной античной традиции, эпиграфических памятников, нумизматики и археологии, поддерживающий множество научных и дружеских контактов с коллегами по всему миру. Вообще стоит особо отметить то, что работа и учеба в разных центрах и библиотеках Европы способствовала не только выработке особого стиля научной работы юбиляра, но и определила во многом те ориентиры в подходах и организации жизни и быта возглавляемой им экспедиции, которые привели к достигнутому результату.

Подобно своему учителю, Г.А. Кошеленко, фантастически жаден до новых книг, справедливо полагая, что незнание того, что было сделано до тебя (в том числе в новейших публикациях) в мировом антиковедении ведет к депрофессио-

---

нализации. Это строгое суждение он применяет в первую очередь к себе самому. Но и другим спуску не дает...

Человек энергичный, «порывистый», временами жесткий (совершенно не выносит непрофессионализм, разгильдяйство, необязательность), он первым придет на помощь друзьям и коллегам, никогда их не предаст.

Чествуя Александра Александровича и Владимира Дмитриевича, отдавая должное их самоотверженному трудолюбию и талантам, мы искренне желаем им крепкого здоровья, удачи и новых открытий в поле и «кабинетных» исследованиях, благополучия, необходимого для свободы, и, конечно, «досуга», который требуется не только для того, чтобы всласть поработать творчески, но и для родных и близких людей, для общения с друзьями, для того, наконец, чтобы спокойно радоваться жизни...

Друзья, коллеги, ученики,
Отдел классической археологии ИА РАН,
Редколлегия журнала «Проблемы истории, филологии, культуры»

ИСТОРИЯ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2018), 10–29
© The Author(s) 2018

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2018), 10–29
© Автор(ы) 2018

DOI: 10.18503/1992-0431-2018-3-61-10–29

ПЕРСОНИФИКАЦИЯ АФРИКИ НА АТТАШАХ РУЧЕК АМФОРЫ ИЗ НИЖНЕГО ПОДОНЬЯ (О РИМСКИХ БРОНЗОВЫХ АМФОРАХ В САРМАТИИ)

М.Ю. Трейстер

Германский археологический институт, Берлин, Германия
mikhail.treister@dainst.de, mikhailtreister@yahoo.de

Аннотация. В статье рассматриваются римские бронзовые амфоры, найденные в погребениях Сарматии. Они происходят преимущественно из курганов Нижнего Подонья, а также из Прикубанья и Нижнего Поволжья. Особое внимание среди амфор с яйцевидным туловом (Eggers 129, Раев, тип 2, Tassinari A3220) привлекает находка из кургана № 14/1961 у хут. Кудинов на Нижнем Дону (или Багаевского кургана № 14). Подробно анализируется форма и декор ручек и особенное внимание уделяется анализу изображения на нижних атташах ручек сосуда. Вопреки мнению исследователей, которые обращались к атрибуции амфоры, автор на основании подробного анализа атрибутов приходит к выводу, что на атташах изображена не Менада, а персонификация Африки (менее вероятно – Египта или Александрии). По мнению автора, сомнительно рассматривать образы на атташах в качестве портретного изображения Клеопатры VII или ее дочери Клеопатры Селены II, как это предполагается некоторыми исследователями по отношению к типологически близкому изображению на медальоне серебряной чаши из Боскореале. В любом случае, круг аналогий как формы сосуда, так и декора ручек с атташами вряд ли дает основание датировать сосуд позднее первой половины I в. н.э.

В целом, обращает на себя внимание довольно значительное количество бронзовых амфор, найденных в погребениях кочевников Азиатской Сарматии. Среди находок из римских легионных лагерей времени правления династии Юлиев-Клавдиев и среди импортных бронзовых сосудов I – начала II в., найденных в центрально-европейском барбари-

---

Данные об авторе: Михаил Юрьевич Трейстер – доктор исторических наук, научный сотрудник Германского Археологического института.

куме, они единичны. Пожалуй, лишь на территории Фракии было найдено сопоставимое (по отношению к общему количеству римских бронзовых сосудов) количество бронзовых амфор. Попадание такого сравнительно большого количества бронзовых амфор к кочевникам заставляет думать о том, что они, очевидно, пользовались определенным спросом среди последних.

Ключевые слова: римские бронзовые амфоры, Сарматия, Нижнее Подонье, персонификации Африки, Египта, Александрии, женские прически в Египте, Изида, Клеопатра VII, Клеопатра Селена, чаша из Боскорале

В сарматских погребениях Восточной Европы было найдено шесть целых или фрагментированных бронзовых амфор и одна отдельная ручка, которые были в свое время разделены Б.А. Раевым на два типа¹. Большая часть амфор, происходящих преимущественно из Нижнего Подонья, а также из Прикубанья и Нижнего Поволжья (4 экз. и отдельная ручка из кургана Хохлач) (см. карту, рис. 1), относятся ко второму типу (с яйцевидным туловом), по классификации Б.А. Раева, типу Eggers 129², или A3220, по классификации С. Тассинари, наиболее распространенному в Помпеях³. Подобные бронзовые амфоры известны также по находкам в Западных провинциях Римской империи⁴, а также в Западном⁵ и в Восточном⁶ Причерноморье. Для установления хронологии таких амфор принципиальны находки на Нижнем Рейне и в Магдаленсберге на Дунае, которые позволяют относить появление сосудов такой формы не позднее, чем в августовское время, а их использование – вплоть до III в. н.э.⁷

При схожести форм, пропорций и размеров сосудов, найденных в Сарматии, они отличаются деталями проработки горла и ручек с атташами.

Наше внимание привлекла амфора из кургана № 14/1961 у хут. Кудинов на Нижнем Дону (или Багаевского кургана № 14) (рис. 2–6), автор первой публикации которой предполагал, что она попала в комплекс на рубеже нашей эры⁸. С этим не согласились ни Б.А. Раев, который отмечал, что амфора более ранняя, чем амфоры из Хохлача и Багаевского кургана № 13, и датировал ее первой половиной I в. н.э.⁹, ни Д.Б. Шелов, который, указывая на находки таких амфор

¹ Находкам бронзовых амфор в сарматских погребениях на территории Восточной Европы были посвящены пассажи в монографиях и статьях Д.Б. Шелова (1983, 59–61), Б.А. Раева (Raev 1986, 35–36; Раев 2013, 164), И.И. Марченко и Н.Ю. Лимберис (Marčenko, Limberis 2008, 281). Из новых находок отметим фрагментированный сосуд из кургана № 1/2003 могильника Горелый-I: Балановский, Тихонов 2009, 14, № 1, рис. 3. Тип I, по классификации Б.А. Раева, соответствует типу Tassinari A3212, тип 2 – Tassinari A3220.

² Eggers 1951, Taf. XI, 129; 171, Beil. 55.

³ Tassinari 1993, 7–18; Banghard, Gorecki 2004, 147–148, Abb. 18, 2. – См. также аналогичную амфору из Боскорале: Gorecki 1993, 231, no. A6; 238, Abb. 1, 6; 243, Taf. 3.

⁴ См. неполную сводку: Раев 2013, 163–164. См. также: Breščak 1982, nos. 107–108, pls. 11: 24; Fauduet, Rabeisen 1993, 149–150, 156–157, figs. 3–4; Bolla 1994, 72–74, nos. 81–82, tav. LXXVII–LXXVIII; Kapeller 2003, 89–90, 99–100, 136–137, nos. 87–91 (ручки), pls. 11–12; Bienert 2007, 14.

⁵ Raev 1977a, 623–624, 639, Nr. 56, Taf. 9, 6–7; Буюклиев 1986, 35; Onurkan 1988, 70–71, nos. 68–69, figs. 32–33, pl. 41; Kalčev 1994, 227–229, Abb. 1–4.

⁶ Дедоплис Гора: Lohr 2008, 155–156, 160, no. 1, pls. 60, 64.

⁷ См. подробнее: Bienert 2007, 14–15.

⁸ Капошина 1965, 50; 1967a, 213; 1967b, 148.

⁹ Raev 1977a, 623; 1977b, 144.

Рис. 1. Римские бронзовые амфоры в Сарматии. Карта (М. Трейстер, 2018). Подоснова Г.П. Гарбузова. Квадраты – амфоры формы Tassinari A3212, кружки – амфоры формы Tassinari A3220. 1 – Кончукохабль, 2 – курганный могильник Валовый I, 3 – курган Хохлач, 4 – курганный могильник у хут. Кудинов, 5 – курганный могильник Горелый I

в Помпеях и в Чаталке во Фракии, предполагал, что на Дон этот сосуд не мог попасть ранее 70-х гг. н.э.¹⁰

Ручки амфоры из кургана № 14/1961 у хут. Кудинов литые, верхние атташи округлой листовидной формы, без рельефных украшений, нижние – украшены бюстами женских персонажей. Ствол ручки украшен растительным орнаментом, на перегибе – рельефные валики, разделяющий орнамент. Вертикальная часть ручки оформлена листом аканфа. Заканчивается ствол ручки плавными завитками по краям, между которыми образована треугольная часть, оформляющая вертикальную треугольную часть головного убора женского бюста атташа, с горизонтальными поперечными валиками (рис. 4–6).

Атташи ручек имеют подтреугольную форму с гладким краем, плавно сужаясь к закругленному нижнему концу. Большую часть атташа занимает рельефное изображение бюста молодой женщины. По сторонам от женского бюста в верхней части атташа расположено по завитку и лепестку – под ним. Внизу атташ завершается контурной пальметтой с волютой в основании, частично сохранившейся лишь на одном из атташей (рис. 4–6).

¹⁰ Шелов 1983, 61.

Рис. 2. Хут. Кудинов. Курган № 14/1961. Погребение № 1. Амфора бронзовая. Государственный Эрмитаж. Общие виды. Фото М.Ю. Трейстера

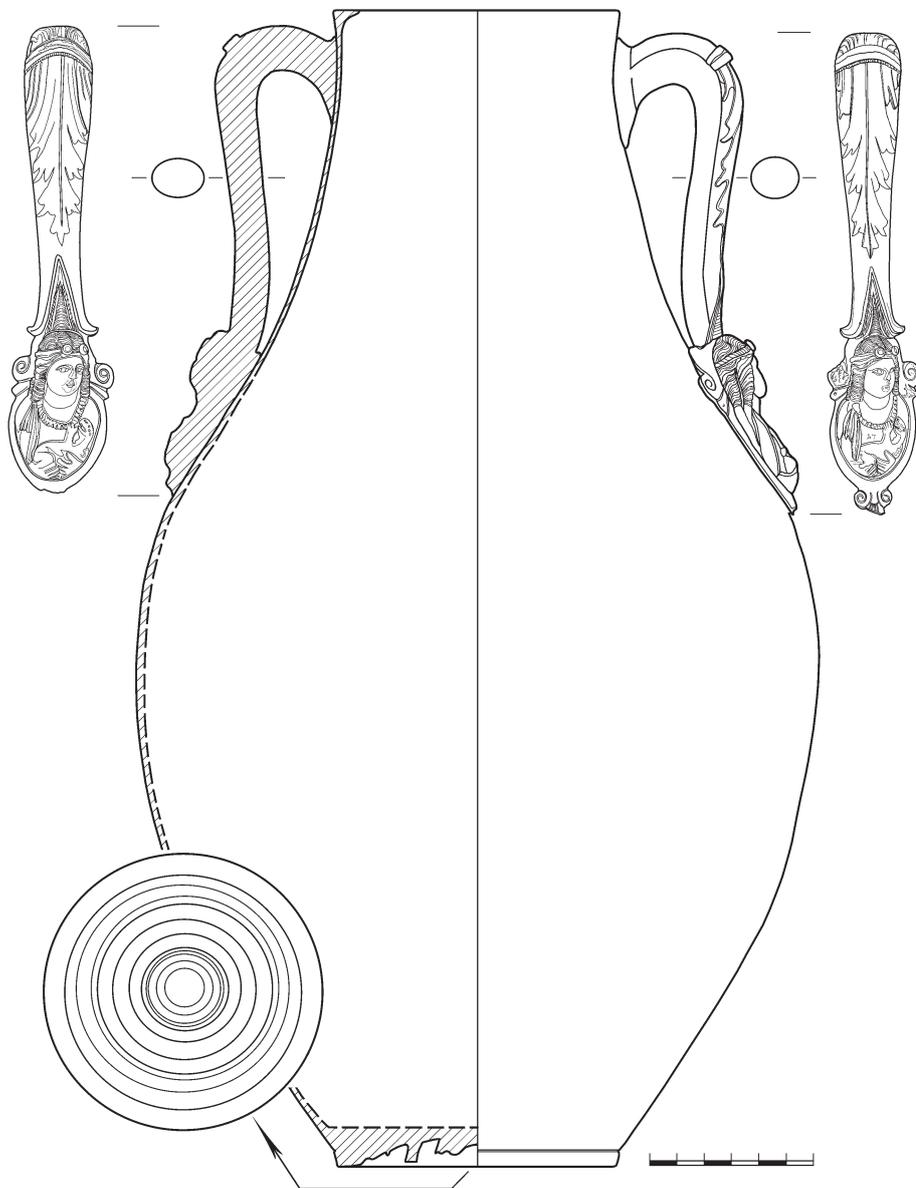

Рис. 3. Хут. Кудинов. Курган № 14/1961. Погребение № 1. Амфора бронзовая. Государственный Эрмитаж. Общие виды. Рисунок Н.Е. Беспалой

1

2

3

4

5

Рис. 4. Хут. Кудинов. Курган № 14/1961. Погребение № 1. Амфора бронзовая. Государственный Эрмитаж. Ручка 1. Детали. Фото М.Ю. Трейстера

Можно провести параллели оформлению ствола ручек амфоры с некоторыми амфорами из Помпей¹¹, большинство из которых имеют нижний атташ, украшенный маской с головой Менады¹², а также амфорой из кургана № 7 могильника Чаталка¹³.

Аналогичной пальметтой с волютами завершаются атташи разных типов на амфорах из Помпей¹⁴ и Боскореале¹⁵. Особую близость атташу и по общей форме, и по наличию завитков с лепестками вверху и гладкого края, обрамляющего бюст, и пальметты внизу демонстрируют атташи бронзовой амфоры с бюстами юного дионисийского персонажа¹⁶ и менады¹⁷ из Национального археологического музея в Неаполе и атташи бронзовых кувшинов с бюстом Аттиса (?) из Помпей¹⁸ и с бюстом Минервы из погребения № 1 у Turners Hall Farm в Англии¹⁹.

Женские бюсты, представленные на атташе, выполнены в высоком рельефе, с проработанными деталями. Волнистыми валиками показана прическа на голове. Локоны, завитые «штопором», спускаются на плечи. На голове надета гладкая узкая диадема с двумя округлыми элементами в центральной части, каждый из которых имеет углубление в центре (для вставки). В углублениях глаз сохранились остатки вставок из серебра. Через правое плечо перекинута львиная шкура, заканчивающаяся трехпалой лапой. На груди – ожерелье из бус или пронизей, оформленных зигзагом в рельефе. Внизу (на уровне левой груди) представлена фигурка полусвернувшейся пантеры с поджатыми лапами и повернутой назад и вверх головой с приоткрытой пастью (рис. 4, 2. 4–5; 5, 2. 4–5; 6).

С.И. Капошина определяла персонажей, изображенных на атташах ручек, как «Менад». Эта атрибуция в дальнейшем воспроизводилась всеми без исключения исследователями²⁰. Между тем прическа с локонами, завитыми «штопором», характерная для изображений Изиды, является египетской коннотацией, тогда как изображенные вертикально над головой хобот слона, перекинута через правое плечо львиная шкура и пантера, прижатая к груди, позволяют атрибутировать изображение как персонификацию Африки²¹, Египта²² или Александрии²³ или связать с конкретным историческим персонажем (см. ниже).

Важнейшим атрибутом персонификации Африки, сложившейся еще в поздне-эллинистическую эпоху, является надетый на голову женского персонажа так называемый слоновий шлем – скальп с хоботом в центре и бивнями по сторонам²⁴.

¹¹ Ср. Tassinari 1993, 8, nos. 2230-2196; 9, nos. 8295, 11237; 13, nos. 10284, 7257; 18, no. 2972 (отдельная ручка); tav. XXXI, 7–8; XCVIII, 2; CXIX, 2. 6; CXLVII, 3–4; Tassinari 2002, 366, fig. 6.

¹² Ср. Tassinari 1993, 9, nos. 8295, 11237; 13, no. 7257; 18, no. 2972 (отдельная ручка).

¹³ Буюклиев 1986, 88, № 345, табл. 26; Kalčev 1994, 227, Abb. 1.

¹⁴ Атташи ручек амфор в Национальном археологическом музее Неаполя с головой юного вакхического персонажа: Tassinari 2012, 7–10, figs. 4–7.

¹⁵ Атташ с изображением головы ребенка на кувшине из Боскореале: Tassinari 2012, 4, fig. 1.

¹⁶ Tassinari 2012, 10, fig. 7.

¹⁷ Tassinari 2012, 15, fig. 12.

¹⁸ Tassinari 1993, 70, E2100, no. 3532, tav. CXLIV, 7.

¹⁹ Lundock 2014, 124, fig. 4.13; 125.

²⁰ Капошина 1965, 51, рис. 18; 1967а, 212; 1967, 146; Raev 1977b, 144; Шелов 1983, 60; Raev 1986, 35.

²¹ LIMC I, 1981, 251–255, s.v. Africa (M. Le Glay).

²² LIMC I, 1981, 379–381, s.v. Agyptos (M.-O. Jentel).

²³ LIMC I, 1981, 488–494, s.v. Alexandria (Alexandria) (M.-O. Jentel).

²⁴ Stribny 1991, 378–385.

В таком виде персонификация Африки появляется уже на монетах Нумидии и Мавретании и на римских монетах I в. до н.э.²⁵, в частности, на ауреусе Помпея Великого 71 г. до н.э.²⁶ Персонификация Африки с различными дополнительными атрибутами встречается в произведениях искусства, начиная с I в. до н.э. и до позднеантичной эпохи, включая изображения на предметах торевтики и художественной бронзы, резной кости, на щитках светильников, на фресках и мозаиках, а также в скульптуре²⁷.

Точных аналогий изображению на атташах амфоры из Багаевского кургана № 14 нет, тем не менее особого внимания заслуживает серебряная чаша из Боскореале²⁸ с медальоном, который украшает выполненный в высоком рельефе бюст женщины с многочисленными атрибутами. На голове персонажа – слоновий скальп с хоботом в центре и бивнями по сторонам. В левой руке она держит рог изобилия, в правой – кобру. На правом плече – сидящий лев, за ним лук с колчаном и палица Геракла, под ним – сестра; у левой груди – самка пантеры с поднятой передней лапой; рядом с ней – различные фрукты, ниже – другие атрибуты.

Значительно лаконичнее бюст, выполненный в рельефе на бронзовой пластине из Британского музея, которую датируют концом I в. н.э. – первой половиной II в. н.э.²⁹ Атрибуты представлены слоновьим скальпом на голове, бивнем у левого края пластины и изображенной справа (т.е. у левого плеча) фигуркой льва.

На атташе ручке бронзовой ойнохой из Национального археологического музея Неаполя изображена женская голова в слоновьем скальпе³⁰.

Высказывались мнения о том, что бюст на медальоне чаши из Боскореале представляет собой персонификацию Африки³¹, Александрии или Египта³²; что это портрет Клеопатры VII (69–30 гг. до н.э.)³³, или ее дочери Клеопатры Селены II (ок. 40–6 гг. до н.э.)³⁴, или изображение Исиды³⁵. Соответственно чаша датировалась различными исследователями по-разному: от последних десятилетий I в. до н.э. до времени правления Клавдия.

²⁵ LIMC I, 1981, 251, nos. 1–5; s.v. Africa (M. Le Glay); Maritz 2001, 105–125; Maritz 2002, 65–67; Domes 2007, 157–164, Mz. 1–35; Taf. I–VI; Vlahovici-Jones 2008; Hamdoune 2008, 151–152; Данилов 2013, 140–144.

²⁶ Domes 2007, 88–91, 157, Mz. 1, Taf. I, 1.

²⁷ LIMC I, 1981, 251–255, s.v. Africa (M. Le Glay); Salcedo 1996; Maritz 2002, 67–68; Maritz 2006, 102–121; Domes 2007; Hamdoune 2008, 151–161; Данилов 2013, 144–146; Juhász 2014, 103–106.

²⁸ Héron de Villefosse 1899, 39–43, pl. I; Strong 1966, 151, pl. 36B; Linfert 1984, 351–358, Taf. 63; Baratte 1986, 77–81; 90; Barr-Sharrar 1987, 142, no. H27 с лит., pl. 72; Stefanelli 1991, 134–135, pls. 99–100; 260, no. 37; Cat. London 2001, 312–313, no. 324; Roller 2003, 141–142, fig. 16; Domes 2007, 100–108, 182, Nr. To. 1, Taf. 24, 1; Draycott 2012, 48–60, figs. 2–6.

²⁹ LIMC I, 1981, 255, no. 39; s.v. Africa (M. Le Glay); Barr-Sharrar 1987, 73, no. C159, pl. 48; Domes 2007, 185–186, Nr. To. 20, Taf. 26, 1 (в публикации ошибочно указывается изображением Taf. 26, 2).

³⁰ Salcedo 1996, 87, no. 88, pl. 30b; Domes 2007, 189, Nr. To. 36, Taf. 31, 2.

³¹ Strong 1966, 151; LIMC I, 1981, 254, no. 55, s.v. Africa (M. Le Glay); Domes 2007, 106–108.

³² Точка зрения о том, что это персонификация Александрии была высказана еще в первой публикации: Héron de Villefosse 1899, 39–40. См. также LIMC I, 1981, 380, no. 10, s.v. Aegyptus (M.O. Jentel); Barr-Sharrar 1987, 142, no. H27 с лит., pl. 72.

³³ Della Corte 1951, 35–48; Charbonneaux 1954, 60.

³⁴ Linfert 1984, 351–358; S. Walker, in Cat. London 2001, 312, no. 324; Roller 2003, 141–142; Draycott 2012, 45–64.

³⁵ Green 1990, 412, fig. 137.

Рис. 5. Хут. Кудинов. Курган № 14/1961. Погребение № 1. Амфора бронзовая. Государственный Эрмитаж. Ручка 2. Детали. Фото М.Ю. Трейстера

В основе определений – подробный анализ атрибутов. В то же время их интерпретация может быть неоднозначной. Так, атрибуты, связанные с Гераклом, дали основание связывать изображение как с портретом Клеопатры VII³⁶, так и ее дочери Клеопатры Селены II³⁷. В первом случае предполагалось, что они указывали на Марка Антония, во втором – на мужа Клеопатры Селены II – Юбу II, царя Мавретании. По мнению А. Линферта, чаша могла быть заказана ок. 30 г. н.э.³⁸ царем Мавретании Птоломеем, сыном Юбы II и Клеопатры Селены II. Интерпретации А. Линферта, при том, что он достаточно убедительно объясняет различные атрибуты, имеющиеся на медальоне (в частности, изображения животных и фруктов связывается с богиней Тиннит, которая была защитницей Карфагена³⁹), не достаёт решающего аргумента, т.к. все известные портреты Клеопатры Селены II на монетах варьируются. Присоединяясь в целом к интерпретации А. Линферта, Д. Дрейкотт связывает атрибуты, изображенные вокруг портрета Клеопатры Селены II, с ее родителями, Клеопатрой VII и Марком Антонием, и ее мужем Юбой II. Пантера, спутница Диониса⁴⁰, в этой интерпретации указывает на Марка Антония, провозгласившего себя Новым Дионисом⁴¹.

Подробно разбирая символику атрибутов на медальоне чаши из Боскореале, И. Домес отмечает связь изображения пантеры с культом Диониса, видит определенную связь с изображением пантеры и павлина, как на медальоне из Боскореале, с изображениями на монетах автономных городов Лептис Магна и Оея, связанных с обожествлением Августа и Ливии, отмечая при этом, что персонификация Африки на чаше носит портретные черты Ливии. Предполагается, что чаша была изготовлена после разделения Мавретании на две римские провинции: *Mauretania Tingitana* и *Mauretania Caesariensis*, т.е. после 40 г. н.э.⁴²

В любом случае (принимая ли мы точку зрения о том, что медальон чаши из Боскореале – портретный и изображал Клеопатру VII или ее дочь, или он представляет персонификацию Африки, Египта или Александрии), очевидно, что он не может датироваться временем после начала 40-х гг. н.э. Если принять эти соображения, то и атташи амфоры из Багаевского кургана № 14 могут быть датированы самое позднее эпохой Клавдия.

Особенностью прически, изображенной на атташах женской головы (в отличие от прически персонажа на медальоне чаши из Боскореале), являются толстые перевитые локоны, ниспадающие на плечи, так называемые локоны в форме штопора („*Korkenzieherlocken*“) (рис. 4, 2. 4–5; 5, 2. 4–5; 6). Такая прическа, которую иногда называют «ливийские локоны» или «локоны Изиды», получает широкое распространение в Египте в эллинистический период, особенно со II в. до н.э. (со времени правления Клеопатры I)⁴³. Она встречается и на фаларах из Первого Среднего кургана Васюриной горы⁴⁴. Среди известных в античном искусстве

³⁶ Della Corte 1951, 38–39.

³⁷ Linfert 1984, 352–357.

³⁸ Linfert 1984, 357.

³⁹ Linfert 1984, 355–356.

⁴⁰ См. об этом, например, Detienne 2007, 66–69; Isler-Kerényi 2014, 177.

⁴¹ Draycott 2012, 54, 55, fig. 6.

⁴² Domes 2007, 106–108, Taf. 10, 1; 11, 1; 13, 2.

⁴³ Stanwick 2002, 37–38; Albersmeier 2002, 67–75; Albersmeier 2005, 254–255.

⁴⁴ Трейстер 2012, 475–476, рис. 5; Treister 2016, 91–92, Abb. 3, 2; 93, Abb. 5.

Рис. 6. Хут. Кудинов. Курган № 14/1961. Погребение № 1. Амфора бронзовая. Государственный Эрмитаж. Детали. Ручки. Рисунки Н.Е. Беспалой

персонификаций Африки аналогичную атташам амфоры из Багаевского кургана № 14 трактовку прически⁴⁵ имеют, в частности, бронзовый (?) бюст, хранящийся в Национальном Музее Сирта в Константине в Алжире и относящийся к позднеантичному времени⁴⁶, и бронзовый бюст, происходящий из Африки и хранящийся в Национальной библиотеке в Париже⁴⁷. В качестве персонификации Африки отождествляется и мраморная голова в собрании Глиптотеки Карлсберга в Копенгагене (при отсутствии каких-либо других характерных атрибутов)⁴⁸. Впрочем, подобные же локоны встречаются на монетах с изображением персонификации Александрии⁴⁹. И. Домес выделяет шесть различных вариантов прически с завитыми локонами, при этом прическа персонажа на атташах рассматриваемой амфоры, по ее классификации, относится к первому, наиболее раннему варианту (SV.1 – Spirallockenfrisuren-Variante Kohlert-NémethCara), характерному для II–I вв. до н.э.⁵⁰

Отметим, что и на монетных портретах Клеопатры Селены II⁵¹, и на ее предполагаемом портрете, найденном в Алжире и хранящемся в Шершеле⁵², прическа иная. Как, впрочем, она другая и на монетных изображениях ее матери, Клеопатры VII⁵³, хотя некоторые скульптурные портреты, отождествляемые с Клеопатрой VII, демонстрируют похожую прическу с локонами, завитыми штопором⁵⁴. Однако отсутствие указаний на царский статус изображенной (например, тройного урея) и присутствие изображения ожерелья из бус, необычного для царских портретов, являются дополнительными аргументами в пользу того, что на атташах ручек амфоры из Багаевского кургана № 14 представлено не портретное изображение, а персонификация, вероятно, Африки, но не исключено, что Египта или Александрии.

В целом, обращает на себя внимание довольно значительное количество бронзовых амфор, найденных в погребениях кочевников Азиатской Сарматии, особенно на Нижнем Дону (рис. 1). Отдельной статистики по распределению находок римских бронзовых амфор в Италии и провинциях Римской империи нет. В недавно опубликованных подсчетах, выполненных Й. Горецки, амфоры не выделяются: вероятно, они были включены в категорию «кувшины». Даже в этом случае (при том, что кувшины были наиболее распространенной находкой в Помпеях (ок. 19%)⁵⁵) они практически неизвестны (ок. 1%) среди находок из римских легионных лагерей времени правления династии Юлиев-Клавдиев⁵⁶ и среди бронзовых сосудов I – начала II в. н.э., найденных в центрально-европейском бар-

⁴⁵ См. подробно, также с примерами мраморной скульптуры: Domes 2007, 37–46.

⁴⁶ LIMC I, 1981, 252, no. 23; s.v. Africa (M. Le Glay); arachne.dainst.org/entity/1065141

⁴⁷ LIMC I, 1981, 252, no. 27; s.v. Africa (M. Le Glay)ю

⁴⁸ arachne.dainst.org/entity/1069172

⁴⁹ LIMC I, 1981, 490, nos. 29, 31, s.v. Alexandria (M.-O. Jentel).

⁵⁰ Domes 2007, 37–38, SV.1: Das Stirnhaar ist vom Mittelscheitel aus seitwärts gestrichen und fällt im Hals- und Nackenbereich in schulterlangen Korkenzieherlocken herab.

⁵¹ Cat. London 2001, 252, nos. 271–274.

⁵² Cat. London 2001, 219, no. 197; arachne.dainst.org/entity/1064571

⁵³ См. монеты: Cat. London 2001, 177–178, nos. 177–186. – Оттиски печатей: Cat. London 2001, 176, nos. 174–176.

⁵⁴ См., например, Cat. London 2001, 164–165, nos. 163–164

⁵⁵ Gorecki 2016, 202, Abb. 13.

⁵⁶ Gorecki 2016, 203, Abb. 14.

барикуме⁵⁷. Пожалуй, лишь на территории Фракии было найдено сопоставимое (по отношению к общему количеству римских бронзовых сосудов) количество бронзовых амфор⁵⁸ (для сравнения – в Дакии было найдено всего два фрагмента, относящихся к амфорам⁵⁹).

Большинство исследователей предполагает, что бронзовые амфоры использовались как элементы сервизов для питья (воды или вина)⁶⁰ или для омовения⁶¹. Заслуживает внимания и точка зрения о том, что небольшие амфоры с округлым туловом могли использоваться как столовые, тогда как крупные (к которым относятся практически все амфоры из Сарматии) – для хранения воды для омовения⁶². В этой связи, факт попадания сравнительно большого количества амфор к кочевникам если и не является аргументом первой точки зрения, то все же заставляет думать о том, что такие сосуды пользовались определенным спросом среди последних.

Представленная публикация выполнена в рамках проекта, финансируемого DFG и РГНФ «Формы и пути культурных контактов кочевников Азиатской Сарматии. Импорты в сарматских памятниках II в. до н.э. – III в. н.э.» (FL-334/15-1).

Партнер проекта с российской стороны – Б.А. Раев. Автор выражает искреннюю признательность за предоставленную возможность работать с публикуемой амфорой научным сотрудникам и хранителям Государственного Эрмитажа, И.П. Засецкой и С.В. Воронятову.

ЛИТЕРАТУРА

- Балановский, А.В., Тихонов, В.В. 2009: Погребение знатной сарматки из курганного могильника «Горелый I». В сб.: А.А. Воротников (ред.), *Наша малая Родина: ее история, развитие, проблемы*. Балашов, 8–22.
- Буюклиев, Х. 1986: *Тракийският могилен некропол при Чаталка, Старозагорски окръг*. (Разкопки и проучвания. XVI). София.
- Данилов, Е.С. 2013: Античные персонификации Африки. *Метаморфозы истории* 4, 140–152.
- Капошина, С.И. 1965: Итоги работы Кобяковской экспедиции. *КСИА* 103, 45–52.
- Капошина, С.И. 1967а: Итальянский импорт на Нижнем Дону. *ЗООП* II (35), 208–213.
- Капошина, С.И. 1967б: Связи сарматских племен Нижнего Подонья со Средиземноморьем в I в. до н.э. и в первые века нашей эры. В сб.: Т.В. Блаватская, М.Л. Гаспаров, В.М. Смирин, Н.И. Сокольский, М.К. Трофимова, С.Л. Утченко, Д.Б. Шелов (ред.), *Античное общество. Труды конференции по изучению проблем античности*. М., 145–150.
- Раев, Б.А. 2013: Комплекс из кургана у аула Кончукохабль: взгляд через 50 лет. *АСГЭ* 39, 162–184.

⁵⁷ Gorecki 2016, 204, Abb. 15.

⁵⁸ См. Raev 1977a, 622–624; Onurkan 1988, 69–71, fig. 29–33; pls. 39–41; Kalčev 1994, 227–232; Koçel Erdem 2009, 214, no. 1; 218–220, drawing 1, figs. 7–8; 221; Nenova-Merdjanova 2011, 116–117, fig. 4.

⁵⁹ Mustățã 2017, 116–117.

⁶⁰ Koster 1997, 76.

⁶¹ Sedlmayer 1999, 39; Nenova-Merdjanova 2002, 201.

⁶² Banghard, Gorecki 2004, 199; Mustățã 2017, 117.

- Трейстер, М.Ю. 2012: Еще раз о колеснице из Первого Среднего кургана Васюриной Горы. *ДБ* 16, 470–490
- Шелов, Д.Б. 1983: Римские бронзовые кувшины и амфоры в Восточной Европе. *СА* 4, 57–69.
- Albersmeier, S. 2002: *Untersuchungen zu den Frauenstatuen des ptolemäischen Ägypten* (Aegyptiaca Treverensia 10). Mainz.
- Albersmeier, S. 2005: Die Statuen der Ptolemäerinnen. In: Beck, P.C. Bol, M. Bückling (Hrsg.), *Ägypten – Griechenland – Rom: Abwehr und Berührung. Städelsches Kunstinstitut und Städtische Galerie 26. November 2005 – 26. Februar 2006*. Tübingen, 252–257.
- Banghard, K., Gorecki, J. 2004: Bronzener Doppelhenkelkrug aus Dettenheim-Liedolsheim (Lkr. Karlsruhe). Ein Beitrag zum spätrepublikanischen Metallgeschirr. *Saalburg-Jahrbuch* 54, 119–150.
- Baratte, F. 1986: *Le trésor l'orfèvrerie romaine le Boscoreale*. Paris.
- Barr-Sharrar, B. 1987: *Hellenistic Decorative Busts*. Mainz.
- Bienert, B. 2007: *Die römischen Bronzegefäße im Rheinischen Landesmuseum Trier*. Trier.
- Bolla, M. 1994: *Vasellame romano in bronzo nelle Civiche raccolte archeologiche di Milano* (RASMI Suppl. 11). Milano.
- Breščak, D. 1982: *Roman Bronze Vessels in Slovenia* (Situla. 22/1). Ljubljana.
- Cat. London 2001: *Cleopatra of Egypt. From History to Myth*. London.
- Charbonneaux, J. 1954: Un portrait de Cléopâtre au musée de Cherchel. *Libyca* II, 49–63.
- Della Corte, M. 1951: *Cleopatra, M. Antonio e Ottaviano nelle allegorie storico-umoristiche delle argenterie del tesoro di Boscoreale*. Pompeii.
- Detienne, M. 2007: *Dionysos e la pantera profumata*. Roma.
- Domes, I., 2007: *Darstellung der Africa. Typologie und Ikonographie einer römischen Provinzpersonifikation* (Internationale Archäologie 100). Rahden.
- Draycott, J. 2012: Dynastic Politics, Defeat, Decadence and Dining: Cleopatra Selene on the So-Called “Africa” Dish from the Villa della Pisanella at Boscoreale. *Papers of the British School at Rome* 80, 45–64.
- Eggers, H.J. 1951: *Der römische Import im freien Germanien* (Atlas der Urgeschichte 1). Hamburg.
- Fauduet, I., Rabeisen, E. 1993: Ex-Voto de bronze d'Argentomagus et d'Alésia: à propos des offrandes métalliques des sanctuaires gallo-romains. In: *Bronces y religión romana: Actas del XI Congreso internacional de bronce antiguos, Madrid mayo–junio 1990*. Madrid, 141–160.
- Gorecki, J. 1993: Metallgefäße und -objekte aus der Villa des N. Popidius Florus (Boscoreale) im J. Paul Getty Museum, Malibu, Kalifornien. In: *Bronces y religión romana*, 229–246.
- Gorecki, J. 2016: Römische Metallgefäßspektren aus ausgewählten militärischen Fundkomplexen diesseits und jenseits von Rhein von der Zeit der späten Republik bis zum Beginn des 2. Jahrhunderts. In: H.-U. Voß, N. Müller-Schneeßel (Hrsg.), *Archäologie zwischen Römern und Barbaren. Zur Datierung und Verbreitung römischer Metallarbeiten des 2. und 3. Jahrhunderts n. Chr. im Reich und im Barbaricum – ausgewählte Beispiele (Gefäße, Fibeln, Bestandteile militärischer Ausrüstung, Kleingerät, Münzen)*. Internationales Kolloquium. Frankfurt am Main, 19.–22. März 2009. Bd. 1. Bonn, 177–214.
- Green, P. 1990: *Alexander to Actium: The Historical Evolution of the Hellenistic Age*. Berkeley.
- Hamdoune, C. 2008: La dea Africa et le culte impérial. In: *Lieux de cultes: aires votives, temples, églises, mosquées. IXe Colloque international sur l'histoire et l'archéologie de l'Afrique du Nord antique et médiévale (Tripoli, 19–25 février 2005)* (Études d'antiquités africaines). Paris, 151–161.
- Héron de Villefosse, A. 1899: *Le trésor de Boscoreale* (Monuments et mémoires, Fondation Eugène Piot 5). Paris.

- Isler-Kerényi, C. 2015: *Dionysos in Classical Athens. An Understanding through Images* (Religions in the Graeco-Roman World. 181). Leiden–Boston.
- Juhász, L. 2014: The Personification of Africa on a Bone Disk from Brigetio and the Carthaginian Coins. *Folia Archaeologica* LVI, 103–106.
- Kalčev, K. 1994: Bronzene Amphoren aus dem Territorium Augusta Trajana (Stara Zagora, Bulgarien). In: *Akten der 10. Internationalen Tagung über antike Bronzen, Freiburg, 18–22. Juli 1988*. (Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg). Stuttgart, 227–232.
- Kapeller, A. 2003: La vaisselle en bronze d'Avenches/Aventicum. *ProAventico* 45, 83–147.
- Koçel Erdem, Z. 2009: Finds from a Plundered Tumulus at Karaevli, Tekirdağ, in Turkish Thrace. *Anatolia Antiqua* 17, 209–238.
- Koster, A. 1997: *The Bronze Vessels*. 2. Acquisitions, 1954–1996 (including vessels of pewter and iron). Nijmegen.
- Linfert, A. 1984: Die Tochter — nicht die Mutter. Nochmals zur 'Africa' Schale von Boscoreale. In: N. Bonacasa, A. di Vita (eds.), *Alessandria e il mondo ellenistico-romano: studi in onore di Achille Adriani* (Studi e materiali 4–5) Vol. 2. Palermo, 351–358.
- Löhr, H. 2008: Metal Vessels and Furniture. In: A. Furtwängler, I. Gagoshidze, H. Löhr, N. Ludwig (Hrsg.), *Iberia and Rome. The Excavations of the Palace at Dedoplist Gora and the Roman Military Influence in the Caucasian Kingdom of Iberia*. Langenweißbach, 155–164.
- Lundock, J.R. 2014: *A Study of the Deposition and Distribution of Copper Alloy Vessels in Roman Britain*. Thesis by Jason Lundock for King's College London in completion of degree Doctor of Philosophy in Classics Research. London.
- Marčenko, I.I., Limberis, N.J. 2008: Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes. In: A. Simonenko, I.I. Marčenko, N.J. Limberis, *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern* (Archäologie in Eurasien. 25). Mainz, 267–400.
- Maritz, J.A. 2001: The Image of Africa: The Evidence of the Coinage. *Acta Classica* XLIV, 105–125.
- Maritz, J.A. 2002: From Pompey to Plymouth: The Personification of Africa in the Art of Europe. *Scholia: Studies in Classical Antiquity* 11, 65–79.
- Maritz, J.A. 2006: *Dea Africa*: Examining the Evidence. *Scholia: Studies in Classical Antiquity* 15, 102–121.
- Mustață, S. 2017: *The Roman Metal Vessels from Dacia Porolissensis* (Patrimonium Archaeologicum Transylvanicum, 12). Cluj-Napoca.
- Nenova-Merdjanova, R. 2002: Bronze vessels and the toilette in Roman times. In: C.C. Matusch, A. Brauer, S.E. Knudsen (eds.), *From the Parts to the Whole. Acta of the 13th International Bronze Congress, held at Cambridge, Massachusetts, May 28 – June 1, 1996*. (JRA Suppl. Ser. 39). Vol. 2. Portsmouth, 200–204.
- Nenova-Merdjanova, R. 2011: Production and Consumption of Bronzework in Roman Thrace. In: I.P. Haynes (ed.), *Early Roman Thrace: New Evidence from Bulgaria* (JRA Suppl. Ser. 82) Portsmouth, 115–134.
- Onurkan, S. 1988: *Doğu Trakya tümülüsleri maden eserleri. İstanbul arkeoloji müzelerindeki Trakya toplu bulluntuları*. Ankara.
- Raev, B.A. 1977a: Die Bronzegefäße der römischen Kaiserzeit in Thrakien und Mösien. *BerRGK* 58.II, 605–643.
- Raev, B.A. 1977b: Vaisselle de bronze italique dans les tombes de la noblesse sarmate sur le Bas-Don. In: *Actes des IIIes journées internationales consacrées à l'étude des bronzes romains* (Bulletin des Musées Royaux d'Art et d'Histoire 46). Bruxelles, 139–149.
- Raev, B.A. 1986: *Roman Imports in the Lower Don Basin* (BAR Intern. ser. 278). Oxford.

- Roller, D.W. 2003: *The World of Juba II and Kleopatra Selene. Royal Scholarship on Rome's African Frontier*. New York–London.
- Salcedo, F. 1996: *Africa. Iconografia de una provincia romana* (Bibliotheca Italica 21). Roma.
- Sedlmayer, H. 1999: *Die römischen Bronzegefäße in Noricum* (Monographies Instrumentum. 10). Montagnac.
- Stanwick, P.E. 2002: *Portraits of the Ptolemies. Greek Kings as Egyptian Pharaohs*. Austin.
- Stefanelli, L.P.B. 1990: *Il bronzo dei Romani*. Roma.
- Stribrny, K. 1991: Zur Entstehung der Elefanten-Exuvie als „Africa“-Attribut. In: H.-Chr. Noeske, H. Schubert (Hrsg.), *Die Münze: Bild – Botschaft – Bedeutung. Festschrift für Maria R.-Alföldi*. Frankfurt–Bern–New York–Paris, 378–385.
- Strong, D.E. 1966: *Greek and Roman Gold and Silver Plate*. London.
- Tassinari, S. 1993: *Il vasellame bronzeo di Pompei*. Roma.
- Tassinari, S. 2002: Observations et propos sur les fabrications des ancres de recipients de Pompei. In: A. Giunlia-Mair (ed.), *I Bronzi antichi: Produzioni e tecnologia. Atti del XV Congresso Internazionale sui Bronzi Antichi* (Instrumentum Monographies 21). Montagnac, 363–369.
- Tassinari, S. 2012: Digressions autour de vases domestiques en bronze. In: M. Denoyelle, S. Descamps-Lequime, B. Mille, S. Verger (eds.), «*Bronzes grecs et romains, recherches récentes*» – *Hommage à Claude Rolley INHA* (Actes de colloques), <http://inha.revues.org/4028>.
- Treister, M. 2016: Der Wagen aus dem Ersten Mittleren Kurgan auf dem Vasjurin-Berg (Tamanhalbinsel). *Eurasia Antiqua* 19 (2013), 89–104.
- Vlahovici-Jones, G. 2008: Images of Africa on Roman Imperial Coinage as Propaganda at the End of the Republic. *The Journal of Ancient Numismatics*, <http://coinproject.com/jan/volume1/issue4/volume1-4-8.html>.

REFERENCES

- Albersmeier, S. 2002: *Untersuchungen zu den Frauenstatuen des ptolemäischen Ägypten* (Aegyptiaca Treverensia 10). Mainz.
- Albersmeier, S. 2005: Die Statuen der Ptolemäerinnen. In: Beck, P.C. Bol, M. Bückling (Hrsg.), *Ägypten – Griechenland – Rom: Abwehr und Berührung. Städelsches Kunstinstitut und Städtische Galerie 26. November 2005 – 26. Februar 2006*. Tübingen, 252–257.
- Balanovskiy, A.V., Tikhonov, V.V. 2009: Pogrebenie znatnoy sarmatki iz kurgannogo mogil'nika "Gorelyy I" [The Burial of a Noble Sarmatian Female from the Burial-Mound Necropolis "Gorely I"]. In: A.A. Vorotnikov (ed.), *Nasha malaya Rodina: ee istoriya, razvitie, problemy* [Our Small Motherland: her History, Development, Problems]. Balashov, 8–22.
- Banghard, K., Gorecki, J. 2004: Bronzener Doppelhenkelkrug aus Dettenheim-Liedolsheim (Lkr. Karlsruhe). Ein Beitrag zum spätrepublikanischen Metallgeschirr. *Saalburg-Jahrbuch* 54, 119–150.
- Baratte, F. 1986: *Le trésor l'orfèvrerie romaine le Boscoreale*. Paris.
- Barr-Sharrar, B. 1987: *Hellenistic Decorative Busts*. Mainz.
- Bienert, B. 2007: *Die römischen Bronzegefäße im Rheinischen Landesmuseum Trier*. Trier.
- Bolla, M. 1994: *Vasellame romano in bronzo nelle Civiche raccolte archeologiche di Milano* (RASMI Suppl. 11). Milano.
- Breščak, D. 1982: *Roman Bronze Vessels in Slovenia* (Situla. 22/1). Ljubljana.
- Bujukliev, H. 1986: *La necropole tumulaire Thrace près de Catalka, region de Stara Zagora* (Razkopki i prouchvaniya. XVI). Sofia.
- Cat. London 2001: *Cleopatra of Egypt. From History to Myth*. London.
- Charbonneau, J. 1954: Un portrait de Cléopâtre au musée de Cherchel. *Libya* II, 49–63.
- Danilov, E.S. 2013: Antichnye personifikatsii Afriki [Ancient Personifications of Africa]. *Metamorfozy istorii* [Metamorphosis of History] 4, 140–152.

- Della Corte, M. 1951: *Cleopatra, M. Antonio e Ottaviano nelle allegorie storico-umoristiche delle argenterie del tesoro di Boscoreale*. Pompeii.
- Detienne, M. 2007: *Dionysos e la pantera profumata*. Roma.
- Domes, I., 2007: *Darstellung der Africa. Typologie und Ikonographie einer römischen Provinz-personifikation* (Internationale Archäologie 100). Rahden.
- Draycott, J. 2012: Dynastic Politics, Defeat, Decadence and Dining: Cleopatra Selene on the So-Called “Africa” Dish from the Villa della Pisanella at Boscoreale. *Papers of the British School at Rome* 80, 45–64.
- Eggers, H.J. 1951: *Der römische Import im freien Germanien* (Atlas der Urgeschichte. 1). Hamburg.
- Fauduet, I., Rabeisen, E. 1993: Ex-Voto de bronze d’Argentomagus et d’Alésia: à propos des offrandes métalliques des sanctuaires gallo-romains. In: *Bronces y religión romana: Actas del XI Congreso internacional de bronce antiguos, Madrid mayo-junio 1990*. Madrid, 141–160.
- Gorecki, J. 1993: Metallgefäße und -objekte aus der Villa des N. Popidius Florus (Boscoreale) im J. Paul Getty Museum, Malibu, Kalifornien. In: *Bronces y religión romana*, 229–246.
- Gorecki, J. 2016: Römische Metallgefäßspektren aus ausgewählten militärischen Fundkomplexen diesseits und jenseits von Rhein von der Zeit der späten Republik bis zum Beginn des 2. Jahrhunderts. In: H.-U. Voß, N. Müller-Schneeßel (Hrsg.), *Archäologie zwischen Römern und Barbaren. Zur Datierung und Verbreitung römischer Metallarbeiten des 2. und 3. Jahrhunderts n. Chr. im Reich und im Barbaricum – ausgewählte Beispiele (Gefäße, Fibeln, Bestandteile militärischer Ausrüstung, Kleingerät, Münzen)*. Internationales Kolloquium. Frankfurt am Main, 19.–22. März 2009. Bd. 1. Bonn, 177–214.
- Green, P. 1990: *Alexander to Actium: The Historical Evolution of the Hellenistic Age*. Berkeley.
- Hamdoune, C. 2008: La dea Africa et le culte impérial. In: *Lieux de cultes: aires votives, temples, églises, mosquées. IXe Colloque international sur l’histoire et l’archéologie de l’Afrique du Nord antique et médiévale (Tripoli, 19–25 février 2005)* (Études d’antiquités africaines) Paris, 151–161.
- Héron de Villefosse, A. 1899: *Le trésor de Boscoreale* (Monuments et mémoires, Fondation Eugène Piot 5). Paris.
- Isler-Kerényi, C. 2015: *Dionysos in Classical Athens. An Understanding through Images* (Religions in the Graeco-Roman World, 181). Leiden–Boston.
- Juhász, L. 2014: The Personification of Africa on a Bone Disk from Brigetio and the Carthaginian Coins. *Folia Archaeologica* LVI, 103–106.
- Kalčev, K. 1994: Bronzene Amphoren aus dem Territorium Augusta Trajana (Stara Zagora, Bulgarien). In: *Akten der 10. Internationalen Tagung über antike Bronzen, Freiburg, 18–22. Juli 1988*. (Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg). Stuttgart, 227–232.
- Kapeller, A. 2003: La vaisselle en bronze d’Avenches/Aventicum. *ProAventico* 45, 83–147.
- Kaposhina, S.I. 1967b: Svyzi sarmatskikh plemen Nizhnego Podon’ya so Sredizemnomor’em v I v. do n.e. i v pervye veka nashey ery [The Relations of the Sarmatian Tribes of the Lower Don Basin with the Mediterranean in the 1st Century BC and in the First Centuries AD]. In: T.V. Blavatskaya, M.L. Gasparov, V.M. Smirin, N.I. Sokol’skiy, M.K. Trofimova, S.L. Utchenko, D.B. Shelov (eds.), *Antichnoe obschestvo. Trudy konferentsii po izucheniyu problem antichnosti* [The Classical Society. Proceedings of the Conference devoted to the Study of the Classical Problems]. Moscow, 145–150.
- Kaposhina, S.I. 1967a: Italiyskiy import na Nizhnem Donu [The Italic Import in the Lower Don area]. *Zapiski Odesskogo arkheologicheskogo obshchestva* [Papers of the Odessa Archaeological Society] II (35), 208–213.

- Kaposhina, S.I. 1965: Itogi raboty Kobyakovskoy eskspeditsii [The Results of Work of the Kobayakovo Expedition]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 103, 45–52.
- Koçel Erdem, Z. 2009: Finds from a Plundered Tumulus at Karaevli, Tekirdağ, in Turkish Thrace. *Anatolia Antiqua* 17, 209–238.
- Koster, A. 1997: *The Bronze Vessels, 2. Acquisitions, 1954–1996* (including vessels of pewter and iron). Nijmegen.
- Linfert, A. 1984: Die Tochter — nicht die Mutter. Nochmals zur ‘Africa’ Schale von Boscoreale. In: N. Bonacasa, A. di Vita (eds.), *Alessandria e il mondo ellenistico-romano: studi in onore di Achille Adriani* (Studi e materiali 4–5) Vol. 2. Palermo, 351–358.
- Löhr, H. 2008: Metal Vessels and Furniture. In: A. Furtwängler, I. Gagoshidze, H. Löhr, N. Ludwig (Hrsg.), *Iberia and Rome. The Excavations of the Palace at Dedoplist Gora and the Roman Military Influence in the Caucasian Kingdom of Iberia*. Langenweißbach, 155–164.
- Lundock, J.R. 2014: *A Study of the Deposition and Distribution of Copper Alloy Vessels in Roman Britain*. Thesis by Jason Lundock for King’s College London in completion of degree Doctor of Philosophy in Classics Research. London.
- Marčenko, I.I., Limberis, N.J. 2008: Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes. In: A. Simonenko, I.I. Marčenko, N.J. Limberis, *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern* (Archäologie in Eurasien. 25). Mainz, 267–400.
- Maritz, J.A. 2001: The Image of Africa: The Evidence of the Coinage. *Acta Classica* XLIV, 105–125.
- Maritz, J.A. 2002: From Pompey to Plymouth: The Personification of Africa in the Art of Europe. *Scholia: Studies in Classical Antiquity* 11, 65–79.
- Maritz, J.A. 2006: *Dea Africa*: Examining the Evidence. *Scholia: Studies in Classical Antiquity* 15, 102–121.
- Mustață, S. 2017: *The Roman Metal Vessels from Dacia Porolissensis* (Patrimonium Archaeologicum Transylvanicum, 12). Cluj-Napoca.
- Nenova-Merdjanova, R. 2002: Bronze vessels and the toilette in Roman times. In: C.C. Mattusch, A. Brauer, S.E. Knudsen (eds.), *From the Parts to the Whole. Acta of the 13th International Bronze Congress, held at Cambridge, Massachusetts, May 28 – June 1, 1996*. (JRA Suppl. Ser. 39). Vol. 2. Portsmouth, 200–204.
- Nenova-Merdjanova, R. 2011: Production and Consumption of Bronzework in Roman Thrace. In: I.P. Haynes (ed.), *Early Roman Thrace: New Evidence from Bulgaria* (JRA Suppl. Ser. 82) Portsmouth, 115–134.
- Onurkan, S. 1988: *Doğu Trakya tümülüsleri maden eserleri. İstanbul arkeoloji müzelerindeki Trakya toplu bulluntuları*. Ankara.
- Raev, B.A. 1977a: Die Bronzegefäße der römischen Kaiserzeit in Thrakien und Mösien. *BerRGK* 58.II, 605–643.
- Raev, B.A. 1977b: Vaisselle de bronze italique dans les tombes de la noblesse sarmate sur le Bas-Don. In: *Actes des IIIes journées internationales consacrées à l’étude des bronzes romains* (Bulletin des Musées Royaux d’Art et d’Histoire 46). Bruxelles, 139–149.
- Raev, B.A. 1986: *Roman Imports in the Lower Don Basin* (BAR Intern. ser. 278). Oxford.
- Raev, B.A. 2013: Kompleks iz kurgana u aula Konchukokhabl’: vzglyad cherez 50 let [The Complex of Finds from the Burial-mound near Konchukokhabl’ Aul: a View after 50 Years]. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Collection of the Archaeological Articles of the State Hermitage] 39, 162–184.
- Roller, D.W. 2003: *The World of Juba II and Kleopatra Selene. Royal Scholarship on Rome’s African Frontier*. New York–London.
- Salcedo, F. 1996: *Africa. Iconografia de una provincia romana* (Bibliotheca Italica 21). Roma.

- Sedlmayer, H. 1999: *Die römischen Bronzegefäße in Noricum* (Monographies Instrumentum. 10). Montagnac.
- Shelov, D.B. 1983: Rimskie bronzovye kuvshiny i amfory v Vostochnoy Evrope [Roman Bronze Jugs and Amphorae in the Eastern Europe]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 4, 57–69.
- Stanwick, P.E. 2002: *Portraits of the Ptolemies. Greek Kings as Egyptian Pharaohs*. Austin.
- Stefanelli, L.P.B. 1990: *Il bronzo dei Romani*. Roma.
- Stribrny, K. 1991: Zur Entstehung der Elefanten-Exuvie als „Africa“-Attribut. In: H.-Chr. Noeske, H. Schubert (Hrsg.), *Die Münze: Bild – Botschaft – Bedeutung. Festschrift für Maria R.-Alföldi*. Frankfurt–Bern–New York–Paris, 378–385.
- Strong, D.E. 1966: *Greek and Roman Gold and Silver Plate*. London.
- Tassinari, S. 1993: *Il vasellame bronzeo di Pompei*. Roma.
- Tassinari, S. 2002: Observations et propos sur les fabrication des ances de recipients de Pompei. In: A. Giunilia-Mair (ed.), *I Bronzi antichi: Produzioni e tecnologia. Atti del XV Congresso Internazionale sui Bronzi Antichi* (Instrumentum Monographies 21). Montagnac, 363–369.
- Tassinari, S. 2012: Digressions autour de vases domestiques en bronze. In: M. Denoyelle, S. Descamps-Lequime, B. Mille, S. Verger (eds.), «*Bronzes grecs et romains, recherches récentes*» — *Hommage à Claude Rolley* INHA (“Actes de colloques”), <http://inha.revues.org/4028>.
- Treister, M.Yu. 2012: Escho raz o kolesnitse iz pervogo Srednego kurgana Vasyurinoy Gory [Once More about the Chariot from the First Middle Burial-mound of Vasyurina Gora]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosphorus] 16, 470–490.
- Treister, M. 2016: Der Wagen aus dem Ersten Mittleren Kurgan auf dem Vasjurin-Berg (Tamanhalbinsel), *EAnt* 19 (2013), 89–104.
- Vlahovici-Jones, G. 2008: Images of Africa on Roman Imperial Coinage as Propaganda at the End of the Republic. *The Journal of Ancient Numismatics*, <http://coinproject.com/jan/volume1/issue4/volume1-4-8.html>.

THE PERSONIFICATION OF AFRICA ON THE HANDLE ATTACHMENTS OF
AMPHORA FROM THE LOWER DON AREA
(ON THE ROMAN BRONZE AMPHORAE IN SARMATIA)

Mikhail Yu. Treister

German Archaeological Institute, Berlin, Germany
mikhail.treister@dainst.de, mikhailtreister@yahoo.de

Abstract. The article deals with Roman bronze amphorae found in the burials of Sarmatia. They originate primarily from Burial-mounds of the Lower Don area, but also from the Kuban and the Lower Volga basins. A special attention among the amphorae with egg-shaped body (Eggers 129, Raev 2, Tassinari A3220) attracts the find from the Burial-mound no. 14/1961 near Kundinov Farmstead in the Lower Don basin (also called as the Bagaev Burial-mound no. 14). The shape and decoration of the handles and especially the images on their lower attachments are analyzed in detail. In contrary to the opinion of the scholars who dealt with the attribution of the amphora, the author basing on the detailed study of the image with its attributes concludes that not the Maenad, as considered before, but the personification of Africa (less probably that of Egypt or Alexandria) are depicted on the lower handle attachments. One can hardly treat these images as portraits of Cleopatra VII or her daughter Cleopatra Selene II, as supposed by some scholars

---

regarding a typological similar image on the medallion of a silver phiale from Boscoreale. In any case, the circles of parallels both to the shape of the vessel and to the decoration of its handles and their attachments could hardly give the ground to date the amphora later than the first half of the 1st century AD.

In general, a significant number of bronze amphoras found in the burials of the nomads of Asian Sarmatia attracts attention. Such vessels occur very rare both among the finds from the Roman legion camps of the time of the Julio-Claudian dynasty and among the imported bronze vessels of the first – early second century AD, found in the central European Barbaricum. Perhaps only in the territory of Thrace there was found a comparable (in relation to the total number of Roman bronze vessels) number of bronze amphorae. The occurrence of such a relatively large number of bronze amphorae to the nomads makes us to think that, obviously, they enjoyed a certain demand among the latter.

Keywords: Roman bronze amphorae, Sarmatia, Lower Don area, personifications of Africa, Egypt, Alexandria, female hairdo in Egypt, Isis, Cleopatra VII, Cleopatra Selene, phiale from Boscoreale

---

DOI: 10.18503/1992-0431-2018-3-61-30–46

ПОГРЕБЕНИЕ I в. н.э. ИЗ УСТЬ-АЛЬМИНСКОГО НЕКРОПОЛЯ (ЮГО-ЗАПАДНЫЙ КРЫМ)

А.А. Труфанов*, В.И. Мордвинцева**

* *Институт археологии Крыма РАН, Симферополь, Россия*
trufanov.29@gmail.com

** *Институт Всеобщей истории РАН, Москва, Россия*
v_mordvintseva@mail.ru

Аннотация. В статье публикуется женское погребение в грунтовом склепе Усть-Альминского некрополя, который расположен на побережье Юго-Западного Крыма, в устье реки Альма, поблизости от одноименного позднескифского городища. Наличие большого количества золотых изделий не оставляет сомнений в том, что умершая обладала при жизни высоким социальным статусом. Отличает рассматриваемое погребение и отсутствие некоторых типов вещей, характерных для женских захоронений Усть-Альминского некрополя. При погребенной в склепе № 1119 женщине не было ни зеркала, ни шкатулки, от которой должны были бы остаться металлические детали. Помимо прочего, несколько удивляет отсутствие фибулы, браслетов, перстней и предметов, которые можно было бы считать амулетами. Возможно, это также связано с относительно ранней датой погребения. Таким образом, состав личных украшений и погребальных приношений дает основание полагать, что в нем захоронена представительница социальной элиты, а погребальный инвентарь позволяет датировать комплекс первой половиной – серединой I в. н.э.

Ключевые слова: классическая археология, Юго-Западный Крым, позднескифская культура Крыма, социальная элита

Усть-Альминский некрополь расположен на побережье Юго-Западного Крыма, в устье реки Альма, поблизости от одноименного позднескифского городища. Раскопки памятника продолжаются уже столетия. К настоящему времени

Данные об авторах: Труфанов Александр Анатольевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела археологии раннего железного века Института археологии Крыма РАН; Мордвинцева Валентина Ивановна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Всеобщей истории РАН.

Статья подготовлена А.А. Труфановым в рамках выполнения прикладной плановой темы «Археологические памятники варварского населения Крыма в 3 в. до н.э. – 6 в. н.э.» (0832-2015-0003), утвержденной государственным заданием отделу археологии раннего железного века ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН», а В.И. Мордвинцевой – в рамках проекта РНФ № 18-18-00237 «Боспор и Северная Колхида. Греческие колонии в негреческом окружении: динамика взаимодействия разнотипных обществ».

здесь раскопано более тысячи погребальных сооружений различных конструкций, датируемых в пределах I в. до н.э. – середины III в. н.э.¹

В 2017 г. в центральной части некрополя, к северу от древней дороги, проходившей через некрополь, исследован грунтовый склеп № 1119 (рис. 1).

Входная яма ориентирована по линии ЮВВ–СЗЗ. Ее размеры в верхней части составляют 1,20×1,05 м, ко дну за счет наклона стенок яма сужается до 2,06×0,90–0,92 м. Дно понижается по направлению к погребальной камере. Входное отверстие закрывала известняковая закладная плита, размерами 0,87×0,75×0,09 м, установленная в углублении, выкопанном в дне входной ямы и укрепленная более мелкими обломками известняка и песчаника.

Погребальная камера овальных очертаний размерами 1,98×2,35 м сооружена к СЗЗ от входной ямы перпендикулярно ее длинной оси. Дно камеры, несколько понижающееся к северо-западной стенке, расположено на глубине 2,40–2,47 м от уровня современной поверхности, на 0,40–0,42 м ниже дна углубленной подрубки во входной яме.

Камера вырублена в плотном мергелистом грунте. Северо-западные части стенки и дна имеют следы дополнительной подрубки, произведенной с целью расширения камеры в этой области. По-видимому, эта подрубка была сделана в процессе погребения для того, чтобы повернуть занесенный и упирившийся в западную стенку гроб в тесной погребальной камере. Это указывает на некоторую несогласованность действий между сооружавшими склеп и теми, кто непосредственно осуществлял погребение. Произшедшую при сооружении камеры ошибку в расчетах ее параметров пришлось исправлять, вероятно, уже в ходе погребения.

В южной стенке камеры на высоте 0,48–0,50 м от уровня дна вырублена ниша размерами 0,10×0,14×0,05 м.

На дне в центральной части камеры находилось захоронение женщины, погребенной в вытянутом положении на спине головой на юг (рис. 2). Руки вытянуты вдоль тела, кисть правой руки прижата к бедру. Если предположение, объясняющее назначение подрубки северо-западной стенки камеры является верным, то захоронение было совершено в гробу, остатки которого выявить, однако, не удалось, так как древесина полностью истлела.

На черепе и рядом с ним обнаружено восемь золотых листьев (размеры: 4,2–4,9×2,1–2,5 см) от погребального венка (рис. 2, 2; 5, 1; 7). Изделия имеют форму трилистников с заостренными концами и с прямыми линиями, идущими от кончиков листа к его основанию.

К востоку и к западу от черепа находились две золотые серьги (размеры: 4,1×1,2×1,2 см и 3,8×1,1×1,1 см) сложной конструкции (рис. 2, 4; 5, 3; 8). К разомкнутому проволочному кольцу припаяно украшение, состоящее из перевернутого усеченного полого конуса и шара, которые соединены поясом из спирально закрученной проволоки и трех проволочных колец. Полый шар выполнен из двух полусфер с бортиками. С двух сторон к соединенным бортикам припаяно по пять пирамидок из 4 шариков зерни, а снизу к шару – пирамидка из 10 шариков зерни.

¹ Высотская 1994; Пуздровский 2007; Puzdrovskij 2013; Пуздровский, Труфанов, 2016; 2017а; 2017б.

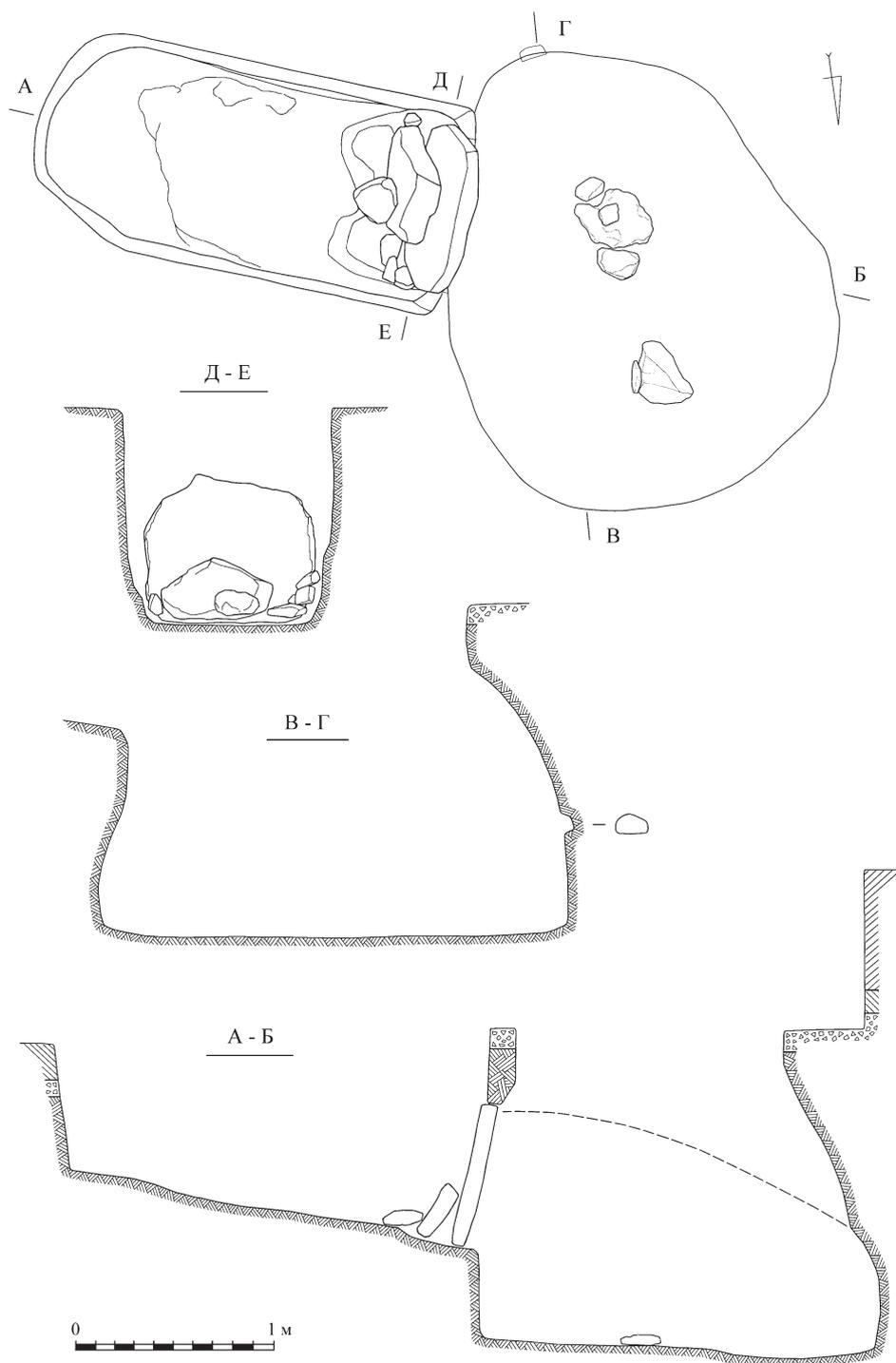

Рис. 1. Склеп 1119. План, разрезы

В области ключиц найдено десять золотых подвесок в форме амфор (размеры: 2,4–2,6×1,3–1,5×0,3 см), составлявших ожерелье (рис. 2, 3; 5, 4; 8). Подвески изготовлены из двух спаянных треугольных пластин. На лицевой пластине штампованное рельефное изображение горла и тулова амфоры с каннелюрами, ручки выполнены из двух напаянных изогнутых полосок золотого листа. Верхний край оборотной пластины загнут, образуя рифленую трубочку-пронизь для подвешивания. Нижний край загнут, огибая лицевую пластину.

В районе грудной клетки, к западу от позвоночника, лежали два золотых наглазника в форме овальных пластин (размеры: 4,2×2,6 см и 4,3×2,6 см), сложенные вместе, один поверх другого (рис. 2, 1; 5, 2).

Вдоль рук от локтя до запястья располагались бусы, представленные длинными цилиндрическими изделиями из стекла с золотистой металлической прокладкой (7 экз. найдено у левой руки, 6 экз. у правой) (рис. 2, 8, 9; 6, 3, 4).

В области запястий зачищены два скопления золотых бляшек круглой формы с полусферической выпуклостью в центре и бортиком с отверстиями для пришивания (размеры: 0,6–0,7×0,6–0,7 см) (рис. 2, 5, 6; 6, 1, 2; 8). На левой руке найдено 27 экз. таких бляшек (из них 2 с четырьмя, 1 – с тремя, 24 – с двумя отверстиями), на правой руке 30 экз. (в том числе 1 – с пятью, 1 – с четырьмя, 2 – с тремя, 26 – с двумя отверстиями).

В районе щиколоток зачищены бусы, представлявшие собой обшивку подола платья или обуви (рис. 2, 10; 6, 5). В числе найденных изделий округлые бусы из стекла с золотистой металлической прокладкой (33 экз.) (рис. 6, 5а, б) и биконические бусы из голубого глухого стекла (15 экз.) (рис. 6, 5в). Здесь же в комках отслаивающегося грунта выявлены мельчайшие частицы золотого шитья.

В этой же области у ног погребенной найдено изделие в виде крупной пронызи бочковидной формы (размеры: 2,0×1,9×1,9 см), вылепленное из глины и обожженное (рис. 2, 11; 6, 7). Поверхность серо-коричневого, почти черного цвета с оранжевыми пятнами, заглажена, глина пористая. По размерам и характеру формовки это изделие напоминает пряслице, но отличается нестандартной формой.

Под костями правой руки и между костями ног на дне камеры лежали небольшие плоские обломки песчаника. По-видимому, эти камни были подложены под днище гроба, и служили для выравнивания поверхности дна камеры, ставшего неровным после подрубки северо-западной стенки.

К югу от черепа, под южной стенкой камеры лежал железный нож (рис. 2, 7; 6, 8). Сохранившаяся длина изделия 11,2 см, реконструируемая – около 12,5 см.

Под южной стенкой камеры, в 0,40 м к юго-востоку от черепа, находился гончарный кувшин (рис. 2, 16; 3). Он представлял собой одноручный сосуд с отогнутым утолщенным венчиком, широким цилиндрическим горлом и округлым туловом на кольцевом поддоне. Диаметр венчика 10,4 см, высота 24,7 см, диаметр поддона 10,3 см. Глина коричневая, местами оранжево-коричневая, пористая, с мелкими черными и бурными частицами. Тулово украшено поясом из двух полос, сделанных белой краской. Следов лакового покрытия на поверхности сосуда не выявлено. Если какое-то покрытие в виде жидкой обмазки и применялось, то визуально оно не прослеживается. Характерной в таких случаях границы лака нет, а цвет глины на внутренней и внешней поверхности одинаков.

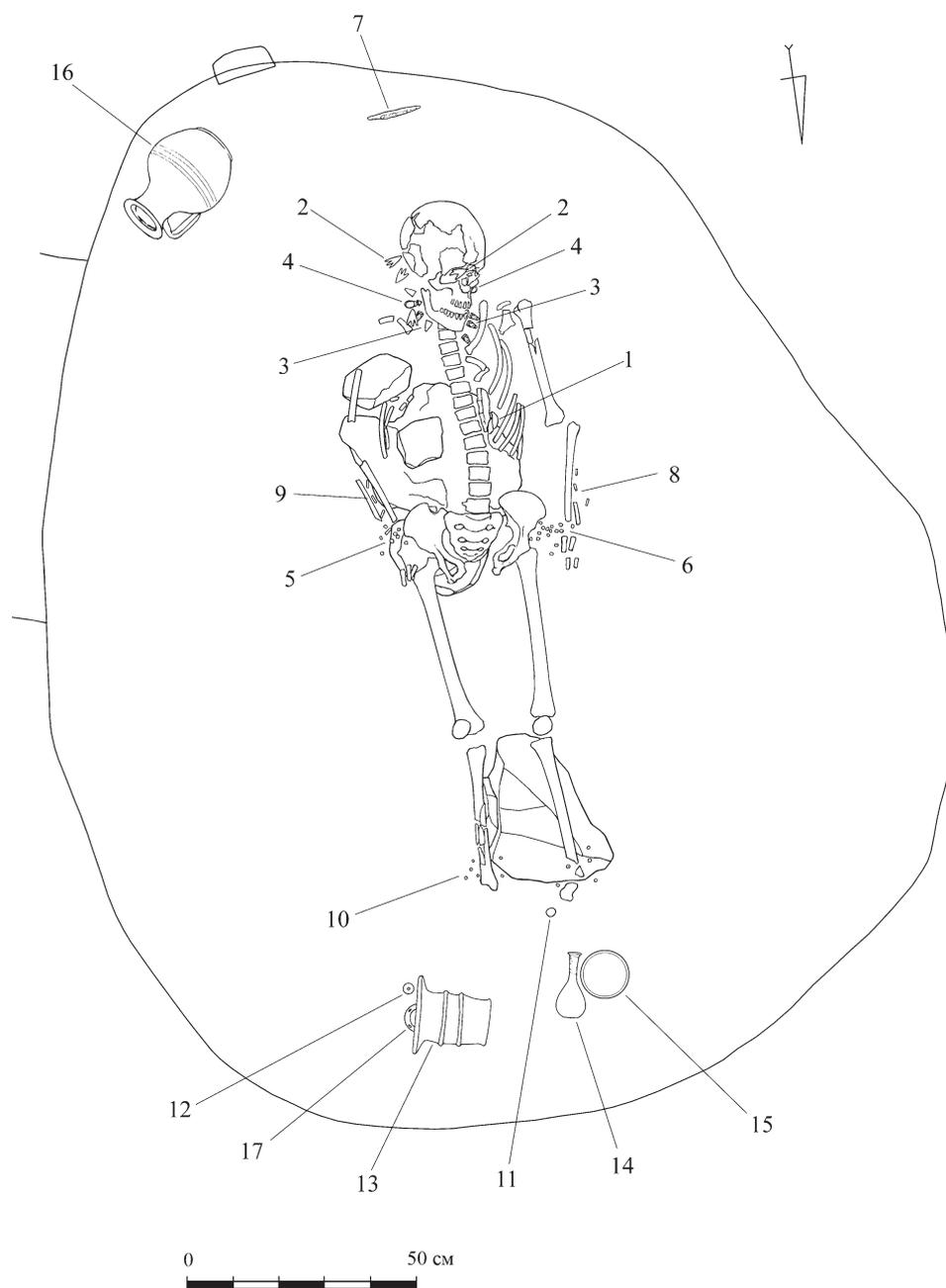

Рис. 2. Склеп 1119. План погребения: 1 – наглазники, 2 – листья погребального венка, 3 – подвески в виде амфор, 4 – серьги, 5, 6 – нашивные бляшки, 7 – нож, 8–10 – бусы, 11 – лепная пронизь, 12 – пряслице, 13 – цилиндрическая курительница, 14 – флакон, 15 – чашка, 16 – кувшин, 17 – курительница с отверстиями

В северной части камеры, в 0,15–0,30 м к северу от ног погребенной и, вероятно, за пределами гроба, находилась группа предметов. Среди них краснолаковый флакон с горизонтально отогнутым венчиком, узким цилиндрическим горлом, яйцевидным туловом и плоским дном (рис. 2, 14; 4, 1). Диаметр венчика 2,8 см, высота 14,1 см, диаметр дна 3,2 см. Глина бледно-оранжевая, средней плотности, с небольшим количеством мельчайших блесков и темных частиц. Темно-оранжевый лак покрывает только верхнюю часть сосуда от венчика до места перехода горла в тулово.

Рядом стояла гончарная чашка полусферической формы на кольцевом поддоне (рис. 2, 15; 4, 2). Диаметр венчика 10,3 см, высота 4,4 см, диаметр поддона 5,3 см. Глина красно-оранжевая, рыхлая, пористая, с мелкими темными частицами, камешками и мельчайшими блестящими частицами. Верхний слой глины на внешней поверхности сосуда в значительной мере разрушился, причиной чему явилось качество глины. Это разрушение, по-видимому, началось еще в древности, о чем можно судить по имеющемуся сколу на поверхности сосуда, отслоившихся частиц которого при зачистке обнаружено не было. Остатки лакового покрытия не выявлены.

Неподалеку лежала большая лепная цилиндрическая плоскодонная курильница с горизонтально отогнутым венчиком и двумя валиками в центральной части тулова, поваленная на бок грунтом обрушившегося свода камеры (рис. 2, 13; 4, 4). Диаметр венчика 16,8–17,0 см, высота 15,8 см, диаметр дна 9,8 см. Внутри большой курильницы находилась маленькая, представлявшая собой лепной плоскодонный сосуд сферической формы с четырьмя отверстиями (рис. 2, 17; 4, 3). Диаметр венчика 3,8 см, высота 4,8 см, диаметр дна 3,5 см. Обжиг лепных сосудов неравномерный. Поверхность темных оттенков, местами почти черная со светлыми оранжево-коричневыми пятнами, заглажена. Глина обеих курильниц визуально практически неразличима, пористая с примесью большого количества мелких окатанных камешков.

Рядом с курильницами лежало лепное пряслице биконической формы (размеры: 1,6×2,3×2,3 см) (рис. 2, 12; 6, 6). Глина плотная, поверхность серо-коричневого цвета заглажена.

Несмотря на довольно большое количество находок, сопровождающих погребение, вещей, которые могли бы помочь в установлении узкой даты его совершения, не так много.

В их числе плоскодонный гончарный флакон (*bulbous-type unguentarium*), горло которого покрыто красным лаком. Аналогичные флаконы обнаружены и в других могилах Усть-Альминского некрополя². Считается, что сосуды этой формы распространяются на территории Римской империи и в прилегающих ей районах в конце I в. до н.э. – начале I в. н.э. (хотя появляются, возможно, несколько ранее), и почти повсеместно выходят из употребления до второй половины I в. н.э.³ Находки из Северного Причерноморья датируются первой половиной I в. н.э.⁴, «от первых десятилетий до середины I в. н.э.»⁵ или в пределах 30/50 гг. н.э. – ок. 70 г. н.э.⁶

² Зайцев 2005, Кат. 94; 146; Пуздровский, Труфанов 2016, рис. 10, 5; 29, 4; 136, 3; 157, 5; 185, 12; Пуздровский, Труфанов 2017а, рис. 85, 5; рис. 157, 12; Пуздровский, Труфанов 2017б, рис. 161, 3.

³ Anderson-Stojanović 1987, 113.

⁴ Малышев, Трейстер 1994, 70, рис. 6, 2.

⁵ Пуздровский 2007, 171.

⁶ Труфанов 2009, 128, 195.

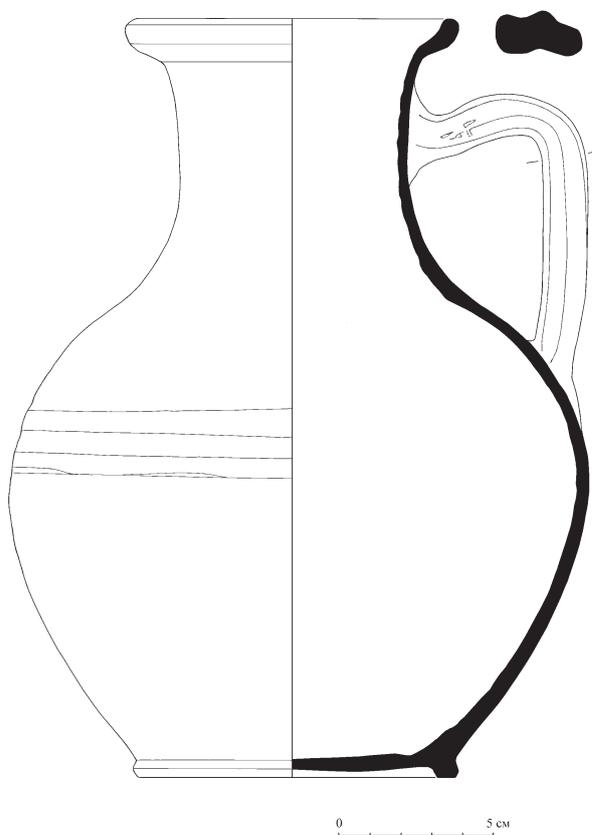

Рис. 3. Склеп 1119. Гончарный кувшин

Полную аналогию гончарному кувшину из склепа № 1119 найти не удалось. Полусферическая чашка по формальным признакам относится к типу изделий с широкой датировкой. То же касается найденных в погребении бус.

Лепные курильницы, подобные найденным, известны в составе ряда комплексов Усть-Альминского некрополя⁷, в том числе в сочетании с унгентариями типа *bulbous*⁸. Как правило, они встречаются такими же парами, но известны и находки по отдельности – либо большая курильница с валиками на корпусе (склепы № 590/12 и 720), либо маленький сосуд с отверстиями (склеп № 820)⁹. По мнению А.Е. Пуздровского, среди усть-альминских больших курильниц можно проследить эволюцию от сосудов с цилиндрическим туловом к курильницам с чашей на массивной подставке¹⁰. Принимая во внимание это наблюдение, курильницу

⁷ Пуздровский, Труфанов 2016, рис. 10, 1; 29, 1; 36, 1; 41, 11; Пуздровский, Труфанов 2017а, рис. 184, 10; Пуздровский, Труфанов 2017б, рис. 81, 4; 99, 8; 109, 12.

⁸ Пуздровский, Труфанов 2016, рис. 10, 1; 29, 1.

⁹ Пуздровский 2007, рис. 83, 9, 12; 84, 5.

¹⁰ Пуздровский 2011, 277.

из склепа № 1119 следует причислять к ранним сосудам. Комплексы с такими сосудами датируются в рамках второй трети I в. н.э., хронологический диапазон маленьких курильниц с отверстиями более широк, но и он, по-видимому, не выходит за пределы I в. н.э.¹¹

Золотые нашивные бляшки с выпуклостью в центре представлены в погребениях Усть-Альминского некрополя экземплярами как с гладким бортиком¹², так и с бортиком, украшенным выпуклостями, имитирующими зернь¹³, или поперечными черточками, подражающими рубчатой проволоке¹⁴. Этот простой тип бляшек широко использовался в украшении погребального костюма представителей элиты в Северном Причерноморье в IV в. до н.э. – I в. н.э.¹⁵

Подвески золотых серег из склепа № 1119 изображают, скорее всего, сосуд типа амфоры. Такие украшения были распространены в I в. н.э. преимущественно в Крыму и Нижнем Поднепровье¹⁶ и могли незначительно отличаться своими конструктивными элементами.

Золотые подвески в форме амфор, аналогичные обнаруженным в склепе № 1119 (и тоже в количестве 10 экземпляров), найдены в составе вещей, сопровождавших погребение 28 склепа № 92 Усть-Альминского могильника¹⁷. Прочие находки из этого погребения (лучковая фибула, бусы, стеклянная вставка от перстня с изображением Афины и обломок неопознанного железного предмета¹⁸) не позволяют датировать комплекс узким отрезком времени. Более информативными являются стратиграфические наблюдения, отраженные в чертежах и в полевом дневнике¹⁹.

Всего в этом склепе найдены остатки 51 погребения, располагавшиеся ярусами, причем костяк 28 относился к 7 ярусу. Находившиеся выше 6 ярусов погребения были отделены от нижерасположенных прослойкой грунта (глины) толщиной 16–20 см, образовавшейся при обрушении свода, что позволяет рассматривать погребения верхних 6 ярусов в стратиграфическом отрыве от предыдущего периода функционирования склепа. Датированными находками из погребений 6 яруса (№ 18–21) являются шарнирные фибулы-броши без эмали, длинная пряжка, подвески из фигурного фаянса, гончарный флакон и курильница с отверстиями, что позволяет относить эти захоронения ко второй половине I в. н.э. Следовательно, находившиеся ниже и отделенные прослойкой грунта погребения 7 яруса (в том числе погребение 28) не могут быть позже этого времени, а, скорее всего, относятся к предшествующему периоду. Вещевой материал из нижних 7–10 ярусов, представленный в основном бусами, в том числе характерными для I в. до н.э. – первой половины I в. н.э., позволяет относить погребения, расположенные ниже прослойки упавшего свода, к этому времени. Захоронение 28, находившееся в са-

¹¹ Труфанов 2009, 128, 138.

¹² Пуздровский, Труфанов 2016, рис. 84, 2–3.

¹³ Пуздровский, Труфанов 2017б, рис. 74, 5.

¹⁴ Зайцев 2005, Кат. 129, 141–142; Пуздровский, Труфанов 2017б, рис. 25, 4; 26, 11.

¹⁵ Мордвинцева, Хачатурова, Юрченко 2010, 41 тип 1 вариант 3, рис. 46.

¹⁶ Мордвинцева, Трейстер 2007, кат. А42.2, А46.1, А75.1, А85/1, А86.1, А261.1, В11.5, В39.1, В/1.5, С/1.7.5, С/1.7.6, С/1.17.1.

¹⁷ Высотская 1994, табл. 31, 57.

¹⁸ Высотская, Лобода 1974, 16.

¹⁹ Высотская 1974.

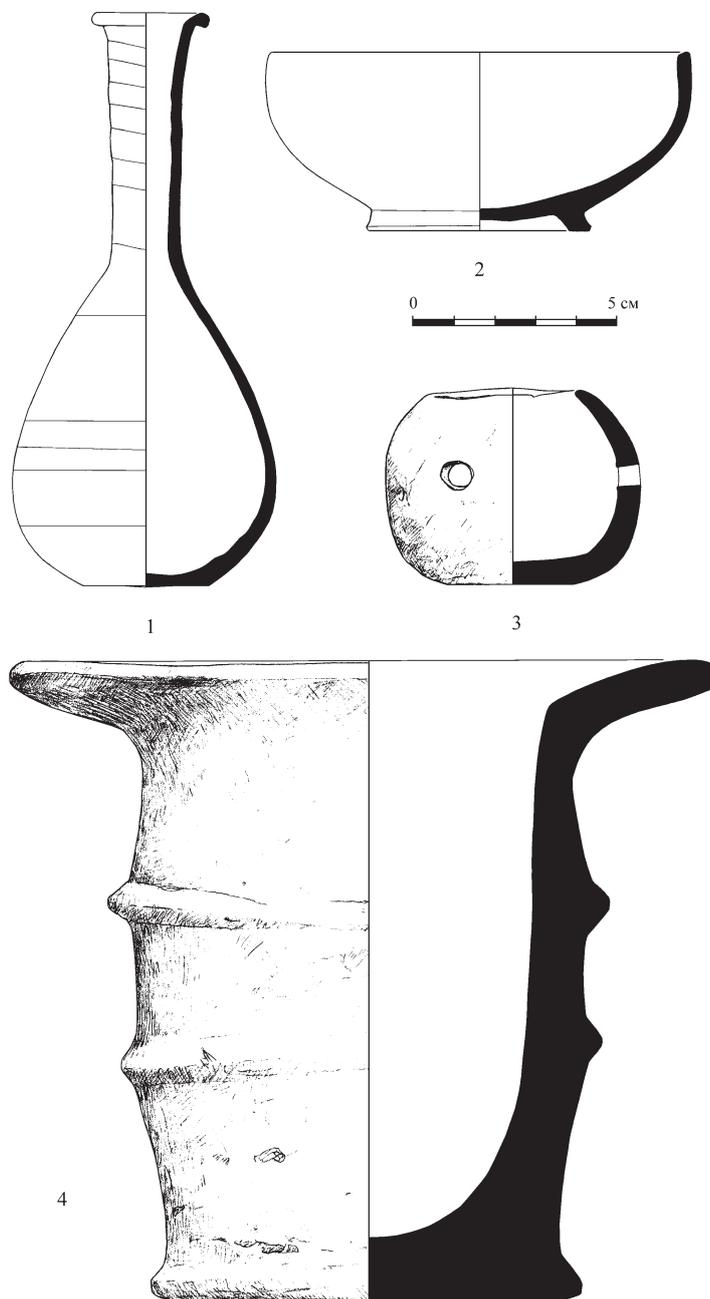

Рис. 4. Склеп 1119. Керамические сосуды: 1 – гончарный флакон, 2 – гончарная чашка, 3, 4 – лепные курильницы

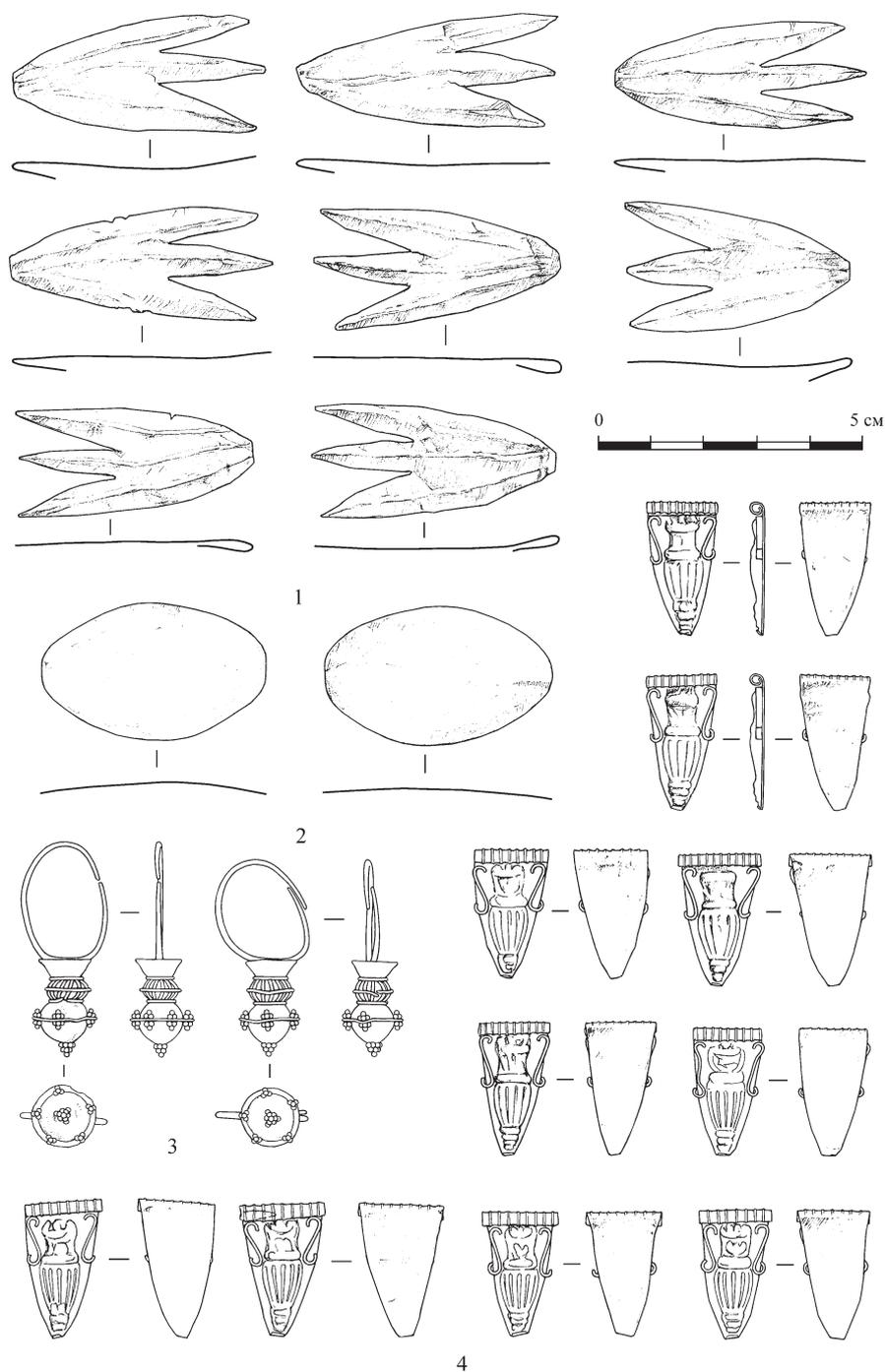

Рис. 5. Склеп 1119. Золотые изделия: 1 – листья погребального венка, 2 – наглазники, 3 – серьги, 4 – подвески

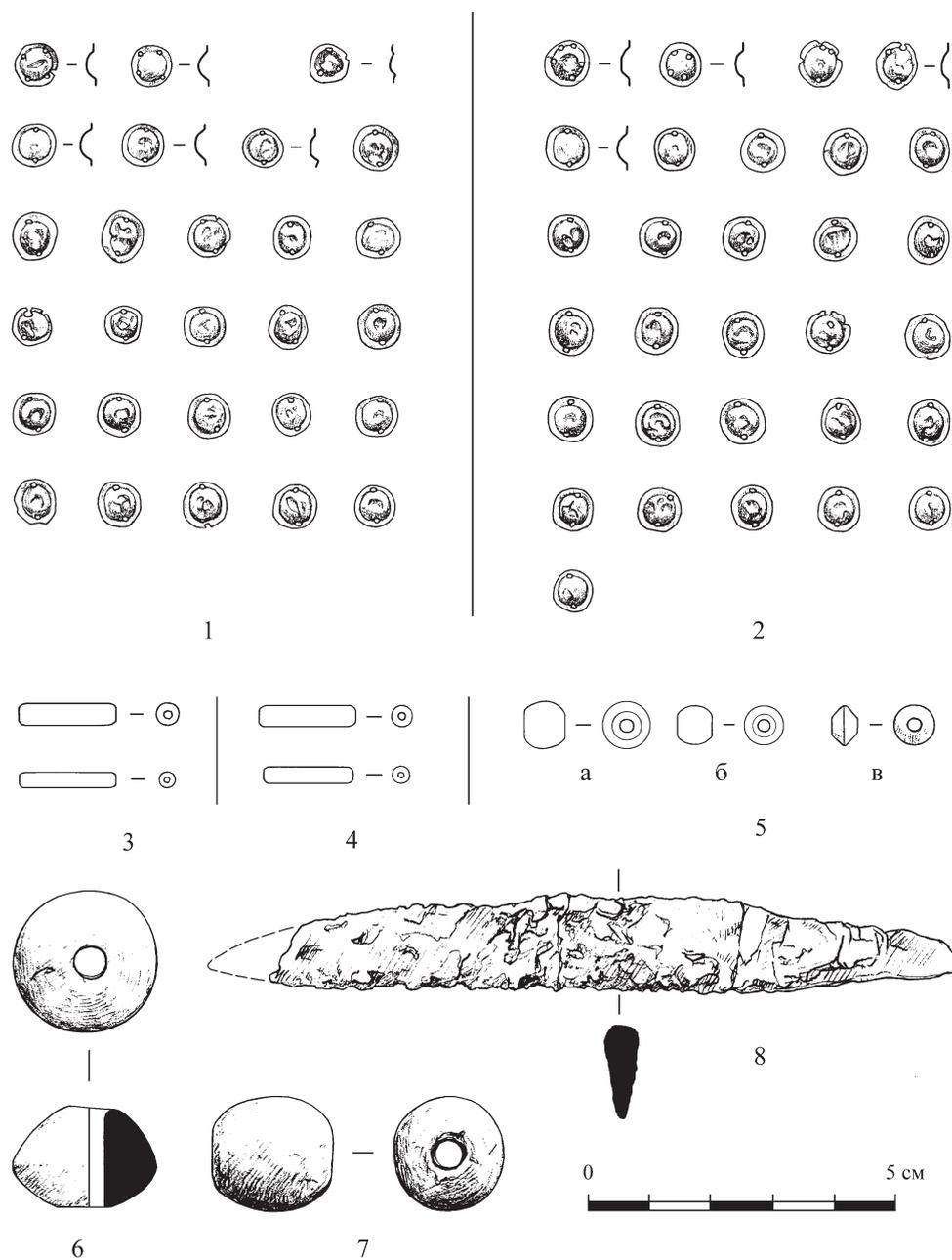

Рис. 6. Склеп 1119. Находки: 1, 2 – нашивные бляшки, 3–4 – бусы, 6 – пряслице, 7 – лепная пронизь, 8 – нож (1, 2 – золото, 3–5 – стекло, 6, 7 – глина, 8 – железо)

мом верхнем 7 ярусе нижней группы, у противоположной от входа стенки камеры, могло состояться в конце указанного периода, по-видимому, в пределах первой половины – середины I в. н.э.

К этому же времени, вероятно, относятся и золотые амфоровидные подвески (один целый экземпляр, другой в виде фрагмента) из ранних погребений склепа 690 (Усть-Альма). Остатки этих погребений, сдвинутые к стенкам камеры, А.Е. Пуздровский датировал в рамках второй половины I в. до н.э. – первой половины I в. н.э.²⁰

На основании перечисленных аналогий, позволяющих соотнести с ними находки из склепа № 1119, можно предположить, что захоронение в этом склепе было совершено в первой половине I в. н.э., возможно, около середины века.

Рассматриваемый комплекс входит в круг сопровождаемых золотыми изделиями женских погребений элиты I в. н.э. Усть-Альминского некрополя. Почти все погребения совершены в склепах. В состав комплекса вещевых находок таких погребений, как правило, входят личные золотые украшения (расшитый золотыми бляшками погребальный костюм, серьги, перстни, браслеты и пр.), золотые листья погребального венка, заупокойная пища, бронзовая посуда римского или провинциально-римского производства, шкатулка с предметами косметики и наборы амулетов. При проведении погребального обряда использовались лепные курильницы, обычно парой, состоящей из крупного сосуда, как правило, цилиндрической формы с валиками на корпусе и маленького с отверстиями. Есть основания считать, что маленький сосуд с какими-то ароматическими веществами помещался внутрь большого, вероятно, использовавшегося в качестве своеобразной жаровни с углями.

Погребение, совершенное в склепе № 1119, имеет некоторые специфические особенности. Это одиночное захоронение в склепе, причем небольшие размеры камеры и расположение в ней костяка указывают, что данный склеп изначально предназначался для совершения одного захоронения. Помещать кого-то еще в эту камеру в дальнейшем явно не предполагалось. В Усть-Альминском некрополе такое распоряжение пространством погребальной камеры является редкостью. Обычно, даже если размеры камеры были невелики, погребение располагали у одной из боковых стенок, чтобы иметь возможность совершить в ней еще одно или даже два захоронения, причем порой оставшееся пространство так и оставалось незаполненным.

Важной деталью погребального обряда является наличие венка и лицевых пластин. Погребения с золотыми венками и лицевыми пластинами Усть-Альминского некрополя, судя по составу инвентаря, принадлежали преимущественно мужчинам, хотя зафиксированы и женские захоронения. Погребение женщины из склепа № 1119 сопровождалось золотым венком и лицевыми пластинами-наглазниками при отсутствии нагубника. Неполнота набора лицевых пластин, разумеется, обращает на себя внимание. В других элитных погребениях они или встречаются в полном комплекте (склеп № 612/2), или отсутствуют вовсе (склепы № 620/1, 775/1–2, 820). По-видимому, отсутствие нагубника являлось частью погребального обряда. Не исключено, что лицевые пластины использовались при предварительном обряде выставления покойника и потом клались (или нет) вместе с ним в

²⁰ Пуздровский 2007, 85, 86.

Рис. 7. Склеп 1119. Деталь погребения. Фото

Рис. 8. Склеп 1119. Золотые украшения. Фото

могилу, иногда они размещались рядом или даже под головой умершего²¹. Например, в могиле 1074 (Усть-Альма) нагубник находился на лицевой части черепа, а наглазники лежали под правым плечом²².

Практика использования золотого венка в погребальном обряде, по-видимому, пришла к крымским варварам из греческого мира и просуществовала не более полувека, появившись около середины I в. н.э. или несколько ранее и исчезнув на рубеже I–II вв. н.э.

За исключением золотых изделий комплекс погребальных приношений, сопровождающих погребение в склепе № 1119, выглядит довольно скромно. Это гончарная столовая и лепная ритуальная керамика, флакон, бусы и нож. В составе этого комплекса нет ни римской бронзовой посуды, ни каких-то особенных, экстраординарных вещей. Возможно, что отсутствие римских вещей обусловлено тем, что данное захоронение было совершено до начала регулярного импорта римских товаров, начавшегося, предположительно, в середине I в. н.э.

Наличие большого количества золотых изделий не оставляет сомнений в том, что умершая обладала при жизни высоким социальным статусом. Отличает рассматриваемое погребение и отсутствие некоторых типов вещей, характерных для женских захоронений Усть-Альминского некрополя. При погребенной в склепе № 1119 женщине не было ни зеркала, ни шкатулки, от которой должны были бы остаться металлические детали. Помимо прочего, несколько удивляет отсутствие фибулы, браслетов, перстней и предметов, которые можно было бы считать амулетами. Возможно, это также связано с относительно ранней датой погребения.

ЛИТЕРАТУРА

- Высотская, Т.Н. 1974: *Полевые материалы Альминского отряда за 1974 г.* Архив ИАК РАН. Симферополь.
- Высотская, Т.Н. 1994: *Усть-Альминское городище и некрополь.* Киев.
- Высотская, Т.Н., Лобода, И.И. 1974: *Отчет о работах Альминского отряда в 1974 г.* Архив БИКАМЗ. Симферополь.
- Зайцев, Ю.П. 2004: Золотые «лицевые» пластины в позднескифской культуре Крыма. В сб.: Н. Захарова (ред.), *Ювелирное искусство и материальная культура. Тезисы докладов участников тринадцатого colloquium (12–18 апреля 2004 года)*. СПб, 47–50.
- Зайцев, Ю.П. (ред.) 2005: *Древние сокровища Юго-Западного Крыма.* Симферополь.
- Мальшев, А.А., Трейстер, М.Ю. 1994: Погребение Зубовско-Воздвиженского типа в окрестностях Новороссийска. *Боспорский сборник* 5. М., 59–86.
- Мордвинцева, В.И., Трейстер, М.Ю. 2007: *Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье 2 в. до н.э. – 2 в. н.э.* Т. 1–3. Симферополь–Бонн.
- Мордвинцева, В.И., Хачатурова, Е.А., Юрченко, Т.В. 2010: *Сокровища древней Кубани.* Симферополь–Краснодар.
- Пуздровский, А.Е. 2007: *Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники.* Симферополь.
- Пуздровский, А.Е. 2011: Погребения сарматских «жриц» из Юго-Западного Крыма. *Stratum plus* 4, 271–290.
- Пуздровский, А.Е., Труфанов, А.А. 2016: *Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2008–2014 гг.* Симферополь.

²¹ Зайцев 2004.

²² Труфанов, Мордвинцева 2016, рис. 6.

- Пуздровский, А.Е., Труфанов, А.А. 2017а: *Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2004–2007 гг.* Симферополь.
- Пуздровский А.Е., Труфанов А.А. 2017б: *Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2000–2003 гг.* Симферополь.
- Труфанов, А.А. 2009: Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н.э. – III в. н.э. *Stratum plus* 4, 117–328.
- Труфанов, А.А., Мордвинцева, В.И. 2016: Воинское погребение середины I в. н.э. из Усть-Альминского некрополя (Юго-Западный Крым). *ПИФК* 2, 196–212.
- Anderson-Stojanović, V.R. 1987: The Chronology and Function of Ceramic Unguentaria. *American Journal of Archaeology* 91, 105–122.
- Puzdrovskij, A. 2013: Ust'-Al'ma: Die Siedlung und Nekropole. In: M. Schmaude, S. Müller (Hrsg.), *Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen – Skythen – Goten. Begleitbuch zur Ausstellung.* Bonn, 290–323.

REFERENCES

- Anderson-Stojanović, V.R. 1987: The Chronology and Function of Ceramic Unguentaria. *American Journal of Archaeology* 91, 105–122.
- Malyshev, A.A., Treister, M.Yu. 1994: Pogrebenie Zubovsko-Vozdvizhenskogo tipa v okrestnostyakh Novorossiyska [Burial of the Zubovsky-Vozdvizhenskaya type in the vicinity of Novorossiysk]. *Bosporskiy sbornik* 5. Moscow, 59–86.
- Mordvintseva, V.I., Khachaturova, E.A., Yurchenko, T.V. 2010: *Sokrovishcha drevney Kubani* [Treasures of the ancient Kuban]. Simferopol–Krasnodar.
- Mordvintseva, V.I., Treister, M.Yu. 2007: *Proizvedeniya torevtiki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'e 2 v. do n.e. – 2 v. n.e.* [Works of toreutics and jewelry art in the Northern Black Sea region of the 2nd century BC to the 2nd century AD]. Vols. 1–3. Simferopol–Bonn.
- Puzdrovskij, A. 2013: Ust'-Al'ma: Die Siedlung und Nekropole. In: M. Schmaude, S. Müller (Hrsg.), *Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen – Skythen – Goten. Begleitbuch zur Ausstellung.* Bonn, 290–323.
- Puzdrovskiy, A.E. 2007: *Krymskaya Skifiya II v. do n. e. – III v. n. e. Pogrebal'nye pamyatniki* [Crimean Scythia in the 2nd century BC – 3rd century AD. Funerary monuments]. Simferopol.
- Puzdrovskiy, A.E. 2011: Pogrebeniya sarmatskikh «zhrits» iz Yugo-Zapadnogo Kryma [Burials of Sarmatian “priestesses” in the Southwestern Crimea]. *Stratum plus* 4, 271–290.
- Puzdrovskiy, A.E., Trufanov, A.A. 2016: *Polevye issledovaniya Ust'-Al'minskogo nekropolya v 2008–2014 gg.* [The 2008–2014 Excavations at the Ust-Alma necropolis]. Simferopol.
- Puzdrovskiy, A.E., Trufanov, A.A. 2017а: *Polevye issledovaniya Ust'-Al'minskogo nekropolya v 2004–2007 gg.* [The 2004–2007 Excavations at the Ust-Alma necropolis]. Simferopol.
- Puzdrovskiy, A.E., Trufanov, A.A. 2017b: *Polevye issledovaniya Ust'-Al'minskogo nekropolya v 2000–2003 gg.* [The 2000–2003 Excavations at the Ust-Alma necropolis]. Simferopol.
- Trufanov, A.A. 2009: Khronologiya mogil'nikov Predgornogo Kryma I v. do n. e. – III v. n. e. [Chronology of the necropolis of the foothill Crimea of the 1st century BC – 3rd century AD]. *Stratum plus* 4, 117–328.
- Trufanov, A.A., Mordvintseva, V.I. 2016: Voinskoe pogrebenie serediny I v. n. e. iz Ust'-Al'minskogo nekropolya (Yugo-Zapadnyy Krym) [A warrior grave of the mid-1st century AD from the Ust-Alma necropolis (the South-Western Crimea)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 2, 196–212.

- Vysotskaya, T.N. 1974: *Polevye materialy Al'minskogo otryada za 1974 g.* [*Field Materials of the Alma archaeological team. The 1974 season*] (Archive of Institute of Archaeology of the Crimea, Russian Academy of Sciences). Simferopol.
- Vysotskaya, T.N. 1994: *Ust'-Al'minskoe gorodishche i nekropol'* [*Ust-Alma Settlement and Necropolis*]. Kiev.
- Vysotskaya, T.N., Loboda, I.I. 1974: *Otchet o rabotakh Al'minskogo otryada v 1974 g.* [*Report on the work of the Alma archaeological team in 1974*]. (Archive of the Bakhchysarai Historical-Cultural and Archaeological Museum-Reserve). Simferopol.
- Zaytsev, Yu.P. 2004: Zolotoe "litsevye" plastiny v pozdneskifskoy kul'ture Kryma [Gold "face" plates in the Late Scythian culture of the Crimea]. In: N. Zakharova (ed.), *Yuvelirnoe iskusstvo i material'naya kul'tura. Tezisy докладов участников trinadtsatogo kollokviuma (12–18 aprelya 2004 goda)* ([Gold "face" plates in the Late Scythian culture of the Crimea]). In: N. Zakharova (ed.), *Jeweler art and material culture. Abstracts of the participants of the Thirteenth colloquium (April 12–18, 2004)*. Saint Petersburg, 47–50.
- Zaytsev, Yu.P. (ed.) 2005: *Drevnie sokrovishcha Yugo-Zapadnogo Kryma* [*Ancient treasures of the Southwestern Crimea*]. Simferopol.

A GRAVE OF THE 1ST CENTURY AD IN THE UST-ALMA NECROPOLIS (THE SOUTHWESTERN CRIMEA)

Alexander A. Trufanov*, Valentina I. Mordvintseva**

* *Institute of Archaeology of the Crimea RAS, Russia,*
trufanov.29@gmail.com

** *Institute of World History RAS, Russia*
v_mordvintseva@mail.ru

Abstract. The paper is a publication of a female burial in the tomb No. 1119 in the Ust-Alma necropolis, which is located on the coast of the Southwestern Crimea, at the mouth of the Alma River, close to the Late Scythian town of the same name. The presence of a large number of gold items leaves no doubt that the deceased had a high social status during her life. The burial is specific interest because of the absence of certain goods, which are characteristic for women's graves of the Ust-Alma necropolis. For example, there was no mirror or casket in this woman grave. Among other goods, it is somewhat surprising that there are no brooches, bracelets, rings and amulets. Perhaps this is also evidence for the early date of burial. Thus, the set of personal jewelry items and funeral offerings gives reason to believe that a representative of the social elite has been buried in uncovered grave, and the grave goods allows one to date the burial by the first half to the mid-1st century AD.

Keywords: Southwestern Crimea, Late Scythian culture of the Crimea, social elite

DOI: 10.18503/1992-0431-2018-3-61-47–59

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПОСУДЫ ГРУППЫ «ПОЗДНЕРИМСКОЙ ПОНТИЙСКОЙ ЛОЩЕНОЙ»

Л.А. Голофаст*, С.Г. Рыжов**

* *Институт археологии РАН, Москва, Россия*

larisa_golofast@mail.ru

** *Национальный заповедник «Херсонес Таврический», Севастополь, Россия*

staspolis@yandex.ru

Аннотация. В статье представлены два блюда группы, недавно получившей название «Позднеримская понтийская лощеная посуда» (Late Roman Pontic Burnished Ware – LRPB). Блюда найдены в Херсонесе в заполнении цистерны, засыпанной, скорее всего, в самом начале второй четверти VI в. Полностью совпадая по основным характеристикам с основной массой сосудов рассматриваемой группы, они отличаются цветом глины. Если последние сделаны из разных оттенков бежевой глины, то рассматриваемые экземпляры – сероглиняные. Причем их равномерный качественный обжиг исключает возможность ошибки в процессе изготовления, что позволяет предположить происхождение посуды группы LRPB от сероглиняной керамики с лощеной поверхностью, широко распространенной в Причерноморье, где она производилась в течение всей античной эпохи и часто имитировала формы привозных сосудов. Появление в позднеантичное время светлоглиняной лощеной посуды, по-видимому, было общей тенденцией. Так, «желтая посуда» появляется в поздней группе лощеной керамики в Западном Причерноморье.

Комплекс, в котором были найдены рассматриваемые сероглиняные блюда, самый ранний среди комплексов, содержащих LRPBW, что позволяет рассматривать их как начальную стадию бытования группы и, таким образом, пересмотреть тезис об их чисто «краснолаковом» происхождении, который поддерживается многими исследователями.

Таким образом, публикуемые находки позволяют сделать еще один шаг в уточнении времени появления и происхождения посуды группы «Позднеримской понтийской лощеной».

Ключевые слова: Северное Причерноморье, ранневизантийский период, посуда группы «Позднеримская понтийская лощеная»

В керамике ранневизантийского времени из раскопок городов Северного Причерноморья выделяется группа изделий, для которой недавно было предложено название «Позднеримская понтийская лощеная керамика» (Late Roman Pontic Burnished Ware – LRPB)¹. Выполнена она из разных оттенков бежевой, хорошо

Данные об авторах: Голофаст Лариса Алексеевна – научный сотрудник отдела классической археологии Института археологии РАН; Рыжов Станислав Григорьевич – зав. отделом «Городище и некрополь» Национального заповедника «Херсонес Таврический».

¹ Fedoseev, Domzalski, Opař, Kulikov 2010; Домжальский, Журавлев 2013.

отмученной плотной глины с редкими частицами слюды и белыми включениями разных размеров. Представлена посуда довольно глубокими чашами с округлым туловом на высоком, слегка расширяющемся книзу поддоне. Как правило, у них широкий горизонтально отогнутый бортик с двумя желобками вдоль внутреннего и внешнего края, либо, значительно реже, венчик отсутствует, а выпуклый край профилирован желобком. Двойные концентрические окружности, выполненные врезной линией, присутствуют на внутренней поверхности блюд, как бы обрамляя его дно. Поверхность таких сосудов очень хорошо заглажена и залощена. Причем лощение беспорядочное, с пропусками.

Ареал группы ограничивается Причерноморьем с наибольшей концентрацией в Херсонесе, хотя не исключено, что это можно объяснить большей степенью изученности херсонесского городища и значительным количеством опубликованных комплексов ранневизантийского времени из его раскопок. На Боспоре посуда группы LRPB относится к числу редких находок: одно блюдо зафиксировано на Ильичевском городище²; еще одно происходит из грабительского отвала преддромосной ямы склепа 19 на некрополе Джург-Оба, который автор раскопок датирует серединой VI в.³; фрагмент найден на поселении Золотое Восточное в слое конца третьей четверти VI в.⁴; несколько фрагментов выявлено в Фанагории: один – в ходе подводных исследований в открытом комплексе, содержавшем главным образом материал конца V – первой половины VI в.⁵, остальные – в переотложенных слоях; в Керчи два блюда происходят из комплекса последней четверти VI или начала VII в., открытого на Театральной улице⁶, а также имеются среди материалов охранных работ А.Л. Ермолина на 1-й Митридатской улице в 2006 г. и раскопок А.И. Айбабина в Босфорском переулке (г. Керчь, 2007–2008 гг., сообщение А.В. Смокотиной); фрагменты зафиксированы в Тиритаке⁷. В Восточном и Южном Причерноморье также известны лишь единичные находки подобной посуды: в крепости Цибилиум⁸, в окрестностях Синопы и на памятнике Кюмес⁹. На памятниках западной части Причерноморья и в Константинополе находки позднеримской понтийской лощеной керамики пока не зафиксированы.

С.А. Беляев датировал посуду рассматриваемой группы временем не ранее VI в., а, скорее, его второй половиной¹⁰; А.И. Романчук – в пределах VII в.¹¹ В.А. Кутайсов при описании материала из раскопок четырехапсидного храма в Херсонесе ссылается на единственный опубликованный к тому времени комплекс с такой посудой, датирующийся VII в.¹² А.В. Сазанов, относивший блюда с бортиком к формам 93–97 группы ARSW, вслед за Дж. Хейсом датировал их появление в зависимости от того, к какой конкретно форме из перечисленных он относил тот

² Николаева 1984, рис. 54, а; 57.

³ Ермолин 2006, 14, рис. 21.

⁴ Сазанов, Мокроусов 1996, 99–100, рис. XI, 5.

⁵ Голофаст, Ольховский 2016, 71, рис. 14, 8.

⁶ Fedoseev, Domzalski, Oraiç, Kulikov 2010, 63–94.

⁷ Домжальский, Журавлев 2013, 140.

⁸ Воронов 1983, 91, 92, рис. 3, 16, 19–21.

⁹ Домжальский, Журавлев 2013, 140.

¹⁰ Беляев 1968, 36.

¹¹ Романчук 1975, 10, рис. 5, в; 1976, 26, рис. 7, 3.

¹² Кутайсов 1982, 164, рис. 8, 6.

или иной сосуд, концом V / началом VI вв. и первой половиной VI в.¹³ Позже в работах исследователя, по-прежнему со ссылкой на находки сосудов группы «Африканская краснолаковая» в различных центрах Средиземноморья, появляется устойчивая дата – вторая четверть VI в.¹⁴

Хотя никаких конкретных комплексов первой половины VI в., содержащих рассматриваемые сосуды, Сазанов не приводил, ссылаясь лишь на комплексы с посудой формы ARSW 93/97, среди исследователей утвердилась предложенная им датировка. Однако самые ранние херсонесские комплексы, содержавшие такую керамику, можно отнести ко времени не ранее второй половины VI в.¹⁵, и авторы настоящей статьи в ряде предыдущих работ, учитывая этот факт, предложили для рассматриваемой группы керамики более позднюю дату¹⁶. Что же касается находок данных сосудов на других памятниках, то все известные нам экземпляры происходят либо из более поздних или недостаточно надежных комплексов, либо найдены вне контекста.

Таким образом, общепринятая дата появления посуды группы LRPB в пределах второй четверти VI в. не была подтверждена комплексами, которые содержат именно посуду данной группы, а не группы ARSW.

Что же касается верхней границы бытования блюд на высоком кольцевом поддоне, то в Херсонесе они продолжают встречаться в полузакрытых комплексах, происходящих, главным образом, из цистерн и колодцев, засыпавшихся на протяжении всего VII в. Однако все херсонесские комплексы подобного рода содержат крайне мешанный, переотложенный материал, и быть уверенным в том, что дата того или иного фрагмента совпадает с датой закрытия комплекса, из которого он происходит, никогда нельзя.

Тот факт, что многими исследователями эта посуда часто рассматривалась вместе с краснолаковой, либо интерпретировалась как таковая, объясняется хорошим качеством формовки сосудов и легким блеском лощеной поверхности. Как краснолаковую определял впервые ее выделивший С.А. Беляев¹⁷. А.И. Романчук, отмечая отсутствие лакового покрытия и использование техники лощения, тем не менее рассматривала ее вместе с краснолаковой¹⁸. В.А. Кутайсов пишет о «напоминающем лак покрытии»¹⁹. А по мнению Домжальского и Журавлева, прототипами блюд с горизонтально отогнутым бортиком послужили африканские краснолаковые сосуды формы 93 по Дж. Хейсу, а визуальное сходство теста блюд этой группы с глиной керамики группы «Понтийская краснолаковая» и ее появление вскоре после исчезновения с причерноморских рынков сосудов группы «Понтийская краснолаковая» позволило исследователям сделать предположение о едином

¹³ Романчук, Сазанов 1991, 40–41; 1992, 44, рис. 3А, 1–6; 2000, 226, рис. 10, 7; Sazanov 2000, 134, fig. 4, 1–7; 8, 9–12, 16; 10, 5, 6.

¹⁴ Сазанов 1994–1995, 408–409; Сазанов, Мокроусов 1996, 99, рис. XI, 5.

¹⁵ Голофаст 2001, 103, 111, 112, 115–119, рис. 39, 2, 3; 42, 3, 5; 56, 14–16; 60, 11–14; 66, 15; 68, 5–9; 72, 5, 6; 77, 17, 19–21 (комплексы: 11, 13, 20–25); Голофаст 2007, 115, 116, рис. 42, 43; Кутайсов, Труфанов 2014, 252.

¹⁶ Голофаст, Рыжов 2011, 375; Голофаст, Рыжов 2013, 56.

¹⁷ Беляев 1968, 36.

¹⁸ Романчук 1975, 10, рис. 5, в; Романчук 1976, 26 рис. 7, 3.

¹⁹ Кутайсов 1982, 164, рис. 8, 6.

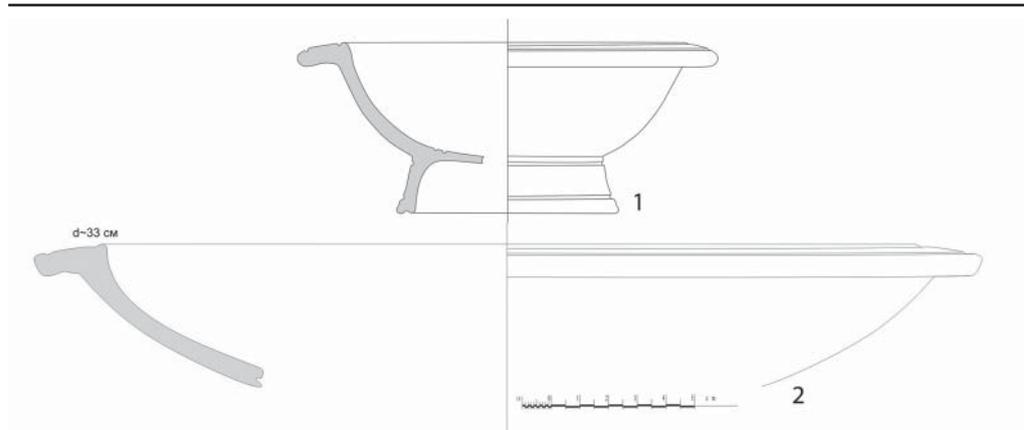

Рис. 1. Сероглиняные лощеные чаши из засыпи цистерны 5 в квартале IX Северного района Херсонеса

центре или регионе их производства, возможно, в северной или северо-восточной части Малой Азии²⁰.

В 2009 г. в Херсонесе была сделана находка, которая позволила взглянуть на эту группу керамики с другой стороны и, возможно, пересмотреть тезис о ее чисто «краснолаковом» происхождении. В ходе изучения материала из засыпи цистерны 5, открытой в квартале IX Северного района, были выявлены два фрагмента открытых сосудов с лощением на обеих сторонах. Один принадлежал чаше с горизонтально отогнутым бортиком с желобками вдоль внешнего и внутреннего краев и высоким кольцевым поддоном, профилированным в нижней части неглубоким желобком (рис. 1, 1; цв. илл., 1). Глина сосуда темно-серая, с легким красноватым оттенком, плотная, очень хорошо отмученная, с мельчайшими частицами слюды. Второй – чаше с широким горизонтально отогнутым бортиком с неглубокими желобками вдоль внешнего и внутреннего краев (рис. 1, 2; цв. илл., 2). Глина серая, очень хорошо отмученная, с редкими мельчайшими светлыми включениями. По форме и характеру лощения представленные сосуды один в один повторяют форму и характер лощения бежевоглиняных блюд на высоком кольцевом поддоне группы LRPB. Идентична и глина найденных фрагментов и сосудов группы LRPB. Качественный равномерный обжиг сероглиняных экземпляров исключает возможность того, что серый цвет глины и лощения явились результатом ошибки во время изготовления.

Комплекс, из которого происходят рассматриваемые фрагменты, представляет собой засыпь цистерны, которая, судя по структуре заполнения и однородности материала, извлеченного с разных уровней, была единовременной, но грунт для ее заполнения, как и для засыпи подавляющего большинства херсонесских цистерн и колодцев, был взят либо из нивелировочной засыпи, либо с мусорной свалки. Хронологический диапазон засыпи, включающей фрагменты амфор, чернолаковой, краснолаковой, простой гончарной и стеклянной посуды, довольно широк и охватывает большой отрезок времени, начиная с эллинистического периода и

²⁰ Домжалский, Журавлев 2013, 139; Fedoseev, Domzalski, Opait, Kulikov 2010, 70.

Цв. илл. Лощение на чашах из засыпи цистерны 5 в квартале IX Северного района Херсонеса

заканчивая первой половиной VI в., при доминировании материала V в. Амфорный комплекс включает: красноглиняные амфоры типа Böttger I-6²¹ (Opaït E-I²²; Зеест-100²³), обычно датирующиеся IV–V вв.²⁴; узкогорлые светлоглиняные типов E и F, бытовавшие до V в. включительно²⁵; значительным количеством фрагментов представлены синопские амфоры типа E-1 V в.²⁶; подавляющее число выявленных в цистерне фрагментов амфор типа LRA1 принадлежали варианту A (по Д. Пьери), датирующемуся V в.²⁷; в засыпи цистерны представлены и фрагменты амфор типа “Газа” варианта LRA 4A2 второй половины/конца IV–V вв.²⁸

Наряду с перечисленными, в засыпи цистерны присутствуют и амфоры с широким хронологическим диапазоном, охватывающим V–VI вв. К таковым относятся т.н. коричневоглиняные амфоры с перехватом (East Pontic Amphorae 1²⁹); тонкостенные красноглиняные амфоры типа LRA3 (по Райли³⁰), представленные как венчиками, так и ножками двух вариантов: полыми, открытыми снизу, характерными для раннего варианта и закрытыми или почти закрытыми коническими, которые сменили полые во второй половине V в.³¹

В комплексе также присутствуют, хотя и в значительно меньшем количестве, фрагменты амфор, которые, появившись во второй половине/конце V в., продолжали бытовать в VI в. К ним относятся амфоры варианта LRA 1B VI–VII вв.³², круглодонные красноглиняные амфоры с вытянутым корпусом типа 99 по Зеест³³ VI в. – 650/670 гг.³⁴; амфоры типа “Газа” варианта LRA 4B1 последней трети V – середины VI в.³⁵ Амфоры типа LRA2 V–VII вв. представлены в засыпи цистерны главным образом небольшими фрагментами горл, ручек и ножек, что исключает в большинстве случаев возможность использования имеющихся типологий, строящихся на форме тулова, соотношении высоты горла и воронки и т.д. Единственный сохранившийся крупный фрагмент верхней части тулова принадлежал амфоре варианта LRA 2A (по Д. Пьери), датирующемуся V – первой половиной VI в.³⁶ Выявлены в засыпи и довольно редкие в Херсонесе североафриканские амфоры типа Keay-LXII или Albenga 11–12 450–525 гг.³⁷ и типа Keay-VIII 475–550 гг.³⁸ Значительную группу составляют фрагменты красноглиняных круглодонных же-

²¹ Böttger 1982, 44–45, taf. 21, 14–15.

²² Opaït 1996, 217–218.

²³ Зеест 1960, 23, табл. XXXIX, 100.

²⁴ Opaït 2004, 29.

²⁵ Сазанов 1993.

²⁶ Opaït 2004, 29–30.

²⁷ Pieri 2005, 70–75, pl. 1–13.

²⁸ Pieri 2005, 104.

²⁹ Fedoseev, Domzalski, Opaït, Kulikov 2010, 79, 81.

³⁰ Riley 1979, 183–186.

³¹ Айбабин 1993/II.

³² Pieri 2005, 75–76, pl. 15–18.

³³ Зеест 1960, 120, табл. XXXIX, 99а, б.

³⁴ Романчук, Сазанов, Седикова 1995, 36.

³⁵ Pieri 2005, 105–106.

³⁶ Pieri 2005, 86.

³⁷ Opaït 2004, 36.

³⁸ Opaït 2004, 36.

лобчатых амфор типа *Oraiṭ* B-Id³⁹ (тип 5 по херсонесской классификации 1971 г.⁴⁰; типа XVI по Кузманову⁴¹; классы 6 и 8 по херсонесской классификации 1995 г.⁴²). А. Опайт считает рассматриваемые амфоры поздним вариантом постепенно меняющегося морфологического типа (тип В-I), который бытовал с III в. (амфоры Зеест 72⁴³) по VII в. Следует отметить, что в комплексе присутствуют и фрагменты амфор раннего типа *Oraiṭ* B-1b (Кузманов XV⁴⁴; Böttger III.1⁴⁵), предшествовавших, по мнению А. Опайта, сосудам позднего варианта⁴⁶. Однако в Дичине (Болгария) амфоры типов *Oraiṭ* B-1b/c и *Oraiṭ* B-1d сосуществовали вплоть до конца VI в. или даже начала VII в., что, кажется, опровергает это предположение, а факт одновременного бытования, возможно, объясняется их использованием для хранения и перевозки разных (дорогих и дешевых) вин⁴⁷. В. Свон по материалам из раскопок комплексов Дичина делает вывод, что поздний вариант *Oraiṭ* B-1d, отличающийся от более ранних в том числе и значительно меньшими размерами, начинает появляться к концу V в.⁴⁸

Краснолаковая посуда представлена группой «Понтийская краснолаковая»⁴⁹, которая доминировала на черноморском рынке с конца IV до середины V в. Во второй половине V в. ее количество постепенно уменьшается и в начале VI в. сходит на нет, что связывают с интенсивным притоком в регион посуды группы «Фокейская краснолаковая»⁵⁰. Ее фрагменты составляют в комплексе довольно большую часть, включающую немногочисленные фрагменты мисок формы 5, которую Дж. Хейс датирует второй половиной V – первой половиной VI в.⁵¹, и многочисленные фрагменты сосудов формы 3, преимущественно типов В, С, D и E, которые Дж. Хейс датирует соответственно 460–475 гг. (типы В, С), концом V в. (тип D) и началом VI (тип E)⁵². Имеются и немногочисленные фрагменты типа F, относимого Хейсом ко второй четверти VI в.⁵³, но, скорее всего, бытовавшего и позже, как минимум до последней четверти столетия. Среди многочисленных доньев посуды этой группы несколько имеют клейма, самое позднее из которых – мотив 67 группы III – Дж. Хейс относит к концу V – середине VI в.⁵⁴ Из фрагментов стеклянных изделий, представленных довольно широким ассортиментом сосудов и охватывающих большой отрезок времени (начиная с первых веков н.э. до VI в. включительно), следует выделить подставки рюмок с двойными стенками, которые появляются в большинстве районов Средиземноморья во второй

³⁹ *Oraiṭ* 2004, 28–29.

⁴⁰ Антонова, Даниленко и др. 1971, 85.

⁴¹ Кузманов 1985, 22–24, табл. 12; 13 A126–127.

⁴² Романчук, Сазанов, Седикова 1995, 24–26.

⁴³ Зеест 1960, 111.

⁴⁴ Кузманов 1985, 20–22, табл. 10, 11.

⁴⁵ Böttger 1982, 50–51, taf. 26, 27.

⁴⁶ *Oraiṭ* 2004, 27.

⁴⁷ Swan 2009, 111.

⁴⁸ Swan 2009, 112.

⁴⁹ *Oraiṭ* 1985, 158–159; Domžalski 2000.

⁵⁰ Domžalski 2002, 164.

⁵¹ Hayes 1972, 338.

⁵² Hayes 1972, 337.

⁵³ Hayes 1972, 338.

⁵⁴ Hayes 1972, 363, fig. 78, 67 i–l.

половине V в. (или скорее всего в самом его конце), а во второй половине VI в. становятся преобладающими⁵⁵.

Для определения времени засыпки цистерны особое значение имеет, с одной стороны, присутствие в комплексе фрагментов мисок формы 3F группы «Фокейская краснолаковая» и отсутствие монет Юстиниана I (самые поздние принадлежат чекану Анастасия I (491–518 гг.)). Эти два факта позволяют предположить, что засыпана цистерна была в самом начале второй четверти VI в.

Таким образом, это самый ранний комплекс, содержащий фрагменты сосудов группы LRBW, а выявленные в нем экземпляры, по-видимому, представляют начальный этап ее бытования, пик которого, судя по херсонесским комплексам, приходится на вторую половину VI в. Возможно, этим объясняются единичные находки такой посуды, в частности, в Фанагории, где позднеантичный материал не выходит за пределы первой половины/середины VI в.

Следует отметить, что сероглиняная керамика с лощеной поверхностью была широко распространена в Северном Причерноморье, где она производилась в течение всей античной эпохи и часто имитировала формы привозных сосудов⁵⁶. Появление в позднеантичное время светлоглиняной лощеной посуды, возможно, было общей тенденцией. Так, «желтая посуда» появляется в поздней группе лощеной керамики в Западном Причерноморье⁵⁷.

Качество блюд рассматриваемой группы говорит о том, что они, скорее всего, производились в одном из «старых» гончарных центров – в мастерских, соблюдавших римские технологические традиции. Не исключено, что правы К. Домжалский и Д.В. Журавлев, выдвинувшие предположение о едином центре или регионе производства PRSW и более ранней краснолаковой посуды группы «Понтийская краснолаковая», хотя возникает вопрос, почему в регионе с сильными и еще не умершими к тому времени традициями производства краснолаковой керамики начали производить сосуды, форма которых имитировала форму краснолаковой посуды, но при этом лощили ее, а не покрывали красным лаком, который в VI в. оставался на пике популярности.

Таким образом, публикуемые находки позволяют сделать еще один шаг в уточнении времени появления и происхождения посуды группы «Позднеримская понтийская лощеная».

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин, А.И. 1993: Погребения кочевнической знати в Крыму конца IV–VI вв. *МАИЭТ* III, 206–211.
- Антонова, И.А., Даниленко, В.Н., Ивашута, Л.П., Кадеев, В.И., Романчук, А.И. 1971: Средневековые амфоры Херсонеса. *АДСВ* 7, 81–101.
- Беляев, С.А. 1968: Краснолаковая керамика Херсонеса IV–VI вв. н.э. В сб.: В.Ф. Гайдукевич (ред.), *Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Сборник статей к столетию со дня рождения академия Сергея Александровича Жебелева, 1867–1967*. Л., 31–38.

⁵⁵ Голофаст 2001, 154–158.

⁵⁶ Кастанян, Арсеньева 1984, 232–233.

⁵⁷ Vagalinski 2002.

- Воронов, Ю.Н. 1983: Краснолаковая керамика Аписилии (V–VI вв.). *Известия Абхазского института языка, литературы и истории им. Д.И. Гулия ГССР* 12, 88–96.
- Голофаст, Л.А. 2001: Стекло ранневизантийского Херсонеса. *МАИЭТ VIII*, 96–260.
- Голофаст, Л.А. 2007: Западный район Херсонеса в ранневизантийское время. *МАИЭТ XIII*, 68–128.
- Голофаст, Л.А., Рыжов, С.Г. 2011: Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX). *МАИЭТ XVII*, 363–411.
- Голофаст, Л.А., Рыжов, С.Г. 2013: Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы X, X-A и X-B). *МАИЭТ XVIII*, 49–161.
- Домжальский, К., Журавлев, Д.В. 2013: Фрагменты понтийской позднеримской лощеной керамики с христианской символикой из Херсонеса. *РА 2*, 137–143.
- Зеест, И.Б. 1960: *Керамическая тара Боспора*. (МИА 83). М.–Л.
- Кастанян, Е.Г., Арсеньева, Т.М. 1984: Керамика. В кн.: Г.А. Кошеленко, И.Т. Кругликова, В.С. Долгоруков (ред.), *Античные государства Северного Причерноморья*. М., 229–233.
- Кузманов, Г. 1985: Ранновизантийская керамика от Тракия и Дакия (IV – начало на VII в.). *Разкопки и проучвания XIII*. София.
- Кутайсов, В.А. 1982: Четырехапсидный храм Херсонеса. *СА 1*, 155–167.
- Кутайсов, В.А., Труфанов, А.А. 2014: Бассейн под четырехапсидным храмом в Херсонесе (раскопки 1977–1979 гг.). *История и археология Крыма*. 1. Симферополь, 234–280.
- Николаева, Э.Я. *Отчет о работах Ильичевской экспедиции в 1984 г.* Архив ИА РАН. Р-1. № 11181.
- Романчук, А.И. 1975: Слои VII–VIII вв. н.э. в Портовом районе Херсонеса. *АДСВ 11*, 3–13.
- Романчук, А.И. 1976: *Херсонес VI – первой половины IX вв. н.э.* Свердловск.
- Романчук, А.И., Сазанов, А.В. 1991: *Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсонеса. Средневековый Херсон: История, стратиграфия, находки*. Ч. 1. Свердловск.
- Романчук, А.И., Сазанов, А.В., Седикова, Л.В. 1995: *Амфоры из комплексов византийского Херсонеса*. Екатеринбург.
- Сазанов, А.В. 1992: Импортная краснолаковая керамика первой половины VII в. н.э. из Херсонеса. *КСИА 208*, 40–46.
- Сазанов, А.В. 1993: Поздние типы узкогорлых светлоглиняных амфор. *МАИЭТ III*, 16–21.
- Сазанов, А.В. 1994–1995: Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени. *МАИЭТ IV*, 406–433.
- Сазанов, А.В. 2000: Керамические комплексы Боспора 570–580 гг. *ДБ 3*, 221–259.
- Сазанов, А.В., Мокроусов, С.В. 1996: Поселение Золотое Восточное в бухте (Восточный Крым): опыт исследования стратиграфии ранневизантийского времени. *ПИФК 3*, 88–107.
- Єрмолін, О. 2006: Археологічні дослідження античного некрополя Джург-Оба (Керчь) в 2005 році. *Дрогобицький краєзнавчий збірник* 10, 11–44.
- Böttger, V. 1982: Die Gefasskeramik aus dem Kastell Iatrus. In: *Iatrus-Krivina*. Bd. II. *Spatantike Befestigung und frühmittelalterliche Siedlung an der unteren Donau. Ergebnisse und Ausgrabungen 1966–1973*. Berlin.
- Domzalski, 2000: Notes on Late Roman Red Slip Wares in the Bosporan Kingdom. *Rei Creatariae Romanae Fautorum Acta* 36, 161–168.
- Fedoseev, N.F., Domzalski, K., Opaït, A., Kulikov, A.V. 2010: Post-Justinian Pottery Deposit from Pantikapaion-Bosporos: Rescue Excavations at 12, Teatral'naja St. in Kerch, 2006. *Archeologia* 61, 63–94.
- Hayes, J.W. 1972: *Late Roman Pottery*. London.
- Opaït, A. 1985: Einige Betrachtungen zur Spätromischen Keramik mit rotem Überzug. *Dacia* XXIX (1–2), 153–163.

- Opaiț, A. 1996: *Aspecte ale Vieții Economice din Provincia Scythia (secolele IV–VI p.Ch.). Producția ceramicii locale și de import.* București.
- Opaiț, A. 2004: *Local and Imported Ceramics in the Roman Provinces of Scythia (4th – 6th centuries AD)* (BAR IS 1274). Oxford.
- Pieri, D. 2005: *Le commerce du vin oriental à l' époque Byzantine (Ve – VIIe siècles). Le témoignage des amphores en Gaule.* Beyrouth.
- Riley, J.A. The Coarse Pottery from Berenice. In: J.A. Lloyd (ed.), *Excavations at Sidi Khrebish-Benghazi (Berenice)*. (Lybia Antiqua Supplement V.2). Tripoli, 91–467.
- Sazanov, A. 2000: Les ensembles clos de Chersonèse de la fin du VI e – troisième quart du VII e siècles: la chronologie de la céramique. In: M. Kazanski, V. Suopault (eds.), *Les sites archéologiques en Crimée et au Caucase durant l'Antiquité tardive et le haut Moyen Age.* Leiden–Boston–Köln, 123–149.
- Swan, V. 2009: Dichin (Bulgaria): the Destruction Deposits and the Dating of Black Sea Amphorae in the 5th and 6th centuries. In: D. Kassab Tezgör, N. Inaishvili (eds.), *Production and Trade of Amphorae in the Black Sea*. I. (Varia Anatolica XXI). Paris, 107–119.
- Vagalinski, L. 2002: *Burnished Pottery from the First Century to the Beginning of the Seventh Century A.D. from the Region South of the Lower Danube (Bulgaria)*. Sofia.

REFERENCES

- Aybabin, A.I. 1993: Pogrebeniya kochevnicheskoy znati v Krymu kontsa IV–VI vv. [Burials of the Nomadic Nobility of the Late 4th – 6th Centuries in the Crimea]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on Archaeology, History and Ethnography of Tauria] III. Simferopol–Kerch, 206–211.
- Antonova, I.A., Danilenko, V.N., Ivashuta, L.P., Kadeev, V.I., Romanchuk, A.I. 1971: Srednevekove amfory Khersonesa [Medieval Amphorae of Chersonesos]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka* [Antiquity and Middle Ages] 7, 81–101.
- Belyaev, S.A. 1968: Krasnolakovaya keramika Khersonesa IV–VI vv. n.e. [Red-Slipped Ware of the 4th – 6th Centuries AD from Chersonesos]. In: V.F. Gajdukevich (ed.), *Antichnaya istoriya i kul'tura Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya* [Ancient History and Culture of the Mediterranean and Northern Black Sea Coast]. Leningrad, 31–38.
- Böttger, B. 1982: Die Gefasskeramik aus dem Kastell Iatrus. In: *Iatrus-Krivina*. Bd. II. *Spatantike Befestigung und fruhmittelalterliche Siedlung an der unteren Donau. Ergebnisse und Ausgrabungen 1966–1973*. Berlin.
- Domzalski, 2000: Notes on Late Roman Red Slip Wares in the Bosporan Kingdom. *Rei Creatariae Romanae Fautorum Acta* 36, 161–168.
- Domzhal'ski, K., Zhuravlev, D.V. 2013: Fragmenty pontiyskoy pozdnerimskoy loshchenoy keramiki s hristianskoy simbolikoy iz Khersonesa [Fragments of the Pontic Late Roman Burnished Ware with Christian Symbolism from Chersonesos]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology] 2, 137–143.
- Ermolin, O. 2006: Arkheologichni doslidzhennya antichnogo nekropolya Dzhurg-Oba (Kerch) v 2005 rotsi [Archaeological Investigations of Dzhurg-Oba Ancient Necropolis (Kerch) in 2005]. *Drogobits'kyj kraeznavchyy zbirnik* [Drogobych Regional Studies] 10, 11–44.
- Fedoseev, N.F., Domzalski, K., Opaiț, A., Kulikov, A.V. 2010: Post-Justinian Pottery Deposit from Pantikapaion-Bosporos: Rescue Excavations at 12, Teatral'naja St. in Kerch, 2006. *Archeologia* 61, 63–94.
- Golofast, L.A. 2001: Steklo rannevizantiyskogo Khersonesa [Glass of the Early Byzantine Chersonesos]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on Archaeology, History and Ethnography of Tauria] VIII. Simferopol–Kerch, 96–260.

- Golofast, L.A. 2007: Zapadnyy rayon Khersonesa v rannevizantiyskoe vremya [Western District of Chersonesos in the Early Byzantine Period]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on Archaeology, History and Ethnography of Tauria] XIII. Simferopol–Kerch, 68–128.
- Golofast, L.A., Ryzhov, S.G. 2011: Severnyy rayon Khersonesa v rannevizantiyskoe vremya (kvartaly VIII i IX) [Northern District of Chersonesos in the Early Byzantine Period (quarters VIII and IX)]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on Archaeology, History and Ethnography of Tauria] XVII. Simferopol–Kerch, 363–411.
- Golofast, L.A., Ryzhov, S.G. 2013: Severnyy rayon Khersonesa v rannevizantiyskoe vremya (kvartaly X, X-A i X-B) [Northern District of Chersonesos in the Early Byzantine Period (quarters X, X-A and X-B)]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on Archaeology, History and Ethnography of Tauria] XVIII. Simferopol–Kerch, 49–161.
- Hayes, J.W. 1972: *Late Roman Pottery*. London.
- Kastanyan, E.G., Arsenyeva, T.M. 1984: Keramika [Ceramics]. In: G.A. Koshelenko, I.T. Kruglikova, V.S. Dolgorukov (eds.), *Antichnye gosudarstva Severnogo Prichernomor'ya* [Ancient States of the Northern Black Sea Region]. M., 229–233.
- Kuzmanov, G. 1985: Rannovizantiyskaya keramika ot Trakiya i Dakiya (IV – nachalato na VII v.) [Early Byzantine Pottery from Tracia and Dacia]. *Razkopki i prouchvania XIII* [Excavations and Investigations XIII]. Sofia.
- Kutaysov, V.A. 1982: Chetyrekhapsidnyy Khram Khersonesa [The Four-Apses Church of Chersonesos]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 1, 155–167.
- Kutaysov, V.A., Trufanov, A.A. 2014: Basseyn pod chetyrekhapsidnym khramom v Khersonese (raskopki 1977–1979 gg.) [Pool under the Four-Apses Church in Chersonesos (1977–1979 excavations)]. *Istoriyai i arkheologiya Kryma* [History and Archaeology of the Crimea] 1. Simferopol, 234–280.
- Nikolaeva, E.Ya. Otchet o rabotakh Il'ichevskoy ekspeditsii v 1984 g. [Report on the Excavations of Il'ich Expedition in 1984]. Archives of the Institute of Archaeology RAS. R-1. No. 11181.
- Opaït, A. 1985: Einige Betrachtungen zur Spätromischen Keramik mit rotem Überzug. *Dacia* XXIX (1-2), 153–163.
- Opaït, A. 1996: *Aspecte ale Vieții Economice din Provincia Scythia (secolele IV–VI p.Ch.). Producția ceramicii locale și de import*. București.
- Opaït, A. 2004: Local and Imported Ceramics in the Roman Provinces of Scythia (4th – 6th centuries AD) (BAR IS 1274). Oxford.
- Pieri, D. 2005: *Le commerce du vin oriental à l'époque Byzantine (Ve – VIIe siècles). Le témoignage des amphores en Gaule*. Beyrouth.
- Riley, J.A. The Coarse Pottery from Berenice. In: J.A. Lloyd (ed.), *Excavations at Sidi Khrebish-Benghazi (Berenice)*. (Lybia Antiqua Supplement V.2). Tripoli, 91–467.
- Romanchuk, A.I. 1975: Sloi VII–VIII vv. n.e. v Portovom rayone Khersonesa [7th - 8th centuries Layers in the Port District of Chersonesos]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka* [Antiquities and Middle Ages] 11, 3–13.
- Romanchuk, A.I. 1976: *Khersones VI – pervoy poloviny IX vv.n.e.* [Chersonesos of the 6th – First Half of the 9th Centuries AD]. Sverdlovsk.
- Romanchuk, A.I., Sazanov, A.V. 1991: *Krasnolakovaya keramika rannevizantiyskogo Khersona. Srednevekovyy Kherson: Istoriya, stratigrafiya, nakhodki* [Red-slipped Ware of the Early Byzantine Cherson. Medieval Cherson: History, Stratigraphy, Finds]. Pt. 1. Sverdlovsk.
- Romanchuk, A.I., Sazanov, A.V., Sedikova, L. V. 1995: *Amfory iz kompleksov vizantiyskogo Khersona* [Amphorae from the Byzantine Deposits of Cherson]. Yekaterinburg.
- Sazanov, A.V. 1992: Importnaya krasnolakovaya keramika pervoy poloviny VII v. n.e. iz Khersonesa [Imported Red-Slipped Ware of the First Half of the 7th Century from

- Chersonesos]. *Kratkie soobshhenie Instituta arkheologii RAN* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 208, 40–46.
- Sazanov, A.V. 1993: Pozdnie tipy uzkogorlykh svetloglinyanykh amfor [Late Types of the Narrow-necked Light-colored Amphorae]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on Archaeology, History and Ethnography of Tauria] III. Simferopol–Kerch, 16–21.
- Sazanov, A.V. 1994–1995: Krasnolakovaya keramika Severnogo Prichernomor'ya rannevizantiyskogo vremeni [Early Byzantine Red-Slipped Ware of the Northern Black Sea Coast]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on Archaeology, History and Ethnography of Tauria] IV. Simferopol–Kerch, 406–433.
- Sazanov, A.V. 2000: Keramicheskie komplekсы Bospora 570–580 gg. [Bosporan Pottery Deposits of 570–580 AD]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosphorus] 3, 221–259.
- Sazanov, A. 2000: Les ensembles clos de Chersonèse de la fin du VI e – troisième quart du VII e siècles: la chronologie de la céramique. In: M. Kazanski, V. Suopault (eds.), *Les sites archéologiques en Crimée et au Caucase durant l'Antiquité tardive et le haut Moyen Age*. Leiden–Boston–Köln, 123–149.
- Sazanov, A.V., Mokrousov, S.V. 1996: Poselenie Zolotoe Vostochnoe v bukhte (Vostochnyy Krym): opyt issledovaniya stratigrafii rannevizantiyskogo vremeni [Zolotoe Vostochnoe Settlement in the Bay]: Investigation Experience of the Early Byzantine Stratigraphy. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 3, 88–107.
- Swan, V. 2009: Dichin (Bulgaria): the Destruction Deposits and the Dating of Black Sea Amphorae in the 5th and 6th centuries. In: D. Kassab Tezgör, N. Inaishvili (eds.), *Production and Trade of Amphorae in the Black Sea*. I. (Varia Anatolica XXI). Paris, 107–119.
- Vagalinski, L. 2002: *Burnished Pottery from the First Century to the Beginning of the Seventh Century A.D. from the Region South of the Lower Danube (Bulgaria)*. Sofia.
- Voronov, Yu.N. 1983: Krasnolakovaya keramika Apsilii (V–VI vv.) [Red-Slipped Ware from Apsiliya (5th–6th centuries AD)]. *Izvestiya Abkhazskogo instituta yazyka, literatury i istorii im. D.I. Gulia GSSR* [Proceedings of D.I. Gulia Abkhaz Institute of Language, Literature and History] 12. Tbilisi, 88–96.
- Zeest, I.B. 1960: *Keramicheskaya tara Bospora* [Bosporan Ceramic Ware] (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and Investigations on the Archaeology of the USSR] 83. Moscow–Leningrad.

ON THE ORIGIN OF THE LATE ROMAN PONTIC BURNISHED WARE

Larisa A. Golofast*, Stanislav G. Ryzhov**

* *Institute of Archaeology of RAS, Moscow, Russia*

larisa_golofast@mail.ru

** *National Preserve "Tauric Chersonesos", Sevastopol, Russia*

stapolis@yandex.ru

Abstract. The article presents two dishes of the group recently identified as the Late Roman Pontic Burnished Ware (LRPB). The vessels have been found in Chersonesos in the cistern filled up most likely at the very beginning of the second quarter of the 6th century. All characteristics of the presented vessels completely coincide with those of the main body of the group for the exception of fabric color. They are grey-colored whilst all the rest are beige of different tints. Their high-quality even firing excludes mistakes in the course of manufacturing. This allows

suggesting the origin of LRPBW from grey-clayed ceramics with burnished surface widely spread on the Northern Black Sea Region where it was produced through the whole antique period and frequently imitated the shapes of imported vessels. Appearance of the light-clay burnished ware is likely to have been a common trend in the late antique period. For example, «yellow vessels» emerged in the late group of burnished ware on the Western Black Sea coast. Deposit that contained the dishes presented is the earliest one among those with LRPBW that permits to regard them as the initial phase of the group and thus to reconsider thesis about its purely «red-slipped» origin supported by many researchers.

Keywords: Northern Black Sea Region, Early Byzantine Period, Late Roman Pontic Burnished Ware (LRPB)

DOI: 10.18503/1992-0431-2018-3-61-60–72

ЛЕПНАЯ КЕРАМИКА ИЗ ОБЪЕКТОВ И СЛОЕВ III–VI вв. н.э. БОСПОРСКОГО ГОРОДА КИТЕЯ

Н.А. Гаврилюк*, Е.А. Молев**

**Институт археологии НАН Украины, Киев, Украина*
gavrylyuk_na@ukr.net

***Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия*
molev.eugeny@yandex.ru.

Аннотация. Статья посвящена исследованию лепной керамики III–VI вв. н.э. из раскопок боспорского города Китея 1970–1995 гг. Выделены основные виды и типы сосудов, рассмотрена их хронология. Отдельно рассмотрены этнографические признаки лепной посуды и соотношение греческой, боспорской и варварской керамики среди находок. На сегодняшний день в наборе лепной керамики Китея III–VI вв. лепная керамика греческой группы составляет 22%, боспорской – 62, а северокавказской – 16%.

Ключевые слова: Боспор, Китей, лепная керамика, посуда, светильники, варвары

Лепная посуда в общем количестве находок из Китея по материалам раскопок 1970–1995 гг. составляет всего около 9,5%. комплексе посуды ее процент несколько выше – 37,8%. Среди светильников лепные составляют лишь пятую часть находок¹. Тем не менее, это очень важный и информативный материал, позволяющий судить о многих сторонах жизни древнего города Китея в позднеантичный период его истории.

Слой этого времени представляет собой светло-серый гумус мощностью 0,5–1,6 м. Он прослеживается в раскопах I и II, в которых найдены материалы, датируемые временем не позднее IV в. н.э. В раскопе IV встречается керамика и более позднего времени. Материалы последнего периода существования городища отмечены в зольнике раскопа II, в некоторых ямах, пифосе и при расчистке некоторых фундаментов². Лепная керамика, из слоя и объектов, датированных этим временем, представлена коллекцией из 55 сосудов (табл. 1), в которой представлены две группы – закрытые и открытые.

Данные об авторах: Гаврилюк Надежда Авксентьевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии НАН Украины; Молев Евгений Александрович – доктор исторических наук, профессор Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

¹ Молев 2010, 208.

² Молев, 2010, 29-30.

Таблица 1

Основные виды и типы лепной керамики Китея III–VI вв. н.э.

Виды и типы сосудов	III–VI вв. н.э.	Всего сосудов типа	% в общем количестве
ГОРШКИ			
с раструбом	4	30	13,3
с прямым горлом	1	28	3,6
с дуговидной в разрезе шейкой	5	15	
слабопрофилированные	1	9	
С выступом для крышки и крышка	3	6	
СОСУДЫ С РУЧКАМИ			
кувшины	13	40	
горшки-кувшины	4	38	
кружки	2	4	
КОТЛЫ (горшки без горла)	1	7	
МИСКИ			
с завернутым внутрь венчиком	2	25	
в форме усеченного конуса	5	28	
с широким отогнутым венчиком	1	13	
с ручками-налепами на стенке	3	8	
КУЛЬТОВЫЕ СОСУДЫ			
Мисочки полусферические (солонки)	2	16	
Чашки на высоких ножках	6	10	
Амфориск	1	1	
СВЕТИЛЬНИКИ			
открытые, круглые с небольшим носиком	1	9	
Всего	55	343	

Наиболее многочисленна группа закрытых сосудов, в составе которой преобладали горшки нескольких типов, в первую очередь – *горшки с дуговидной в разрезе шейкой* (рис. 1, 3–7). Горшки этого типа найдены в раскопах I и IV. Особенностью сосудов с дуговидной шейкой этого периода – наличие не верхнем срезе венчика прочерченного орнамента – в виде волнистой линии (рис. 1, б) или елочного узора (рис. 1, 7). Аналогичным образом украшены венчики мисок из Мирмекия, Тиритаки датируемые II–IV вв. н.э.³ Ближайшими формальными аналогиями горшкам с дуговидной в разрезе шейкой являются горшки из Тиритаки⁴.

³ Кастанаян 1981, 146, табл. IX. 1; XIII.1.

⁴ Кастанаян 1952, 279, рис. 40. 1; 41. 7.

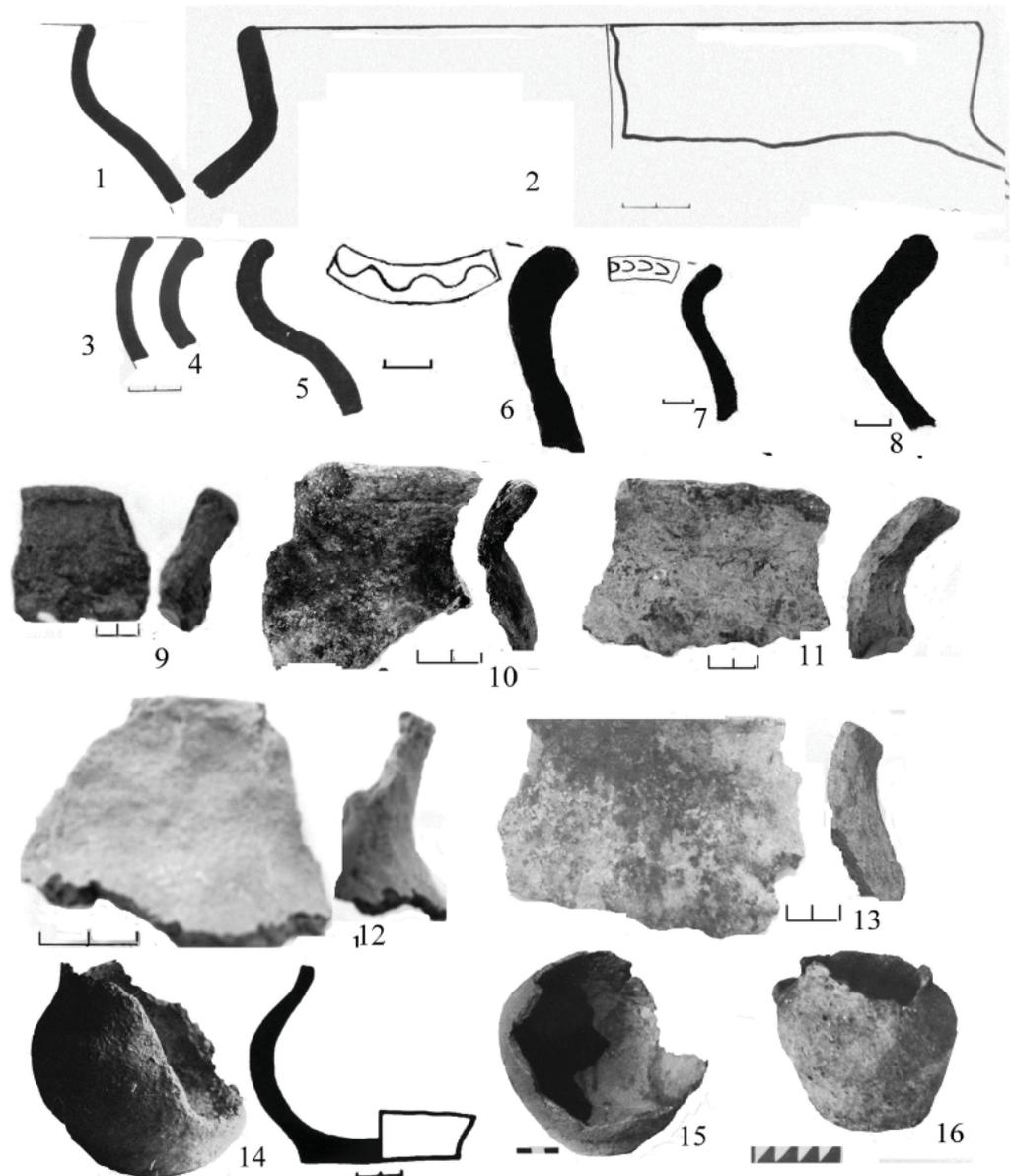

Рис. 1. Горшки из слоев III–VI вв.: с прямым горлом (1, 2, 12); с дуговидной в разрезе шейкой (3–7); с горлом, отогнутым в виде раструба (8–11); слабопрофилированный (13); горшки без венчиков (14–16):

1–4 – раскоп 1, квадрат 3/4 (1970 г.); 5 – раскоп 1, квадрат 5 (1972 г.); 6, 7 – раскоп 4, квадрат В7, п.о. 13 и 73 (1992 г.); 8 – раскоп 2, квадрат 14 (1993 г.); 9–13 – раскоп 2, квадрат 19 (2009 г.); 14 – раскоп 4, квадрат В2/8 п.о. 28 (1986 г.); 15 – раскоп 1, квадрат 13 (1976 г.)
16 – раскоп 1, между ямами 28 и 29 (1973 г.)

Горшки с горлом, отогнутым в виде раструба (рис. 1, 8–11) представлены фрагментами четырех сосудов, найденных в слоях III–IV вв. Близкими аналогиями таким горшкам являются целые горшки из подвала помещения «З» в Танаисе, погибшего в 40-х годах III в.н.э.⁵ Фрагменты трёх *горшков с прямым горлом* (рис. 1, 1, 2, 12) из Китея также имеют аналогии в материалах подвала помещения «З»⁶.

Слабопрофилированные горшки представлены фрагментом одного сосуда (рис. 1, 13). По форме корпуса все горшки указанных типов относятся к сосудам с равномерно выпуклым туловом и плоским дном (рис. 1, 14, 15).

На базе лепных кастрюль в III–IV вв. формируется группа лепных сосудов с широким отогнутым венчиком – упором для крышки (рис. 2. 1–3). Иногда такие сосуды называют *котлами*. Они найдены в слое и в яме 73 раскопа IV.

Самую большую и разнообразную по формам группу лепной керамики III–IV вв. составляют сосуды с ручками. Здесь преобладают *горшки-кувшины* с петлевидными ручками (рис. 2, 4–7). Большинство таких сосудов найдены в слоях раскопа II, один – в яме 73 раскопа IV. Горшок-кувшин с плоской-ленточной ручкой, прикрепленной верхним краем к венчику сосуда, был орнаментирован наклепным валиком, моделированным частыми глубокими пальцевыми углублениями (рис. 2. 4). Ручки горшков-кувшинов, как и кружек, так и кувшинов были самыми разнообразными – круглыми, прямоугольными, ленточными, ребристыми (рис. 2, 6, 7).

Необычную форму имел сосуд без горла с венчиком загнутым внутрь, с сильно выпуклыми плечиками с петлевидной ручкой на них, которые ребром отделены от придонной части корпуса сосуда. (рис. 2, 8). Сосуд был найден в яме 49 раскопа IV, датируемой II–IV вв.

В материалах Китея присутствует лепные *амфориски* (рис. 2, 9). Это небольшой сосуд с заостренным дном, раздутым в придонной части туловом и высоким, скорее всего, прямым горлом. Отдаленной аналогией ему может быть лепной сосуд конца IV – начала V в. н.э. из Танаиса⁷.

Кружками (ковшами) можно назвать сосуды с отогнутыми выпуклыми (рис. 2, 10) или прямыми (рис. 2, 11) стенками и прикрепленным к венчику или сразу под венчиком вертикальными ручками. По классификации В.П. Власова кружки из Китея можно отнести к «ковшам типа 1», происходящим из поселения Семеновка, склепов Озерное III и Дружное в Крыму и датируемых III–IV вв. н.э.⁸

Кувшины (рис. 3) представлены самыми разнообразными формами. В слоях III–VI вв. продолжают существовать кувшины с ручками, крепившимися к краю венчика и возвышающимися над ним (рис. 3, 3, 6, 9). По классификации В.П. Власова эти находки соответствуют «кувшинам 4 типа, варианта А» и представлены в крымских могильниках III – первой половины V в. н.э. За пределами Крыма они имеют аналогии в материалах Танаиса и могильниках Северного Кавказа⁹.

⁵ Арсеньева, Шелов 1975, 38, 40, рис. 2. 1–3,9.

⁶ Арсеньева, Шелов 1975, 40, рис. 2. 8.

⁷ Арсеньева, Шелов 1975, 39, рис. 1. 1.

⁸ Власов 2003, 108, табл. IX. 6–8.

⁹ Власов 2003, 108, 121, табл. VII. 2–5

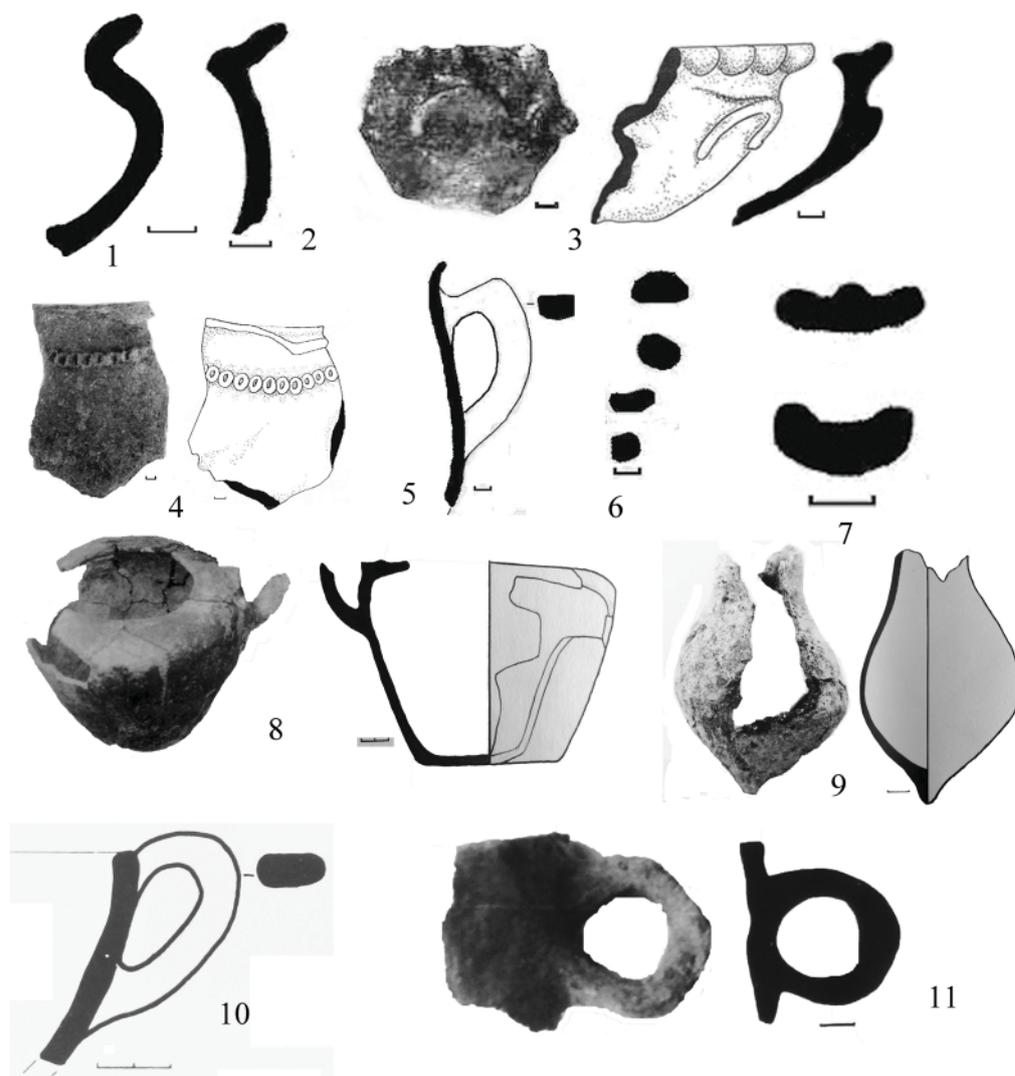

Рис. 2. Сосуды редких форм из слоев III–VI вв.: кастрюли (1, 2); котел (3); горшки с ручками (4–8); амфориск (9); кружки (10, 11):

1, 2, 7 – раскоп 4, квадрат В7, яма 73 (1992 г.); 3 – раскоп 4, квадрат В6/6 (II–IV вв.) (1992 г.); 4–6 – раскоп 2, квадраты 3 и 17 (III–IV вв.) (1993 г.); 8 – раскоп 4, квадрат ВО, яма 49 (II–IV вв.) (1988 г.); 9 – раскоп 4, квадрата ВО (III–IV вв.) (1988 г.); 10 – раскоп 1, квадрат 3 (1970 г.); 11 – раскоп 4, квадрат В2 (вторая половина III–VI вв.) (1986 г.)

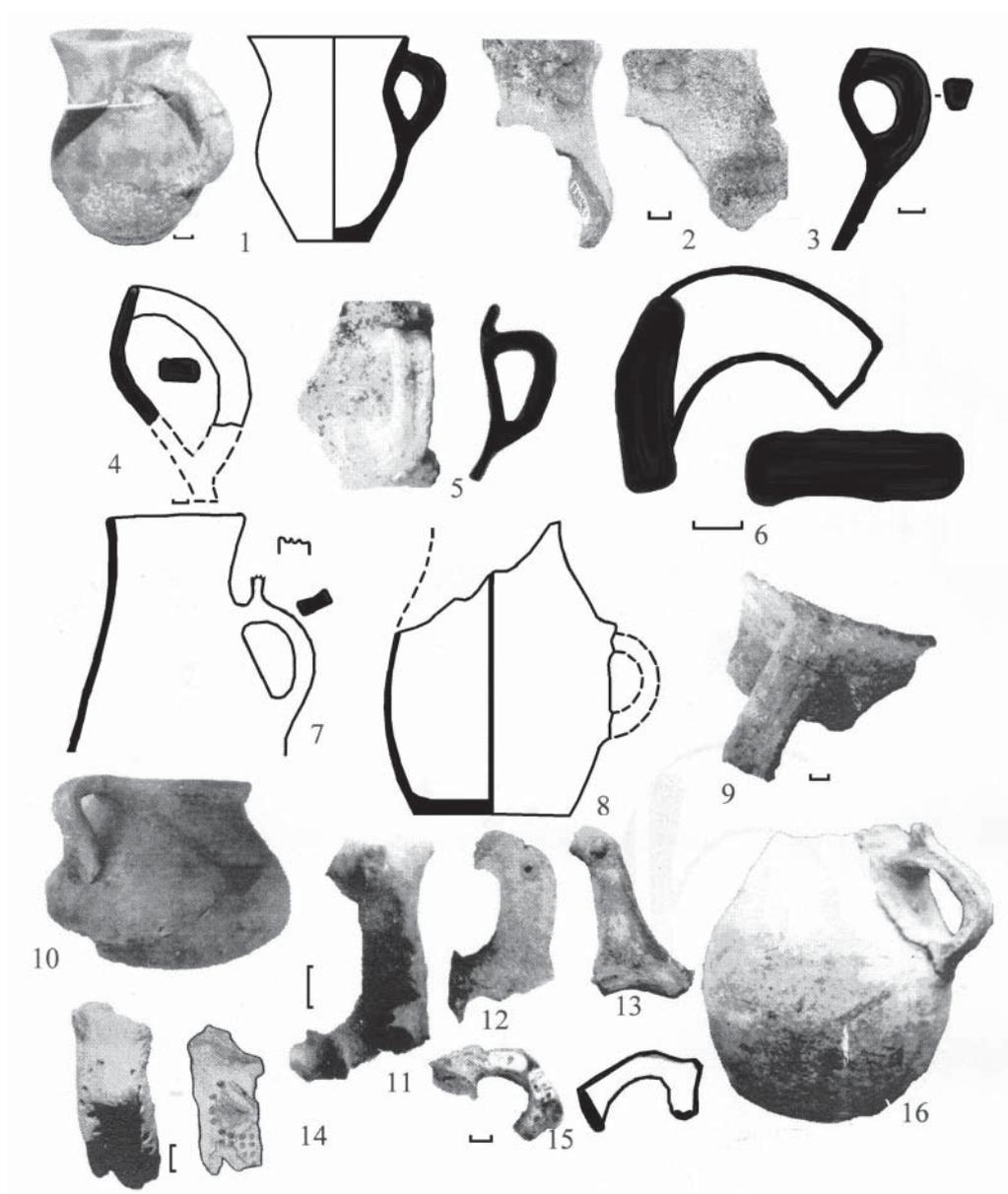

Рис. 3. Кувшины III–VI вв.:

1 – раскоп 2, квадрат 17, КП 160845 (II–IV вв.) (2005 г.); 2 – раскоп 2, квадрат 19 (2009 г.); 3 – раскоп 1, квадрат 3 (1970 г.); 4 – раскоп 1, яма 31 (1973 г.); 5 – раскоп 4, квадрат В2/5, п.о. 10 (1986 г.); 6 – раскоп 1, квадрат 3 (1970 г.); 7 – раскоп 1, квадрат 5/9 (1971 г.); 8 – раскоп 1, квадрат 5/8 (1971 г.); 9, 10 – раскоп 1, яма 35 (1973 г.); 11 – раскоп 4, квадрат 2/1 (1980 г.); 12 – раскоп 2, квадрат 10, п.о. 90, вымостка (II–III вв.) (1989 г.); 13 – раскоп 4, квадрат В5, вымостка, п.о. 96 (1989 г.); 14 – раскоп 4, квадрат В5 (III–IV вв.) (1989 г.); 15 – раскоп 4, квадрат В8, (III–IV вв.), (1992 г.); 16 – подъемный материал (1970 г.)

Второй тип составляют кувшины с ручками, крепившимися под венчиком и на тулове (рис. 3, 1, 2). Оба кувшина найдены в раскопе II; кувшин с раструбовидным горлом по условиям находки датируется II–IV вв. По классификации В.П. Власова эти сосуды соответствуют «кружкам типа 1, подтипа 2 и имеют широкий круг аналогий в Крыму (некрополь Фронтное 2, Бельбек 4, Неапольский, склеп 4 в. н.э. Дружного) и на Северном Кавказе (Чегемский и Подкумский). Исследователь вполне убедительно связывает сосуды этого типа с сармато-аланским населением¹⁰.

В лепном керамическом комплексе города в это время продолжают существовать *кувшины удлинённых пропорций*, с небольшими ручками на тулове сосуда (рис. 3, 7, 8). Найдены оба кувшина в квадрате 5 раскопа I. Кувшины аналогичной формы отнесены В.П. Власовым к типу 2, датируются II – IV вв. н.э. и имеют аналогии в синхронных памятниках Северного Кавказа¹¹.

Форму *гончарного красноглиняного* кувшинчика повторяет *лепной кувшинчик* с отогнутым венчиком петлевидной ручкой и шаровидным приземистым корпусом из ямы 35 раскопа I (рис. 3, 10).

Особенностью лепной керамики Китея III–VI вв. является появление *кувшинов с зооморфными ручками* (рис. 3, 11–16). К сожалению, единственный археологически целый кувшин этого типа является случайной находкой. У него шаровидное тулово с закругленным днищем. На плечиках сосуда – ручка в виде изогнувшегося кошачьего хищника (рис. 3, 16). Похожее животное представляет ручка сосуда из квадрата 2 раскопа IV (рис. 3, 11). Головка барана (?) изображена на ручке кувшина из квадрата B8 раскопа IV, датируемая по условиям находки III–IV вв. (рис. 3, 15). Головы хищных птиц украшали ручки лепных кувшинов из материалов расчистки вымостки раскопа II (рис. 3, 12), датируемой II–III вв. и из квадрата B5 раскопа IV (рис. 3, 13). Голова неизвестного животного изображена на ручке сосуда из квадрата B5 раскопа IV (рис. 3, 14).

Считается, что появление зооморфных ручек лепной посуды является проявление местных (меото-сарматских) традиций в оформлении посуды¹². В боспорских памятниках такие сосуды датируются I в. до н.э. – IV в. н.э.¹³. Е.Г. Кастанаян отмечает находки лепных сосудов с зооморфными ручками в слоях III в. н.э. в Тиритаке, Мирмекии и Илурате¹⁴.

В III–VI вв. жители Китея продолжают использовать открытые сосуды – *миски* в форме перевернутого *усеченного конуса* (рис. 4, 1–5). Они найдены в слое раскопов I, II, IV и в помещении E раскопа IV. Миски такой же формы, но с *ручками-налепами* на стенках представлены фрагментами двух сосудов (рис. 4, 6, 10). Ручка в виде прямоугольного налепа крепились в средней части стенок. Налеп-ручка миски из помещения E раскопа IV (рис. 4, 10) был оформлен в виде двух конусовидных выступов.

Фрагмент *полусферической миски с широким венчиком - выступом* обнаружен в квадрате 14 раскопа II (рис. 4, 11). Фрагменты *двух мисок с завернутым внутрь*

¹⁰ Власов 2003, 103, 104, 115, табл. 1. 13–15.

¹¹ Власов 2003, 107, 120, табл. VI. 1–5.

¹² Масленников 1990.

¹³ Масленников 2007, 251.

¹⁴ Кастанаян 1981, 78–79.

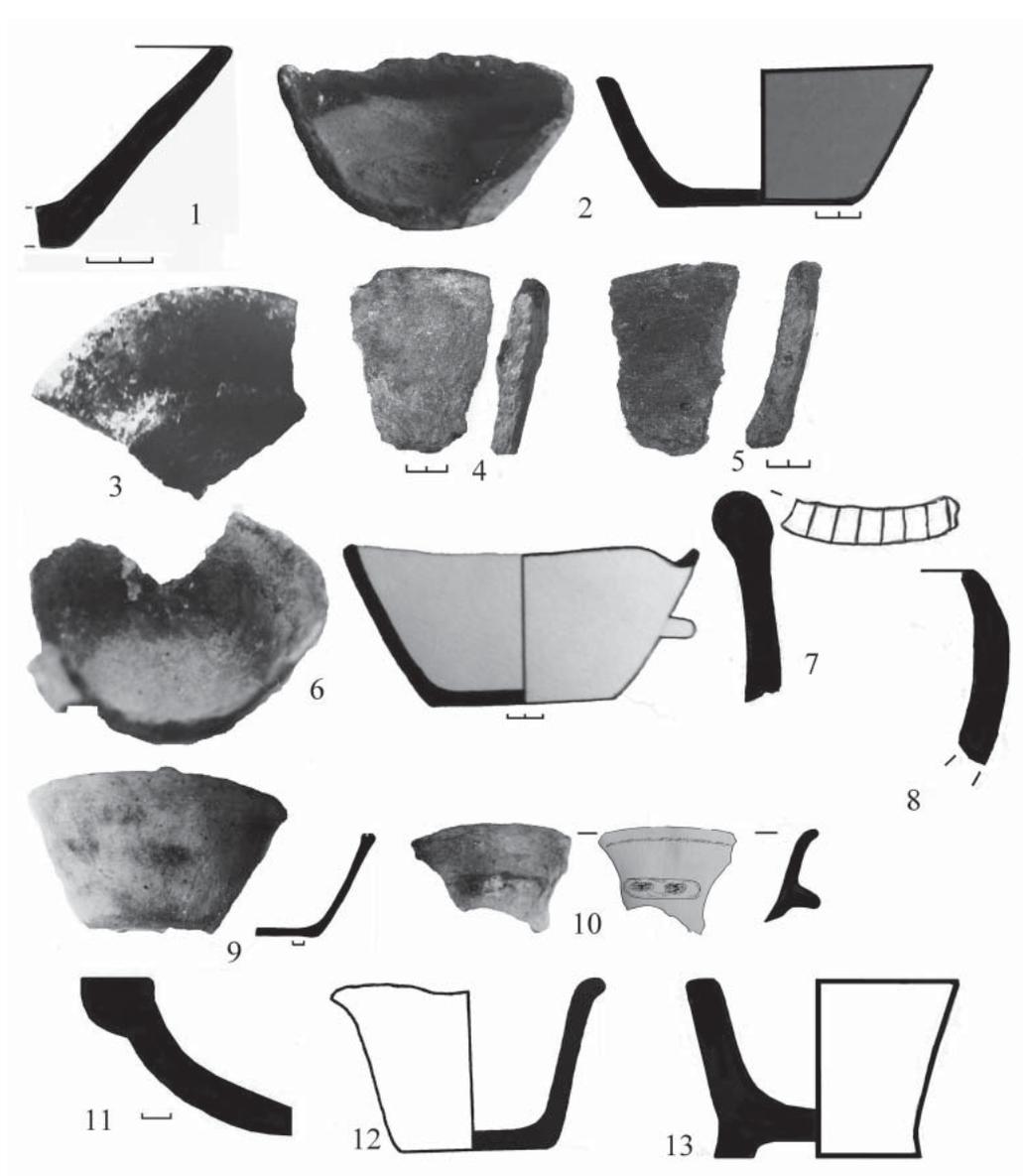

Рис. 4. Миски III–VI вв.:

1 – раскоп 1, квадрат 3/4 (1970 г.); 2 – раскоп 4, квадрат В2/8 п.о. 29 (1986 г.); 3 раскоп 1, квадрат 3 (1970 г.); 4 – раскоп 2, квадрат 20/4 (2009 г.); 5 – раскоп 2, квадрат 19 / 4 (2009 г.); 6 – раскоп 4, квадрат В5, п.о. 71 (1987 г.); 7, 8 – раскоп 4, квадрат 7 (1992 г.); 9, 10 – раскоп 4, квадрат В4, помещение Е (1988 г.); 11, 13 – раскоп 2, квадрат (1993 г.); 12 – раскоп 4, квадрат В4, яма 49 (1988 г.)

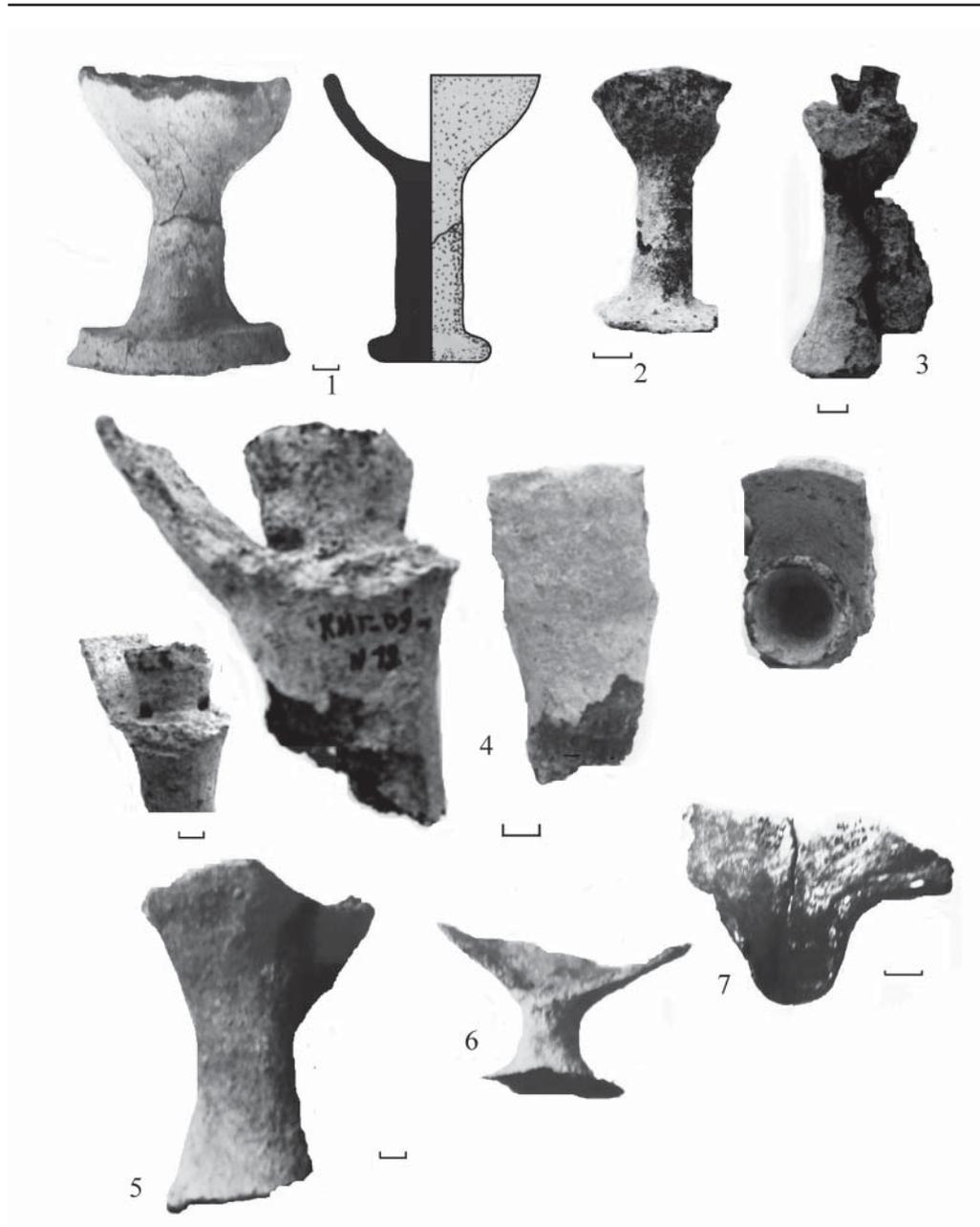

Рис. 5. Чашки на ножке, светильник III–VI вв.:
 1 – раскоп 1, яма 29 (1973 г.) [Молев, 2010, с. 226, рис. 83.2]; 2–4 – раскоп 2, квадрат 19 (2009 г.); 5–7 – раскоп 1, квадрат 3 (1973 г.)

венчиком (рис. 4, 7, 8) происходят из раскопа IV. Две миниатюрных мисочки конусовидной формы с отогнутым краем (рис. 4, 12, 13) найдены, соответственно, в раскопе II и в яме 49 раскопа IV.

Особенностью лепной керамики Китея III–VI вв. является наличие чашек на высокой ножке (рис. 5, 1–6). Чашка из ямы 29 раскопа I¹⁵ имеет верхний резервуар в виде мисочки со слегка загнутым внутрь венчиком. Цилиндрическая ножка заканчивается плоской круглой подставкой (рис. 4, 1). Ближайшей аналогией может быть курильница из ларя-алтаря № 2 I–II вв. н.э. из сельского святилища Генеральское-Восточное в Приазовье¹⁶

Такую же устойчивую плоскую подставку под ножку имеет чашка из квадрата 20 раскопа II (рис. 4, 2). В центре верхнего конусовидного резервуара чашек на высокой ножке из Китея (рис. 5, 3, 4) находился дополнительный цилиндрический сосудик диаметром 3 см. Верхний резервуар чашки на ножке из квадрата 3 раскопа I (рис. 5, 5) по венчику – квадратный. Ножка этого сосуда конусовидная. Чашка на ножке из этого же квадрата раскопа I имела форму «вазочки» – широко открытого сосуда на тонкой высокой ножке на широкой поллой подставке (рис. 5, 6).

Для описываемого периода характерны открытые светильники. В Китее временем III–VI вв. датируется фрагмент светильника с коротким носиком (рис. 5, 7) из квадрата 3 раскопа I.

Светильники – курильницы на ножках часто встречаются в материалах античных центров Боспора. Они особенно характерны для слоев II–III вв., и, как отмечает А.А. Масленников, они обычны и для двух – трех последующих столетий¹⁷. Однако светильники- курильницы с дополнительным цилиндрическими сосудиками в верхнем резервуаре встречаются не так часто. Кроме Китея, они обнаружены в позднеантичных слоях поселения Зеленый Мыс в Крымском Приазовье¹⁸.

Таким образом, лепная керамика Китея из слоев и объектов III–VI вв. состоит из горшков пяти типов, различного происхождения; горшков-кувшинов, кувшинов, кружек. Группа открытых сосудов представлена мисками четырех типов. Культовые сосуды – это светильники и чашки на ножках. Особенность лепной керамики этого периода – появление кувшинов разнообразных форм, в том числе и с зооморфными ручками (табл. 1).

Выводы

Большинство форм лепных сосудов впервые появляются в материалах городища в IV–III вв. до н.э. (табл. 1). Во II–I вв. до н.э. окончательно складывается набор лепной керамики, характерный для античных памятников Боспора. В I–II вв. н.э. в Китее бытуют те основные формы лепной керамики, которые появились в предыдущее время. Количество лепной керамики в слоях III–VI вв. Китея заметно сокращается. Бытовая посуда состоит из горшков пяти типов, горшков-кувшинов, кувшинов, кружек. Открытые сосуды представлены мисками четырех типов. Группа культовых сосудов сводится к светильникам и чашкам на

¹⁵ Молев 2010, 226, рис. 83. 2.

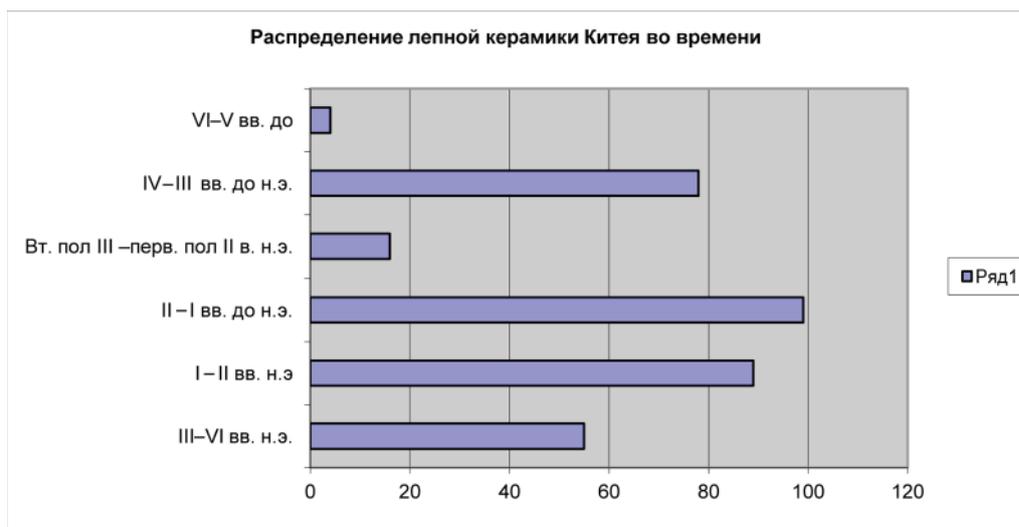
¹⁶ Масленников 2007, 126, 127, рис. 62. 1.

¹⁷ Масленников 2007, 87.

¹⁸ Масленников 1998, рис. В 8. 5.

ножке с цилиндрическими вставками в центральном резервуаре. В этот период появляются лепные кувшины с зооморфными ручками.

Таблица 2
Распределение по периодам лепного керамического комплекса Китея

Аналогии описаным выше сосудам и изучение вопроса происхождения форм лепной посуды позволяют говорить о существовании генетически неоднородных групп лепной керамики и дают возможность проследить их изменения (табл. 3).

Таблица 3
Основные генетические группы лепной керамики Китея

Группы лепной керамики	VI-V вв. до н.э.	IV-III вв. до н.э.	Вт. пол III –перв. пол II в. н.э.	II-I вв. до н.э.	I-II вв. н.э.	III-VI вв. н.э.	всего
Предскифская	2	–	–	–	–	–	2/0,6%
Кизил-кобинская	2						2/0,6%
Греческая	–	57/73%	8	66/67%	39/44%	12/22%	182/53,4%
Боспорская		21/27%	8	33/33%	31/35%	34/62%	127/37,2%
Северо-кавказская (сармато-аланская)					19/21%	9/16%	28/8,2%
Итого	4	78	16	99	89	55	341

В наборе лепной керамики Китея III–VI вв. лепная керамика греческой группы составляет 22%, боспорской – 62%, а северокавказской – 16%.

Таким образом, исследование лепной керамики Китея позволяет говорить о том, что мнение Е.Г. Кастанаян о варварской принадлежности лепной посуды из материалов античных центров Боспора подтверждается лишь частично. Лепная посуда, составляющая часть материальной культуры греков-создателей античных центров Северного Причерноморья, присутствует в материалах античных памятников Боспора в течение всего времени их существования. Состав этой группы лепной посуды одинаков и для Северного Причерноморья и для Крыма. Примесь местной лепной посуды есть всегда, но она не является преобладающей и состав ее в каждом регионе разный.

ЛИТЕРАТУРА

- Арсеньева, Т.М., Шелов, Д.Б. 1975: Работа Нижне-Донской экспедиции в 1970–1972 гг. *КСИА* 143, 38–44.
- Власов, В.П. 2003: Северокавказские параллели в лепной керамике Крыма римского и раннесредневекового времени. *МАИЭТ X*, 98–124.
- Власов, В.П. 2006: О позднескифских миграциях на Боспор. *БИ XI*, 163–176.
- Кастанаян, Е.Г. 1952: Лепная керамика Мирмекия и Тиритаки. В кн.: *Боспорские города*. Ч. 1. *Итоги археологических исследований Тиритаки и Мирмекия в 1935–1940 гг.* (МИА 25). М.–Л., 249–288.
- Кастанаян, Е.Г. 1981: *Лепная керамика боспорских городов*. Л.
- Масленников, А.А. 1990: *Население Боспорского государства в первых веках н.э.* М.
- Масленников, А.А. 1998: *Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху*. М.
- Масленников, А.А. 2007: *Сельские святилища Европейского Боспора*. М.–Тула.
- Молев, Е.А. 2010: *Боспорский город Китей*. (БИ. Suppl. 6). Симферополь–Керчь.

REFERENCES

- Arsenyeva, T.M., Shelov, D.B. 1975: Rabota Nizhne-Donskoy ekspeditsii v 1970–1972 gg. [The work of the Lower-Don Mission in 1970–1972.]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 143, 38–44.
- Kastanayan, E.G. 1952: Lepnaya keramika Mirmekiya i Tiritaki [Handmade ceramics of Myrmekion and Tyrityake]. In: *Bosporskie goroda*. Ch. 1. *Itogi arkheologicheskikh issledovaniy Tiritaki i Mirmekiya v 1935–1940 gg.* [Bosporan cities. Pt. 1. Results of archaeological research of Tyrityake and Myrmekion in 1935–1940]. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and Investigations on the Archaeology of the USSR]. 25). Moscow–Leningrad, 249–288.
- Kastanayan, E.G. 1981: *Lepnaya keramika bosporskikh gorodov* [Handmade ceramics of Bosporan cities]. Leningrad.
- Maslennikov, A.A. 1990: *Naselenie Bosporskogo gosudarstva v pervykh vekakh n.e.* [The population of the Bosporan state in the first centuries AD]. Moscow.
- Maslennikov, A.A. 1998: *Ellinskaya khora na krayu Oykumeny. Sel'skaya territoriya evropeyskogo Bospora v antichnuyu eporhu* [Hellenic chora on the margin of the Oecumene. Rural territory of the European Bosphorus in the Classical epoch]. Moscow.
- Maslennikov, A.A. 2007: *Sel'skie svyatilishcha Evropeyskogo Bospora* [Rural sanctuaries of the European Bosphorus]. Moscow–Tula.
- Molev, E.A. 2010: *Bosporskiy gorod Kitey* [Bosporan city of Kytaiion] (Bosporskie issledovaniya [Bosporos studies]. Supplementum 6). Simferopol–Kerch.

- Vlasov, V. P. 2003: Severokavkazskie paralleli v lepnoy keramike Kryma rimskogo i ranne-srednevekovogo vremeni [North-Caucasian parallels for the handmade ceramics of the Crimea of the Roman and Early-Medieval Times]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on Archaeology, History and Ethnography of Tauria] X. Simferopol, 98–124.
- Vlasov, V.P. 2006: O pozdneskifskikh migratsiyakh na Bospore [Late-Scythian Migrations to the Bosporus]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporos Studies] XI, 163–176.

HANDMADE CERAMICS FROM THE 3rd – 4th CENTURIES AD OBJECTS AND LAYERS OF KYTAION

Nadezhda A. Gavrilyuk*, Evgeny A. Molev**

**Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev, Ukraine*
gavrylyuk_na@ukr.net

***N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia*
molev.eugeniy@yandex.ru

Abstract. The paper is a publication of the handmade ceramics of the 3rd – 4th centuries AD from the 1970–1995 excavations at the Bosporan city of Kytaion. The authors distinguish the main kinds and types of vessels and consider their chronology. Ethnographic features of the handmade ware and the ratio of Greek, Bosporan and barbaric ceramics among finds are specially examined. Today, the handmade ceramics from the 3rd – 4th centuries AD layers of Kytaion is represented by the Greek group – 22%, the Bosporan one – 62%, and the North Caucasian – 16%.

Keywords: Bosporus, Kytaion, stucco molds, barbarians, pots, jugs, bowls

---

DOI: 10.18503/1992-0431-2018-3-61-73–79

КОСТОРЕЗНАЯ МАСТЕРСКАЯ В БОСПОРСКОМ ГОРОДЕ ТИРИТАКА

В.Н. Зинько

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Керчь, Россия
zinko@bfdemetra.org

Аннотация. Боспорский город Тиритака существовал со второй трети VI в. до н.э. по первую треть VII в. н.э., а в раннем средневековье на его территории располагалось поселение и могильник салтово-маяцкой культуры. Систематические археологические раскопки на городище ведутся с 1932 г. В последние годы исследования проводятся в верхнем городе у северной и западной крепостных стен. В 2016–2017 гг. у западной крепостной стены был открыт дом (СК-VII), датируемый последней четвертью VI – первой третью V в. до н.э. В настоящее время он исследован еще не полностью, открыты лишь два помещения и часть двора с несколькими хозяйственными ямами. В одном из помещений этого дома были найдены многочисленные заготовки как из трубчатых костей, так и из рога, а также орудия труда и готовые костяные изделия. Судя по находкам, в этом помещении располагалась косторезная мастерская, в которой работал мастер достаточно высокой квалификации, использовавший при изготовлении костяных изделий токарный станок. Это первая косторезная мастерская, открытая в городе и датируемая таким ранним временем.

Ключевые слова: Боспор Киммерийский, город Тиритака, позднеархаические постройки, косторезная мастерская

Боспорский город Тиритака датируется второй третью VI в. до н.э. – первой третью VII в. н.э., а в раннем средневековье на его территории располагалось поселение и могильник салтово-маяцкой культуры. Систематические археологические раскопки на городище были начаты в 1932 г. Ю.Ю. Марти, а затем продолжены В.Ф. Гайдукевичем. В последние годы исследования проводятся в верхнем городе у северной (раскоп XXVII) и западной (раскоп XXVII) крепостных стен. В южной части раскопа XXVII (рис. 1) в 2016–2017 гг. был открыт дом (СК-VII), датируемый последней четвертью VI – первой третью V в. до н.э. В настоящее время он исследован еще не полностью, открыты лишь два помещения и часть двора с несколькими хозяйственными ямами.

Особый интерес представляет помещение № 1. Оно имело почти квадратную форму с внутренними размерами 4,35 (ЗСЗ–ВЮВ)×4,65 (С–Ю) м (рис. 2). В центральной части помещения на глиняном полу сохранилось круглое красное прокалившееся пятно от очага размерами 0,50×0,50 м.

Данные об авторе: Зинько Виктор Николаевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского.

Рис. 1. Тиритака. Раскоп XVII. Вид сверху

Рис. 2. Тиритака. Помещение № 1 СК-VII. Вид с севера

Рис. 3. Часть южной стены № 53 с сырцовыми кирпичами. Вид с севера

С севера помещение ограничено стеной № 50 шириной 0,60–0,63 м. Она сложена из необработанных и слегка подтесанных известняковых камней размерами от 0,10×0,07×0,05 м до 0,50×0,35×0,26 м. Кладка каменного цоколя постелистая, иррегулярно-регулярная. Западная стена № 51 этого помещения имеет длину 4,65 м при ширине каменного цоколя 0,57–0,62 м. Каменный цоколь стены сложен из необработанных и слегка подтесанных известняковых камней размерами от 0,10×0,07×0,04 м до 0,43×0,31×0,22 м. Кладка постелистая, иррегулярно-регулярная, местами сохранилась на высоту трех-четырех рядов. В южной части стены над каменным цоколем сохранилась сырцовая стена высотой 0,47–0,55 м (до восьми рядов сырцовых кирпичей).

Восточная стена № 52 была шириной 0,55–0,60 м. Ее каменный цоколь сложен в один ряд из необработанных и слегка подтесанных известняковых камней размерами от 0,10×0,07×0,04 м до 0,45×0,30×0,25 м. В южной части стены на каменном цоколе на высоту до 0,24 м сохранились до трех рядов сырцовые кирпичи. Южная часть стены № 52 разрушена поздней хозяйственной ямой.

С юга помещение ограничено стеной № 53, открытой пока только по внутреннему фасу в длину на 4,35 м. Кладка каменного цоколя стены постелистая, иррегулярно-регулярная, местами она сохранилась на высоту трех-четырех рядов. Он сложен из необработанных и слегка подтесанных известняковых камней размерами от 0,09 х 0,07×0,05 м до 0,41×0,30×0,18 м. В южной части стены над каменным цоколем сохранилась сырцовая стена на высоту 0,47–0,55 м до восьми рядов сырцовых кирпичей (рис. 3). Часть стены разрушена поздней хозяйственной ямой № 32.

Рис. 4. Инструменты и заготовки из кости и рога: 1 – костяная проколка; 2 – инструмент из кости зайца; 3,5 – заготовки из верхней части рога оленя; 4 – фрагменты плоских костяных заготовок

Рис. 5. Заготовки и изделия из кости и рога: 1,2 – заготовка из нижней части рога оленя; 3 – долото; 4 – орнаментированная накладка; 5 – плоское кольцо

Еще перед расчисткой заполнения помещения № 1 было установлено, что восточная и юго-западная его части сильно разрушены поздними хозяйственными ямами и перекопами. Слой сырцового заполнения помещения мощностью до 0,30 м включал отдельные камни и зольные пятна. Археологический материал из заполнения помещения № 1 представлен 332 фрагментами керамики и 54 фрагментами костей крупных рогатых животных, а также выявлено 22 заготовки из рогов оленя и 5 плоских заготовок из крупных трубчатых костей¹. Судя по находкам², слой заполнения из помещения 1 СК-VII можно предварительно датировать первой третью V в. до н.э., за исключением материала из перекопов.

Среди различных находок особый интерес представляет комплекс из пяти костяных плоских заготовок (рис. 4, 4), а также заготовки из верхних (рис. 4, 3, 5) и нижних частей (рис. 5, 1–2) рога оленя со следами спила и обработки. Кроме того, на полу в центральной части помещения найдены костяные инструменты и изделия: костяная проколка длиной 9 см, сильно потертая и обломанная с острого конца (рис. 4, 1); инструмент из кости зайца с железным наконечником общей длиной 7 см (рис. 4, 2), небольшое костяное долото длиной 4,5 см с отломанным одним концом (рис. 5, 3); костяная накладка (длина 1,9 см и диаметр 1,3 см), орнаментированная на токарном станке (рис. 5, 4); костяное плоское кольцо диаметром 2,1 см и толщиной 0,2 см (рис. 5, 5).

Различные поделки из кости и рога нередко встречаются при археологических исследованиях Тиритаки, однако впервые в одном помещении был выявлен комплекс, состоящий из орудий труда, заготовок для производства предметов и готовых костяных изделий. Судя по находкам, в этом помещении располагалась косторезная мастерская, в которой работал мастер достаточно высокой квалификации, использовавший при изготовлении костяных изделий токарный станок. Это первая косторезная мастерская, открытая в городе, к тому же датированная таким ранним временем. Среди эллинских переселенцев, прибывших в Тиритаку из Ионии, безусловно, были различные ремесленники, которые сами вели весь процесс производства. В нашем случае он начинался с распилки кости и рога. Особое внимание следует обратить на то, что тиритакский мастер использовал для работы кости и рога только местных животных. Эти особенности характерны и для других боспорских городов³.

ЛИТЕРАТУРА

- Кругликова, И.Т. 1957: Изделия из кости и рога, найденные при раскопках Пантикапея в 1945–1949 гг. В кн.: И.Б. Зеест (отв. ред.), *Пантикапей* (МИА 56), 174–181.
Марченко, И.Д. 1971: Архаическая мастерская оружейника в Пантикапее. *СА 2*, 148–156.
Петерс, Б.Г. 1986: *Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья*. М.

¹ Благодарю А.К. Каспарова за обработку остеологических материалов и ценные консультации.

² Полная публикация всех материалов комплекса в настоящее время готовится к печати.

³ Кругликова 1957, 181; Марченко 1971, 154–155; Петерс 1986, 35–39.

REFERENCES

- Kruglikova, I.T. 1957: Isdeliya iz kosti i roga, naidennye pri paskopkakh Pantikapeya v 1945–1949 gg. [Items made of bone and horn found during excavations at Panticapaeum in 1945–1949]. In: I.B. Zeest (ed.), *Pantikapaion*. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and investigations on the archaeology of the USSR] 56), 174–181.
- Marchenko, I.D. 1971: Arkhaicheskaya masterskaya oruzheynika v Pantikapee [Archaeological workshop of the armorer in Panticapaeum]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archeology] 2, 148–156.
- Peters, B.G. 1971: *Kostoreznoe delo v antichnykh gosudarstvakh Severnogo Prichernomor'ya* [Bone carving in the ancient states of the Northern Black Sea region]. Moscow.

CARVING WORKSHOP IN THE BOSPORUS CITY OF TYRITAKE

Viktor N. Zinko

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
zinko@bfdemetra.org

Abstract. The Bosporan city of Tyritake dates back to the second third of the 6th century BC to the first third of the 7th century AD. In the Early Middle Ages, the settlement and burial ground of the Saltovo-Mayaki culture was located on its territory. Systematic archaeological excavations have been carried out there since 1932. In recent years, research has been conducted in the upper city near the northern and western fortifications. In 2016–2017, a house was unearthed at the western fortress wall (SC-VII), dated back from the last quarter of the 6th to the first third of the 7th century BC. At present, it has not been fully investigated yet. Two rooms and a part of the yard with several household pits have been unearthed. The numerous pieces of both tubular bones and horns, as well as tools and ready-made bone items were uncovered in one of the premises of this house. Judging by the finds in this room, there was a bone-cutting workshop, in which a master of sufficiently high qualification used a lathe for making bone items. This is the first carving workshop discovered in the city, moreover, dated back to such early time.

Keywords: Cimmerian Bosphorus, Tyritake, buildings of the Late Archaic period, bone-carving workshop

---

DOI: 10.18503/1992-0431-2018-3-61-80–89

ОСОБЕННОСТИ РАСПИСНОГО СКЛЕПА КУРГАНА БОЛЬШАЯ БЛИЗНИЦА

Ю.А. Виноградов

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия
vincat2008@yandex.ru

Аннотация. Курган Большая Близница расположен на Таманском полуострове и является одним из наиболее известных курганов Боспора. В 1864 г. в нем был открыт расписной склеп. Гробница была ограблена, но имеются основания считать, что она была построена в начале III в. до н.э. Склеп принадлежит к популярному на Боспоре типу гробниц с уступчатым перекрытием, но конструкция дромоса и погребальной камеры является в некоторых деталях уникальной для Боспора. Перекрытие дромоса было сделано с четырехугольными углублениями (кессонами). Стены были украшены расписным поясом растительного орнамента. Погребальная камера имела уступчатый свод с деталями «диагонального перекрытия» (lantern roofing), характерного для фракийских гробниц этого времени. Роспись камеры была уникальной – голова богини на верхней плите перекрытия. М.И. Ростовцев полагал, что эта роспись была «не вполне греческой». По форме и сакральной значимости ее можно сопоставить с некоторыми фракийскими погребальными памятниками (Казанлыкская гробница, Оструша).

Ключевые слова: античная культура, Боспор Киммерийский, курганы, расписные склепы

Среди монументальных гробниц Боспора Киммерийского расписной склеп (гробница № 2) Большой Близницы является одним из самых известных. Уверен, что любой археолог может легко его представить при одном лишь упоминании. Однако хрестоматийная известность является одной из причин того, что современные исследователи, в частности отечественные, не пытаются проанализировать особенности расписной гробницы, поставить ее в круг подобных памятников. При этом всеми признается, что склеп № 2 является уникальным, и в отношении Боспора это абсолютно верно. Тем не менее стоит обратить внимание, что уникальными являются и склепы Царского, Золотого, да и некоторых других курганов, хотя каждый из них является проявлением или развитием некой культурной традиции, которую в любом случае необходимо проследить. В кургане Большая Близница, как известно, было обнаружено пять гробниц и несколько

Данные об авторе: Виноградов Юрий Алексеевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН.

Публикация подготовлена в рамках программы фундаментальных научных исследований Российской Академии Наук по теме государственной работы № 0184-2018-0007 «Культура античных государств Северного Причерноморья. Субкультуры правящей элиты и рядового населения».

Рис. 1. Раскопки кургана Большая Близница в 1865 г. (рис. Ф. И. Гросса. НА ИИМК РАН, р. 1, д. 692, л. 3). В левой части раскопа виден полуразрушенный склеп № 2

ко тризн¹. Расписной склеп (№ 2) был открыт в 1864 г. директором Керченского музея древностей А.Е. Люценко (рис. 1)². Художник Ф.И. Гросс сразу же сделал необходимые чертежи и зарисовал его внутренний вид (рис. 2; 3; 4). К огромному сожалению, гробница была ограблена, но, благодаря особенностям конструкции и орнаментальному оформлению, ее научная значимость от этого не стала меньше. В.Ф. Гайдукевич вполне обоснованно назвал склеп № 2 наиболее совершенным в художественном отношении из всех гробниц Большой Близницы³.

Склеп № 2 состоял из двух частей: погребальной камеры (3,51 x 3,06 м, высота – 3,78 м) и преддверия или дромоса (2,89 x 1,95 м, высота – 2,84 м). Гробницу обычно датируют концом IV в. до н.э.⁴, концом IV – самым началом III в. до н.э.⁵ или серединой III в. до н.э.⁶ Логичнее считать, что она была сооружена в начале III в. до н.э.

¹ См.: Ростовцев 1913–1914, 12–29; 1924, 371–373; Артамонов 1966, 73, рис. XVI, XXIII; Савостина 1986, 97, № 22; Уильямс, Огден 1995, 180–195; Виноградов 2017а, 236–237, табл. 47–49; 2017б, 196–198.

² ОАК за 1864 г. (1865), IX–X.

³ Гайдукевич 1949, 286.

⁴ Савостина 1986, 97; Boardman, Kurtz 1971, 319.

⁵ Ростовцев 1913–1914, 20.

⁶ Pfrommer 1990, 272, FK 129.

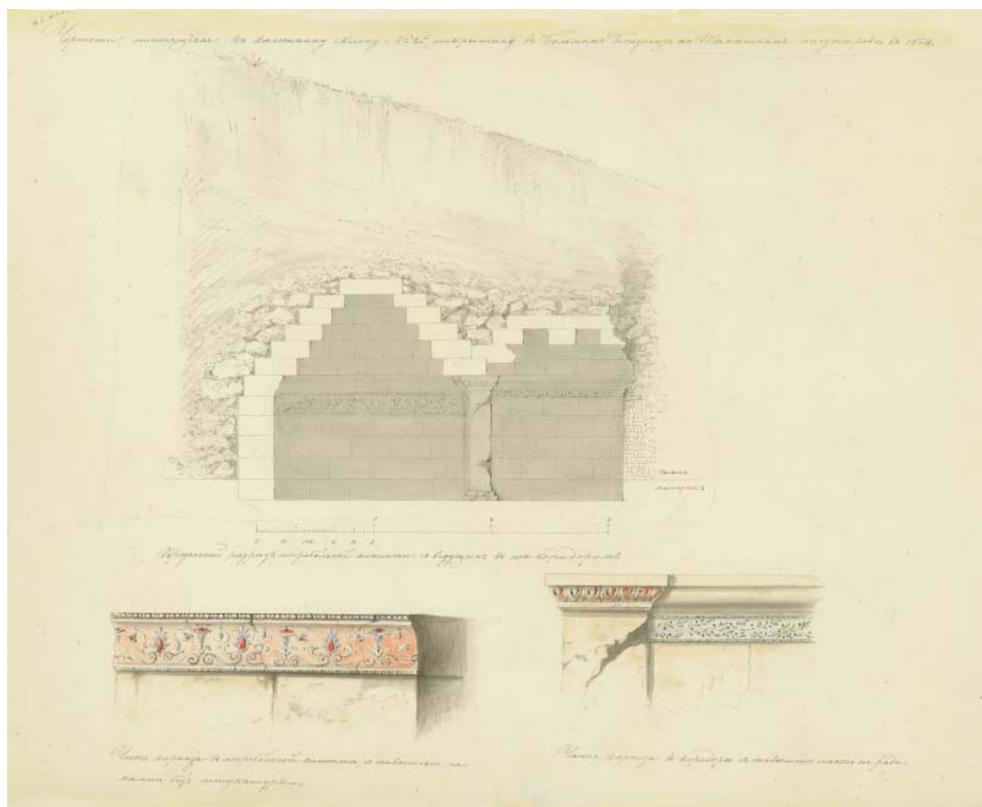

Рис. 2. Склеп № 2 Большой Близицы (рис. Ф. И. Гросса. НА ИИМК РАН, р. 1, д. 564, л. 23)
 1 – продольный разрез склепа; 2 – часть расписного карниза в погребальной камере; 3 – часть расписного карниза в дромосе

При характеристике дромоса все исследователи основное внимание уделяли его росписи, что по-своему понятно. По верхней части стен проходил фриз из растительных узоров, состоящих их цветов и миртовых ветвей (рис. 2; 3). Роспись в виде неширокого фриза для боспорской декоративной живописи является ранним признаком, поскольку именно такой декор зафиксирован в паникапейской гробнице 1908 г., построенной в последние десятилетия IV в. до н.э.⁷, правда, она расписана не растительными узорами, а изображениями различных предметов из палестрического обихода.

Перекрытие дромоса устроено очень необычно в сравнении с другими боспорскими склепами, имеющими уступчатое перекрытие. Поверх карниза были уложены два ряда каменных блоков, образующих два обычных уступа, но уступчатое перекрытие не было доведено до конца – выше поперек дромоса лежали каменные балки, на которых покоились плиты кровли, положенные вдоль этой конструкции (рис. 2; 4). М.И. Ростовцев, обративший внимание на эти странности, заметил, что «строитель не дал себе труда стесать по краям плиты, чтобы как-

⁷ См.: Ростовцев 1913–1914, 70–82; Ернштедт 1955, 250–251; Виноградов, Медведева 2017, 23–25.

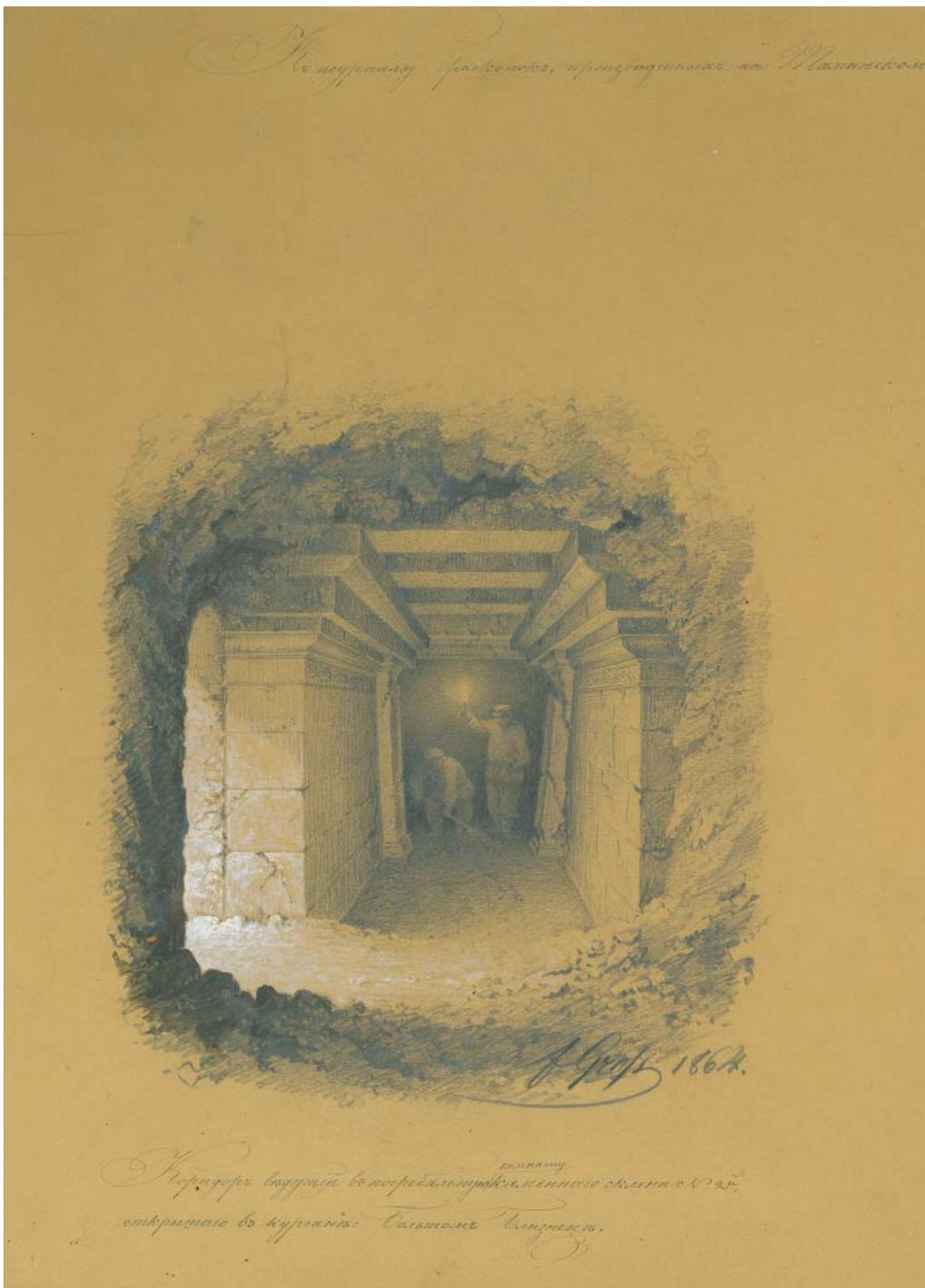

Рис. 3. Дромос склепа № 2 (рис. Ф. И. Гросса. НА ИИМК РАН, р. 1, д. 564, л. 22-1)

нибудь замаскировать образовавшиеся вследствие этого в стенах дромоса отверстия или ниши между каждыми двумя блоками»⁸. Это замечание, на мой взгляд, вряд ли соответствует действительности. Все-таки трудно поверить, что причина такой конструкции свода кроется в простой небрежности строителей. Этому факту стоит подыскать иное объяснение.

По мнению проводившего раскопки А.Е. Люценко, потолок дромоса имел «пустые промежутки вроде метопов»⁹. Такое определение, на мой взгляд, позволяет приблизиться к лучшему пониманию конструкции перекрытия. Нетрудно понять, что строители при сооружении дромоса вполне могли обойтись без каменных балок, уложив плиты перекрытия поперек, т.е. с опорой на стены, как это обычно делалось в боспорских гробницах с плитовым перекрытием. В данном случае они почему-то усложнили свою задачу, причиной чему, возможно, стала довольно значительная ширина дромоса (почти 2 м), хотя гробницы, перекрытые плитами, порой имели большую ширину, к примеру, известная гробница Павловского кургана¹⁰. В результате такого «усложнения» свод оказался расчлененным на ряд углублений, своего рода кессонов. Отдаленную аналогию подобного оформления свода можно найти в фракийской гробнице в Оструше (район Казанлыка), о которой подробнее будет сказано чуть ниже.

Вход в усыпальницу, площадью почти 11 кв. м, был оформлен пилястрами, на которых растительный фриз продолжался. Погребальная камера имела уступчатое перекрытие из шести рядов каменной кладки, расположенных на четыре стороны (рис. 2; 4). Нижний (уступ карниза), а также два вышележащих создавали четырехугольную конструкцию, у четвертого ряда перекрытия были «срезаны» углы, т.е. он был восьмиугольным, пятый – круглым, а шестой – вновь четырехугольным. На этом четырехугольном плафоне находился главный элемент художественного оформления склепа – изображение головы богини, которую обычно считают Деметрой. Общая схема этой орнаментальной композиции в известной степени напоминает купольную гробницу в Казанлыке (Фракия)¹¹, росписи которой имеют глубокий смысл, связанный с представлениями фракийцев о потустороннем мире.

Интереснейшая особенность конструкции этой гробницы – устройство уступчатого перекрытия с плафоном в центре, в котором была исполнена роспись в виде головы богини. Для боспорской архитектуры времени эллинизма такое устройство следует признать в полной мере уникальным. Особо любопытны диагонально срезанные углы одного из рядов кладки перекрытия. В этой особенности можно видеть попытку строителей создать конструкцию типа выступов-пандативов, помогавшую осуществить плавность перехода к вышележащему круглому уступу. Такой прием, как хорошо известно, был использован в Царском кургане¹².

Однако допустимо и иное объяснение. Дело в том, что во Фракии имеется целая группа склепов, отличающихся усложненным устройством уступчатого свода, в которых вышележащие ряды перекрытия не просто нависали над лежащими ниже, но и изменяли ориентировку на 45°, при этом иногда по несколько раз.

⁸ Ростовцев 1913–1914, 17.

⁹ См.: Ростовцев 1913–1914, 16; Виноградов 2017а, 197.

¹⁰ Виноградов, Зинько, Смекалова 2012, 29.

¹¹ Василиев 1958; Живкова 1974.

¹² Гайдукевич 1949, 251, рис. 41.

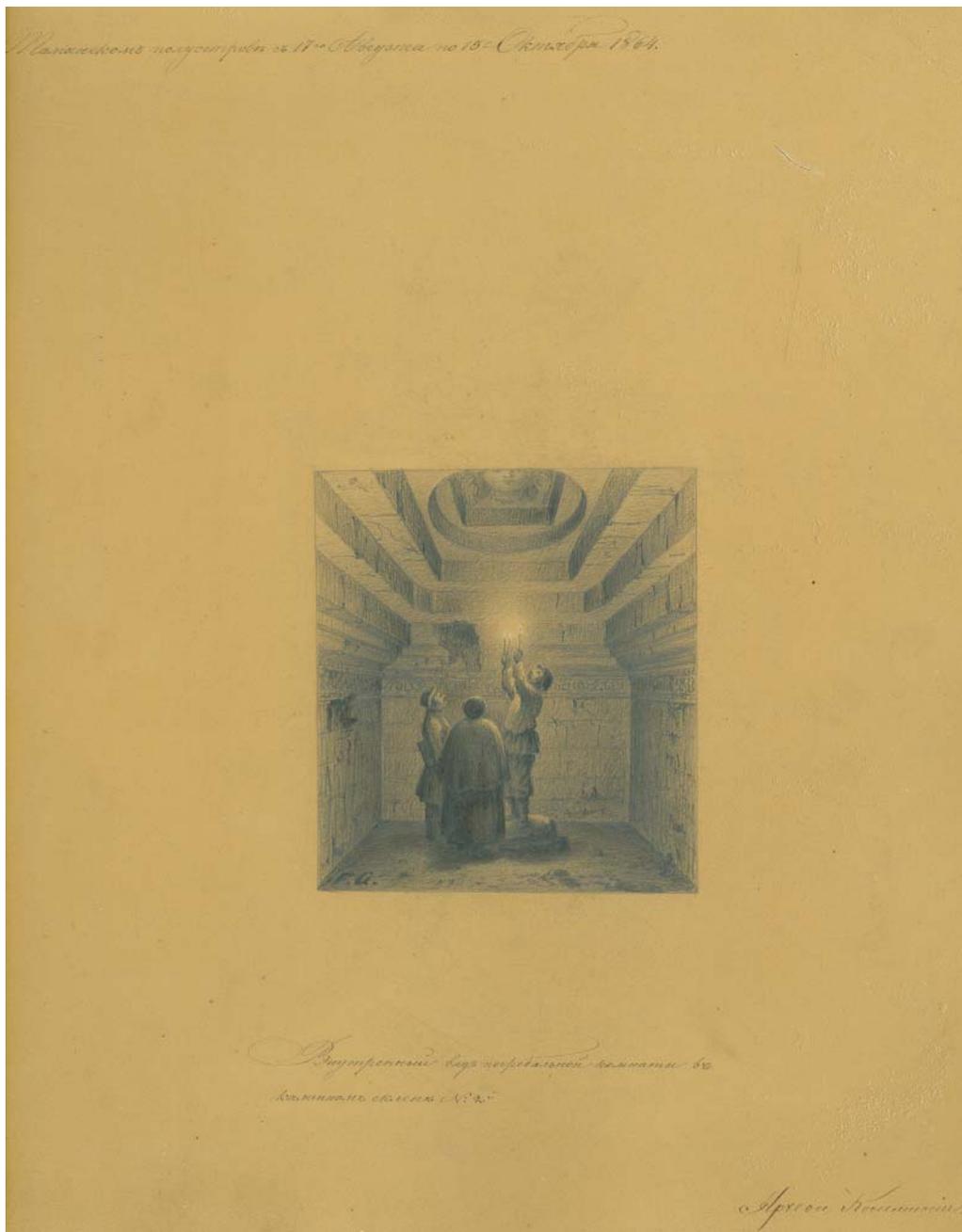

Рис. 4. Расписной склеп кургана Большая Близница (рис. Ф. И. Гросса. НА ИИМК РАН, р. 1, д. 564, л. 22-2)

Такое перекрытие получило название диагонального – lantern roofing¹³. Во Фракии этот прием распространился в позднеклассическое и раннеэллинистическое время, вероятно, как результат анатолийского влияния¹⁴. В склепе Большой Близницы диагональный поворот рядов перекрытия не был осуществлен в полной мере, а, как можно считать, был лишь обозначен на одном из его уступов.

В этом отношении чрезвычайно любопытна также упоминавшаяся выше гробница в Оструше (район Казанлыка), относящаяся приблизительно к рубежу третьей и последней четвертей IV в. до н.э. или чуть более позднему времени¹⁵. Правда, она имеет плоское перекрытие, но ее потолок при этом оформлен в виде рядов квадратных углублений (кессонов). Самый большой из них (длина стороны – 0,55 м) находится в центре; внутри него по диагонали вписан другой квадратный кессон (длина стороны – 0,38 м). Внутри последнего высечен круг диаметром 0,32 м¹⁶. Все эти углубления имели роспись. Болгарская исследовательница Ю. Вылева видит близкую аналогию кессонам гробницы в Оструше в оформлении свода склепа № 2 Большой Близницы¹⁷, и это сопоставление, на мой взгляд, невозможно оспорить. Близость памятников Ю. Вылева объясняет «действием раннеэллинистического койне и сильным влиянием аристократического искусства Македонии»¹⁸. Как мне представляется, только признанием раннеэллинистического койне здесь вряд ли можно обойтись.

Дело в том, что расписная гробница Большой Близницы близка фракийским памятникам (Казанлык, Оструша) не просто формой, а, так сказать, содержанием орнаментальных мотивов. Для них характерна недвусмысленная декларация связи погребального комплекса с идеей воскресения, вечного блаженного существования усопших.

Эта любопытнейшая особенность украшения склепа, вероятно, по причине ее общеизвестности считается не требующей объяснений. Между тем М.И. Ростовцев указывал, что изображение богини в склепе Большой Близницы нельзя считать вполне греческим¹⁹. Выдающийся ученый, скорее всего, этим хотел сказать, что подобные композиции отсутствуют в росписях греческой метрополии. Однако на Боспоре такая орнаментальная схема нашла продолжение в росписях гробниц римского времени – голова богини изображена на своде склепа Демеры²⁰. Менее знаменита двойная гробница 1873 г., на своде второй камеры которой была изображена голова горгоны Медузы²¹. Лишь Дж. Бордмэн и Д. Курц заметили, что изображение в склепе Большой Близницы схоже с трактовкой Пантократора в Византии²². Эта идея представляется в высшей степени перспективной, вот толь-

¹³ Theodossiev 2007.

¹⁴ Theodossiev 2007, 605.

¹⁵ Valeva 2005, 164, 166; Theodossiev 2011, 29, 31, fig. 17–18.

¹⁶ Valeva 2005, 25 ff.

¹⁷ Вылева 2007, 114; Valeva 2005, 31

¹⁸ Вылева 2007, 114.

¹⁹ Rostovtzeff 1922, 81.

²⁰ См.: Ростовцев 1913–1914: 199–226, табл. LVII; Гайдукевич 1949, 405–409; Ернштедт 1955 263–265; Зинько и др. 2009.

²¹ Ростовцев 1913–1914, 236, табл. LXV, 2.

²² Boardman, Kurtz 1971, 319.

ко изображение богини на своде боспорского склепа логичней сопоставлять не с Пантократором, а Богородицей на сводах некоторых православных церквей.

Богиня, изображенная на фоне синего неба, заглядывает в гробницу, как бы приглашая усопшего (усопшую?) последовать за ней в обитель вечного блаженства. Остается только сожалеть, что столь выдающийся памятник боспорского религиозного искусства давно не существует. В 1865 г. эта расписная гробница была уже почти разрушена (см. рис. 1), впоследствии была утеряна и каменная плита с изображением головы богини.

ЛИТЕРАТУРА

- Артамонов, М.И. 1966: *Сокровища скифских курганов*. Прага–Ленинград.
- Василиев, А. 1958. *Античная гробница в Казанлыке*. София.
- Виноградов, Ю.А. 2017а: *Древности Боспора Киммерийского в рисунках К.Р. Бегичева и Ф.И. Гросса (по материалам Научного архива ИИМК РАН)*. (БИ. Suppl. 17). Симферополь–Керчь.
- Виноградов, Ю.А. 2017б: Культура боспорской элиты при Спартокидах. В сб.: *Элита Боспора Киммерийского: традиции и инновации в аристократической культуре доримского времени*. (БИ 34), 112–223.
- Виноградов, Ю.А., Зинько, В.Н., Смекалова, Т.Н. 2012: *Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. I. История изучения и топография*. Симферополь–Керчь.
- Виноградов, Ю.А., Медведева, М.В. 2017: Из истории создания «Античной декоративной живописи на юге России» М.И. Ростовцева. В кн.: Ю.А. Виноградов, М.В. Медведева (ред.), *Античная декоративная живопись Боспора Киммерийского: от графической фиксации к фотографии*. (Труды ИИМК РАН 51). СПб, 9–30.
- Власова, Е.В. 2010: Древности эллинские и местные. В кн.: Г.М. Бонгард-Левин (ред.), *Античное наследие Кубани*. III. М., 199–262.
- Вылева, Ю. 2007: Росписи раннеэллинистических гробниц Фракии и Боспора Киммерийского. В сб.: *Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Материалы международной научной конференции*. Ч. I. СПб, 113–115.
- Гайдукевич, В.Ф. 1949: *Боспорское царство*. М. –Л.
- Ернштедт, Е.В. 1955: Монументальная живопись Северного Причерноморья (общий обзор памятников живописи). В сб.: В.Ф. Гайдукевич, М.И. Максимова (отв. ред.), *Античные города Северного Причерноморья: Очерки истории и культуры*. Т. 1, 248–285.
- Живкова, Л. 1974: *Казанлыката гробница*. София.
- Зинько, Е.А., Буйских, А.В., Русяева, А.С., Савостина, Е.А., Стриленко, Ю.Н., Ягги, О. 2009: *Склеп Деметры*. Киев.
- Ростовцев, М.И. 1913–1914: *Античная декоративная живопись на Юге России*. СПб.
- Ростовцев, М.И. 1924: *Скифия и Боспор*. Л.
- Савостина, Е.А. 1986: Типология и периодизация уступчатых склепов Боспора. *СА* 2, 84–99.
- Уильмс, Д., Огден, Д. 1995: *Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи. V–IV века до н.э.* СПб.
- Boardman, J., Kurtz, D.C. 1971: *Greek Burial Customs*. London.
- Pfrommer, M. 1990: *Untersuchungen zur Chronologie Früh- und Hochhellenistischen Goldschmucks*. Tübingen.
- Rostovtzeff, M. 1922: *Iranians and Greeks in South Russia*. Oxford.
- Theodossiev, N. 2007: The lantern-roofed tombs in Thrace and Anatolia: some evidence about cultural relations and interactions in the East Mediterranean. In: *Thrace in the Graeco-*

- Roman World. Proceedings of the 10th International Congress of the Thracology. Komotini-Alexandroupolis, 18–23 October 2005*. Athens, 602–613.
- Theodossiev, N. 2011: Ancient Thrace during the First Millennium BC. In: G.R. Tsetschlade (ed.), *The Black Sea, Greece, Anatolia and Europe in the First Millennium BC*. (Colloquia Antiqua 1). Leuven–Walpole–MA, 1–61.
- Valeva, Yu. 2005: *The Painted Coffers of the Ostrusha Tomb*. Sofia.

REFERECES

- Artamonov, M.I. 1966: *Sokrovishcha skifskikh kurganov [Treasures of the Scythian Kurgans]*. Prague–Leningrad.
- Boardman, J., Kurtz, D.C. 1971: *Greek Burial Customs*. London.
- Ernshtedt, E.V. 1955: Monumental'naya zhivopis' Severnogo Prichernomor'ya [Monumental painting of the Northern Black Sea Region]. In: V.F. Gajdukevich, M.I. Maksimova (eds.), *Antichnye goroda Severnogo Prichernomor'ya [Ancient Cities of the Northern Black Sea Region]*. Vol. 1. Moscow–Leningrad, 248–285.
- Gaydukevich, V.F. 1949: *Bosporskoe tsarstvo [The Bosporan Kingdom]*. Moscow–Leningrad.
- Pfrommer, M. 1990: *Untersuchungen zur Chronologie Früh- und Hochhellenistischen Goldschmucks*. Tübingen.
- Rostovtsev, M.I. 1913–1914: *Antichnaya dekorativnaya zhivopis' na Yuge Rossii [Ancient Decorative Painting in the South Russia]*. Saint Petersburg.
- Rostovtsev, M.I. 1924: *Skifiya i Bospor [Scythia and the Bosporus]*. Leningrad.
- Rostovtzeff, M. 1922: *Iranians and Greeks in South Russia*. Oxford.
- Savostina, E.A. 1986. Tipologiya i periodizatsiya ustupchatykh sklepov Bospora [Typology and Periodization of corbelled tombs of the Bosporus]. *Sovetskay Arkheologia* 2, 84–99.
- Theodossiev, N. 2007: The lantern-roofed tombs in Thrace and Anatolia: some evidence about cultural relations and interactions in the East Mediterranean. In: *Thrace in the Graeco-Roman World. Proceedings of the 10th International Congress of the Thracology. Komotini-Alexandroupolis, 18–23 October 2005*. Athens, 602–613.
- Theodossiev, N. 2011: Ancient Thrace during the First Millennium BC. In: G.R. Tsetschlade (ed.), *The Black Sea, Greece, Anatolia and Europe in the First Millennium BC*. (Colloquia Antiqua 1). Leuven–Walpole–MA, 1–61
- Valeva, Yu. 2005: *The Painted Coffers of the Ostrusha Tomb*. Sofia.
- Vasiliev, A. 1958: *Antichnaya grobnitsa v Kazanlyke [The Tomb of the Classical Time in Kazanlyk]*. Sofia.
- Vinogradov, Yu.A. 2017a: *Drevnosti Bospora Kimmeriyskogo v risunkakh K.R. Begicheva i F.I. Grossa (po materialam Nauchnogo arkhiva IIMK RAN) [Antiquities of the Cimmerian Bosporus in the drawings of K.R. Degichev and F.I. Gross (after materials of the Scientific Archive of the Institute for the Study of Material Culture of the Russian Academy of Sciences)]*. (Bosporskie issledovaniya [Bosporos Studies]. Supplementum 17). Simferopol–Kerch.
- Vinogradov, Yu.A. 2017b: Kul'tura bosporskoy elity pri Spartokidakh [Culture of the Bosporus Elite at the Spartocids Time]. *Bosporskie issledovaniya [Bosporos Studies]* 34, 112–223.
- Vinogradov, Ya.A., Madvedeva, M.V. 2017: Iz istorii sozdaniya “Antichnoy dekorativnoy zhivopisi na yuge Rossii” M.I. Rostovtseva [From the history of the creation of the “Ancient Decorative Painting in the South Russia” by M.I. Rostovtsev]. In: Yu.A. Vinogradov, M.V. Medbedeva (eds.). *Antichnaya dekorativnaya zhivopis' Bospora Kimmeriyskogo: ot graficheskoy fiksatsii k fotografii [Decorative Painting of the Cimmerian Bosporus: from drawing to photography]*. (Trudy IIMK RAN [Transactions of Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences] 51). Saint Petersburg, 9–30.

- Vinogradov, Yu.A., Zinko, V.N., Smekalova, T.N. 2012: *Yuz-Oba. Kurgannyi nekropol' aristokratii Bospora*. T. I. *Istoriya izucheniya i topografiya*. [Yuz-Oba. Barrow Mound Necropolis of the Bosphorus Aristocracy. Vol. I. History of Studying and Topography]. (Bosporskie issledovaniya [Bosporos Studies]. Supplementum 9). Simferopol–Kerch.
- Vlasova, E.V. 2009: Drevosti ellinskie i mestnye [Hellenic and Local Antiquities]. In: G.M. Bongard-Levin (ed.), *Antichnoe nasledie Kubani* [Ancient Heritage of Kuban]. Vol. III. Moscow, 199–162.
- Vyleva, Yu. 2007. Rospisi ranneellinisticheskikh grobnits Frakii i Bospora Kimmeriyskogo [Decorated Early Hellenistic Tombs in Thrace and the Cimmerian Bosphorus]. In: *Bosporskiy fenomen: Sakpal'nyy smysl regiona, pamyatnikov, nakhodok* [The Bosporan Phenomenon: Sacred Meaning of Region, Sites and Objects]. Saint Petersburg, 113–115.
- Williams, D., Ogden, J. 1995: *Greek Gold. Jewelry Art of the Classical Epoch. 5th–4th centuries BC*. Saint Petersburg.
- Zhivkova, L. 1974: *Kazanlshkata grobnitsa* [The Thracian Tomb of Kazanlak]. Sofia.
- Zinko, E.A., Buisikh, A.V., Rusyaeva, A.S., Savostina, E.A., Strilenko, Yu.N., Yaggi, O. 2009: *The Tomb of Demeter*. Kiev.

PECULIARITIES OF THE PAINTED TOMB OF THE BOLSHAYA BLIZNITSA KURGAN

Yuriy A. Vinogradov

*Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of the Sciences,
Saint Petersburg, Russia
vincat2008@yandex.ru*

Abstract: The Bol'shaya Bliznitsa kurgan is located on the Taman' peninsula. It's one of the most famous and well-known burial mound at the Cimmerian Bosphorus. The painted tomb was found in 1864. This tomb was robbed, but there are reasons to suppose that it was built in the early 3rd century BC. It belongs to the popular in the Bosphorus type of the tombs with corbelled (stepped) vault. However, the construction of the *dromos* and the burial chamber is unordinary for the Bosphorus in some details. It seems that the vault of the *dromos* was built with special rectangular hollows. Its walls were adorned with a stripe of the floral ornament. The burial chamber had the stepped vault with details of lantern roofing. Such constructions were very characteristic for the Thracian world of this time. The painting of the chamber was unique. It was a head of the goddess on the keystone of the roof. M.I. Rostovtsev supposed that it "is not quite Greek". In the form and sacral ideas of painting, it's similar with some Thracian funeral monuments (the Tomb of Kazanlak, the Tomb of Ostrusha).

Keywords: Greek culture, Cimmerian Bosphorus, burial mounds, painted tombs

---

DOI: 10.18503/1992-0431-2018-3-61-90–97

НОВАЯ СТРОИТЕЛЬНАЯ ЖЕРТВА ИЗ ФАНАГОРИИ

А.А. Завойкин

Институт археологии РАН, Москва, Россия
bospor@inbox.ru

Аннотация. При раскопках 2017 г. на акрополе Фанагории в стене дома второй половины VI в. до н.э., построенного из сырцового кирпича, была найдена односторонняя терракота. Очевидно, что это жертва, которая была преднамеренно положена в кладку при строительстве. Терракота изображает сидящую обезьяну с детенышем на коленях, подобно тому, как изображались в греческом искусстве богини, кормящие грудью дитя (куротрофос). Как надежно установлено, культы богинь-куротрофос имели хтонический характер и связаны с идеями материнства и плодородия. Взаимосвязь таких культов с обезьяной остается не выясненной. Это животное не обнаруживает в источниках прямого отношения ни к одному из божеств, однако в архаический период его изображения нередки на культовых предметах. Новая находка строительной жертвы, вероятно, связанной с культом плодородия, дает основание для предположения о функциональном назначении открытой раскопками постройки.

Ключевые слова: Фанагория, архаика, акрополь, строительная жертва, терракота, обезьяна, куротрофос (kourotrophos), святилище, плодородие

В августе 2017 г. во время раскопок на «Верхнем городе» Фанагории при исследовании остатков дома, построенного во второй половине VI в. до н.э. недалеко (примерно в 8,3 м) от восточной линии оборонительных стен, открытых годом раньше, была сделана интересная находка. Между первым от основания и вторым рядом сырцовых кирпичей кладки южной стены была обнаружена терракотовая статуэтка¹. Это уже второй зафиксированный в архаических постройках Фанагории случай, когда в основание стен постройки вкладывались терракотовые фигурки. Впервые в 2006 г. в подстилке из плотной глины, положенной на поверхность камней верхнего ряда цокольной части западной стены дома (№ 300) для выравнивания поверхности под сырцово-кирпичную кладку, были найдены две маленькие керамические поделки в виде собачек². Принимая в расчет тесную, в представлениях греков, связь этих животных с подземным миром, а также хорошо известные (в том числе на Боспоре) случаи жертвоприношения собак хтоническим богам и

Данные об авторе: Завойкин Алексей Андреевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела классической археологии Института археологии РАН.

¹ Выражаю искреннюю признательность начальнику Фанагорийской экспедиции ИА РАН В.Д. Кузнецову за разрешение опубликовать эту находку.

² См. Завойкин 2007, 43, рис. 1, 2.

божествам, я высказал следующее предположение: имеется вероятность того, что жертва, заложенная в основание архаической постройки, возведенной в сейсмически нестабильном районе, должна была послужить залогом ее долговечности. Парность же приношения позволила рассуждать о вероятной парности божеств, которым эти символические жертвы были адресованы. «В данном случае – скорее Аиду и Персефоне, чем Деметре и Коре. Если только не имелись в виду какие-то иные, более древние, катахтонические божества»³. Разумеется, это предположение остается всего лишь рабочей гипотезой.

Новая находка интересна прежде всего тем, что контекст ее обнаружения (как и в предыдущем случае) не оставляет сомнений в том, что закладка терракоты в основание дома была преднамеренной. Иначе говоря, древние строители положили статуэтку между рядами сырцовых кирпичей с определенным смыслом. Принесенная ими жертва была адресована божествам, от которых ожидалась ответная благосклонность по отношению к самой постройке, либо же к тому, ради чего она была возведена (возможно, к тому и другому одновременно). Вопрос в том, что собой представляло в функциональном отношении здание, в стене которого находилась строительная жертва?

Вопрос этот, как всегда, если подсказка не содержится в самом архитектурном облике здания или в комплексе специфических находок в нем, очень непросто, чаще всего – вовсе не разрешим. Сразу отмечу, что явных подсказок в данном случае не было. Небольшой (ок. $5,6 \times 4,0-4,2$ м) четырехугольный⁴ дом (769), стены которого были заглублены относительно древней дневной поверхности примерно на 0,70–0,80 м, имел единственное помещение, на уровне пола⁵ которого были зафиксированы остатки подквадратного в плане очага, сложенного из сырцовых кирпичей, поставленных на ребро⁶. Расположение стационарного очага внутри помещения в целом нехарактерно для жилых домов.

Здание был построено над остатками предшествующего сооружения (783), которое состояло из двух элементов: с юга – помещения с большим глубоким подвалом, котлован которого был укреплен сырцовыми стенами (наземная часть помещения не сохранилась); с севера – наземной к нему «пристройки», от которой до нас дошли части двух стен (западной и восточной), между которыми располагалась «платформа», сложенная из сырцовых кирпичей (вопрос о замыкающей помещении с севера стене остается открытым). На ней *in situ* располагалась большая вместительная чаша (емкостью не менее 40 л⁷). Подробно об этом интересном комплексе построек первых десятилетий жизни Фанагории речь пойдет в другом месте. Здесь же довольно будет сказать, что обе эти постройки на акрополе Фанагории (или же на северо-восточной окраине архаического города?), по всей

³ Завойкин 2007, 52–53.

⁴ Его противоположащие СЗ и ЮВ углы чуть больше прямых, а противоположные им – чуть меньше, т.е. постройка в плане имела ромбическую форму, что в целом характерно для архаических домов.

⁵ Сами полы выявить, как и проход внутрь дома, не удалось.

⁶ Сохранился очень плохо, сравнительно хорошо видна только его юго-западная стенка и фрагмент перпендикулярной ей юго-западного, а также восточного углов. В целом имеет вид округлого пятна печины, в которой выделяются лишь отдельные элементы конструкции.

⁷ Археологически целый предмет раздавлен грунтом на множество фрагментов. Сейчас находится в реставрации, до окончания которой точный объем сосуда определить невозможно.

видимости, не имеют отношение к бытовой застройке и могут быть связаны с общественной (скорее всего, культовой) жизнью полиса.

Пришло время внимательно рассмотреть саму закладную жертву из стены более поздней из этих двух построек. Можно надеяться, что характер жертвенного приношения даст подсказку в вопросе о функциональном предназначении этого здания. Публикуемая терракота представляет собой одностороннее изображение⁸ сидящей фигуры, ее голова и нижние части нижних конечностей утрачены (высота – 5,7 см, ширина – 4,5 см, толщина – 1,9 см). На коленях ее немного расставленных голых ног, прильнув к левой стороне груди, сидит меньшая фигурка: голова ее круглая, на месте нижней части лица – удлинённый выступ, левая рука (правильнее сказать – лапа) лежит на правой груди большей фигуры, которая прижимает к себе непропорционально крупной кистью правой руки (лапы) левое бедро сидящей на коленях фигурки, а левой⁹ придерживает меньшую фигурку за левое плечо (рис. 1). Иначе говоря, это изображение сидящей обезьяны с детенышем на коленях. Подобные изображения известны. Особенно близка нашей терракоте статуэтка VI в. до н.э. с Березани¹⁰. Конечно же, необходимо упомянуть о подобной находке, происходящей из Пантикапея/Фанагории¹¹. М.М. Кобылина пишет о ней: «... обезьяна изображена сидящей и держащей на коленях маленькую обезьянку, подобно заботливой матери <...> Она исполнена в стиле архаических статуэток сидящей на троне богини...»¹².

Это замечание исследовательницы совершенно справедливо. Обезьяна-мать, держащая детеныша, прильнувшего к ее груди, изображена совершенно так же, как представлена, например, Деметра Куротрофос¹³, кормящая грудью младенца¹⁴. Анализ литературных, эпиграфических и археологических источников пока-

⁸ Терракота отмыта из одного комка глины в форме, попыток как-либо оформить тыльную ее сторону не наблюдается. Внешняя поверхность ее окрашена красной краской (охрой?). Очевидно, что это «законченное» изделие, относительно невысокий рельеф которого облегчал размещение терракоты между кирпичами кладки.

⁹ Левая рука различима только в боковом ракурсе (рис. 1в), крупная кисть практически не пропечаталась.

¹⁰ Клейман, Скуднова, Славин 1970, 32, табл. 8, 4. Вероятно, стоит обратить внимание на то, что у нее, как и у нашей статуэтки, утрачена голова и нижняя часть «задних лап» (нижних конечностей). Издатели считают эту терракоту привозной (Родос?).

¹¹ Кобылина 1961, 41–42, табл. I, 3; ср. 1970, 25, табл. 22, 2: «Родос. V в. до н.э. ГИМ, инв. 19741. Пантикапей. Дар И.Е. Забелина. Очевидно та, которая упомянута в ОАК за 1976 г., 155, с фанагорийского городища. ОАК за 1972 г., табл. VII». М.М. Кобылина усматривает стилистическое сходство с обезьяной, сидящей на корточках (руки на коленях) фигурного сосуда из Камира, Родос (Higgins 1954, 47, pl. XI, no. 53 (позже начала VI в. до н.э.) = Максимова 1916, табл. XIV. № 59). На мой взгляд, сходство неочевидно.

¹² Кобылина, 1961, 42. Это единственный экземпляр терракоты с изображением сидящей обезьяны куротрофос, известный Т. Прайс (Price 1978, 77, no. 824).

¹³ В этой же функции могла выступать Великая Мать, Кибела, которую в разных частях греческого мира изображали сидящей на троне со львами, но держащей на коленях дитя, в позе куротрофос. Одна подобная культовая статуя происходит из Аргоса, из святилища Илифии, богини покровительницы деторождения (см.: Price 1978, 64–65; Roller 1994, 257, notes 74, 75). В качестве Куротрофос могли выступать и другие богини.

¹⁴ Например, см.: Скуднова, Славин, Клейман 1970, 55, табл. 36, 1 (Ольвия, из засыпи подвального помещения дом № 3, IV–III вв. до н.э., утрачена голова и нижняя часть статуэтки); Robinson 1952, 131–132, pl. 52, nos. 135, 136 (Олинф, начало V в. до н.э.). Варианты иконографии этого типа в Сицилии см. Pedrucci 2013, 308, 314, 326, 330, nos. 1, 2, 19, 57(?), 67.

зал, что весьма разнообразный и популярный в материковой Греции, на островах и в колониях культ Куротрофос имел хтонический характер и был связан с идеями плодородия¹⁵. Однако закономерен вопрос, в какой связи в этом образе представлена обезьяна? Контекст нашей находки абсолютно исключает какую-либо вероятность того, что перед нами своего рода гротеск или «детская игрушка», как можно было бы подумать, если бы терракота была обнаружена просто в слое, вне сакрального контекста. Поскольку предположить такого рода святотатство мы никак не можем, объяснение следует искать в иных направлениях.

Рис. 1. Односторонняя терракота с изображением обезьяны, кормящей детеныша (куротрофос)

Обезьяна в греческой мифологии – животное мало популярное и, кажется, прямо не связанное ни с одним божеством. Известно, что в обезьян Зевсом за постоянную ложь были превращены и поселены на о. Питекусы (букв. Обезьяньий остров) *керкопы*, как нарушители клятв они были лишены речи (Ovid. Met. XIV. 89–100; ср. Luc. Alex. 4¹⁶). «Керкопы» близки к хтоническим силам, с которыми борется Геракл, совершая подвиги¹⁷. В целом это малопривлекательные персонажи – разбойники, обманщики, клятвопреступники (Pind. Fr.161 Bergk; Apollod. Bibl. I. 6, 3; Diod. IV. 31, 7; Ath., Deipn. 461e). Очевидно, что эти мифологические предания не имеют никакого отношения к фанагорийской терракоте, представляющей сюжет, очевидно как-то связанный с идеями материнства и плодородия.

В то же время изображения приматов встречаются в числе других, представленных в культовой коропластике, главным образом, архаического времени. Например, это фигурные сосуды родосского производства VI в. до н.э., выполненные

¹⁵ См. Higgins 1979, 213.

¹⁶ Цыбенко 2005, 215.

¹⁷ Тахо-Годи 1992, 285.

в виде сидящей на корточках обезьяны со сложенными на коленях лапами¹⁸. Еще показательнее изображение обезьяны на *керносе*, обломки которого были найдены в *ботросе* самосского герайона. На кольцевом керносе между тремя чашами представлены: плод граната – жаба – голова барана – лежащий лев; голова воина в шлеме – мужская голова в остроконечной шапке – голова быка + (утрата); (утрата) + сидящая обезьяна с лапами, сведенными за спиной – ракушка + (утрата)¹⁹. Особого упоминания заслуживает вылепленный от руки фигурный арибал в виде сидящей обезьяны с детенышем на руках, найденный в святилище Деметры в Биталеми (Гела)²⁰. Т. Прайс отмечает, что воспроизведение типов и поз кураторфос в облике обезьяны характерно в архаическое время для области ионийского влияния²¹. Следовательно, обезьяна, по крайней мере в архаических культах, могла играть какую-то роль, нам не очень понятную.

Осталось, пожалуй, коснуться (но для того лишь, чтобы немедленно отвергнуть) еще двух вариантов возможной трактовки зооморфов. Для греческого искусства классической эпохи зооморфные изображения богов совершенно несвойственны. В эпоху архаики известны редкие примеры культовых изображений богов с головой животного. Так, Павсаний рассказывая о святилище Деметры Черной на Масличной горе, близ Фигалии, сообщает о деревянной статуе богини, которая «была сделана следующим образом. Богиня сидит на скале, во всем подобная женщине, кроме головы: голова и волосы на ней лошадиные; к голове у нее приделаны изображения драконов и других диких животных. На ней надет хитон, спускающийся до самых пят; в одной руке дельфин, в другой – горлица» (Paus. VIII. 42, 4). Разумеется, эта парадигма неприменима к фанагорийской терракоте – обнаженные нижние конечности фигурки создают непреодолимое препятствие.

По этой же причине мы должны отбросить и возможность интерпретации терракоты²², найденной в сырцовой кладке фанагорийского дома, как изображения участника мистического культа, обличенного в маску животного, как это известно, например, для автохтонного культа Деспойны (Владычицы) в Ликосуре (Аркадия). При раскопках мегарона в ее святилище было найдено около 140 статуэток, одетых в гиматий фигурок с головами барана или крупного рогатого скота (с корзинами на голове), как мужских, так и женских²³. Идея о том, что статуэтки представляют божеств, была решительно отвергнута, и утвердилось мнение, что это изображения надевших маски жрецов (подобно тому, как в культе Деметры Кидарии в Фианеях – Paus. VIII. 15, 3) и других адептов этого мистического культа²⁴.

Подведем итог. Специально изготовленный в форме (а затем обожженный) односторонний оттиск с изображением сидящей обезьяны с детенышем на коленях

¹⁸ Higgins 1959, 23–24, pl. 13, no. 1631; pl. 14, no. 1632 = Максимова 1916, табл. XXII. № 89.

¹⁹ См.: Bignasca 2000, tav. 28, E43; Vierneisel 1961, 58, Beilagen 24–27, 30. Попутно отметим, что практически все эти персонажи, животные и плод представлены в наборе архаических родосских фигурных сосудов, репертуар которых, конечно, значительно шире (см. Higgins 1959, pls. 1–20).

²⁰ Orlandini 1966, pl. XX, 2.

²¹ Price 1978, 77.

²² Помимо прочего, подобный вариант интерпретации недопустим в силу того, что мы имеем дело с сюжетной композицией.

²³ Датировка их вызывает затруднения, в целом: от IV в. до н.э. до I в. н.э.

²⁴ Jost 2004, 157f., fig. 6.4; 6.5.

в позе куротрофос, по-видимому, изначально предназначен для того, чтобы быть помещенным при строительстве в кладку стены дома 769. Этот факт может служить основанием не только для вывода о местном производстве терракоты²⁵, но также и для предположения, что образ куротрофос, связанный по преимуществу с хтоническими культами божеств, покровительствующих материнству и плодородию вообще, имеет непосредственное отношение к функциям этого здания.

Не хочу придавать особого значения тому факту, что у фигурки сидящей обезьяны отсутствуют голова и нижняя часть ног. Однако с учетом того, что терракота была специально изготовлена в качестве строительной жертвы, – а значит, не была ранее использована в «быту», – игнорировать эту особенность находки не следует, тем более что преднамеренное ритуальное «отсечение» головы и ног у вотивных статуэток богинь уже было зафиксировано ранее в святилище Деметры и Коры «Береговой 4» и, возможно, в святилище на Майской горе, к югу от Фанагории²⁶. Более того, предыдущая строительная жертва, обнаруженная в Фанагории в 2006 г., тоже обнаружила явные признаки ритуальной порчи терракоты²⁷.

ЛИТЕРАТУРА

- Завойкин, А.А. 2005: Две любопытные особенности культа «богини, сидящей на троне». В сб.: В.И. Гуляев, С.В. Кузьминых, С.Б. Вальчак (ред.), *Древности Евразии от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В.С. Ольховского*. М., 563–567.
- Завойкин, А.А. 2007: О строительной жертве из Фанагории. В сб.: *Сборник научных трудов к 60-летию проф. Е.А. Молева*. (Из истории античного общества. Вып. 9–10). Нижний Новгород, 42–54.
- Завойкин, А.А., Кузнецов, В.Д. 2011: Древнейшее общественное здание в Фанагории. *ПИФК* 4, 188–198.
- Клейман, И.Б., Скуднова, В.М., Славин, Л.М. 1970: Описание терракот с о. Березань. В сб.: *Терракоты Северного Причерноморья*. (САИ Г1–11. Ч. I–II). М., 31–33.
- Кобылина, М.М. 1961: *Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории*. М.
- Кобылина, М.М. 1974: Терракотовые статуэтки Фанагории. Терракотовые статуэтки. Придонье и Таманский полуостров. В сб.: *Терракоты Северного Причерноморья*. (САИ Г1–11. Ч. IV). М., 20–30.
- Максимова, М.И. 1916: *Античные фигурные вазы*. М.
- Скуднова, В.М., Славин, Л.М., Клейман, И.Б. 1970: Описание терракот из Ольвии (города и некрополя). В сб.: *Терракоты Северного Причерноморья*. (САИ Г1–11. Ч. I–II). М., 49–56.
- Тахо-Годи, А.А. 1992: Керкопы. Е.М. Мелетинский (гл. ред.). В кн.: *Мифологический словарь*. М., 285.
- Цыбенко, О.П. 2005: Комментарий. В кн.: *Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Кн. 4–7*. СПб.
- Bignasca, A.M. 2000: *I kernocircolari in Oriente e in Occidente. Strumenti di culto e immagini cosmiche* (Orbis Biblicus et Orientalis. 19). Freiburg.
- Higgins, R.A. 1954: *Catalogue of the Terracottas in the Department of Greek and Roman Antiquities, British Museum*. Vol. I. London.

²⁵ Оснований для суждения о патрице или прототипе формы у нас нет. Упомянутая выше статуэтка обезьяны с детенышем с Березани склоняет к мнению, что образцом послужил импортная терракота.

²⁶ См. Завойкин 2005.

²⁷ Завойкин 2007, 51–52.

- Higgins, R.A. 1959: *Catalogue of the Terracottas in the Department of Greek and Roman Antiquities, British Museum*. Vol. II. London.
- Higgins, R.A. 1979: [Рец.] Price (T.H.), Kourotrrophos: Cults and Representations of the Greek Nursing Deities (Studies of the Dutch archaeological and historical society, 8). Leiden: Brill. 1978. Pp. XIV + 240, [31] plates. Fl. 96, *The Journal of Hellenic Studies* 99, 213.
- Jost, M. 2004: Mystery Cults in Arcadia. In: M.B. Cosmopoulos (ed.), *Greek Mystery. The Archaeology and Ritual of Ancient Greek Secret Cults*. London–New York, 143–168.
- Orlandini, P. 1966: Lo scavo del Thesmophorion di Bitalemi e il culto delle divinità ctonie a Gela. *Kokalos* XII, 8–35.
- Pedrucci, G. 2013: *L'isola delle "Madri". Una rilettura della documentazione archeologica di donne con bambini in Sicilia*. Roma.
- Price, T.H. 1978: *Kourotrrophos: Cults and Representations of the Greek Nursing Deities*. Leiden.
- Robinson, D.M. 1952: *Excavations at Olynthus*. Pt. XIV. *Terracottas, Lamps and Coins, Found in 1934 and 1938*. Baltimore–London–Oxford.
- Roller, L.E. 1994: Attis on Greek Votive Monuments: Greek God or Phrygian? *Hesperia* 63, no. 2, 245–262, pls. 55–56.
- Vierneisel, K. 1961: Neue Tonfiguren aus dem Heraion von Samos. *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung* 76, 25–59, Beilagen 11–33.

REFERENCES

- Kleyman, I.B., Skudnova, V.M., Slavin, L.M. 1970: Opisanie terrakot s o. Berezan' [The description of the terracottas from the island Berezan']. In: *Terrakoty Severnogo Prichernomor'ya* [The terracottas of Northern Black Sea coast]. (Svod arheologicheskikh istochnikov [Corpus of the archaeological sources] G1–11. Pt. I–II). Moscow, 31–33.
- Kobylyina, M.M. 1961: *Terrakotovye statuetki iz Pantikopeya i Fanagorii* [The terracotta figurines of Pantikapaion and Phanagoria]. Moscow.
- Kobylyina, M.M. 1974: *Terrakotovye statuetki Fanagorii. Terrakotovye statuetki. Pridon'e i Tamanskiy poluostrov* [The terracotta figurines of Phanagoria. The terracotta figurines. The Don Region and the Taman Peninsula]. In: *Terrakoty Severnogo Prichernomor'ya* [The terracottas of Northern Black Sea coast]. (Svod arheologicheskikh istochnikov [Corpus of the archaeological sources] G1–11. Pt. IV). Moscow, 20–30.
- Maksimova, M.I. 1916: *Antichnye figurnye vazy* [The Ancient figured vases]. Moscow.
- Skudnova, V.M., Slavin, L.M., Kleyman, I.B. 1970: Opisanie terrakot iz Ol'vii (goroda i nekropol'ya) [The description of terracottas from Olbia (the city and the necropolis)]. In: *Terrakoty Severnogo Prichernomor'ya* [The terracottas of Northern Black Sea coast]. (Svod arheologicheskikh istochnikov [Corpus of the archaeological sources] G1–11. Pt. I–II). Moscow, 49–56.
- Taho-Godi, A.A. 1992: Kerkopy [Kerkopes]. In: E.V. Meletinskiy (ed.), *Mifologicheskii slovar'* [Mythological dictionary]. Moscow, 285.
- Tsybenko, O.P. 2005: Kommentariy [The comment]. In: *Diodor Sitsiliyskiy. Istoricheskaya biblioteka. Kn. 4–7* [Diodorus Siculus. Bibliotheca. IV–VII]. Saint Petersburg.
- Zavoykin, A.A. 2005: Dve lyubopytnye osobennosti kul'ta "bogini, sidyashey na trone" [Two curious features of a cult of „the goddess sitting on a throne“]. In: V.I. Gulyaev, S.V. Kuzminykh, S.B. Valchak (eds.), *Drevnosti Evrazii ot ranney bronzy do rannego srednevekov'ya. Pamyati V.S. Ol'khovskiy* [Antiquities of Eurasia from Early Bronze Age before the Early Middle Ages. In memory of V.S. Olkhovskiy]. Moscow, 563–567.
- Zavoykin, A.A. 2007: O stroitel'noy zhertve iz Fanagorii [On the construction victim from Phanagoria]. In: *Sbornik nauchnykh trudov k 60-letiyu prof. E.A. Moleva* [Collection of papers

---

for the 60th anniversary of prof. E.A. Molev. (Iz istorii antichnogo obschestva [From History of Ancient Society]. 9–10). Nizhniy Novgorod, 42–54.

Zavoykin, A.A., Kuznetsov, V.D. 2011: Drevneyshee obschestvennoe zdanie v Fanagorii [The most ancient public building in Phanagoria]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 4, 188–198.

A NEW CONSTRUCTION OFFERING FROM PHANAGORIA

Aleksey A. Zavoykin

Institute of Archeology of RAS, Moscow, Russia
bospor@inbox.ru

Abstract. In 2017, during excavations on the acropolis of Phanagoria, an unilateral terracotta was found in the wall of the house dated to the second half of the 6th century BC, built of mud-bricks. Clearly, this is a offering, which was intentionally put in the brickwork of the house during construction. The terracotta depicts a sitting monkey with a cub on his knees, just as the goddesses, the breast-feeding child (*kurotrophos*), were depicted in the Greek art. As it is reliably established, cults of goddesses-*kurotrophos* had chthonic character and are connected with ideas of motherhood and fertility. The interrelation of such cults with the monkey remains unclear. This animal does not discern in the sources of direct relation to any of the deities, but the images of monkey are often to be cult objects during the Archaic period. A new find of the construction offering, probably connected with the cult of fertility, gives grounds for speculation about the functional purpose of the open excavation construction.

Keywords: Phanagoria, Archaic period, acropolis, construction sacrifice, terracotta, monkey, *kurotrophos* (*kourotrophos*), sanctuary, fertility

---

DOI 10.18503/1992-0431-2018-3-61-98–106

К РАННЕЙ ИСТОРИИ ФАНАГОРИИ

Ф.В. Шелов-Коведяев

Российский общественно-политический центр, Москва, Россия
shel-kov@yandex.ru

Аннотация. В статье представлено некоторое число эпиграфических (№ 1 – запись о пожертвовании в храмы; № 2 – владельческая надпись; № 3 – бухгалтерская ведомость; № 4 – посвящение) и скульптурных (№ 5 – фрагмент надгробного анфемиа) свидетельств об основании Фанагории в первой половине VI в. до Р.Х. Стенка хиосской амфоры, несущая граффито № 1, датируется первой половиной столетия, а его письмо явно древнее вотива Сона из Пантикапея начала 3 четверти VI в. № 2 нанесен на сосуд, аналог которого найден на горе Митридат в слое начала VI в., а его шрифт типичен для первой половины столетия. Буквы № 3 известны на Боспоре по надписи Минииды на ойнохое ранее середины VI в., а № 4, на сосуде первой половины VI в., – в ионийском ареале с четвертой четверти VII в. до Р.Х. Собранный вместе пальметта анфемиа лишь с одним изгибающимся лепестком (№ 5) имеет прямые аналогии в Ионии ранее середины VI в. Если памятник был привезён оттуда, его дата не может быть иной. Если он был изготовлен на месте, то и с учётом более длительного, чем в центре, сохранения на периферии ранних форм пластики, надгробие датируется не позднее третьей четверти VI в. Автор анализирует также гипотезу С.А. Жебелёва об основании Фанагории и приходит к выводу, что она была выведена им искусственно и устарела, а Арриан, на которого тот ссылается, ошибочно совместил сведения о двух волнах переселенцев в эту апойкию.

Ключевые слова: Фанагория, Боспор, апойкия, апойки, эпойки, граффито, шрифт, буквы, пальметта, дата

Образцовые, открывшие великолепные сырцовые конструкции, многотрудные раскопки городища под руководством В.Д. Кузнецова, принесли замечательные находки. Часть из них заставляет вернуться к началам Фанагорийского полиса.

1. ПиФ № 48, с фото¹. Трехстрочное граффито, опубликованное Н.В. Завойкиной² в 2015 и 2016 гг. В первой строке читается, как она правильно поняла, имя Фанагора. Во второй – в графике западноионийских островов – древнего божества гибели и рока (роковой гибели) Кэры³. В третьей – Геры. Издатель видит

Данные об авторе: Шелов-Коведяев Федор Вадимович – кандидат исторических наук, руководитель исследований в российском общественно-политическом центре.

¹ ПиФ 2017, 209. Искренне благодарю В.Д. Кузнецова за предоставленное мне право очно ознакомиться с изученными в статье документами.

² Завойкина 2015, 132–133; Завойкина 2016, 42, № 1.

³ Во мн. ч. оно применяется и к Эриниям. Ср. Preller 1923, 38, 834 (Hes. Theog. 217).

в нем письмо, адресованное Фанагору, а в черте перед его ЛИ – делитель между словами. Но вертикалью членились тексты *только* на дорийских (что противоречит языку документа) островах южной Эгеиды⁴. Да и отрывать понимание начальной графемы стк. 1 от ее сестер в сткк. 2 и 3 непродуктивно. Ведь стк. 2 стартует с Е (5-ти) и стк. 3 – с черточки и значка вроде «лунарной» *сигмы*, что в архаических шрифтах континентальной Ионии, где располагалась метрополия Фанагории Теос⁵, выражало *гамму* (3)⁶.

Налицо пожертвования в святилища: I ΦΑΝΑΓΡ / Ε ΚΗΡΣ / Ις ΗΡΗΣ. Т.е. 10 Φαναγ(ό)ρ(ου) / 5 Κηρί / 13 Ἡρης – 10 Фанаг(о)р(а) / 5 Кэре / 13 Геры.

Писали две руки. Одна (сткк. 1 и 3) – аккуратнее, другая – небрежнее: см. срыв левой гасты *эты* и разомкнутое *ро* в стк. 2. Первая не привязана к краям черепка (сткк. 1 и 3 почти параллельны), вторая – ориентирована на левый скол.

Буквы очень архаичны: *ро* «с усиком», *фи* – рассеченный кружок, наклонное *ню*, *альфа* со скользящей в разные стороны перекладиной, открытая четырехчастная *сигма*, *эпсилон* со скошенными горизонталями. Аутопсия показала, что в первом имени между *гаммой* и *ро* может находиться заизвестковавшийся наподобие второй *эты* в стк. 3 нечеткий *омикрон*. Но пока фрагмент недоотсолен, я тоже предпочитаю версию пропуска «о», что отнюдь не мешает чтению в стк. 1 АН Фанагора: сокращения (ср. IGDS 50, са 550) – и ударных слогов (как тут) тоже – известны в раннее время и в эпиграфике Теоса (SGDI 5632b.4, 5635.5), и в причерноморской (SEG 36.694=IGDOLbia 93: VI в. до н.э.).

Первый автор (см. Ἡρης в стк. 3) писал в родительном падеже. Поэтому и в стк. 1 я восстанавливаю Φαναγ(ό)ρ(ου). Второй предпочел датив: последняя литера стк. 2 похожа на обычную *сигму*, но это – *йота* (Κηρί) в алфавите западноионийских островов (Итаки, Кефаллении, Коркиры)⁷.

Трем божествам жертвуются некие суммы. Судя по взаимному расположению надписей, рука II присоединилась к I после того, как та нанесла свой текст. При этом II прибыла с далекого (по меркам эпохи) Запада.

Сопоставление шрифта с вотивом Сона (ПиФ № 45) показывает, что наш датируется не позднее середины VI в. до н.э.: при совпадении форм *альфы*, *фи* и *ро* тот обнаруживает значительно более развитую *ню* и *сигму*. А тип хиосской амфоры, послужившей материалом для писавших, известен с первой половины VI в.⁸

Кэра, адресат у II, открывает, что он избежал на своем пути смертельной опасности. Еще важнее получаемые здесь сведения о размахе экономических связей апойкии в столь раннее время.

Первый неслучайно обращается сразу к Фанагору и Гере. Богиня известна как Ἀρχηγέτις – Предводительница – особенно при основании нового полиса⁹. Он чтит покровителей Фанагории. Трудно переоценить это свидетельство о религии ранних поселенцев, дающее новые данные и для всего Боспора.

⁴ Jeffery 1961, 308.

⁵ К сожалению, досадная поправка, вкравшаяся в мою книгу 1985 г. из-за сокращения ее текста в издательстве, привела к распространению в литературе «версии» об «острове Теос».

⁶ Jeffery 1961, 289, 325.

⁷ Jeffery 1961, 230.

⁸ Монахов 1999; 2003.

⁹ Preller 1923, 868.

Рис. Сосуд с надписью из раскопок Пантикапея 2017 года

Немногословные пометки на скромном осколке вырастают в первостепенный исторический источник. Культ ктиста утверждался в выселке далеко не сразу¹⁰. Почитание Фанагора, вскрывающее развитые формы полисной жизни уже в сер. VI в. до н.э., и датировка амфоры указывают на основание колонии в 1 пол. столетия. Наипаче гласят о том данные руки II о широте торговли Фанагории, на развитие коей должно было уйти немалое время.

2. Addendum. Н.В. Завойкиной готовится к введению в научный оборот фрагмент сосуда с надписью, аналог которому найден в августе 2017 г. при раскопках Боспорской археологической экспедиции ГМИИ им. А.С. Пушкина под руководством В.П. Толстикова на горе Митридат в Керчи в слое первой половины VI в. до н.э.¹¹, что доказывает раннее происхождение данной формы керамики, подтверждаемое и датами подобных предметов¹². Замечу попутно, что, по моему разумению, ономастический материал фанагорийского артефакта говорит о существовании на Боспоре культа Аполлона и Артемиды Пифийских¹³.

Пантикапейский (см. рис.) собрат фанагорийца заявляет о себе: (τοῦ θεῖος) –]κλῶ ἰκ[ανῆ(–ος) εἰμι + название сосуда (напр., λήκυθος) – «такого-то (я есмь)

¹⁰ Ehrhardt 1983, 226.

¹¹ М–2017, пол. опись № 93, хранится в коллекции ВКИКМЗ. Благодарю В.П. Толстикова за право публикации.

¹² См., напр., ПиФ № 201 (первая половина VI в. до н.э.).

¹³ Вскоре увидит свет отдельная публикация, посвященная этим божествам в боспорском контексте.

подходящий (e.g. лекиф)». На – κλος (род. пад. κλῶ/ου) заканчивается масса имен, дублирующих модель на – κλης¹⁴. Ἰκανή (~ός) – подходящая (~ий) – параллель метρή (~ος).

3. ПиФ № 259, с фото. Граффито опубликовано Завойкиной в 2015 и 2017 гг.¹⁵ и датируется ею первой половиной IV в. до н.э. Надпись пятистрочная: Ατότης ΕΕ □ ΔΠ / ΔΔΔΔ / Νευμηνίο ΕΕ □ / ΔΙΟΝΥΣΤΡΑΤΟ / ΕΕ [□ Δ(Δ)]ΔΔ. Она читает «Атот ш(есть) г(ектов) о(робы) за 5 драхм. От Нумения ш(есть) г(ектов) о(робы) за 4 драхмы. От Диона, сына Страто(ника?) ш(есть) г(ектов) о(робы) за 4 драхмы».

Дальше¹⁶ она правильно называет гекту гектеем, но в Ε видит уже ἐ(πτά), семь. «Ороба» не исправляется ею на «ороб» (см. LSJ: муж. р.). Зная, что 6 гектеев составляют 1 медимн, она не объясняет, зачем нужны «гекты», когда считать медимны при прочих равных проще. Ее не смущает, что имя Дион (Δίων) дает в род. пад. Δίωνος, а графика Διονυ возможна лишь как сокращение в gen. Διονυ(ος) от встреченной на Боспоре, в Македонии, Малой Скифии, Фракии, Ионии и Лидии гипокористической формы¹⁷ ЛИ Дионисий.

Аутопсия убеждает, что фрагменты принадлежат самосской амфоре не позднее к. VI – начала V в. до н.э., чего ничуть не стесняет и шрифт надписи¹⁸. Раскрытая *сигма*, чуть скошенная переключина *альфы*, уменьшенный *омикрон*, *ню* с укороченной правой ножкой, *эпсилон* с неустоявшимися горизонталями, разлапистое *миу* – не тянут в IV в. При вычерчивании правой опоры *пи* рука писавшего, во-первых, явно сорвалась (разная глубина линий), и, во-вторых, эта литера с одинаковыми (и почти) вертикалями отлично известна в ионийском ареале уже со второй четверти VI в. до н.э.¹⁹

Издатель прав: буквы, следующие за именами, надо читать как сокращения слов, а не цифры. К сожалению, она не выдержала эту линию. Идущая за ΑН после двух *эпсионов* фигура не может быть *микрон*. Таковые тут все меньше остальных литер и либо прямо круглые (стк. 4), либо округлые (стк. 1 и 3). Четырехугольник же в стк. 1 равен остальным и имеет вид трапеции. Да и угловатый *омикрон* появляется куда позже даже и первой половины IV в., тем более рубежа VI–V, а то и третьей четверти VI в. до н.э.²⁰

Графема □ обозначала в алфавитах ионийских островов Эгеиды либо *эту* (Η), либо драхму (ϛ)²¹. Поскольку купить 30–40, а продать – 15 неких мер за 2 драхмы видится маловероятным, я предпочитаю Η, надежно документированную для записи ½: ἡ(μίση)²². Аналогично эпсилон означает ε(ῖς)²³, 1, дельта – δ(έκα)²⁴, 10, *пи* – π(έντε)²⁵, 5. Получаем:

¹⁴ См. Dornseiff, Hansen 1978, κλος

¹⁵ Завойкина 2015, 138–139; ПиФ, 340.

¹⁶ ПиФ, 340.

¹⁷ IOSPE I2 336; Frazer 2008, 101; Frazer, Matthews 2010, 136.

¹⁸ Абрамов 2009; ПиФ № 132.

¹⁹ Jeffery 1961, Pl. 65 № 41A; ПиФ № 132.

²⁰ Равно невозможны предложенные объемы ороба (горькой вики), примешивавшейся в ранее время в небольшом количестве в муку для изготовления ритуальных хлебцев.

²¹ Jeffery 1961, 289.

²² Lang 1976, 59–60, Ha6, Ha9, Ha10.

²³ Lang 1976, 76, He2.

²⁴ Lang 1976, 76, He1, He3.

²⁵ Lang 1976, 76, He2.

1 Ἀτότης ΕΕ □ ΔΠ
 ΔΔΔΔ
 Νευμηνίδ ΕΕ □
 Διονυστράτῳ
 5 ΕΕ [□ Δ(Δ)]ΔΔ
 «Атот (за) 2,5 – 15 / 10101010 / от Невмения (за) 2,5 / от Дионистрата (за) 2,[5 – 10(10)]1010».

ЛИ Атот хорошо известно в боспорской эпитафике. Имя Нумений широко распространено, подчеркну лишь его ионийский облик (Невмений). А вот Дионистрат (предлагаемое Завойкиной сокращение имени и патронимика противоречит стилю памятника) – новый помет, что само по себе – отличный результат, особенно учитывая нарочитость дионисовой темы на Боспоре.

Учет ведется, видно, медимнам зерна. И опять мы обретаем бесценный исторический источник.

Во-первых, значок □ раскрывает охват внешних связей Фанагории не позднее рубежа VI–V вв.: пишет выходец, не исключено, с Самоса, на чьей стенке амфоры оставлено граффито. Во-вторых, подсчет подает данные о норме прибыли, которую тогда, очевидно, предпочитали. По 30–40 мер приобретены за 2,5 единицы (определение ее номинала – за специалистами в нумизматике и истории античной торговли), а проданы на ту же сумму – 15. Выгода – до 266%. Очень хороший бизнес! В-третьих, только *один купец ворочает тоннами хлеба*. Столь значительные объемы сделок предполагают рождение Фанагории в первой половине VI в. до н.э.: едва ли они были возможны, коли она едва возникла.

4. ПиФ № 129, с фото. Издатель²⁶ датирует граффито четвертой четвертью VI в. до н.э. Такие сосуды встречаются на Митридате в слоях первой половины VI в. Шрифт посвящения – *альфа* со скошенной перекладной, *ню* с отогнутой наружу укороченной правой ножкой, наклонный *эпсилон*, маленькая *тета* с перекрестьем, узкая *эта*, *каппа* с несходящимися усиками – яркий образец первой половины VI в. до н.э.

5. ПиФ № 395, с фото. Надгробие датировано²⁷ концом VI – первой половиной V в. до н.э. Такие собранные плотным пучком пальметты известны в Ионии, если оно привезено оттуда, не позднее середины VI в. до н.э.²⁸ Если же оно изготовлено на месте, то, учитывая эффект дистанции, получаем третью четверть VI в. до н.э., что – речь ведь о *могильном* памятнике – говорит в пользу заселения Фанагории в первой половине VI в.

6. Версия С.А. Жебелева. Лидирующее мнение о дате основания Фанагории базируется на контаминации данных письменных источников. Отметив, что по Гекатею (FHG I 164²⁹ πόλις ἀπὸ Φαναγόρου: *строго говоря, эти слова принадлежат не ему, но – см. диакритику издателя – Стефану Византийскому, взявшему их, очевидно, у того же Псевдо-Скилака*) и Пс.-Скилаку (Ps.-Scyl. Per. 72: Φαναγόρου πόλις) выселок получил свое название по имени ктиста, а в перипле Пс.-Скимна

²⁶ Завойкина 2015, 133.

²⁷ Кузнецов, Завойкин 2015, 15; Kuznetsov 2016, 13; ПиФ № 395.

²⁸ Alzinger 1976, 174–190 и. Abb. 5, 6t-g, 11, 13, 14, 16–18; см. тж. позднейшие работы М. Корре-на. Искренне благодарю за помощь В.П. Толстикова.

²⁹ У Жебелева ошибочно – FHG I 212.

(Ps.-Scymn. 886–889) он выступает колонией Теоса, у Дионисия же (Dionys. 549) – просто ионийской, Жебелев делает акцент на слова Арриана (FHG III 160³⁰, cf. Eustath. ad Dionys. 549: Ἀρριανὸς δὲ οὕτω φησὶ: Φαιναγόρεια, ἣν ἔκτισε Φαιναγόρας ὁ Τήϊος, φεύγων τὴν τῶν Περσῶν ὕβριν·), где апойкию вывел теосец Фанагор, бегущий от натиска персов.

По свидетельству Геродота (I. 168), продолжает ученый, когда Теос был взят Гарпагом, его жители заняли Абдеры, что хроника Евсевия помещает на 543 г. до н.э. Ergo, туда же надо относить и выселение части теосцев в Фанагорию³¹. Напомним, что и Геродот, побывавший в Ольвии, ничего не пишет о рождении Фанагории, и о дате этого события античные авторы дружно молчат. А вместо – лишь хитроумное (ведь разновременные сведения мог смешать и сам Арриан, и – тем более – его эпиноматоры) рассуждение Жебелева: однако, он неверно дал даже отсылки к источникам. Хотя в его системе конструкт вполне гармоничен. Он считал, что и Пантикапей возник во второй половине 540-х гг.³². Все у него сходилось: обе столицы Боспора появлялись одновременно.

Но теперь археологически установлено: Синопа, Истрия, Ольвия (Березань), Пантикапей и Таганрогское поселение³³ зарождаются во второй половине VII в. до н.э. Теперь собранные воедино артефакты 1–5 обнаруживают фанагорийскую жизнь в первой половине VI в. до н.э. Теперь признано, что Гермонасса, Кепы, Корокондама, Патрей³⁴ и расположенное в тылу Фанагории поселение Волна-1³⁵ вырастают не позднее второй четверти VI в.

Так мыслимое ли дело, чтобы эллины, идя от Гермонассы к Кепам, миновали идеальную территорию Фанагории? Допустимо ли оставаться на искусственной реконструкции Жебелева, от которой он сам бы отказался, если бы располагал нашими знаниями?

Разве невероятно, чтобы теосцы были тут, как в Абдерах, второй волной переселенцев (эпойками)? Или не могло здесь существовать утверждаемое древнейшими находками более раннее ионийское (теосское же?) поселение³⁶? И с лидийцами у малоазийских греков были проблемы (Hdt. I 15 слл.; 26 слл.), а Теос вывел же, по данным археологии, Элейю ок. 600 г. до н.э.³⁷. И существование в Фанагории культа ее ктиста в середине VI в. до н.э. может быть объяснено тем, что он привел сюда апойков в первой половине VI в., а Арриан нечаянно связал его со второй их партией, прибывшей после захвата Теоса Гарпагом.

7. Выводы. Приведенная малая выборка самых наглядных примеров приоткрывает завесу над Фанагорией до середины VI в. *Совокупность – граффити из раскопок та же самая археология – фактов* не позволяет их игнорировать.

³⁰ У Жебелева – FHG I 71.

³¹ Жебелев 1953, 60–61.

³² Жебелев 1953, 61.

³³ Кузнецов 2017, 44.

³⁴ Завойкин, Толстиков 2017, 51.

³⁵ Данные В. Бочковского и Е. Булаха, доложенные 21 августа 2017 г. в Таманском музее на XIX Чтениях памяти Н.И. Сокольского.

³⁶ Которое могло еще и не зваться Фанагорией – ср. Завойкин, Толстиков 2017, 51.

³⁷ САН III/3, 114, Map 9, 161, List of Greek colonies.

Старая гипотеза Жебелева вынуждала³⁸ археологов назначать своим находкам чересчур поздние даты. Историки, доверяя полевикам, не переосмысливали жебелевские взгляды. Взаимный гипноз, да и только.

Останавливает отсутствие художественных предметов, кои дарит Пантикапей? Похожая ситуация была и там: появлению ярких образцов VII в. до н.э. предшествовало накопление более скромного материала. Массовая продукция, датируемая от начала VI в. – амфорная, чернолощеная ... – способна (ср. выше) открыть новые перспективы и для древнейшей Фанагории.

А североионийской расписной керамики еще прибудет: Верхний Город раскрит далеко не полностью. По примеру же сенсаций доследования раскопок П.М. Леонтьева в Танаисе неожиданности могут ждать прекрасный коллектив Фанагорийской археологической экспедиции и в траншеях И.Е. Забелина.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамов, А.П. 2009: Типология амфор острова Самос. *ДБ* 13, 7–16.
- Жебелев, С.А. 1953: *Северное Причерноморье. Сб. трудов*. М.–Л.
- Завойкин, А.А., Толстиков, В.П. 2017: Очерк политической истории Пантикапея и Фанагории. В кн.: *Пантикапей и Фанагория: Две столицы Боспорского царства. Каталог выставки*. М., 47–67.
- Завойкина, Н.В. 2015: Малая эпитафия. В кн.: В.Д. Кузнецов, А.А. Завойкин (ред.), *Фанагория*. М., 132–139.
- Завойкина, Н.В. 2016: Граффити на керамике позднеархаического времени из Фанагории. В сб.: Д.В. Журавлев, У. Шлотцауер (ред.), *Азиатский Боспор и Прикубанье в доримское время. Материалы Международного круглого стола 7–8 июня 2016 года*. М., 41–48.
- Кузнецов, В.Д. 2010: О времени основания Фанагории. *ДБ* 14, 313–321.
- Кузнецов, В.Д. 2017: Великая греческая колонизация и основание Пантикапея и Фанагории. В кн.: *Пантикапей и Фанагория: Две столицы Боспорского царства. Каталог выставки*. М., 43–45.
- Кузнецов, В.Д. 2018: Боспор Киммерийский в 5 в. до н.э. В кн.: В.Д. Кузнецов, А.А. Завойкин А.А. (ред.), *Материалы по истории и археологии Фанагории*. 3. (Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 6). М., 160–185.
- Кузнецов, В.Д., Завойкин, А.А. (ред.) 2015: *Фанагория. Альбом*. М.
- Кузнецов, В.Д., Никитин, А.Б. 2018: Древнеперсидская надпись из Фанагории. В кн.: В.Д. Кузнецов, А.А. Завойкин А.А. (ред.), *Материалы по истории и археологии Фанагории*. 3. (Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 6). М., 154–159.
- Монахов, С.Ю. 1999: *Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II вв. до н.э.* Саратов.
- Монахов, С.Ю. 2003: *Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель*. М.–Саратов.
- Alzinger, W. 1976: Von der Archaik zur Klassik. Zur Entwicklung des ionischen Kapitells in Kleinasien während des fünften Jahrhunderts v. Chr. *Jahreshefte des Österreichischen archäologischen Instituts*. Bd. 50 (1972–73), 169–211.

³⁸ Не зря понятный консерватизм Кузнецова, видевший основание полиса не ранее 540 г. (Кузнецов 2010, 316, 319; 317, рис. 1; 318, рис. 2.), недавно сменился на допущение его появления в сер. VI в. (Кузнецов 2018, 167, прим. 44; Кузнецов, Никитин 2018, 154).

- Dornseiff, F., Hansen, B. 1978: *Rückläufiges Wörterbuch der Griechischen Eigennamen*. Chicago (Reprint).
- Ehrhardt, N., 1983: *Milet und seine Kolonien*. Frankfurt am Main; Bern; New York.
- Frazer, P.M. (ed.) 2008: *A Lexicon of Greek Personal Names*. Vol. IV. Oxford.
- Frazer, P.M., Matthews, E. (ed.) 2010: *A Lexicon of Greek Personal Names*. Vol. V A. Oxford.
- Jeffery, L.H. 1961: *The Local Scripts of Archaic Greece*. Oxford.
- Kuznetsov, V.D. (ed.) 2016: *Phanagoria*. Moscow.
- Lang, M.L. 1976: *Graffiti and Dipinti*. (Athenian Agora. XXI). Princeton.
- Lang, M.L. 1990: *Ostraka* (Athenian Agora. XXV). Princeton.
- Preller, L. 1923: *Griechische Mythologie*. 6. Aufl. Berlin.

REFERENCES

- Abramov, A.P. Tipologiya amfor ostrova Samos [Typology of Samian amphorae]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 13. Moscow, 7–16.
- Kuznetsov, V.D. (ed.) 2016: *Phanagoria*. Moscow.
- Kuznetsov, V.D. 2017: Velikaya grecheskaya kolonizatsiya i osnovanie Pantikapeya i Fanagorii [Great Greek Colonization and foundation of Pantikapaion and Phanagoria]. In.: *Pantikapey i Fanagoria: Dve stolitsy Bosporskogo Tsarstva. Katalog vystavki* [Pantikapaion and Phanagoria: Two Capitals of the Bosporan Kingdom. Exhibition's Catalogue]. Moscow, 43–45.
- Kuznetsov, V.D. 2018: Bospor Kimmeriyskiy v 5 v. do n.e. [Cimmerian Bosporus in the 5th Century BC]. In: V.D. Kuznetsov, A.A. Zavoykin (eds.), *Materialy po istorii i arkhologii Fanagorii*. 3 [Materials on History and Archaeology of Panagoria. 3]. (Fanagoriya. Rezul'taty arkhologicheskikh issledovaniy. [Phanagoria. Results of Archaeological Researches]. Vol. 6). Moscow, 160–185.
- Kuznetsov, V.D., Nikitin, A.B. 2018: Drevnepersidskaya nadpis' iz Phanagorii [Old Persian Inscription from Phanagoria]. In: V.D. Kuznetsov, A.A. Zavoykin (eds.), *Materialy po istorii i arkhologii Fanagorii*. 3 [Materials on History and Archaeology of Panagoria. 3]. (Fanagoriya. Rezul'taty arkhologicheskikh issledovaniy. [Phanagoria. Results of Archaeological Researches]. Vol. 6). Moscow, 154–159.
- Kuznetsov, V.D., Zavoykin, A.A. (eds.) 2015: *Fanagoria. Al'bom* [Phanagoria. Album]. Moscow.
- Lang, M.L. 1976: *Graffiti and Dipinti* (Athenian Agora. XXI). Princeton.
- Lang, M.L. 1990: *Ostraka* (Athenian Agora. XXV). Princeton.
- Monakhov, S.Yu. 1999: *Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Kompleksy keramicheskoy tary VII–II vv. do n.e.* [Greek Amphorae in Black Sea Area. Amphorae Assemblages from the 7th to 2nd Centuries BC]. Saratov.
- Monakhov, S.Yu. 2003: *Grecheskie amfory v Prichernomor'e.: Tipologiya amfor veduschikh tsentrov-eksporterov tovarov v keramicheskoy tare. Katalog-opredelitel'* [Greek Amphorae in Black Sea Area: Amphorae Typology of leading Centers of Export of Goods in Amphorae. Catalogue of Attributions]. Moscow–Saratov.
- Preller, L. 1923: *Griechische Mythologie*. 6. Aufl. Berlin.
- Zavoykin, A.A., Tolstikov, V.P. 2017: Oчерk politicheskoy istorii Pantikapeya i Fanagorii [Survey of political history of Panticapaeum and Phanagoria]. In.: *Pantikapey i Fanagoria: Dve stolitsy Bosporskogo Tsarstva. Katalog vystavki* [Panticapaeum and Phanagoria: Two Capitals of the Bosporan Kingdom. Exhibition's Catalogue]. Moscow, 47–67.
- Zavoykina, N.V. 2015: Malaya epigrafika [Ceramics Epigraphy]. In: V.D. Kuznetsov, A.A. Zavoykin (ed.), *Fanagoriya* [Phanagoria]. Moscow, 132–139.

- Zavoykina, N.V. 2016: Graffiti na keramike pozdnearkhaicheskogo vremeni iz Phanagorii [Graffiti on Late Archaic ceramics from Phanagoria]. In: D.V. Zhuravlev, U. Schlotzauer (eds.), *Aziatskiy Bospor i Prikubaniye v dorimskoe vremya. Materialy Mezhdunarodnogo kruglogo stola 7–8 iyunya 2016 goda* [Asian Bosphorus and Kuban Region before the Roman period. Papers of International Round Table, June 7–8, 2016]. Moscow, 41–48.
- Zhebelev, S.A. 1953: *Severnoe Prichernomor'ye. Sbornik trudov* [Northern Black Sea Region. Collection of Works]. Moscow–Leningrad.

FROM THE EARLY HISTORY OF PHANAGORIA

Fyodor V. Shelov-Kovedyayev

Russian Public Policy Centre, Moscow, Russia
shel-kov@yandex.ru

Abstract. The article deals with a number of epigraphic (No. 1 – a record about the donation to the temples; No. 2 – an ownership inscription; No. 3 – an accounting sheet, No. 4 – a dedication) and sculptural (No. 5 – a fragment of the grave anthemius) evidence for the foundation of Phanagoria in the first half of the 6th century BC. The crock of the Chian amphora bearing the graffito No. 1 dates back to the first half of the 6th century BC, and its letter is clearly older than the votive of Sonos of Panticapaeum dated to the beginning of the third quarter of the 6th century BC. The inscription No. 2 is written on the vessel which is similar to another one found on Mount of Mithridates in the layer of the early 6th century BC, and its print is typical for the first half of the century. The letters like No. 3 are known on the Bosphorus by the inscription of the Minyida on the oinochoe before the mid-6th century. No. 4 on the vessel of the first half of the 6th century BC is recorded in the Ionian area from the fourth quarter of the 7th century BC. The anthemius' palmetto with only one curving petal (No. 5) has direct analogies in Ionia before the mid-6th century BC. If it was brought from there, its date cannot be different. If it was made on the Bosphorus, then, taking into account the preservation of the earliest forms of plastics on the periphery, which is longer than in the center, the tombstone dates back to the third quarter of the 6th century BC. The author also analyzes Zhebelev's hypothesis about the foundation of Phanagoria and concludes that it was deduced artificially and outdated, and Arrian, to whom he refers, mistakenly combined information about the two waves of immigrants in this apoikia.

Keywords: Phanagoria, Bosphorus, apoikia, apoikoi, epoikoi, graffito, script, letters, palmette, data

---

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2018), 107–124
© The Author(s) 2018

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2018), 107–124
©Автор(ы) 2018

DOI 10.18503/1992-0431-2018-3-61-107–124

СОДЕРЖАНИЕ СЕРЕБРА В СТАТЕРАХ САВРОМАТА IV

М.Г. Абрамзон*, И.А. Сапрыкина**, Т.Н. Смекалова***

**Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск, Россия
abramzon-m@mail.ru*

***Институт археологии РАН, Москва, Россия
dolmen200@mail.ru*

****Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского
Симферополь, Россия*

Аннотация. В 275/276 г. н.э. после семилетнего перерыва возобновилась боспорская чеканка. Однако состав металла и техника изготовления новых статеров Савромата IV и Тейрана заметно отличаются от прежних выпусков Рескупорида V. В статье публикуются результаты исследования химического состава металла статеров Савромата IV по данным Фанагорского клада 2011 г. Анализ металла по методу РФА выявил содержание серебра в пределах от 7–8 до 9–10%, что выше чем в статерах Тейрана (в среднем 5–6%). Серебряные монеты этих боспорских царей сопоставимы с современными им римскими серебряными номиналами (антонинианами), как по содержанию серебра в сплаве, так и, возможно, по технологии нанесения серебряного покрытия. Исследование показало, что статеры Савромата IV (как и все статеры Тейрана регулярного чекана), содержащие небольшое количество серебра, подобно антонинианам и денариям того времени, подвергались серебрению поверхности. Предполагается, что монетные кружки-заготовки обертывались в серебряную фольгу и нагревались до 950°, а затем подвергались холодной проковке.

Ключевые слова: Боспор, Римская империя, Савромат IV, монетная техника, статеры, антонинианы, процесс серебрения, РФА

Данные об авторах. Абрамзон Михаил Григорьевич – доктор исторических наук, профессор, директор НИИ исторической антропологии и филологии Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова; Сапрыкина Ирина Анатольевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела сохранения археологического наследия Института археологии РАН; Смекалова Татьяна Николаевна – доктор исторических наук, заведующий отделом естественнонаучных методов в археологии Крыма Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского.

Статья подготовлена при поддержке РФФ в рамках проекта № 18-18-00193 «Начальный период истории денег: переход от полновесной монеты к знаку условной стоимости».

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая статья продолжает серию публикаций авторов о составе монетного сплава и технике серебрения позднебоспорских статов¹. Особый интерес представляет исследование химического состава металла и реконструируемого способа серебрения статов Савромата IV, ставшего вместе с Тейраном соправителем Рескупорида V в 275/276 г. н.э. В этот год после семилетнего перерыва возрождается боспорская чеканка, однако состав монетного сплава и техника изготовления новых статов Савромата IV и Тейрана заметно отличаются от прежних выпусков Рескупорида V. Рим и Боспор в это время проводили морские операции против сарматов, аланов и готов, организовавших последний рейд из Приазовья в римские провинции². Дефицит серебра для чеканки денег, необходимых чтобы обеспечить военные операции против варварских племен, вторгающихся в провинции Империи, а также на Боспор, вынудил римских императоров и боспорских царей еще с 250-х гг. н.э. чеканить монеты из медно-серебряного сплава, поверхность которых покрывал тонкий слой драгоценного металла. Таким образом, в римском монетном деле и боспорской чеканке третьей – начала четвертой четвери III в. н.э. протекали сходные кризисные процессы. Новые исследования показывают, что после 275/276 г. н.э. на Боспоре и в Империи применяются близкие пропорции серебра в монетных сплавах и, возможно, общие технические приемы серебрения монет – знаков условной стоимости.

Химический состав сплава статов Савромата IV до недавнего времени точно не был известен; небольшие исследования проводились более двадцати лет тому назад. Так, например, анализу подверглись всего два экземпляра из собрания ГИМ³. Эта крошечная выборка привела к непроверенному заключению о том, что некоторые статы этого царя содержат более 50% серебра⁴. В конце 1990-х годов был исследован состав металла⁵ статов Савромата IV из собрания Государственного Эрмитажа (выборка – 10 экз.), что выявило большой разброс по содержанию в них серебра. Большинство из исследованных статов (7 экз.)⁶ показали достаточно высокое содержание серебра на поверхности – в среднем около 20–25%. Один из статов⁷ содержал около 6% серебра, а другой⁸ – имел, вероятно, искусственно обогащенную серебром поверхность, так как содержа-

¹ Дюков, Смекалова 1996, 16–19; Смекалова 2001а; 2001б; Смекалова, Дюков 2001, 90–103; Абрамзон, Гунчина 2016а; 2016б, 280–329; Сапрыкина, Гунчина 2017, 272–483; Сапрыкина, Пельгунова, Гунчина и др. 2017, 484–493; Абрамзон, Гунчина, Сапрыкина 2017, 152–169; Abramson, Saprykina, Kichanov et al. 2018, 114–117; Абрамзон, Сапрыкина, Кичанов и др. 2018, 24–28.

² Хайрединова 1994, 522.

³ Монеты из ГИМ: № 8839 – 50% Ag; № 5259 – 3,5% Ag. См. Фролова 1997, 72.

⁴ Фролова 1997, 72–73. Данные Фанагорийского клада 2011 г., включавшего почти 90 монет Савромата IV, не подтверждают эту информацию. Лишь в одном статере Савромата IV содержание серебра в разных точках поверхности варьируется от 8.35 до 35.28% (Сапрыкина, Гунчина 2017, 427, № 2222), но оно связано с особенностями техники изготовления статов.

⁵ Исследования проводились методом РФА на анализаторе «АР-104», выпущенном на Санкт-Петербургском предприятии геофизического приборостроения «Геологоразведка».

⁶ ГЭ. Инв. № 29595, 29596, 29598–29600, 29602, 29603. Фролова 1997, 281–283, типы III и IV, табл. LXIV, 12, 15; LXV, 1, 5; LXIV, 27; LXIII, 14, 16.

⁷ ГЭ. Инв. 29594. Фролова 1997, 282, тип IV, табл. LXIV, 9.

⁸ ГЭ. Инв. 29597. Фролова 1997, 282, тип IV, табл. LXV, 4.

ние этого элемента доходит до 55%⁹. Еще один из исследованных экземпляров¹⁰ полностью выбивается из общей картины, так как оказался изготовлен из медного сплава с аномально высоким содержанием свинца (более половины состава). О необычности этой монеты говорит также и ее высокий вес – 7.95 г, в то время как средний вес статеров этого правителя, как правило, несколько ниже, в пределах 6.5–7.5 г¹¹. В целом проведенный анализ показал, что статеры Савромата IV еще производят впечатление низкопробных серебряных монет¹². В некоторых каталогах статеры Савромата IV фигурируют как биллонные¹³. Новые результаты дало исследование в 2017 г. методом РФА монетного сплава 88 статеров Савромата IV из позднебоспорского клада, найденного в 2011 г. на некрополе Фанагории¹⁴.

Целью настоящей статьи является сравнение результатов анализа химического состава сплавов статеров Савромата IV из Фанагорийского клада, представляющих уникальный гомогенный комплекс монет этого царя¹⁵, и современных им римских монет.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Металл всех 88 статеров Савромата IV из клада (см. приложение) исследовался на РФА-спектрометре M1 Mistral (Bruker), позволяющем проводить измерения поверхности на глубину до 10 микрон, а также выполнять анализ на наличие покрытий. Стандартное время измерения составило 30–60 сек., напряжение – 50кV. Кроме того, для трех экземпляров из анализируемой выборки (№ 2150, 2151, 2153) выполнялось картирование элементов на РФА-спектрометре M4 Topnado (Bruker) под вакуумом¹⁶, для определения характера распределения основных элементов по поверхности. Отдельные монеты прошли микроскопическое исследование, при котором с помощью бинокулярного оптического микроскопа МБС-10 определялись участки с сохранившимся покрытием (макрофотосъемка в музейных условиях не выполнялась).

Анализ химического состава металла монет выполнялся по методу безэталонного РФА; предварительно все монеты прошли реставрационную очистку поверхности до «живого» металла. Анализ выполнялся для аверса и реверса; при работе с выборкой для нескольких монет был выборочно проведен отбор проб с трех точек для понимания вариации содержания серебра на поверхности в зависимости от участка исследования (см. приложение).

⁹ Смекалова 2001а, Прилож., № 1361–1370; Смекалова, Дюков 1996, 18.

¹⁰ ГЭ. Инв. 29601. Фролова 1997, 282, тип III, табл. LXIV, 2.

¹¹ Фролова 1997, 281–283

¹² Смекалова 2001б, 49.

¹³ Sear 2001, No. 5501.

¹⁴ Абрамзон, Кузнецов 2017.

¹⁵ К настоящему моменту нам известна 231 монета Савромата IV: 84 экз., учтенные Н.А. Фроловой (1997, 81–82), 88 – из Фанагорийского клада; 59 – из Электронного каталога-архива «Монеты Боспора». См. <http://bosporan-kingdom.com/725-4128/1.html> (и далее).

¹⁶ Сапрыкина, Пельгунова 2013, 82–83; Сапрыкина, Пельгунова, Гунчина и др. 2017, 492, рис. 9, 1.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Анализ химического состава металла статеров Савромата IV показал, что содержание серебра в меди, из которой были изготовлены исследуемые статеры, варьирует в пределах от 3.62 (min) до 35.28% (max), при среднем значении в 5–9% (Рис. 1). Помимо серебра, в меди статеров было зафиксировано присутствие золота, олова, свинца, мышьяка, сурьмы и никеля, по процентному содержанию относящиеся к группе микропримесей.

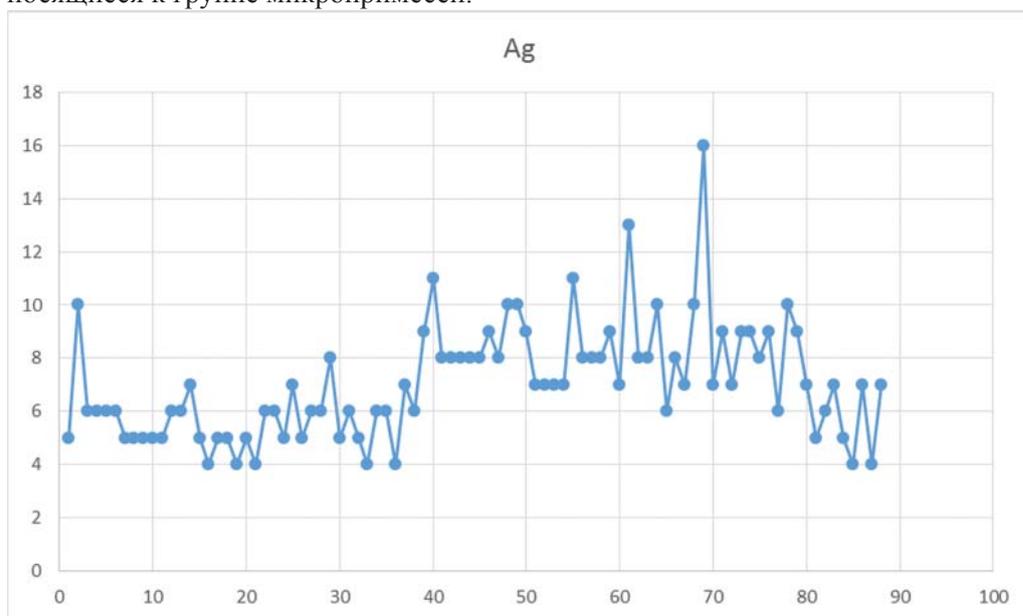

Рис. 1. Гистограмма распределения серебра на поверхности статеров Савромата IV (среднее значение)

Несмотря на незначительную вариативность содержания серебра в меди, можно заключить, что наименьшее количество серебра (5–6%) содержится в монетном сплаве выпусков Савромата IV, на реверсе которых помещен только портрет императора¹⁷ – предположительно, Тацита¹⁸ (№ 2149–2185). Нередко в этой выборке (37 экз.) встречаются монеты с содержанием серебра менее 5% (№ 2149, 2155, 2156, 2164, 2178, 2180, 2181, 2184), а единожды – менее 4% (№ 2167).

Наивысшее содержание серебра (среднее значение 8–10%) наблюдается в статерах с орлом на колонне¹⁹ (выборка из 27 монет: № 2186–2212), выпуск которых, скорее всего, носил триумфальный характер и возможно был посвящен победе флота Тацита над кораблями готов и герулов в Понте²⁰ (Рис. 2). В этой группе содержание серебра редко опускается ниже 7–8%, достигая максимально более 11% (№ 2193, 2196) и даже более 14% (№ 2189) (см. Приложение).

¹⁷ Фролова 1997, LXIV, 4–20; LXV, 1–12a.

¹⁸ Sear 2001, No. 5501.

¹⁹ Фролова 1997, LXIII, 19–27; LXIV, 1–3.

²⁰ Интерпретация типологии Савромата IV см.: Абрамзон, Кузнецов 2017, 47–51.

Рис. 2. Гистограмма распределения серебра в статерах № 2186–2212

В третьей группе статеров – с изображением императора и орла на сфере²¹ (выборка из 24 монет: № 2213–2236) содержание серебра в среднем 7–8%. Здесь попадаются монеты, как содержащие до 35.28% (№ 2222), 15% серебра (№ 2217), так и менее 5–6% (№ 2229, 2232, 2235).

В среднем содержание серебра в статерах Савромата IV выше, чем в металле монет Тейрана, чеканенных в 275/276–278/279 гг. н.э., где фиксируется стабильное содержание серебра в пределах 5–7%²².

Довольно интересны вариации содержания серебра, зафиксированные на поверхности некоторых статеров Савромата IV: его значение колеблется, например, от 8.4 до 21.1 % (№ 2189); от 7.78 до 19.20% (№ 2214) или от 8.35 до 35.28% (№ 2222), и другие (см. приложение). Однако все исследованные монеты сближают друг с другом, прежде всего, темный цвет поверхности, составляя разительный контраст с монетами Рескупорида V из состава того же клада, характеризующимися серебристым цветом и блеском при сопоставимых значениях серебра в металле²³. Микроскопическое исследование поверхности монет показало, что на там сохраняются небольшие по площади участки, визуально характеризующиеся серым (стальным) цветом (характерным для хлористого или сернистого серебра)²⁴. Сопоставление данных по максимальному содержанию серебра на поверхности

²¹ Фролова 1997, LXIII, 10–18.

²² Такое содержание серебра в статерах Тейрана в целом коррелирует с данными, полученными при анализе поверхности римских монет III–IV вв. н.э., для которых было отмечено частичное итирование верхнего слоя. См. Klockenkampfer, Bubert, Hasler 1999, 318.

²³ Здесь имеются в виду максимальные значения содержания серебра в статерах Савромата IV.

²⁴ Данилевский, Тихонов, Фармаковский 1935, 107.

анализируемых статеров и участков наиболее интенсивного цвета показало их совпадение²⁵; проверка была выполнена при доисследовании отдельных статеров на РФА-спектрометре M4 Tornado (Bruker). В результате было установлено, что максимальные концентрации серебра, зафиксированные при анализе химического состава, действительно совпадают с участками серого (стального) цвета на поверхности исследованных статеров, атрибутированных при микроскопическом исследовании.

Для понимания характера распределения серебра на поверхности статеров на РФА-спектрометре M4 Tornado (Bruker) было выполнено картирование элементов (№ 2150, 2151, 2153). Картирование показало, что серебро, зафиксированное в результате анализа РФА, не рассеяно по поверхности, а точно локализуется на отдельных участках монет (и эти участки связаны непосредственно с участками серого цвета, исследованными ранее).

Дополнительно были проведены исследования по взаимосвязи серебра с рядом зафиксированных микропримесей; взаимосвязь была выявлена только для группы Ag–Au. Золото на поверхности локализуется в паре с серебром. Наиболее вероятным представляется, что золото входило в состав серебряного покрытия, причем по результатам картирования очевидно, что золото в основном расположено под серебром²⁶; его реальное содержание в настоящее время определить затруднительно без проведения специальных исследований. Однако проведенный в ходе картирования качественный анализ содержания золота свидетельствует в пользу его большего, чем было зафиксировано, присутствия на поверхности исследованных статеров. Вполне логично возникает вопрос о характере его присутствия на поверхности монет и технике изготовления статеров Савромата IV.

С одной стороны, отмеченные скачки содержания серебра позволяют рассматривать возможность обогащения серебром поверхностного слоя статеров по аналогии с римскими антонинианами 250–270-х гг. н.э. (Валериана, Галлиена, Постума, Аврелиана, Тацита, Флориана и др.)²⁷. С другой стороны, на данный момент мы не имеем однозначных свидетельств, позволяющих достоверно реконструировать технику обогащения поверхности, как это нам удалось сделать, к примеру, для статеров Рескупорида V из состава Фанагорийского клада 2011 г.

В случае со статерами Савромата IV имеющиеся данные позволяют предположить использование фольги для придания медным в своей основе монетам полновесного вида серебряных статеров и поддержания их номинала. В качестве рабочей гипотезы мы рассматриваем возможность использования золотосеребряной фольги при изготовлении статеров Савромата IV, когда монетные медные кружки-заготовки обертывались в фольгу (серебряной стороной фольги наружу) и нагревались до 950°, а затем подвергались холодной проковке, по аналогии с римскими серебряными денариями. Золотосеребряная фольга могла быть изготовлена без применения сложных методов амальгамирования²⁸, но с помощью мето-

²⁵ Сопоставление проводилось благодаря имеющейся в программном обеспечении XSpec Bruker опции фотографирования участка проведения анализа по методу РФА. Сапрыкина, Гунчина и др. 2017, 280–281.

²⁶ Сапрыкина, Пельгунова, Гунчина и др. 2017, 494, рис. 9, 1 (№ 2151).

²⁷ Абрамзон, Гунчина, Сапрыкина 2017, 156.

²⁸ В данном случае это может объяснить, почему при картировании элементов не было зафиксировано присутствия ртути на участках расположения, предположительно, золотосеребряной фольги.

да диффузии или механического склеивания при нагреве в строго определенном температурном интервале для активизации процессов межатомной связи. Такая техника получения золотосеребряной фольги получила широкое распространение еще с конца II тыс. до н.э.²⁹ В этом случае полученная фольга обладала долговременностью и устойчивостью к коррозии и механическим повреждениям. Следует отметить, что примеров использования такой фольги для изготовления монет нам в настоящий момент не известно, однако здесь следует учитывать исторический контекст, связанный с дефицитом драгоценного металла и возможным использованием имеющегося сырья, в том числе, ювелирного, для поддержания платежной системы Боспора в рассматриваемый период.

СРАВНЕНИЕ С РИМСКИМИ СЕРЕБРЯНЫМИ НОМИНАЛАМИ 250–270-х годов н.э.

Боспорская чеканка традиционно рассматривается в рамках римской провинциальной³⁰. В III в. н.э. боспорский монетный двор безусловно находился в русле основных тенденций монетного производства дворов Римской империи по решению общей проблемы деградации серебряных номиналов. Статеры Савромата IV, как и римские денарии и антонинианы, отчеканенные после 250–260 гг. н.э.³¹, часто имеют темный цвет поверхности и выглядят как обычные медные монеты, в отличие от статеров Рескупорида V 242/243–267/268 гг. н.э. Однако во время чистки монет из Фанагорийского клада было замечено, что многие статеры Савромата IV частично сохранили на поверхности серебристый цвет и блеск. Каким образом наносилось серебряное покрытие на его статеры? По-видимому, ответ на этот вопрос следует искать в римской технике производства посеребренных монет из сплава с небольшим содержанием серебра в третьей четверти III – начала IV в. н.э.

С 250 г. н.э. в римской чеканке производство монет из четвертного медного сплава (Cu–Sn–Pb–Ag) с серебряным покрытием становится обычной практикой; при этом содержание серебра в серебряных номиналах уменьшилось до 5%, иногда колеблясь на уровне до 20%³². Позднейшие из антонинианов Валериана I (253–260 гг.) содержали всего 3–4%, (иногда чуть больше) серебра и выглядели чисто как медные монеты³³; после чеканки на их поверхность наносился тонкий слой серебра, который вскоре стирался в процессе обращения. Антонинианы Аврелиана (270–275 гг.) были уже столь плохо посеребренными, что экземпляры, сохранившие следы процесса серебрения, представляют большую редкость³⁴. После 270 г. содержание серебра в римских монетах снова упало и составляло уже от

²⁹ La Nice, Craddock 1993, 176–177; Сапрыкина, Мастыкова 2017, 174–175.

³⁰ См. например: Sear 2001, 534–543.

³¹ Verboven 2007, 246–249.

³² King, Northover 1997, 73–78; Vlachou, McDonnell, Janaway 2002, 461; Deraisme, Beck, Pilon, Barrandon 2006.

³³ В сравнении с ними статеры Рескупорида V, например, 256/257–257/258 г. н.э. имели около 12% серебра (Абрамзон, Гунчина 2016б, 292) и выглядели все-таки как серебряные деньги. Такими они оставались и до 267/268 г. н.э., после чего наступает семилетний перерыв в боспорской чеканке.

³⁴ RIC V/1, 8 (note).

1 до 5%³⁵. Антонинианы Тацита (его портрет предположительно изображался на монетах Савромата IV – *прим. авт.*) содержали от 4 до 13% серебра³⁶; пореформенные фоллисы Диоклетиана – в среднем 3.87%, младшие номиналы его меди – еще меньше³⁷.

Состав сплава статов Савромата IV в целом очень близок к сплаву антонинианов 260-х – 276 гг. н.э. (табл. 1). Кроме того, на поверхность и тех и других монет нанесено тонкое серебряное покрытие.

Таблица 1

Сравнительный анализ сплавов статов Савромата IV
и антонинианов 260–276 гг. н.э.³⁸

Правитель, № монеты	Ag %	Cu %	Au %	Sn %	Pb %	Ni %
Савромат IV (275/276 г.), № 2149	4.84	94.09	0.13	0.35	0.40	0.05
Савромат IV, № 2155	4.93	94.34	0.11	0.28	0.23	0.05
Савромат IV, № 2151	5.83	93.04	0.24	0.50	0.23	0.07
Савромат IV, № 2236	6.31	92.44	0.15	0.62	0.25	0.05
Савромат IV, № 2193	11.35	87.82	0.10	0.09	0.18	0.00
Савромат IV, № 2217	15.37	83.24	0.12	0.30	0.23	0.02
Постум (259–267 гг.)	12.14	86.42	следы	0.88	следы	0.44
Постум	14	85	0.07	0.08	0.9	0.00
Постум	13	86	0.07	0.08	0.9	0.03
Постум	15	84	0.08	0.14	0.9	0.04
Галлиен (260–268 гг.)	6.01	87.88	следы	0.77	3.00	0.13
Галлиен	5.02	92.20		0.42	0.51	0.33
Галлиен	4.89	93.64		0.50	0.27	0.62
Клавдий II (268–270 гг.)	4.22	88.07		5.17	2.27	
Тацит (275–276 гг.)	3.32	95.65		1.02		
Тацит	4.75	94.24		1.01		
Тацит	10.81	87.77		1.46	0.73	
Тацит	4.16	94.75		1.10		

Толщина слоя серебряного покрытия на римских монетах конца III – начала IV в. н.э. колебалась от 5 до 10 микрон³⁹: на антонинианах Валериана и Галлиена – не более 7 микрон; Проба – 5 микрон, и т.д.⁴⁰ Серебрение поверхности могло быть получено в результате нагревания монеты, на которую насыпалась серебряная стружка, расплавлявшаяся при нагревании и обволакивающая всю монету тонким слоем серебра⁴¹.

³⁵ King, Northover 1997, 78–80; Caley, McBride 1956, 285.

³⁶ Esty, Equall, Smith 1993, 202, tab. 1.

³⁷ Sutherland, Harold 1961, 56–61; RIC VI, 94.

³⁸ Выборка антонинианов: Постум, Галиен, Клавдий II – по: Caley, McBride 1956, 286, tab. 1; Deraisme, Beck, Pilon, Barrandon 2006, 472, tab. 3; Тацит – по: Esty, Equall, Smith 1993, 202, tab. 1.

³⁹ Esty 1991, 226.

⁴⁰ Cope 1991, 270, 274.

⁴¹ Esty 1991, 226, note 1.

Другой возможный способ серебрения заключался в погружении монетных заготовок в расплавленный хлорид серебра⁴², однако методы горячего погружения не годятся для массового производства монеты⁴³.

Экспериментально доказана возможность использования пасты из серебра, ртути и соды для серебрения поверхности антонинианов после операции их чеканки. Другими компонентами пасты могли быть хлорид натрия, хлорид аммония, тартрат водорода калия, хлорид ртути и мел в качестве загустителя⁴⁴. Серебряное амальгамирование особенно интенсивно применялось для серебрения поверхности позднеримских монет⁴⁵. Использовался ли этот метод на Боспоре после 275/276 г. н.э.? По-видимому, нет: результаты картирования химических элементов на поверхности статера Савромата IV № 2151 (как и монет Тейрана) демонстрируют отсутствие ртути⁴⁶, что косвенно свидетельствует в пользу использования техники горячей плакировки монет серебряной фольгой (в случае с боспорскими монетами – золотосеребряной), что также доказано экспериментально для римских монет⁴⁷. Метод горячей плакировки известен в римском монетном деле более раннего периода⁴⁸, а также в чеканке Галльской Империи III в. н.э.⁴⁹

ВЫВОДЫ

Исследования химического состава металла статеров Савромата IV выявило стабильно низкое содержание серебра в сплаве (среднее значение 5–9%, вариации от 6 до 11% в среднем по выборке), что несколько превышает пропорции серебра в металле статеров Тейрана, и близко к металлу антонинианов римских императоров Центральной Империи, начиная с выпусков Галлиена 260–268 гг., Клавдия II Готского (268–270 гг.)⁵⁰, а позднее Тацита (275–276 гг.) и Флориана (276 г. н.э.). По-видимому, техника изготовления монет Савромата IV и Тейрана близка к той, что применялась в чеканке посеребренных монет Аврелиана, затем Тацита в 275–276 гг. и Флориана в 276 г. н.э., антонинианы которых были сделаны из сплава на медной основе с содержанием серебра в среднем до 9–11% и серебряным покрытием от 19 до 63%.⁵¹

⁴² Cope 1968, 115–149; 1991.

⁴³ Anheuser, Northover 1994; Vlachou, McDonnell, Janaway 2002.

⁴⁴ RIC V/1, 8 (note); Anheuser 1997; 127–134; Vlachou, McDonnell, Janaway 2002.

⁴⁵ Vlachou, McDonnell, Janaway 2002.

⁴⁶ С другой стороны, учитывая, что ртуть полностью улетучивается при нагревании до 780°, необходимы дальнейшие исследования. Экспериментально установлено, что четвертные сплавы позднеримских монет (Cu-Sn-Pb-Ag), содержавшие 1–5% серебра и по 3–9% олова и свинца, обеспечивали успешное нанесение серебряного покрытия, позволяя металлу нагреваться до достаточной температуры и испарения ртути (Vlachou, McDonnell, Janaway 2002). Между тем в сплав статеров Савромата IV и Тейрана остается по сути бинарным (Cu-Ag), включая пропорции свинца и олова всего по 0.10–0.40%, крайне редко по 1–1,4%. Близкий состав сплава имели антонинианы Постума, Галлиена, Тацита (см. табл. 1).

⁴⁷ Deraisme, Beck, Pilon, Barrandon 2006, 476–479.

⁴⁸ Kraft, Flege, Reiff, Ortner, Ensinger 2006, 87–90.

⁴⁹ Deraisme, Beck, Pilon, Barrandon 2006, 476.

⁵⁰ В антонинианах Галлиена около 6% серебра, Клавдия II – около 4–5%. См. Caley, McBride 1956, 286, tab. 5; Cope 1969, 144–161.

⁵¹ Esty, Equall, Smith 1993, 201–204.

Приложение

Химический состав сплава статеров Савромата IV из Фанагорийского клада
2011 г.

№ в клада	Место взятия пробы	№ анализа	Ag %	Cu %	Au %	Sn %	Pb %	As %	Sb %	Ni %
2149	аверс	2149ab	4.93	94.17	0.14	0.38	0.20	0.08	0.05	0.05
		2149ac	4.47	94.70	0.11	0.37	0.16	0.07	0.07	0.05
	реверс	2149bb	5.13	93.41	0.12	0.34	0.86	0.00	0.10	0.05
		2149bc	5.25	93.00	0.14	0.36	1.03	0.06	0.10	0.06
2150	аверс	2150ab	9.60	89.38	0.19	0.17	0.44	0.08	0.12	0.02
		2150ac	7.71	91.27	0.22	0.16	0.44	0.06	0.11	0.04
	реверс	2150bb	6.27	92.79	0.16	0.16	0.51	0.00	0.07	0.04
		2150bc	7.14	91.86	0.24	0.14	0.51	0.00	0.08	0.04
2151	аверс	2151ab	5.83	93.04	0.22	0.52	0.25	0.00	0.08	0.06
		2151ac	5.84	93.04	0.26	0.49	0.21	0.00	0.08	0.08
		2151b	6.04	92.71	0.18	0.63	0.25	0.06	0.08	0.06
2152	аверс	2152a	5.58	93.53	0.12	0.33	0.24	0.08	0.07	0.05
	реверс	2152b	5.28	93.96	0.12	0.34	0.15	0.08	0.04	0.05
2153	аверс	2153a	6.07	92.86	0.12	0.16	0.65	0.00	0.10	0.04
	реверс	2153b	5.50	93.25	0.14	0.49	0.48	0.00	0.09	0.05
2154	аверс	2154a	6.43	92.40	0.17	0.58	0.26	0.06	0.10	0.00
	реверс	2154b	5.12	93.35	0.09	0.40	0.89	0.00	0.09	0.06
2155	аверс	2155a	4.93	94.34	0.11	0.28	0.23	0.00	0.06	0.05
	реверс	2155b	4.93	94.10	0.13	0.28	0.43	0.00	0.08	0.05
2156	аверс	2156a	4.91	94.37	0.09	0.22	0.29	0.00	0.07	0.05
	реверс	2156b	4.79	94.52	0.10	0.25	0.19	0.06	0.05	0.04
2157	аверс	2157a	4.97	94.06	0.10	0.32	0.39	0.00	0.11	0.05
	реверс	2157b	5.80	93.09	0.13	0.42	0.37	0.06	0.09	0.03
2158	аверс	2158a	5.49	93.45	0.12	0.33	0.47	0.00	0.07	0.06
	реверс	2158b	5.00	94.18	0.11	0.35	0.25	0.00	0.06	0.04
2159	аверс	2159a	5.28	93.31	0.13	0.75	0.32	0.11	0.06	0.04
	реверс	2159b	6.18	92.32	0.13	0.70	0.45	0.12	0.05	0.05
2160	аверс	2160a	5.83	92.81	0.15	0.80	0.21	0.09	0.08	0.04
	реверс	2160b	6.76	91.78	0.21	0.84	0.30	0.00	0.06	0.04
2161	аверс	2161a	6.40	92.73	0.18	0.24	0.34	0.00	0.08	0.03
	реверс	2161b	6.10	93.20	0.15	0.17	0.15	0.11	0.08	0.04
2162	аверс	2162a	6.82	91.85	0.21	0.51	0.40	0.08	0.08	0.05
	реверс	2162b	5.95	92.98	0.13	0.36	0.37	0.10	0.06	0.06
2163	аверс	2163a	5.35	93.85	0.12	0.21	0.35	0.00	0.07	0.04
	реверс	2163b	8.83	90.09	0.28	0.25	0.42	0.00	0.10	0.03
2164	аверс	2164a	4.36	94.62	0.12	0.57	0.14	0.09	0.07	0.03
	реверс	2164b	4.57	94.19	0.09	0.35	0.65	0.00	0.11	0.04
2165	аверс	2165a	5.01	94.09	0.14	0.23	0.41	0.00	0.07	0.04
	реверс	2165b	5.22	92.86	0.12	0.17	1.48	0.00	0.09	0.05
2166	аверс	2166a	5.10	93.35	0.13	0.81	0.45	0.06	0.09	0.00
	реверс	2166b	3.62	95.15	0.08	0.63	0.40	0.00	0.07	0.05
2167	аверс	2167a	3.52	95.27	0.08	0.68	0.23	0.06	0.10	0.06
	реверс	2167b	4.63	93.93	0.11	0.70	0.50	0.00	0.09	0.04
2168	аверс	2168a	5.49	92.98	0.11	0.35	0.93	0.00	0.10	0.05
	реверс	2168b	7.16	91.45	0.21	0.50	0.53	0.00	0.08	0.05
2169	аверс	2169a	4.07	94.08	0.08	1.38	0.19	0.06	0.09	0.05
	реверс	2169b	7.92	90.51	0.18	0.27	0.80	0.11	0.18	0.02

2170	avers	2170a	5.89	92.47	0.16	0.89	0.31	0.10	0.10	0.05
	revers	2170b	6.44	91.70	0.19	0.93	0.42	0.10	0.11	0.06
2171	avers	2171a	5.92	93.01	0.11	0.24	0.59	0.00	0.08	0.05
	revers	2171b	6.92	92.11	0.20	0.32	0.33	0.06	0.07	0.00
2172	avers	2172a	5.06	94.40	0.10	0.10	0.21	0.00	0.09	0.04
	revers	2172b	10.23	88.79	0.27	0.14	0.29	0.10	0.16	0.03
2173	avers	2173a	6.81	92.42	0.14	0.13	0.23	0.10	0.14	0.03
	revers	2173b	6.44	92.90	0.16	0.16	0.16	0.00	0.13	0.06
2174	avers	2174a	5.20	94.21	0.11	0.16	0.12	0.07	0.09	0.04
	revers	2174b	4.96	94.44	0.11	0.15	0.21	0.00	0.09	0.04
2175	avers	2175a	6.21	92.18	0.16	0.36	0.95	0.00	0.09	0.05
	revers	2175b	4.63	94.55	0.11	0.29	0.31	0.00	0.07	0.05
2176	avers	2176a	6.05	93.08	0.14	0.21	0.31	0.09	0.07	0.06
	revers	2176b	6.09	93.08	0.14	0.20	0.28	0.07	0.10	0.05
2177	avers	2177a	7.64	91.38	0.19	0.16	0.43	0.07	0.09	0.03
	revers	2177b	5.18	93.86	0.12	0.16	0.56	0.00	0.07	0.04
2178	avers	2178a	4.85	93.97	0.11	0.47	0.44	0.00	0.09	0.05
	revers	2178b	4.78	93.96	0.11	0.39	0.63	0.00	0.08	0.05
2179	avers	2179a	5.80	92.99	0.12	0.55	0.34	0.06	0.09	0.04
	revers	2179b	5.81	92.61	0.13	0.46	0.86	0.00	0.08	0.05
2180	avers	2180a	4.96	93.47	0.10	0.33	0.99	0.00	0.09	0.06
	revers	2180b	4.91	94.03	0.11	0.41	0.36	0.06	0.06	0.06
2181	avers	2181a	4.36	94.67	0.10	0.40	0.36	0.00	0.06	0.05
	revers	2181b	4.62	94.08	0.12	0.42	0.56	0.00	0.09	0.05
2182	avers	2182a	6.46	92.14	0.14	0.21	0.94	0.00	0.07	0.05
	revers	2182b	6.74	92.21	0.23	0.22	0.41	0.08	0.07	0.04
2183	avers	2183a	6.28	92.49	0.13	0.60	0.39	0.00	0.06	0.04
	revers	2183b	5.19	93.52	0.11	0.58	0.48	0.00	0.06	0.05
2184	avers	2184a	4.43	94.16	0.13	0.75	0.39	0.00	0.10	0.04
	revers	2184b	4.12	94.85	0.08	0.60	0.19	0.06	0.07	0.04
2185	avers	2185a	7.27	91.33	0.04	0.40	0.81	0.00	0.11	0.04
	revers	2185b	6.42	92.66	0.03	0.42	0.30	0.06	0.08	0.03
2186	avers	2186a	5.98	93.54	0.04	0.11	0.09	0.16	0.05	0.03
	revers	2186b	8.96	90.45	0.07	0.10	0.11	0.23	0.05	0.03
		2186bc	10.41	88.96	0.08	0.12	0.20	0.14	0.07	0.00
2187	avers	2187ab	8.60	90.87	0.06	0.14	0.09	0.17	0.05	0.02
		2187ac	8.04	91.29	0.06	0.17	0.18	0.18	0.06	0.04
	revers	2187b	5.64	93.91	0.04	0.11	0.13	0.11	0.02	0.03
2188	avers	2188a	11.32	87.85	0.08	0.16	0.43	0.00	0.11	0.05
	revers	2188b	10.81	88.33	0.07	0.29	0.35	0.00	0.10	0.05
2189	avers	2189ab	8.04	91.33	0.06	0.13	0.12	0.23	0.05	0.03
		2189ac	21.10	87.16	0.10	0.14	0.23	0.22	0.06	0.00
	revers	2189bb	10.01	89.16	0.08	0.12	0.25	0.28	0.07	0.04
		2189bc	18.97	79.82	0.12	0.13	0.56	0.30	0.10	0.00
2190	avers	2190a	7.88	91.55	0.06	0.15	0.07	0.20	0.03	0.06
	revers	2190b	9.96	89.33	0.08	0.17	0.13	0.22	0.05	0.06
2191	avers	2191a	7.79	91.75	0.04	0.11	0.13	0.13	0.05	0.00
	revers	2191b	6.83	92.65	0.05	0.09	0.15	0.14	0.06	0.04
2192	avers	2192a	7.86	91.57	0.06	0.10	0.17	0.14	0.06	0.05
	revers	2192bb	14.42	84.92	0.12	0.13	0.18	0.14	0.07	0.03
		2192bc	9.57	89.73	0.07	0.11	0.21	0.18	0.09	0.04
2193	avers	2193a	8.17	91.20	0.07	0.09	0.09	0.37	0.02	0.00
	revers	2193b	14.53	84.45	0.12	0.09	0.26	0.49	0.04	0.00

2194	аверс	2194a	9.06	90.33	0.05	0.18	0.22	0.10	0.07	0.00
	реверс	2194b	7.41	92.01	0.03	0.16	0.19	0.14	0.03	0.03
2195	аверс	2195a	8.17	91.49	0.07	0.10	0.04	0.10	0.04	0.00
	реверс	2195b	9.32	90.13	0.09	0.11	0.10	0.17	0.04	0.03
2196	аверс	2196ab	10.08	89.21	0.11	0.10	0.11	0.39	0.00	0.00
		2196ac	16.16	82.90	0.22	0.13	0.15	0.38	0.05	0.00
	реверс	2196b	8.58	90.76	0.10	0.10	0.12	0.31	0.03	0.00
2197	аверс	2197ab	9.78	89.72	0.06	0.09	0.14	0.14	0.07	0.00
		2197ac	11.14	88.31	0.07	0.10	0.16	0.14	0.07	0.00
	реверс	2197b	9.71	89.80	0.05	0.07	0.12	0.15	0.07	0.03
2198	аверс	2198a	9.20	90.03	0.06	0.14	0.21	0.26	0.07	0.03
	реверс	2198b	7.25	92.12	0.05	0.18	0.13	0.19	0.06	0.03
2199	аверс	2199a	7.05	92.49	0.03	0.09	0.10	0.15	0.06	0.03
	реверс	2199b	11.43	87.84	0.06	0.13	0.20	0.25	0.08	0.00
2200	аверс	2200a	7.02	92.56	0.03	0.09	0.08	0.16	0.03	0.02
	реверс	2200b	6.87	92.72	0.04	0.08	0.10	0.16	0.04	0.00
2201	аверс	2201a	7.06	92.43	0.04	0.09	0.13	0.18	0.04	0.03
	реверс	2201b	6.05	93.53	0.04	0.13	0.05	0.13	0.05	0.03
2202	аверс	2202a	7.37	92.07	0.07	0.08	0.06	0.35	0.00	0.00
	реверс	2202b	8.41	90.99	0.11	0.09	0.06	0.34	0.00	0.00
2203	аверс	2203a	10.89	88.51	0.06	0.11	0.10	0.28	0.05	0.00
	реверс	2203b	7.59	91.95	0.05	0.09	0.06	0.18	0.06	0.03
2204	аверс	2204a	7.74	91.45	0.06	0.27	0.18	0.22	0.06	0.02
	реверс	2204b	8.47	90.67	0.07	0.25	0.33	0.17	0.05	0.00
2205	аверс	2205a	7.99	91.51	0.06	0.08	0.07	0.27	0.02	0.00
	реверс	2205b	9.73	89.50	0.06	0.10	0.18	0.43	0.00	0.00
2206	аверс	2206a	7.67	91.80	0.04	0.11	0.13	0.17	0.04	0.02
	реверс	2206b	8.37	91.13	0.05	0.09	0.11	0.15	0.07	0.03
2207	аверс	2207a	8.87	90.25	0.06	0.24	0.42	0.00	0.09	0.06
	реверс	2207b	8.69	90.27	0.06	0.20	0.61	0.00	0.12	0.06
2208	аверс	2208ab	7.43	92.07	0.05	0.13	0.09	0.17	0.03	0.03
		2208ac	9.64	89.77	0.09	0.13	0.16	0.13	0.08	0.00
	реверс	2208b	8.03	91.42	0.06	0.13	0.10	0.19	0.05	0.02
2209	аверс	2209a	12.52	86.57	0.10	0.13	0.17	0.43	0.06	0.02
	реверс	2209b	6.87	92.54	0.06	0.11	0.12	0.25	0.03	0.03
2210	аверс	2210a	7.61	91.99	0.06	0.11	0.00	0.16	0.05	0.03
	реверс	2210b	10.91	88.63	0.09	0.13	0.03	0.15	0.05	0.00
2211	аверс	2211a	7.56	91.72	0.06	0.31	0.15	0.06	0.08	0.06
	реверс	2211b	6.41	92.90	0.05	0.29	0.20	0.00	0.07	0.07
2212	аверс	2212a	10.19	88.87	0.09	0.37	0.26	0.07	0.12	0.04
	реверс	2212b	8.65	90.58	0.08	0.29	0.26	0.00	0.09	0.05
2213	аверс	2213a	6.22	93.25	0.04	0.15	0.15	0.10	0.06	0.03
	реверс	2213b	7.78	91.56	0.06	0.15	0.19	0.12	0.09	0.05
2214	аверс	2214ab	8.49	90.82	0.09	0.12	0.07	0.35	0.03	0.03
		2214ac	19.20	79.75	0.27	0.18	0.23	0.27	0.08	0.03
	реверс	2214b	8.25	91.12	0.07	0.11	0.07	0.32	0.02	0.03
2215	аверс	2215a	7.24	92.08	0.04	0.25	0.16	0.15	0.04	0.03
	реверс	2215b	8.80	90.39	0.06	0.32	0.19	0.17	0.05	0.03
2216	аверс	2216a	9.97	89.30	0.09	0.13	0.25	0.09	0.13	0.04
	реверс	2216b	8.13	91.12	0.08	0.15	0.34	0.00	0.11	0.06
2217	аверс	2217a	16.04	82.36	0.13	0.39	0.73	0.12	0.22	0.00
	реверс	2217b	14.71	84.12	0.11	0.20	0.53	0.12	0.17	0.04
			15.37	83.24	0.12	0.30	0.23			

2218	аверс	2218a	6.81	92.57	0.05	0.25	0.05	0.20	0.02	0.05
	реверс	2218b	8.10	91.17	0.05	0.25	0.07	0.32	0.00	0.04
2219	аверс	2219a	8.66	90.67	0.09	0.08	0.12	0.35	0.03	0.00
	реверс	2219b	8.77	90.57	0.10	0.10	0.10	0.34	0.02	0.00
2220	аверс	2220a	6.86	92.51	0.06	0.14	0.07	0.31	0.02	0.03
	реверс	2220b	8.67	90.58	0.09	0.18	0.07	0.34	0.03	0.03
2221	аверс	2221a	8.61	90.68	0.06	0.29	0.18	0.06	0.08	0.05
	реверс	2221b	8.25	91.03	0.07	0.28	0.18	0.06	0.07	0.07
2222	аверс	2222a	9.23	89.88	0.08	0.27	0.30	0.08	0.12	0.05
	реверс	2222bb	8.35	91.03	0.05	0.18	0.18	0.06	0.09	0.06
		2222bc	35.28	62.74	0.29	0.24	1.09	0.00	0.37	0.00
2223	аверс	2223a	7.77	91.67	0.00	0.08	0.08	0.38	0.01	0.00
	реверс	2223b	9.68	89.56	0.00	0.11	0.13	0.51	0.02	0.00
2224	аверс	2224ab	8.90	90.31	0.06	0.24	0.34	0.00	0.08	0.07
		2224ac	9.55	89.42	0.10	0.30	0.49	0.00	0.09	0.05
	реверс	2224b	9.62	89.57	0.11	0.33	0.24	0.00	0.07	0.06
2225	аверс	2225a	6.18	93.24	0.03	0.24	0.12	0.11	0.05	0.03
	реверс	2225b	6.26	93.19	0.04	0.23	0.09	0.09	0.06	0.03
2226	аверс	2226a	10.37	88.87	0.02	0.14	0.14	0.44	0.02	0.00
	реверс	2226b	8.14	91.23	0.00	0.12	0.12	0.39	0.00	0.00
2227	аверс	2227a	8.82	90.63	0.06	0.09	0.16	0.14	0.07	0.03
	реверс	2227b	7.89	91.63	0.06	0.09	0.08	0.13	0.06	0.04
2228	аверс	2228a	7.02	92.20	0.07	0.16	0.33	0.11	0.09	0.03
	реверс	2228b	7.34	91.61	0.07	0.13	0.66	0.06	0.09	0.04
2229	аверс	2229a	5.14	94.20	0.10	0.17	0.17	0.12	0.06	0.05
	реверс	2229b	5.41	93.79	0.13	0.12	0.35	0.07	0.07	0.06
2230	аверс	2230a	6.12	92.89	0.15	0.18	0.41	0.12	0.05	0.09
	реверс	2230b	6.08	93.03	0.16	0.18	0.28	0.13	0.05	0.09
2231	аверс	2231a	7.08	91.96	0.21	0.17	0.31	0.14	0.05	0.08
	реверс	2231b	5.65	93.25	0.14	0.15	0.52	0.11	0.08	0.10
2232	аверс	2232a	5.21	94.05	0.12	0.19	0.18	0.11	0.05	0.09
	реверс	2232b	5.60	93.34	0.12	0.25	0.44	0.10	0.05	0.10
2233	аверс	2233a	3.91	95.57	0.05	0.08	0.20	0.08	0.05	0.06
	реверс	2233b	7.98	91.28	0.11	0.11	0.22	0.15	0.11	0.03
2234	аверс	2234a	6.53	92.35	0.21	0.28	0.40	0.11	0.07	0.05
	реверс	2234b	5.69	92.96	0.15	0.26	0.70	0.09	0.10	0.06
2235	аверс	2235a	4.21	94.92	0.09	0.32	0.23	0.08	0.07	0.08
	реверс	2235b	4.49	94.46	0.11	0.33	0.46	0.00	0.07	0.07
2236	аверс	2236a	6.61	92.04	0.17	0.63	0.32	0.09	0.06	0.06
	реверс	2236b	6.01	92.84	0.14	0.62	0.17	0.11	0.06	0.05

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон, М.Г., Гунчина, О.Л. 2016а: Исследование монетного сплава боспорских статеров III–IV вв. н.э. методом рентгеновской флуоресцентной спектроскопии (XRF) (по материалам крупнейшего клада из раскопок Фанагории). В сб.: *Первый Российский кристаллографический конгресс. От конвергенции наук к природоподобным технологиям. Москва, ВДНХ, 21–26 ноября 2016 г. Сборник тезисов.* М., 279.
- Абрамзон, М.Г., Гунчина, О.Л. 2016б: Содержание серебра в статерах Рескупорида V 242/243–257/258 гг. н.э.: исследование методом рентгеновской флуоресцентной спектроскопии (XRF). *ПИФК* 4, 280–329.

- Абрамзон, М.Г., Гунчина, О.Л., Сапрыкина, И.А. 2017: Содержание серебра в статерах Тейрана и реконструкция техники серебрения. *ПИФК* 4, 152–169.
- Абрамзон, М.Г., Кузнецов, В.Д. 2017: *Клад позднебоспорских статов из Фанагории* (Фанагория. Результаты археологических исследований. 5). М.
- Абрамзон, М.Г., Сапрыкина, И.А., Кичанов, С.Е., Козленко, Д.П., Назаров, К.М. 2018: Исследование химического состава сплава боспорских билонных статов III в. н.э. методами РФА-спектроскопии, нейтронной томографии и дифракции. *Поверхность. Рентгеновские, синхротронные и нейтронные исследования* 2, 24–28.
- Абрамзон, М.Г., Фролова, Н.А. 2007–2008: *Корпус боспорских кладов античных монет. Т. I (1834–2005 гг.)*. (БИ. Suppl. 2), 580–596.
- Данилевский, В.В., Тихонов, Н.П., Фармаковский, М.В. (ред.). 1935: *Очерки по методике технологического исследования, реставрации и консервации древних металлических изделий*. Вып. 130. М. –Л.
- Дюков, Ю.Л., Смекалова, Т.Н. 1996: Состав металла статов боспорских царей (228–332 гг. н.э.). В сб.: *Четвертая всероссийская нумизматическая конференция в г. Дмитрове 22–26 апреля 1996 г. Тезисы докладов*. М., 16–19.
- Сапрыкина, И.А., Гунчина, О.Л. 2017: Химический состав металла боспорских статов Фанагорийского клада 2011 г. В кн.: Абрамзон, М.Г., Кузнецов, В.Д. 2017, 272–483.
- Сапрыкина, И.А., Мастыкова, А.В. 2017: Золотые изделия из «княжеского» погребения с поселения Мухино-2 гуннского времени на Верхнем Дону: редкие техники изготовления? *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* 4, 165–180.
- Сапрыкина, И.А., Пельгунова, Л.А., Гунчина, О.Л., Равич, И.Г., Кичанов, С.Е., Козленко, Д.П., Назаров, К.М. 2017: Некоторые замечания о технике изготовления боспорских статов из Фанагорийского клада 2011 г. В кн.: Абрамзон, М.Г., Кузнецов, В.Д. 2017, 484–493.
- Смекалова, Т.Н., Дюков, Ю.Л. 2001: *Монетные сплавы государств Северного Причерноморья: Боспор, Ольвия, Тира*. СПб.
- Смекалова, Т.Н. 2001а: *Проблемы эволюции состава сплавов монет античных центров Северного Причерноморья в VI в. до н.э. – IV в. н.э.* Дисс... док. ист. наук. СПб.
- Смекалова, Т.Н. 2001б: Еще раз к вопросу о составе сплава боспорских монет первых веков нашей эры. *ПИФК* XI, 17–53.
- Фролова, Н.А. 1997: *Монетное дело Боспора (середина I в до н.э. – середина IV в. н.э.)*. Ч. II. М.
- Хайрединова, Э.А. 1994: Боспор и морские походы варваров второй половины III в. н.э. *МАИЭТ* IV, 517–527.
- Abramson, M.G., Saprykina, I.A., Kichanov, S.E., Kozlenko, D.P., Nazarov, K.M. 2018: A Study of the Chemical Composition of the 3rd Century AD Bosporan Billon Staters by XRF-Analysis, Neutron Tomography and Diffraction. *Journal of Surface Investigation: X-ray, Synchrotron and Neutron Techniques* 12/1, 114–117.
- Anheuser, K. 1997: Where is all the amalgam silvering? In: P. Vandiver, J.R. Druzik, J.F. Merkel et al. (eds.), *Materials Issues in Art and Archaeology* V. (Materials Research Society 462). Massachusetts, 127–134.
- Anheuser, K., Northover, J.P. 1994: Silver plating on Roman and Celtic coins from Britain – a technical study. *The British Numismatic Journal* 64, 22–32.
- Caley, E.R.; McBride, H.D. 1956: Chemical Composition of Antoniniani of Trajan Decius, Trebonianus Gallus, and Valerian. *The Ohio Journal of Science* 56.5 (September), 285–289.
- Cope, L.H. 1968. The argentiferous Bronze Alloys of the large Tetrarchic Folles of A.D. 294–307. *NC* 8, 115–149.
- Cope, L. 1969: The Nadir of the Imperial Antoninianus in the Reign of Claudius II Gothicus, A.D. 268–270. *NC* 9, 144–161.

- Cope, L.H. 1972: Surface-Silvered Ancient Coins. In: E.T. Hall, D.M. Metcalf (eds.), *Methods of Chemical and Metallurgical Investigation of Ancient Coinage. A Symposium held by the Royal Numismatic Society at Burlington House, London, December 9–11, 1972.* (Royal Numismatic Society Special Publication 8). London, 261–278.
- Deraisme, A., Beck, L., Pilon, F., Barrandon, J.-N. 2006: A Study of the Silvering Process of the Gallo-Roman Coins Forged during the Third Century A.D. *Archaeometry* 48(3), 464–480.
- Esty, W. 1991: The Contribution of Surface-Silvering to Silver Content. *NC* 151, 226–228.
- Esty, W., Equall, N., Smith, R.J. 1993: The Alloy of the ‘XI’ Coins of Tacitus. *NC* 153, 201–204.
- King, C.E. 1989: The Alloy Content of the Antoninianus, A.D. 253–268. In: I.A. Carradice et al. (eds.), *Proceedings of the 10th International Congress of Numismatics, London, 1986.* Wetteren, 289–292.
- King, C.E., Northover, J.P. 1997: Ashmolean, British Museum and Neftenbach Hoard Analyses. In: L.H. Cope, C.E. King, J.P. Northover, T. Clay (eds.), *Metal Analyses of Roman Coins Minted under Empire* (British Museum Occasional Paper 120), 67–154.
- Klockenkamper, R., Bubert, H., Hasler, K. 1991: Detection of Near-surface Silver Enrichment on Roman Imperial Silver Coins by X-ray Spectral Analysis. *Archaeometry* 41.2, 311–320.
- Kraft, G., Flege, S., Reiff, F., Ortner, H.M., Ensinger, W. 2006: EPMA Investigation of Roman Coin Silvering Techniques. *Microchim Acta* 155, 179–182.
- La Niece, S., Craddock, P. (eds.) 1993: *Metal Plating and Patination: Cultural, Technical and Historical Developments.* Oxford.
- Sear, D. 2001: *Greek Imperial Coins and Their Values. The Local Coinages of the Roman Empire.* London.
- Sutherland, S.H.V., Harold, M.R. 1961: The Silver Content of Diocletian’s Early Post-reform Copper Coins. *Archaeometry* 4, 56–61.
- Verboven, K. 2007: Demise and fall of the Augustan monetary system. In: O. Hekster, G. de Kleijn, D. Slootjes (eds.), *Crisis and the Roman Empire.* Leiden–Boston, 245–257.
- Vlachou, C., McDonnell, J.G., Janaway, R.C. 2002: Experimental Investigation of Silvering in Late Roman coinage. In: *Material Research Society Symposia Proceedings* 712, 461–470.

REFERENCES

- Abramson, M.G., Saprykina, I.A., Kichanov, S.E., Kozlenko, D.P., Nazarov, K.M. 2018a: Issledovanie khimicheskogo sostava splava bosporskikh bilonnykh staterov III v. n.e. metodami RFA-spektroskopii, neytronnoy tomografii i difraktsii [A Study of the Chemical Composition of the 3rd Century AD Bosporan Billon Staters by XRF-Analysis, Neutron Tomography and Diffraction]. *Poverkhnost’. Rentgenovskie, sinkhrotronnye i neytronnye issledovaniya* [Journal of Surface Investigation: X-ray, Synchrotron and Neutron Technique] 2, 24–28.
- Abramson, M.G., Saprykina, I.A., Kichanov, S.E., Kozlenko, D.P., Nazarov, K.M. 2018b: A Study of the Chemical Composition of the 3rd Century AD Bosporan Billon Staters by XRF-Analysis, Neutron Tomography and Diffraction. *Journal of Surface Investigation: X-ray, Synchrotron and Neutron Techniques* 12/1, 114–117.
- Abramzon, M.G., Frolova, N.A. 2007–2008: *Korpus bosporskikh kladov antichnykh monet. I. (1834–2005 gg.)* [A corpus of the Bosporan hoards of ancient coins. I. (1834–2005)]. (Bosporskie issledovaniya [Bosporos Studies]. Supplementum 2). Simferopol–Kerch.
- Abramzon, M.G., Gunchina, O.L. 2016a: Issledovanie monetnogo splava bosporskikh staterov III–IV vv. n.eh. metodom rentgenovskoy fluorestsentnoy spetroskopii (XRF) (po materialam krupneyshego klada iz raskopok Fanagorii) [A study of the Bosporan staters alloy of the 3rd–beginning of the 4th century BC by X-ray spectral analysis (on materials of the largest hoard from the excavations at Phanagoria)]. In: *Pervyy Rossiyskiy kristallograficheskiy kongress. Ot konvergentsii nauk k prirodopodobnym tekhnologiyam. Moskva, VDNH, 21–*

- 26 noyabrya 2016 g. *Sbornik tezisov* [The First Russian Crystallographic Congress. From the Sciences that resemble natural ones to the technology convergence. Moscow, VDNKH, 21–26 November 2016. Abstracts]. Moscow, 279.
- Abramzon, M.G., Gunchina, O.L. 2016b: Soderzhanie serebra v staterakh Reskuporida V 242/243–257/258 gg. n. e.: issledovanie metodom rentgenovskoy fluorescentnoy spetskopii (XRF) [The silver content of Phescuporis V's stater of AD 242/243–257/258 (a study by X-ray spectroscopy)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 4, 280–329.
- Abramzon, M.G., Gunchina, O.L., Saprykina, I.A. 2017: Soderzhanie serebra v staterakh Teyrana i rekonstruktsiya tekhniki serebreniya [Silver content and surface-silvering of Teiranes' stater]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 4, 152–169.
- Abramzon, M.G., Kuznetsov, V.D. 2017: *Klad pozdnebosporskikh staterov iz Fanagorii* [A Hoard of Late Bosporan Staters from Phanagoria] (Fanagoriya. Rezul'taty arkhelogicheskikh issledovaniy [Phanagoria. Results of archaeological studies]. 5). Moscow.
- Anheuser, K., Northover, J.P. 1994: Silver plating on Roman and Celtic coins from Britain – a technical study. *The British Numismatic Journal* 64, 22–32.
- Anheuser, K. 1997: Where is all the amalgam silvering? In: P. Vandiver, J.R. Druzik, J.F. Merkel et al. (eds.), *Materials Issues in Art and Archaeology V*. (Materials Research Society 462). Massachusetts, 127–134.
- Caley, E.R., McBride, H.D. 1956: Chemical Composition of Antoniniani of Trajan Decius, Trebonianus Gallus, and Valerian. *The Ohio Journal of Science* 56.5 (September), 285–289.
- Cope, L.H. 1968: The argentiferous Bronze Alloys of the large Tetrarchic Folles of A.D. 294–307. *NC* 8, 115–149.
- Cope, L.H. 1969: The Nadir of the Imperial Antoninianus in the Reign of Claudius II Gothicus, A.D. 268–270. *NC* 9, 144–161.
- Cope, L.H. 1972: Surface-Silvered Ancient Coins. In: E.T. Hall, D.M. Metcalf (eds.), *Methods of Chemical and Metallurgical Investigation of Ancient Coinage. A Symposium held by the Royal Numismatic Society at Burlington House, London, December 9–11, 1972*. (Royal Numismatic Society Special Publication 8). London, 261–278.
- Danilevsky, V.V., Tikhonov, N.P., Farmakovskiy, M.V. (eds.) 1935: *Ocherki po metodike tekhnologicheskogo issledovaniya, restavratsii i konservatsii drevnikh metallicheskih izdeliy* [Essays on the Technique of Technological Research, Restoration and Conservation of Ancient Metal Products]. 130. Moscow–Leningrad.
- Deraisme, A., Beck, L., Pilon, F., Barrandon, J.-N. 2006: A Study of the Silvering Process of the Gallo-Roman Coins Forged during the Third Century A.D. *Archaeometry* 48(3), 464–480.
- Dyukov, Yu.L., Smekalova, T.N. 1996: Sostav metalla staterov bosporskikh tsarey (228–332 gg. n.e.) [Composition of the Bosporan kings stater's alloy (AD 228–332)]. In: *Chetvertaya vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya v g. Dmitrove 22–26 aprelya 1996 g. Tezisy dokladov* [The Fourth All-Russian Numismatic Conference in Dmitrov. 22–26 April 1996. Abstracts]. Moscow, 16–19.
- Esty, W. 1991: The Contribution of Surface-Silvering to Silver Content. *NC* 151, 226–228.
- Esty, W., Equall, N., Smith, R.J. 1993: The Alloy of the 'XI' Coins of Tacitus. *NC* 153, 201–204.
- Frolova, N.A. 1997: *Monetnoe delo Bospora (seredina I v do n.e. – sredina IV v. n.e.)*. [The Bosporan coinage (the mid-1st century BC – mid-4th century AD)]. II. Moscow.
- Khayredinova, E.A. 1994: Bospor i morskoe pokhody varvarov vtoroy poloviny III v. n.e. [The Bosporus and raids of barbarians during the second half of the 3rd century AD]. *Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria] IV, 517–527.

- King, C.E., Northover, J.P. 1997: Ashmolean, British Museum and Neftenbach Hoard Analyses. In: L.H. Cope, C.E. King, J.P. Northover, T. Clay (eds.), *Metal Analyses of Roman Coins Minted under Empire* (British Museum Occasional Paper 120), 67–154.
- King, C.E. 1989: The Alloy Content of the Antoninianus, A.D. 253–268. In: I.A. Carradice et al. (eds.), *Proceedings of the 10th International Congress of Numismatics, London, 1986*. Wetteren, 289–292.
- Klockenkamper, R., Bubert, H., Hasler, K. 1991: Detection of Near-surface Silver Enrichment on Roman Imperial Silver Coins by X-ray Spectral Analysis. *Archaeometry* 41.2, 311–320.
- Kraft, G., Flege, S., Reiff, F., Ortner, H.M., Ensinger, W. 2006: EPMA Investigation of Roman Coin Silvering Techniques. *Microchim Acta* 155, 179–182.
- La Niece, S., Craddock, P. (eds.). 1993: *Metal Plating and Patination: Cultural, Technical and Historical Developments*. Oxford: Butterworth-Heinemann Ltd.
- Saprykina, I.A., Gunchina, O.L. 2017: Khimicheskiy sostav metalla bosporskikh staterov Fanagoriyskogo klada 2011 g. [Chemical composition of the metal of Bosporan staters from the Phanagorian 2011 Hoard]. In: Abramzon, M.G., Kuznetsov, V.D. 2017, 272–483.
- Saprykina, I.A., Mastykova, A.V. 2017: Zolotyie izdeliya iz «knyazheskogo» pogrebeniya s poseleniya Mukhino-2 gunnskogo vremeni na Verkhnem Donu: redkie tekhniki izgotovleniya? *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* 4, 165–180.
- Saprykina, I.A., Pelgunova, L.A., Gunchina, O.L., Ravich, I.G., Kichanov, S.E., Kozlenko, D.P., Nazarov, K.M. 2017: Nekotorye zamechaniya o tekhnike izgotovleniya bosporskikh staterov iz Fanagoriyskogo klada 2011 g. [Some notes on the technology of production of the Bosporan staters from the Phanagorian 2011 Hoard]. In: Abramzon, M.G., Kuznetsov, V.D. 2017, 484–493.
- Sear, D. 2001: *Greek Imperial Coins and Their Values. The Local Coinages of the Roman Empire*. London.
- Smekalova, T.N., Dyukov, Yu.L. 2001: *Monetnye splavy gosudarstv Severnogo Prichernomor'ya: Bospor, Ol'viya, Tira* [Coinage alloys of the North Black Sea states: Bosporus, Olbia, Tyra]. Saint Petersburg.
- Smekalova, T.N. 2001a: *Problemy evolyutsii sostava splavov monet antichnykh tsentrov Severnogo Prichernomor'ya v VI v. do n.e. – IV v. n.e.* [Problems of Evolution of the Black Sea Ancient Centers Coin Alloys in the 6th Century BC – 4th century AD (PhD Thesis)]. Saint Petersburg.
- Smekalova, T.N. 2001b: Eshche raz k voprosu o sostave splava bosporskikh monet pervykh vekov nashey ery [Again on the issue of the composition of the alloy of Bosporan coins in the first centuries AD]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] XI, 17–53.
- Sutherland, S.H.V., Harold, M.R. 1961: The Silver Content of Diocletian's Early Post-reform Copper Coins. *Archaeometry* 4, 56–61.
- Verboven, K. 2007: Demise and Fall of the Augustan monetary system. In: O. Hekster, G. de Kleijn, D. Slootjes (eds.), *Crisis and the Roman Empire*. Leiden–Boston, 245–257.
- Vlachou, C., McDonnell, J.G., Janaway, R.C. 2002: Experimental Investigation of Silvering in Late Roman coinage. In: *Material Research Society Symposia Proceedings* 712, 461–470.

THE SILVER CONTENT OF SAUROMATES IV's STATERS

Mikhail G. Abramzon*, Irina A. Saprykina**, Tatyana N. Smekalova***

* *Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia*
abramzon-m@mail.ru

** *Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*
dolmen200@mail.ru

*** *Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia*
tnsmek@mail.ru

Abstract. In AD 275/276, the Bosporan coinage was resumed after a seven-year break. However, the composition of the alloy and technique of silvering of new staters under Sauromates IV and Teiranes differ significantly from the previous issues of Rhescuporis V. The article is the publication of the results of an investigation of the chemical composition of the alloy of the Sauromates IV's staters from the Phanagorian 2011 hoard. The RFA showed the poor silver content of the Sauromates IV's staters varying, with an average, between 7–8 and 9–10%, which is higher than in the Teiranes' staters (5–6%). The silvered coins of these Bosporan kings are comparable with the contemporary low-silver Roman antoniniani, both in terms of silver content in the alloy, and possibly in the silver-plating technology. The study showed that Sauromates IV's staters (like all Teiranes' issues), containing a low silver percentage in alloy, as well as the synchronous Roman coins, suffered the process for silvering. Most likely, their plating was probably obtained by combination of wrapping of blanks in a silver foil heated to at least 950° and then cold striking.

Keywords: Bosphorus, Roman Empire, Sauromates IV, coin production, technical aspects, silver-plated staters, antoniniani, XRF, silvering process

---

DOI: 10.18503/1992-0431-2018-3-61-125–142

ПОЗДНЕАНТИЧНОЕ ЗАХОРОНЕНИЕ С ПОГРЕБАЛЬНЫМ РЕМЕННЫМ ГАРНИТУРОМ ИЗ ФАНАГОРИИ

А.Н. Ворошилов, О.М. Ворошилова

Институт археологии РАН, Москва, Россия
voroshilov.aleksej@yandex.ru, helga-mir@yandex.ru

Аннотация: В 2017 г. некропольским отрядом Фанагорийской экспедиции ИА РАН было исследовано позднеантичное детское захоронение, которое относится к одному из самых редких типов погребений Фанагории этого времени – глубоким могилам с подбоем в торцевой стене шахты. В некрополе столицы Азиатского Боспора IV–V вв. подбойные гробницы в количественном отношении существенно уступают простым могилам и грунтовыми склепам. В них гораздо чаще встречаются золотые предметы, что свидетельствует в пользу довольно высокого социального статуса погребенных в них горожан. Не стал исключением и комплекс № 280, которому посвящена настоящая статья. Погребение представляло собой узкую прямоугольную шахту с нишей в северо-западной стене, на полу которой стоял деревянный гроб со скелетом ребенка. Погребенный был уложен на левый бок, кости рук располагались на туловище и под ним; ноги вытянуты и в области стоп прижаты друг к другу. Ребенок ориентирован головой на юго-восток – к шахте погребения, что не типично для фанагорийских позднеантичных захоронений. Инвентарь представлен исключительно изделиями погребальной практики, имитирующими реальные предметы. Все они изготовлены из фольги благородных металлов. В области туловища ребенка найдены золотые имитации деталей ременного гарнитура (пряжка, два наконечника ремня) выполненные в единой стилистике и изготовленные по одной технологической схеме. В нижней части голени обнаружен тлен от серебряной фольги, вероятно, это остатки пластины, имитировавшей элемент ременного гарнитура (пряжка или наконечник ремня). Рядом с нижней челюстью погребенного обнаружена золотая индикация, которая, по видимому, была использована в качестве «обола Харона» и находилась изначально во рту ребенка. Именно индикация, оттиснутая с бронзовой монеты – полуфоллиса Константина I, выпускавшейся на монетном дворе Рима в период с октября 312 по май 313 г. н.э., задает нижний хронологический рубеж всего комплекса и позволяет датировать погребение временем не ранее 313 г. н.э. На основании анализа аналогичных погребальных наборов Боспора, археологического контекста в котором они были обнаружены, высказывается предположение о принадлежности этих древностей, прежде всего, воинской погребальной культуре. Выдвигается гипотеза, согласно которой имитации пряжек и наконечников ремней могли использоваться в качестве элементов погребальной портупеи.

Ключевые слова: Фанагория, некрополь, поздняя античность, погребальный обряд, ременной гарнитура, воинское снаряжение, пряжка, индикация

Данные об авторах. Ворошилов Алексей Николаевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Информационно-издательской группы ИА РАН; Ворошилова Ольга Михайловна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела классической археологии ИА РАН.

Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 17-31-01093-ОГН ОГН-МОЛ-А2.

В ходе работ Некропольского отряда Фанагорийской экспедиции ИА РАН на Восточном некрополе столицы Азиатского Боспора в 2016–2017 гг. было исследовано позднеантичное детское погребение № 280 (рис. 1–4). Этот комплекс, на наш взгляд, представляет бесспорный интерес для изучения боспорских погребальных древностей IV–V вв. н.э. На сегодняшний день, из более сотни захоронений этой эпохи, открытых за всю историю изучения Фанагории, опубликованы лишь единичные комплексы, значительная часть которых происходит из раскопок последних лет¹.

Исследования публикуемого погребения началось в 2016 г., когда на глубине около полутора метров от современной дневной поверхности обнаружили его первые признаки. При зачистке материка было выявлено прямоугольное пятно заполнения могильной ямы. Впоследствии, при расчистке ямы, стало очевидно, что комплекс частично разрушил погребение коня, обозначив, таким образом, верхнюю хронологическую границу этого объекта (281/2016).

Узкая яма могилы в плане имела вытянутую прямоугольную форму (рис. 1, 1). Максимум ее ширины находился в самой верхней точке и достигал 0,7 м, длина – 2,15 м. Ширина могилы по уровню пола 0,5–0,65 м. Она была ориентирована продольными сторонами по линии северо-запад – юго-восток и несколько расширялась к северо-западу, достигая максимальной ширины у торцевой стены, в которой была выкопана ниша-подбой, ориентированная по оси шахты погребения.

Проем ниши подбоя был полностью закрыт сырцовым закладом (рис. 1, 2; 2, 2). Структура кирпичного заклада сохранилась частично. На торцевой поверхности сырцовой преграды обращенной к расчищенной шахте, удалось зафиксировать двенадцать горизонтальных рядов сырцовых кирпичей. Заклад полностью заполнял собой проем между продольными стенами северо-западной части дромоса (рис. 2, 2; 4, 2). Лицевая поверхность сырцовой кладки была не строго вертикальной. Ряды кирпича уложены таким образом, что поверхность сырцовой стенки, которая видна из дромоса, постепенно отступала вглубь коридора от пола до вершины его свода примерно на 0,5 м. Именно благодаря этой конструктивной особенности и удалось зафиксировать структуру кладки.

Пол входной шахты плавно опускался в сторону ниши. Перепад высот от юго-восточной торцевой стены шахты до нижней границы сырцовых кирпичей заклада составил более 0,3 м. Примечательной чертой конструкции входа в погребальное сооружение стал обнаруженный на северо-восточной стене дромоса отпечаток деревянной доски длиной около 0,95 м и шириной до 0,13 м. Судя по отпечатку, доска располагалась вдоль стены строго горизонтально и находилась в 0,7 м от верхней точки пола дромоса. Вероятно, мы имеем дело с сохранившимся отпечатком элемента деревянной облицовки входной шахты.

После обнаружения заклада стало очевидно, что исследуемый комплекс не простое погребение в могильной яме, а конструктивный элемент подбойного погребения или грунтового склепа. В целом, конструкция шахты погребения аналогична устройству дромосов грунтовых склепов позднеантичной эпохи, выявленных на этом участке некрополя Фанагории в предыдущие годы исследований.

¹ Ворошилова 2011а; 2013а; 2013б; Ворошилов, Ворошилова 2015а; 2015б; Медведев 2013; Сударев, Ахмедов 2013; Шавырина, Ворошилова 2013 и др.

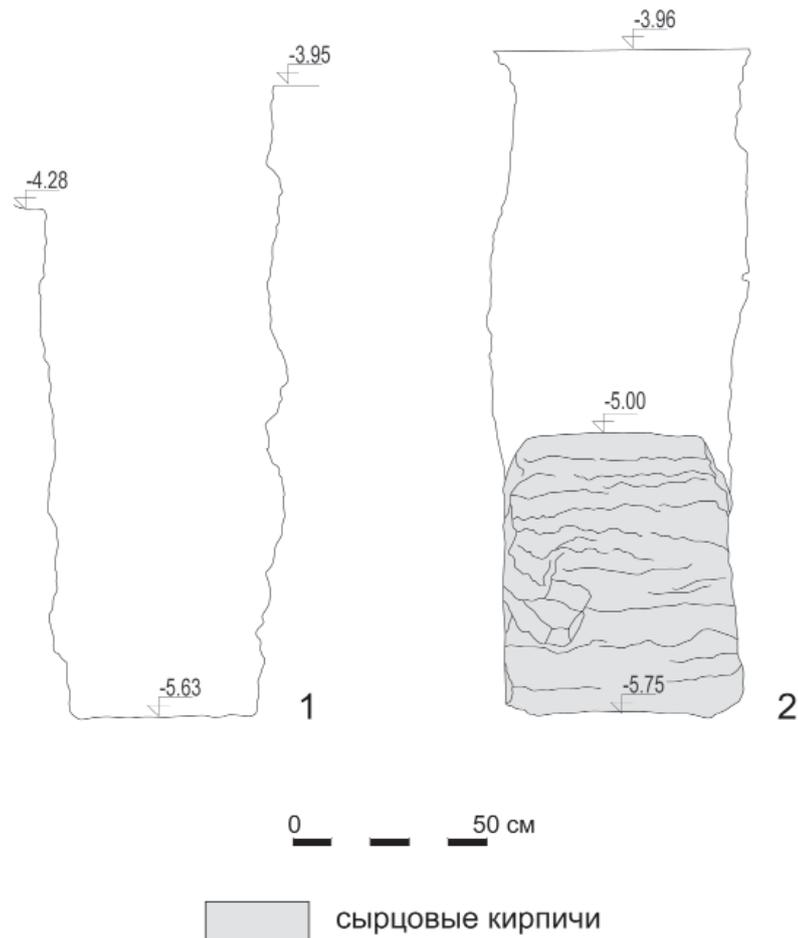

Рис. 2. Погребение 280/2017. 1 – поперечный разрез шахты; 2 – вид из шахты на сырцовый заклад

В связи с близким завершением полевого сезона 2016 г. и штормовой погодой (факторами, ставящими под угрозу методически правильное исследование глубокой грунтовой гробницы сложной конструкции) было принято решение о консервации исследованной шахты погребения до следующего полевого сезона².

Исследования 2017 г. подтвердили, что обнаруженный в предыдущем полевым сезоне комплекс, является подбойной могилой. В ее северо-западной стене был расчищен подбой прямоугольной формы (рис. 3; 4, 1, 3). Свод ниши, где было совершено захоронение, обрушился в древности, о его форме можно судить лишь по верхней части заклада, которая представляла собой уплощенную сверху арку (рис. 2, 2; 4, 2). Судя по высоте заклада из сырцового кирпича, максимальная высота ниши в устье изначально составляла около 0,8–0,9 м. Ширина подбоя –

² Принятию этого решения способствовала и близость грунтовых вод, которая исключала возможность полноценного исследования погребения, расположенного глубже сырой шахты, без проведения дренажных работ.

0,55–0,6 м. Его пол находился на глубине более 3,5 м от современной поверхности³ На нем, в центре ниши стоял небольшой гроб (рис. 3; 4, 3). Сырцовые кирпичи заклада располагались таким образом, что формировали своеобразный свод над юго-восточной частью гроба. То есть были уложены со сдвигом каждого верхнего ряда кирпичей внутрь подбоя (рис. 1, 2). Таким образом, гроб был установлен в глубокую нишу, окруженную с трех сторон стенами и сводом, вход же был плотно запечатан сырцовой кладкой.

В деревянном гробу находился скелет ребенка. Обнаруженные отпечатки досок, из которых был изготовлен гроб, дали возможность сделать некоторые выводы о его конструкции. Стало понятным, что изначально деревянная конструкция имела форму трапеции, расширяясь от ног к плечам погребенного. Сохранился отпечаток поперечной планки шириной около 5 см, скреплявшей продольные доски (вероятно, две) дна гроба. Планка располагалась в 7–8 см от узкой торцевой стенки гроба. Следует отметить, что стенки могли быть не строго вертикальными, в таком случае гроб расширялся кверху. Над скелетом на уровне верхней границы стенок гроба выявлен тлен его деревянной крышки, состоявшей из двух досок. Их отпечатки сохранились фрагментарно – две доски шириной около 13–14 см удалось зафиксировать над верхней частью скелета, продолжение одной из них обнаружено вдоль северо-восточной стены гроба над костями голеней ребенка. Судя по горизонтальному положению расчищенного тлена досок, крышка гроба, скорее всего, была плоской или двускатной с небольшим углом наклона. Максимальная высота гроба зафиксирована у черепа и составляла около 0,2 м. Деревянное вместилище тела имело длину около 1,3 м. Его максимальная ширина находилась у плеч человека и по дну составляла 0,26 м. Ширина у головы по полу гроба – 0,21 м⁴. На этом же участке ширина гроба, измеренная на 0,1–0,15 м выше его пола, составляла уже 0,28 м. Дно гроба имеет заметный уклон к северо-восточной стене.

Погребенный ребенок был ориентирован головой на юго-восток – в сторону шахты могилы. Судя по расположению костей скелета, он лежал на левом боку⁵, череп при этом оказался в южном углу гроба. Кости рук располагались вдоль туловища, над и под ним. Ноги были вытянуты вдоль продольной северо-восточной стены гроба. При этом левая нога располагалась внизу и была чуть согнута в колене. Правая нога находилась выше левой и была вытянута строго вдоль стены гроба. В области стоп обе ноги были прижаты друг к другу. Длина скелета от крайней точки черепа до пяточных костей составляла около 110 см⁶.

³ Здесь следует указать, что исторический рельеф участка некрополя, где было обнаружено погребение, сильно пострадал от антропогенных воздействий – здесь располагались укрепления времен Второй мировой войны, затем очистные сооружения винзавода и грунтовая дорога. В связи с этим, можно довольно уверенно говорить о том, что изначально глубина погребения № 280 была ощутимо больше зафиксированной при раскопках.

⁴ Вероятно, гроб, стенки которого под давлением земли сместились, на этом участке своей длины изначально был несколько шире, поскольку край черепа выступал на 3 см за границу горизонтальных досок нижней части гроба.

⁵ Возможно, столь нетипичное положение тела умершего может быть объяснено не только особенностями обряда, но и тем обстоятельством, что гроб был установлен не строго горизонтально или сместился при обрушении свода могилы. Когда после снятия костей были расчищены доски дна гроба, выяснилось, что оно имело сильный уклон как раз в том направлении, где располагался скелет.

⁶ На момент подготовки статьи антропологические материалы из погребения 280/2017 находились на обработке у д.и.н. М.В. Добровольской.

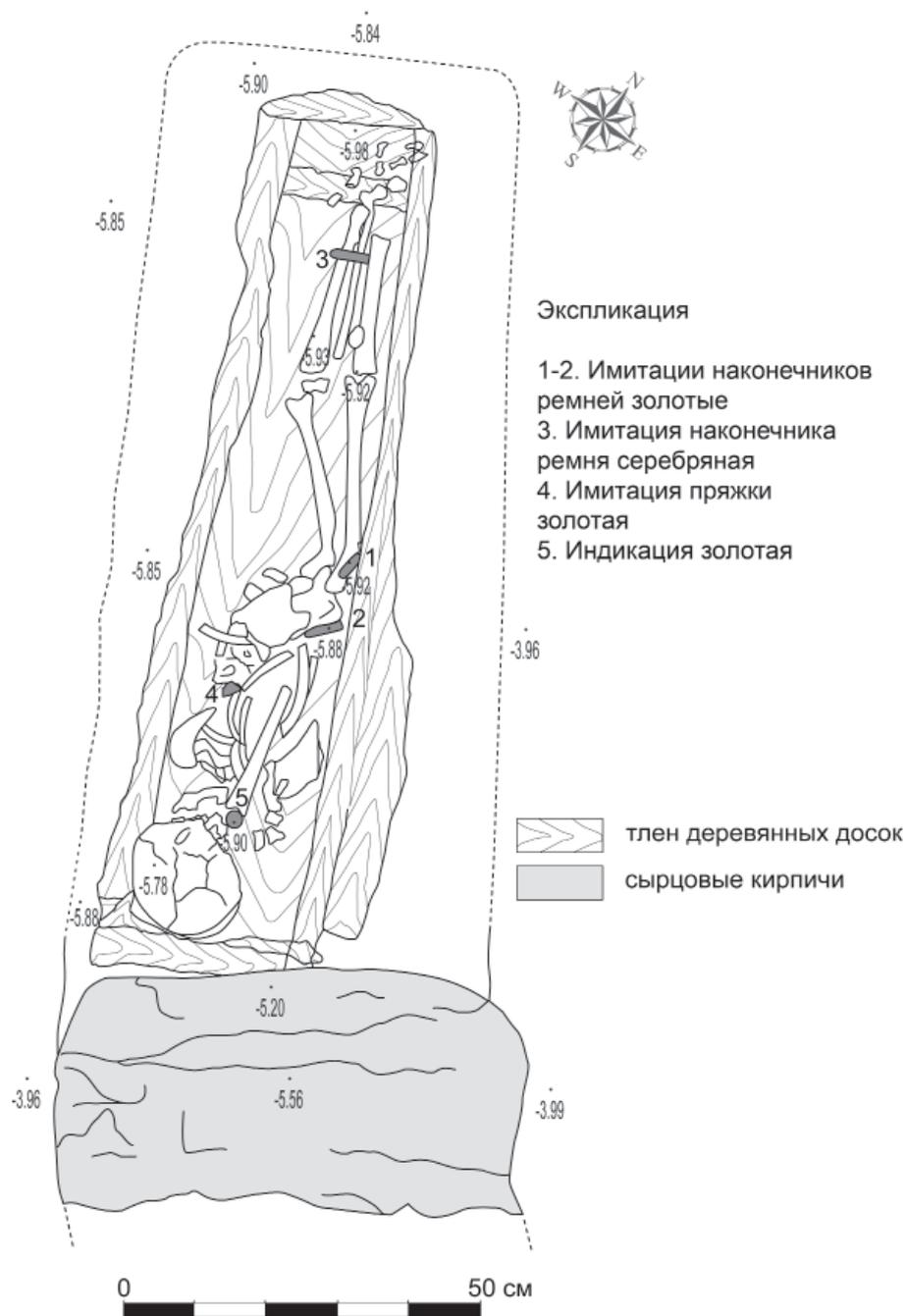

Рис. 3. План подбоя могилы (погребальной камеры)

Рис. 4. Погребение 280/2017. 1 –погребение после расчистки; 2 – вид из шахты на сырцовый заклад; 3 – гроб со скелетом ребенка после снятия досок крышки

Инвентарь представлен исключительно изделиями погребальной практики (рис. 5-6), имитирующими реальные предметы. Все они изготовлены из фольги благородных металлов.

1–2. Две имитации наконечников погребального ремня из золотой фольги были найдены среди костей скелета (рис. 3; 5, 2–3, 8; 6, 2–3), в области пояса ребенка (один у костей таза, второй на костях бедер), на расстоянии около 10 см друг от друга. Оба предмета имеют идентичную форму, размеры, орнаментацию и способ изготовления. Нельзя исключать возможности того, что эти плоские накладки из золотой фольги покрывали две стороны одного окончания ремня, так как в публикуемом ремennom гарнитуре всего одна пряжка, выполненная в единой стилистике с наконечниками погребального пояса. В то же время, логика использования этих предметов в погребальном ритуале указывает на то, что все они должны были находиться на виду, т.е. с лицевой стороны погребального пояса. Оба наконечника узкие, вытянутые, одно из окончаний прямое, второе – полукруглое. Размеры наконечников следующие: длина – 4,6 см, ширина – 0,7 см, толщина – 0,1 см. Вся поверхность изделий покрыта сетчатым орнаментом, выполненным посредством металлопластики⁷. Угол пересечения линий орнамента таков, что ячейки композиции имеют ромбическую форму (не всегда правильную из-за отсутствия строгой размерной организации декора). Орнамент нанесен при помощи остроконечного инструмента. Таким образом, на каждом из предметов присутствует сторона с выпуклым и зеркальным вогнутым декором. Пересечение борозд орнамента позволяет определить, какая из них была проведена первой. Судя по различному расстоянию между линиями, изменчивости их наклона, глубины и четкости борозд, мастер выполнял работу довольно вольно, без предварительной разметки. Подтверждается это и далеко не идеальным качеством обрезки (обрубки) округлых окончаний наконечников, где заметна некоторая «угловатость» формы – окончание пластины не имеет плавной формы округлого края. В целом, такая «небрежность» в изготовлении ювелирных изделий может быть объяснена их назначением – разовое использование в погребальном ритуале. Вполне очевидно, что во время похорон у наблюдателя не было возможности детально оценить качество золотого изделия, ни визуально, ни тактильно. Именно прагматическим подходом к ритуальной стороне похорон можно объяснить использование при изготовлении погребальных украшений фольги. Этот технологический прием позволял получить предмет необходимой формы, затратив минимальное количество драгоценного сырья, времени и усилий мастера-ювелира. При этом функциональность изделия в повседневной жизни не имела ровно никакого значения, так как главная задача – одновременно обозначить у покойного наличие какой-либо статусной/ритуальной вещи, реализовывалась в полной мере. На расстоянии имитации деталей ремня смотрятся довольно натуралистично.

Сразу стоит отметить следующую особенность этих изделий – одна из сторон каждого из наконечников несколько темнее другой. Вероятно, это связано с креплением золотой фольги на основу при помощи клеевого состава (отверстий для пришивания у предметов нет). В обоих случаях темнее выглядит сторона с выпуклым орнаментом.

⁷ Нами использована терминология, приведённая И.А. Сапрыкиной в статье о результатах изучения техники изготовления золотых предметов из Фанагории (Сапрыкина 2015, 208–210).

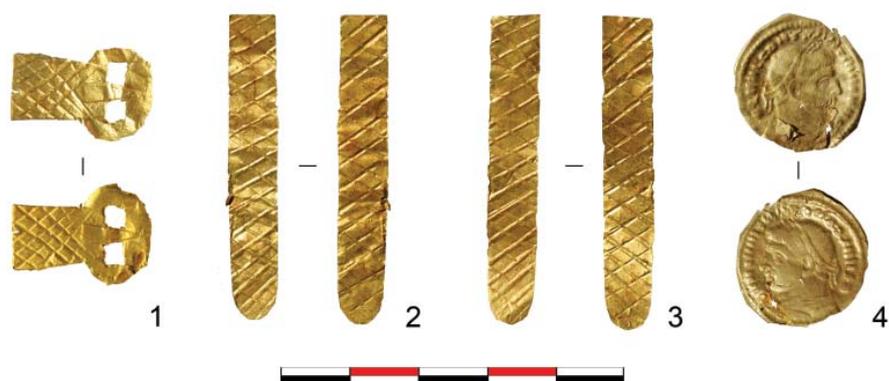

Рис. 5. Погребальный инвентарь. 1 – имитация золотой пряжки; 2–3 – имитации золотых наконечников ремня; 4 – золотая индикация; 5 – пряжка и индикация среди костей скелета; 6 – пряжка in situ; 7 – имитация серебряного наконечника ремня in situ; 8 – золотые наконечники ремня у костей таза и бедра ребенка

3. Поперек костей голени левой ноги (рис. 3; 5, 7), ближе к ее ступне, обнаружен тлен от серебряной пластины шириной около 1 см и длиной до 5 см⁸. Вероятно, это имитация элемента ременного гарнитура (наконечник ремня или, менее вероятно, пряжка).

4. Имитация пряжки из золотой фольги была обнаружена среди завала костей грудной клетки, в районе грудины (рис. 3; 5, 1, 5-6; 6, 1). Визуальный анализ позволяет предположить, что для ее изготовления была использована та же золотая фольга, что и для наконечников ремня. В тонкой золотой фольге изображена не крупная пряжка с трапециевидным⁹ щитком и овальной рамкой. Размеры этого элемента погребального пояса следующие: длина – 2 см; высота рамки – 1,5 см; ширина щитка – 0,8–1,0 см. Рамка пряжки имеет следующие метрические показатели: ширина рамки от основания язычка – до противоположного края рамки – 1,0 см; общая высота внутреннего проема рамки – 0,9 см; ширина внутреннего проема рамки – 0,3 см; «толщина» рамки – 0,2–0,4 см. Язычок имеет длину – 0,9 см и ширину – 0,3 см. Ювелир попытался изобразить пряжку с прямоугольным щитком и овальной рамкой. Максимальная «толщина» рамки приходится на переднюю часть, боковые и задний участки заметно «тоньше». Язычок имеет треугольную форму, его окончание доходит лишь до середины толщины рамки. Вся поверхность щитка покрыта сетчатым орнаментом, аналогичным орнаменту на золотых наконечниках ремня из этого гарнитура. Как и наконечники ремня, пряжка с одной стороны немного темнее. Кратко остановимся на технике изготовления этого предмета. Визуально заметно, что помимо металлопластики (нанесение прочерченного сетчатого декора на щиток) мастер использовал тиснение на матрице (выполнение рельефного язычка пряжки).

5. Золотая индикация обнаружена рядом с нижней челюстью погребенного на дне гроба (рис. 3; 5, 4–5). По-видимому, она была использована в качестве «обола Харона» и находилась изначально во рту ребенка. Индикация оттиснута с аверса полуфоллиса, выпущенного от имени Константина I на монетном дворе Рима в период с октября 312 по май 313 г. н.э.¹⁰ Она, безусловно, изготовлена в местной мастерской с монеты, обращавшейся на денежном рынке Фанагории. Поскольку эта находка, крайне важная с точки зрения выяснения хронологической позиции комплекса, исчерпывающе рассмотрена в специальной работе¹¹, у нас есть возможность не останавливаться на этой составляющей погребального инвентаря более подробно.

Детали ремней, особенно пряжки, являются самой многочисленной категорией погребального инвентаря позднеантичных комплексов Боспора и, в частности, Фанагории¹². Не смотря на это, находка погребального ременного гарнитура довольно редкий и интересный сюжет для изучения позднеантичной Фанагории, да

⁸ Учитывая, что размеры взяты с разрушенной временем вещи и имеют некоторые допуски в сторону увеличения (окислившийся предмет утратил четкость форм), они практически совпадают с наконечниками ремня из золота. Вполне вероятно, что это серебряное изделие могло являться частью ременного гарнитура.

⁹ Скорее всего, мастер изображал пряжку с прямоугольным щитком, трапеция же получилась в результате некоторой небрежности в исполнении.

¹⁰ Нумизматические определения д.и.н. М.Г. Абрамзон.

¹¹ Абрамзон, Ворошилов, Ворошилова, Внуков 2017.

¹² Строков 2009, 303.

и всего Боспора этой эпохи. Очевидно, что комплект изготовлен единовременно в одной фанагорийской мастерской специально для использования в погребальном обряде. Все золотые элементы гарнитура практически плоские, изготовлены без применения оригинальных вещей в качестве матрицы. Вероятно, это стало причиной некоторой стилизации элементов ременного набора. Следует, однако, признать, что размеры внутренней части рамки пряжки совпадают с шириной наконечников ремня, что свидетельствует в пользу реалистичности имитаций.

Погребальные имитации металлических деталей ремней из погребения № 280 имеют пропорции и размеры аналогичные подобным изделиям из склепов Фанагории. В частности, речь идет о находках из фанагорийских комплексов 1/1991, 3/1992, 167/2011¹³, а также о погребальной пряжке из раскопок 1853 года¹⁴. Существование устойчивой стилистической традиции в исполнении этой специальной серии ювелирных изделий, а также определенная унификация и стандартизация их размеров, наряду с концентрацией этих находок в некрополях Азиатского Боспора (прежде всего его столицы) наводит на мысль о существовании в Фанагории, если не специализированной мастерской по производству погребальных ювелирных изделий, то, по крайней мере, определенной специализации внутри обычных ювелирных мастерских/мастерской.

Набор погребальных ювелирных изделий из публикуемого комплекса, датируемый временем не ранее 313 г. н.э., косвенно подтверждает наблюдения о технике изготовления золотых изделий из Фанагории этого времени, сделанные И.А. Сапрыкиной¹⁵. Все три золотых предмета гарнитура покрыты орнаментом, нанесенным при помощи металлопластики, которая начинает применяться фанагорийскими мастерами на изделиях из золотой фольги во второй половине 2–3 в. н.э.¹⁶ Более характерная для фанагорийских изделий 4–5 вв. н.э. техника тиснения¹⁷ использована локально – только при изображении язычка пряжки. Подобная эклектика техник изготовления ювелирных украшений признается специалистом характерной чертой этой эпохи¹⁸. Преобладание в оформлении публикуемых вещей металлопластики, позволяет предположить, что набор из погребения № 280 действительно является самым ранним комплексом среди аналогичных позднеантичных ювелирных наборов, в качестве основного приема декорирования которых выступает тиснение на матрице (иногда на настоящем предмете). Вполне вероятно, что интересные результаты относительно приведенных здесь наблюдений может дать анализ состава металла, из которого изготовлен ременной гарнитур погребения 280/2017.

Пристального внимания заслуживает археологический контекст, в котором обнаружены имитации деталей ременной гарнитуры.

Конструкция погребения № 280/2017 принадлежит к одному из самых редких типов погребений позднеантичной Фанагории – глубоким могилам с подбоем в торцевой стене шахты. Подбойные погребения являются самой малочисленной

¹³ Ворошилова 2011б, 321–323; Шавырина, Ворошилова 2013, 443–447, 454–460; Ворошилов, Ворошилова 2015а, 47–49, 70–72; Ворошилова 2018, 69–71, рис. 16, 1.

¹⁴ Трейстер 2017, 314, ил. 2.

¹⁵ Сапрыкина 2015.

¹⁶ Сапрыкина 2015, 263.

¹⁷ Сапрыкина 2015, 264.

¹⁸ Сапрыкина 2015, 264.

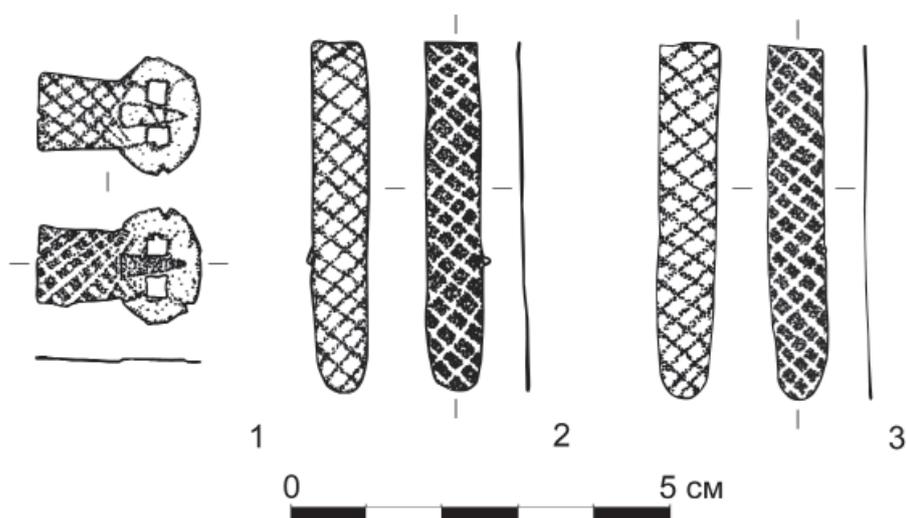

Рис. 6. Погребальный инвентарь. 1 – имитация золотой пряжки; 2–3 – имитации золотых наконечников ремня

группой фанагорийских захоронений этого времени, количественно существенно уступая простым могилам и грунтовым склепам¹⁹. Особенно редко подобой сооружался в торцевой стене могильной ямы. В Фанагории зафиксировано всего несколько подобных гробниц – № 27/2005 и № 30/2005²⁰. Заслуживает внимания и тот факт, что изделия из золота чаще встречаются именно в подобойных захоронениях, нежели в простых могилах²¹, что свидетельствует в пользу довольно высокого социального статуса погребенных в них горожан. Не стал исключением и публикуемый комплекс.

Как уже было сказано выше, погребенный был ориентирован головой на юго-восток – к шахте погребения. Этот вариант ориентировки – редкое явление для фанагорийских погребений 4–5 вв. н.э. В подавляющем большинстве могил этого времени преобладает северная (с небольшими отклонениями) ориентировка скелетов²². Однако, именно это положение тела погребенного человека – головой в южном направлении к входной шахте/дромосу, хорошо соотносится с реалиями, встречаемыми в грунтовых склепах этого времени. Кроме того, размеры, форма и особенности конструкции шахты могилы сближают ее с дромосами ранее открытых на этом участке некрополя Фанагории синхронных грунтовых склепов, вход в камеры которых располагался также в северной торцевой стене дромоса. Аналогичен и заклад из сырцовых кирпичей. Важно, что все найденные ранее в Фанагории наборы имитаций ременной гарнитуры происходят из аналогичных склепов. А именно из захоронений в деревянных гробах, где погребенные были

¹⁹ Ворошилов, Ворошилова 2015б, 17.

²⁰ Медведев 2013, 364–367, 370–377.

²¹ Ворошилов, Ворошилова, 2015а, 74.

²² Ворошилов, Ворошилова 2015б, 17.

ориентированы головой к дромосу – в юго-восточном, южном, юго-западном направлении. У двух погребенных с имитациями ременного гарнитура были скрещены ноги (левая на правой). В двух случаях речь идет о детских погребениях.

Явное сходство погребального обряда позднеантичных комплексов Азиатско-Боспора (они происходят из Фанагории и некрополя у м. Тузла²³) с имитациями деталей ремней дополняется характерными особенностями набора погребального инвентаря. В выборке из шести захоронений²⁴ трижды встречены золотые индикации, погребальные венки. В двух случаях покойного вместе с золотым погребальным, сопровождал «настоящий» ременной гарнитур.

Обращает на себя внимание обилие в рассматриваемых комплексах воинской или даже всаднической атрибутики. В трех захоронениях найдены железные мечи. Еще в одном погребении в составе «настоящего» гарнитура обнаружены распределители (один из них на поясе), что косвенно свидетельствует в пользу наличия воинского ременного снаряжения (портупей) использовавшегося для ношения клинкового оружия.

Интерпретация наборов имитаций ременных гарнитуров из благородных металлов исключительно как «погребальных поясов»²⁵ не всегда выглядит убедительной. В первую очередь обращает на себя внимание избыточное для одного пояса количество элементов ременной гарнитуры в некоторых погребениях (4, 5, 7 деталей), а так же численное несоответствие «пряжек» и «наконечников» ремней (3+2; 1+3; 2+0). При рассмотрении археологического контекста стоит учитывать, что компоновка «погребального пояса» могла быть не одинаковой. Пояс мог «застёгиваться» (1 пряжка; 1 пряжка + 1 наконечник) или «завязываться» (1–2 наконечника без пряжки). В этих случаях элементы пояса, скорее всего, должны были находиться в области тазовых костей человека. Такие случаи, действительно, есть. Например, в погребении № 3/1992 гроб 1 у пояса погребенного найдены два наконечника ремня; в комплексе № 3/1992 гроб 3 у тазовых костей обнаружено две накладки; в погребении № 167/2011 гроб 1 у пояса лежали имитации пряжки и наконечника ремня²⁶; в погребении № 280/2017 на поясе два наконечника. Теоретически, нельзя исключать того, что в некоторых случаях (например, в погребении № 1/1991 гроб 4 на поясе найдено три пряжки и два наконечника ремня) на погребенном могло быть несколько поясов (особенности погребального обряда?). Однако в некоторых случаях наборы погребальных гарнитуров совершенно очевидно распадаются в другие комбинации. Одна из них – обувные наборы, как в детском погребении № 3/1992 гроб 3 (по две пряжки на каждую стопу).

Еще одной, весьма вероятной, комбинацией погребальных деталей ремней может являться воинское снаряжение, в частности – портупея. На это косвенно указывает многочисленность ременных деталей наряду с их расположением в местах не типичных для «пояса». В качестве примера сочетания погребального пояса с «настоящими» деталями ремней воинской амуниции можно привести фанагорийский комплекс № 167/2011 гроб 1, где в области пояса погребенного,

²³ Зеест 1953, 156–158.

²⁴ Некрополь Фанагории: 1/1991 гроб 4; 3/1992 гроб 1; 3/1992 гроб 3; 167/2011 гроб 1; 280/2017. Некрополь у м. Тузла: 3/1951.

²⁵ Трейстер 2017.

²⁶ Ворошилова 2018, рис. 16, 1.

помимо погребальных пряжки и наконечника ремня, обнаружен распределитель ремней, еще один распределитель найден у правой ступни, набор из пряжки с наконечником расчищен у левой ступни и еще один наконечник ремня лежал у правого колена. В данном случае имитации серебряной ременной гарнитуры обнаружены в комплекте с другими элементами воинского снаряжения. Примечательно, что в этом склепе найден мощный всаднический меч. Следующим вероятным случаем использования имитаций в портупейном наборе может служить упомянутый выше комплекс № 1/1991 гроб 4. Количество найденных у пояса погребенного имитаций позволяет предположить, что в данном случае помимо поясного ремня (1 пряжка с отличным от других декором) в нижней части туловища располагались крепления еще как минимум двух портупейных ремней (по паре одинаковых пряжек и наконечников ремней). В качестве еще одного возможного случая использования изделий из золотой фольги для имитации деталей портупеи можно привести упоминавшееся выше захоронение в 3 гробу склепа 3/1992. Здесь, помимо двух обувных (всаднических ?) наборов найдены три золотые ременные накладки, две из них в обычном для погребального пояса месте – у тазовых костей, одна – между коленных суставов. Именно положение последней, дает нам основание предположить, что она маркирует еще один ремень, который был связан с воинской амуницией. Крайним в этом перечне является публикуемое погребение № 280/2017. Его погребальный ременной гарнитур найден в двух локациях. Первая – два наконечника у пояса ребенка и вторая – пряжка на груди. В качестве третьей локации погребальных ременных деталей вне золотого гарнитура в этом захоронении выступает серебряная имитация наконечника ремня, найденная у нижней части голени. Вполне вероятно, что она изображала деталь снаряжения²⁷.

Происхождение погребальных элементов ремней портупеи и другого снаряжения из детских захоронений в целом не противоречит всаднической атрибуции этих элементов инвентаря. Скорее наоборот, контекст находок подчёркивает глубину проникновения всаднической культуры, которая с детства формировала мальчиков как наездников, а затем, конных воинов и была широко распространена в эпоху поздней античности на просторах Евразии, в городскую культуру столицы Азиатского Боспора.

Еще одним важным аргументом, свидетельствующим в пользу принадлежности имитаций ременных деталей из фольги благородных металлов к атрибутам всаднической культуры, может служить стилистическая близость некоторых из них элементам парадной узды боевых коней Боспора и его ближайшего окружения²⁸.

Обзор погребальных ременных наборов Боспора, аналогичных гарнитуру из погребения № 280/2017, и археологического контекста в котором они были обнаружены, позволяет высказать предположение о принадлежности этих древностей,

²⁷ В качестве альтернативной версии, объясняющей расположение имитации серебряного наконечника ремня строго поперек костей ног в месте, где они максимально прижаты друг к другу, можно озвучить предположение об использовании этого ремня, стягивавшего ноги погребенного в голених, в качестве погребальных пут. Возможно, эта деталь является проявлением обряда обезвреживания покойника.

²⁸ Трейстер 2017, 315–316.

прежде всего, всаднической погребальной культуре. С определенной долей осторожности можно выдвинуть гипотезу об использовании имитаций пряжек и конечников ремней не только для изображения деталей «погребального пояса», но и в качестве погребальных элементов обуви, ремней портупей и иного воинского снаряжения.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон, М.Г., Ворошилов, А.Н., Ворошилова, О.М., Внуков, С.Ю. 2017: Золотая индикация с полуфоллиса Константина I из Восточного некрополя Фанагории. *КСИА* 249, 282–290.
- Ворошилов, А.Н., Ворошилова, О.М., 2015а: Золото в некрополе Фанагории. В сб.: М.Ю. Трейстер (ред.), *Золото Фанагории*. (В.Д. Кузнецов (ред.), Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 2). М., 29–76.
- Ворошилов, А.Н., Ворошилова, О.М., 2015б: Население Фанагории по материалам позднеантичного некрополя. В сб.: А.В. Мастыкова (ред.), *Социальная стратификация населения Кавказа в конце античности и начале средневековья: археологические данные. Материалы международной научной конференции*. М., 16–19.
- Ворошилова, О.М., 2011а: Позднеантичное погребение с монетами из некрополя Фанагории. *ПИФК* 4, 137–145.
- Ворошилова, О.М., 2011б: Об имитациях ременной гарнитуры из некрополя Фанагории. В сб.: *Боспорский феномен: население, языки, контакты: материалы международной научной конференции*. СПб, 321–324.
- Ворошилова, О.М., 2013а: Новая находка двухкамерного склепа в Фанагории. В сб.: В.Е. Родникова, А.Н. Федорина (ред.), *Новые материалы и методы археологического исследования: материалы II международной конференции молодых ученых*. М., 110–111.
- Ворошилова, О.М., 2013б: Склеп позднеантичного времени из раскопок Фанагории в 2011 году. *Stratum plus* 4, 123–131.
- Ворошилова, О.М., 2018: О склепах Фанагории 1–5 вв. н.э. В сб.: В.Д. Кузнецов, А.А. Завойкин (ред.), *Материалы по археологии и истории Фанагории*. Вып. 4. (В.Д. Кузнецов (ред.), Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 7). М., 415–481.
- Зеест, И.Б., 1953: Земляные склепы некрополя Тузлы. *КСИИМК* 51, 156–158.
- Медведев, А.П., 2013: Позднеантичный некрополь Фанагории 4–5 вв. (раскопки 2005 г.). В сб.: В.Д. Кузнецов (ред.), *Материалы по археологии и истории Фанагории*. Вып. 1. (Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 1). М., 330–402.
- Сапрыкина, И.А., 2015: Техника изготовления золотых изделий из Фанагории. В сб.: М.Ю. Трейстер (ред.), *Золото Фанагории*. М., 208–265.
- Строков, А.А., 2009: Ременные гарнитуры гуннской эпохи Азиатского Боспора. *БИ* XXI, 303–319.
- Сударев, Н.И., Ахмедов, И.Р., 2013: Новые погребальные комплексы конца IV – начала V в. н.э. на Таманском полуострове. В сб.: А.В. Мастыкова (ред.), *Раннегосударственные образования и «княжеская» культура на Северном Кавказе в конце античности – начале средневековья. Тезисы докладов международного научного семинара*. М., 44–45.
- Трейстер, М.Ю., 2017: Позднеантичные золотые погребальные пояса Боспора. *ТГЭ* LXXXVIII, 310–322.
- Шавырина, Т.Г., Ворошилова, О.М. 2013: Исследования Западного некрополя Фанагории (по материалам раскопок 1987–2000 г.). В сб.: В.Д. Кузнецов (ред.), *Материалы по*

археологии и истории Фанагории. Вып. 1. (Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 1). М., 415–481.

REFERENCES

- Abramzon, M.G., Voroshilov, A.N., Voroshilova, O.M., Vnukov, S.Yu. 2017: Zolotaya indikatsiya s polufollisa Konstantina I iz Vostochnogo nekropolya Fanagorii [A gold danake of Constantine the Great from the Phanagorian eastern necropolis]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 249, 282–290.
- Medvedev, A.P., 2013: Pozdneantichnyy nekropol' Fanagorii 4–5 vv. (raskopki 2005 g.) [Late Antique necropolis of Phanagoria 4th–5th cc. (the 2005 excavations)]. In: V.D. Kuznetsov (ed.), *Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii* [Materials on archaeology and history of Phanagoria]. 1. (Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy [Phanagoria, the results of archaeological research]. Vol. 1). Moscow, 330–402.
- Saprykina, I.A., 2015: Tekhnika izgotovleniya zolotykh izdeliy iz Fanagorii [Technique of the manufacture of gold items from Fanagoria]. In: M.Yu. Treister (ed.), *Zoloto Fanagorii* [Gold of Phanagoria]. Moscow, 208–265.
- Shavyrina, T.G., Voroshilova, O.M. 2013: Issledovaniya Zapadnogo nekropolya Fanagorii (po materialam raskopok 1987–2000 g.) [Studies in the Western necropolis of Phanagoria (1987–2000 excavations)]. In: V.D. Kuznetsov (ed.), *Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii* [Materials on archaeology and history of Phanagoria]. 1. (Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy [Phanagoria. Results of archaeological research]. Vol. 1). Moscow, 415–481.
- Strokov, A.A., 2009: Remennye garnitury gungskoy epokhi Aziatskogo Bospora [Belt sets of the Hun era of the Asian Bosphorus]. *Bosporskiye issledovaniya* [Bosporian Studies] XXI, 303–319.
- Sudarev, N.I., Akhmedov, I.R., 2013: Novyye pogrebal'nyye komplekсы kontsa IV–nachala V v. n.e. na Tamanskom poluostruve [New funerary complexes of the end of the 4th – beginning of the 5th century AD on the Taman Peninsula]. In: A.V. Mastykova (ed.), *Ranegosudarstvennyye obrazovaniya i «knyazheskaya» kul'tura na Severnom Kavkaze v kontse antichnosti – nachale srednevekov'ya. Tezisy dokladov mezhdunarodnogo nauchnogo seminar* [Early state formations and «princely» culture in the North Caucasus at the end of antiquity – the beginning of the Middle Ages. Abstracts of the international scientific seminar]. Moscow, 44–45.
- Treyster, M.Yu., 2017: Pozdneantichnyye zolotye pogrebal'nye poyasa Bospora [Late Antique Golden Burial Belts of the Bosphorus]. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha* [Proceedings of the State Hermitage] LXXXVIII, 310–322.
- Voroshilov, A.N., Voroshilova, O.M., 2015a: *Zoloto v nekropole Fanagorii*. In: M.Yu. Trayster (ed.), *Zoloto Fanagorii* [Gold of Phanagoria]. (Fanagoriya. Rezultaty arkheologicheskikh issledovaniy [Phanagoria. The results of archaeological research. Vol. 2]). Moscow, 29–76.
- Voroshilov, A.N., Voroshilova, O.M., 2015b: Naselenie Fanagorii po materialam pozdneantichnogo nekropolya [Population of Phanagoria based on materials of the Late Antiquity necropolis]. In: A.V. Mastykova (ed.), *Sotsial'naya stratifikatsiya naseleniya Kavkaza v kontse antichnosti i nachale srednevekov'ya: arkheologicheskie dannye. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Social stratification of the Caucasus population at the end of antiquity and the beginning of the Middle Ages: archaeological data. Materials of the international scientific conference]. Moscow, 16–19.
- Voroshilova, O.M., 2011a: Pozdneantichnoe pogrebenie s monetami iz nekropolya Fanagorii [Late Antique burial with coins from the necropolis of Phanagoria]. *Problemy istorii, filologii, kult'ury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 4, 137–145.

- Voroshilova, O.M., 2011b: Ob imitatsiyakh remennoy garnitury iz nekropolya Fanagorii [On the imitations of a belt set from the necropolis of Phanagoria]. In: *Bosporskiy fenomen: naselenie, yazyki, kontakty: Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Bosporus phenomenon: population, languages, and contacts: Materials of the international scientific conference]. Saint Petersburg, 321–324.
- Voroshilova, O.M., 2013a: Novaya nakhodka dvukhkamernogo sklepa v Fanagorii [A new find of a two-chamber crypt at Phanagoria]. In: V.E. Rodinkova, A.N. Fedorina (ed.), *Novye materialy i metody arkheologicheskogo issledovaniya: materialy II mezhdunarodnoy konferentsii molodykh uchenykh* [New materials and methods of archaeological research: materials of the II International Conference of Young Scientists]. Moscow, 110–111.
- Voroshilova, O.M., 2013b: Sklep pozdneantichnogo vremeni iz raskopok Fanagorii v 2011 godu [The crypt of the Late Antique time excavated at Phanagoria in 2011]. *Stratum plus* 4, 123–131.
- Voroshilova, O.M., 2018: O sklepkh Fanagorii 1–5 vv. n.e. [The crypts of Phanagoria of the 1st – 5th centuries AD]. In: V.D. Kuznetsov, A.A. Zavoykin (eds.), *Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii* [Materials on archeology and history of Phanagoria]. 4. (Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy [Phanagoria. Results of archaeological research]. Vol. 7). Moscow, 415–481.
- Zeest, I.B., 1953: Zemlyanye sklepy nekropolya Tuzly [Earthly Crypts of the Necropolis of Tuzla]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury* [Brief communications of the Institute of the History of Material Culture] 51, 156–158.

A LATE ANTIQUE BURIAL WITH A FUNERAL BELT SET IN THE NECROPOLIS OF PHANAGORIA

Alexey N. Voroshilov, Olga M. Voroshilova

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
voroshilov.aleksej@yandex.ru, helga-mir@yandex.ru

Abstract. In 2017, the necropolis team of the Phanagorian Mission of IA RAS explored the Late Antique children's burial, which is one of the rarest types of burials of Phanagoria of this time (deep tombs with a niche in the sidewall of the mine). There are less niche tombs than simple graves and ground crypts in the necropolis of the Asian Bosporan capital in the 4th –5th centuries AD. Gold items are seldom found there, indicating a rather high social status of the citizens buried in them. The burial No 280 is a narrow rectangular mine with a niche in the north-west wall. A wooden coffin with a child's skeleton was situated in the center. The dead laid on his left side; the bones of his hands were located on the body and under it; the legs are stretched out and in the area of the feet are pressed against each other. The child is oriented by head to the southeast, to the burial mine, that is not typical for the Phanagorian Late Antique burials. Solely goods of funeral practice imitated real artefacts. All of them are made of foil of precious metals. In the field of the body of the child, gold imitations of the details of the belt headset (buckle, two belt tips) were made in the same stylistics and made according to the same technological scheme. In the lower part of the shins a decay from the silver foil was recovered, probably the remnants of a plate imitating an element of the belt headset (buckle or belt tip). Next to the lower jaw of the buried one, a gold danake was found, which, apparently, was used as the “Charon's obol” and was first in the child's mouth. The danake was impressed from the bronze coin – the half-follis of Constantine I, issued at the mint of Rome from October 312 to May 313 AD. It sets the lower chronological boundary of the whole complex and allows dating the burial after 313 AD. Based

on the analysis of similar burial sets of the Bosphorus, the archaeological context in which they were discovered, we are suggesting that these antiquities belong to a military funerary culture. A hypothesis is advanced that the imitation of buckles and belt tips can be used as elements of a funeral belt set.

Keywords: Phanagoria, necropolis, late antiquity, death customs, belt set, military equipment, buckle, danake

---

DOI 10.18503/1992-0431-2018-3-61-143–156

ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ В ПЕРИФЕРИЙНЫХ РАЙОНАХ АЗИАТСКОГО БОСПОРА (НА ПРИМЕРЕ П-ВА АБРАУ)

А.А. Малышев*, Г.В. Требелева**

Институт археологии РАН, Москва, Россия
maa64@mail.ru; trgv@mail.ru;

Аннотация. В предлагаемом исследовании изучены материалы, связанные с антропогенным ландшафтом полуострова Абрау в античную эпоху, – юго-восточной периферией азиатского Боспора, расположенной на северо-западных отрогах Большого Кавказского хребта. Сделан вывод о востребованности плодороднейших почв окрестностей Горгииппии в эллинистическое время. Об этом свидетельствует густая сеть земледельческих поселений на юге и востоке горгииппийской хоры; связанные с этими кустами подкурганские склеповые захоронения позволяют предположить существование экономической и политической автономий в регионе. В эллинистическую эпоху боспорянам удалось освоить пространства, удаленные от побережья на 15–20 км. Возрастание населения и интенсивная хозяйственная деятельность (распашка, перевыпас, сведение лесов) в Анапской долине, возможно, имели серьезные экологические последствия (обмеление рек и засуха).

Выявленная в Анапской долине в раннеримское время инфраструктура эллинистического времени почти полностью исчезает: ее остатки уцелели в предгорьях Семисам, а плодороднейшие поля ближней хоры Горгииппии, видимо, стали источником дохода боспорской казны.

Система укрепленных сырцово-каменных башен-усадеб, которая охватила весь полуостров Абрау, свидетельствует не только о расширении боспорского (горгииппийского) присутствия, но и об изменениях в административной и хозяйственной системах. На протяжении всей римской эпохи, с одной стороны, эта система адаптируется к местным природным условиям, с другой, вписывается в экономику азиатского Боспора. Судя по данным погребальных комплексов, наиболее заселенной является юго-восточная часть прибрежной зоны (долина рек Мысхако, Чухабль, Озерейка) и, конечно, сама Горгииппия.

Ключевые слова: система расселения, античность, ландшафтная археология, Боспорское царство, миграция, Северный Кавказ, сельскохозяйственная усадьба, абориген, экология

Информативную глубину систематизированных еще в XIX в. письменных источников по истории Северного Причерноморья в античную эпоху¹ оценило не

Данные об авторах: Малышев Алексей Александрович – кандидат исторических наук, заведующий отделом скифо-сарматской археологии Института археологии РАН; Требелева Галина Викторовна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии РАН.

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 16-06-00564 «Реконструкция антропогенного ландшафта периферийных районов азиатского Боспора по естественно-научным материалам и данным GPS-картирования археологических памятников».

¹ Латышев 1893–1906; Latyshev 1916.

одно поколение исследователей. В настоящее время, вне всяких сомнений, тонус задают результаты археологических исследований. Причем серьезный прогресс обеспечивается не редкими находками новых эпиграфических памятников, а массивами данных об исследуемых археологических памятниках. Прогресс в их освоении может быть обеспечен комплексом методик по изучению взаимодействия человека и окружающего ландшафта, который оформился как особое направление (ландшафтная археология) в середине 1980-х гг.²

Многолетними работами в Восточном³ и Западном⁴ Крыму, а также на Тамани⁵ было положено начало накоплению важных материалов для углубления сравнительно-исторических исследований античных государственных образований в Северном Причерноморье. О результативности применения методик, связываемых с ландшафтной археологией, свидетельствуют уже опубликованные материалы об эволюции систем расселения, о землепользовании и фортификации в северо-западном Крыму⁶, на Керченском⁷ и Таманском полуостровах⁸.

Особую актуальность в связи с этим приобретает расширение сферы применения этих методик на сопредельные регионы античной ойкумены Северного Причерноморья, в частности, на юго-восточную периферию азиатского Боспора⁹, расположенную на северо-западных отрогах Большого Кавказского хребта и известную в специальной литературе как полуостров Абрау. В северо-западной оконечности этого полуострова, благодаря многочисленным археологическим свидетельствам, локализована Горгиппия письменных источников (Strabo XI, 2, 10, 12; St. Byz.). Местоположение остальных античных центров этого региона (Патус (Ps.-Scyl.72), Бага-гавань и деревня (Strabo XI, 2, 14; Ptol., Geogr. V. 89)), несмотря на солидную историографию, не получило пока серьезных археологических подтверждений, что косвенно подчеркивает значимость, политическое и экономическое влияние Горгиппии. С момента включения в состав Боспора в середине IV в. до н.э. оно ощутимо возрастает¹⁰.

Накопление данных об археологических памятниках юго-восточной периферии Боспора начинается в 30-е гг. XIX в. интенсивными раскопками погребальных сооружений, прежде всего, подкурганых склепов (раскопки Р.С. Байерна, В.Г. Тизенгаузена, Н.И. Веселовского). Бытовые памятники оказались в поле зрения исследователей позже, причем после раскопок В.И. Сизова¹¹ систематические исследования в регионе не проводились до середины XX в. Новый импульс был задан работами В.Д. Блаватского в Анапском и Раевском городищах, которые были продолжены Н.А. Онайко. В середине 1960-х гг. она ведет активные разведочные работы по всему полуострову Абрау. Через двадцать лет, в середине 1980-х гг., разведочные работы А.В. Дмитриева и А.И. Салова, связанные с интенсивным

² Коробов 2017, 21–33.

³ Веселов 2005.

⁴ Щеглов 1978, 29–56; Смекалова 2012.

⁵ Паромов 1992; Абрамов, Паромов 1993, 25–98.

⁶ Смекалова, Кутайсов 2017; Смекалова, Колтухов, Зайцев 2015.

⁷ Бейлин, Ермолин, Масленников, Смекалов 2014, 35–42.

⁸ Горлов, Требелева 2013; Гарбузов, Завойкин 2012, 116–140; 2015, 94–105.

⁹ Гайдукевич 1949, 220.

¹⁰ Завойкин 2002, 96.

¹¹ Сизов 1889.

хозяйственным освоением территории региона, положили начало сплошному обследованию по выявлению и фиксации археологических памятников региона. С начала 1990-х гг. они проводятся в рамках общегосударственных мероприятий по учету и составлению сводов археологических памятников. Благодаря этим исследованиям мы располагаем данными о 226 памятниках (укрепленных и неукрепленных поселениях, а также некрополях) эпохи античности, которые были описаны по единому стандарту и введены в базу данных. Только 33% исследовано археологическими раскопками.

Оценить динамику изменений антропогенного ландшафта в регионе, выявить особенности реализации возможностей ресурсной базы как системы хозяйствования в античную эпоху возможно при наличии сравнительного материала. Для этого привлечены данные по памятникам предшествующих периодов: эпохи энеолита и бронзы (курганы и курганные могильники – 100) и раннего железного века (49).

Работа выполнялась в программе *ArcMap (9 версия)*, база данных заполнялась непосредственно в программе в виде атрибутивной таблицы. Использовались автоматизированные параметры: – тип памятника: поселение-могильник – подтип: поселение, городище, дом-башня; грунтовый могильник, курганный могильник, отдельный курган, датировка – площадь памятника (для поселений)¹².

Существенное значение при анализе археологических материалов имеют ландшафтные особенности и ресурсные возможности региона, разделяемого отрогами главного Кавказского хребта (Семисам, Навагир и отроги Гудзевой горы) на две части: северную и южную. Жизнедеятельность была сосредоточена в образованных горными массивами долинах различной ширины и конфигурации. Зачастую учитывались значительная кинетическая энергия выпадающей в регионе в виде осадков воды, безопасное обитание и хозяйствование при наличии обширных надпойменных террас.

Северная часть полуострова Абрау, составляющая примерно треть общей площади, – это Анапская долина, простирающаяся в широтном направлении на 30 км. Практически половина этого пространства принадлежит бассейну реки Анапки, образующей обширные плавни, которые в древности, по всей видимости, представляли собой используемый для навигации залив¹³. На западной оконечности дельтовой части Анапских плавней, в практически единственном месте Анапской долины, где возможно обустройство порта с непосредственным выходом в открытое море, на своеобразном перекрестке сухопутных и морских путей, был основан античный центр, известный нам как Горгиппия.

¹² К сожалению, мы располагаем архивными данными по целому ряду уничтоженных в результате хозяйственной деятельности памятников. Тем не менее, авторы постарались корректно привлечь их в работу.

¹³ На картах рубежа XIX–XX вв. русло Анапки прослежено в Анапских плавнях до черноморского побережья. Анапские плавни появились сравнительно недавно, они образовались в результате заиления конусом выноса горных рек (Куматырь, Анапка) существовавшего здесь ранее залива Чёрного моря. До конца XVII в., согласно записям путешественников, здесь был расположен залив, который был местом оживлённой торговли античного полиса Горгиппии, использовался он и в средневековые времена, о чем свидетельствуют обнаруженные остатки кораблей на дне плавней. К началу XIX в. этот район становится лиманом, заболоченная территория ныне составляет около 12 км².

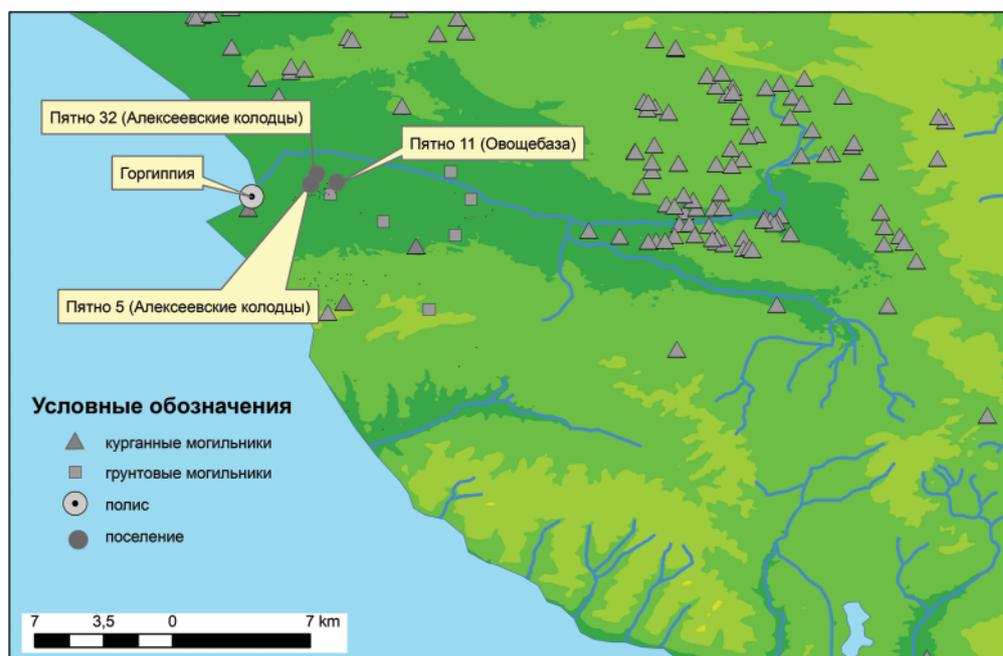

Рис. 1. Анапская долина: курганы, ранние (РЖВ) могильники, пятна Алексеевка 5,11, 32 и Горгиппия

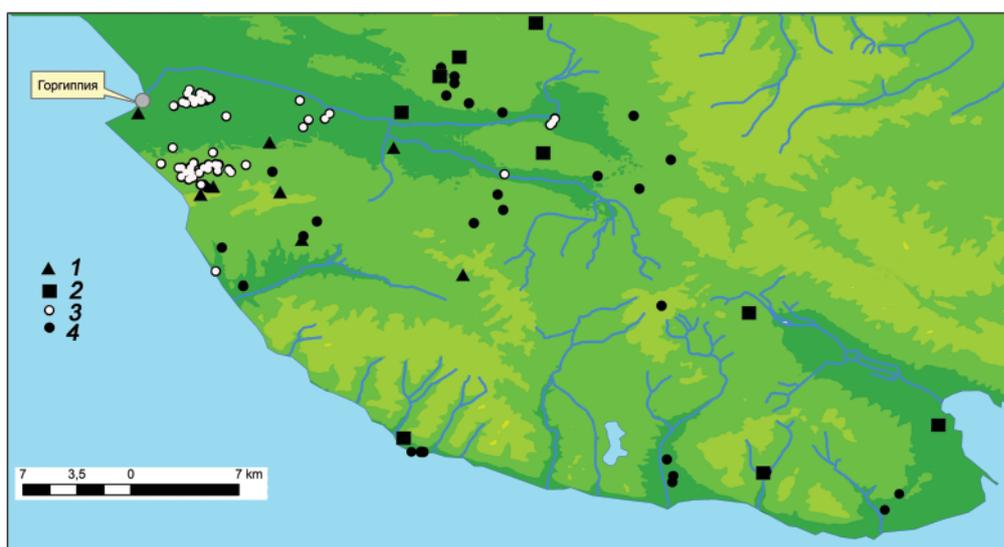

Рис. 2. Полуостров Абрау: памятники эпохи эллинизма (некрополи и поселения)

Многочисленные материалы свидетельствуют о господстве в Анапской долине на протяжении тысячелетий степного ландшафта. Издавна, с эпохи энеолита, несмотря на естественные преграды в виде горных массивов (хребет Безымянный) и Анапских плавней на севере региона, Анапская долина была доступна, начиная с эпохи энеолита для степного кочевого населения. Площадь долины совсем невелика для горизонтального кочевания значительного коллектива, однако обилие курганных насыпей, расположенных на высоких склонах (до 150 м) долины реки Анапки и до среднего течения рек Котлама и Маскага, было отмечено еще Е.Д. Фелицыным.

Для эпохи раннего железа (VII–VI вв. до н.э.) кочевнические комплексы в Анапской долине неизвестны. Присутствие аборигенного населения предгорий и черноморского побережья отмечено многочисленными захоронениями на древней дневной поверхности в каменных ящиках. Их ареал включает и «степную» зону, и отдаленные горные ущелья.

Небольшая плотность памятников позволяет предположить большую площадь системы жизнеобеспечения этого населения, использование ресурсов, удаленных от постоянного места обитания пространств.

Плодородные почвы окрестностей Горгииппии оказались востребованы в эллинистическую эпоху. Об этом свидетельствует распространение «поселенческих холмов» – насыпей (диам. – 25–50 м, площадь не более 0,5 га), которые являются остатками комплексов сооружений, выполненных в боспорских традициях сырцово-каменной архитектуры: сырцовых кладок, сложенных на каменном цоколе.

К югу от реки Анапки (ближняя хора Горгииппии) зафиксировано два крупных поселенческих «куста». Системообразующими являются водотоки – источники питьевой воды, а ареалы определяют плодородные почвы.

Первый куст (в местности известный как Алексеевские колодцы) в 3,5 км к востоку от античной Горгииппии начинает формироваться еще в архаическую эпоху¹⁴. Он вытянут в широтном направлении: по берегу лимана реки Анапки и вдоль сухопутной магистрали в Анапскую долину.

Второй куст поселений практически вдвое удален к юго-востоку от Горгииппии, у водотока, формирующегося у подножия горного массива Семисам и известного как Серебряные ключи. Высокая плотность расположения поселений, а также появление здесь винодельческого комплекса в эпохи эллинизма свидетельствуют о распространении передовых аграрных технологий и интенсивном хозяйстве.

Расположенные поблизости склеповые подкурганные захоронения (Тарасовские курганы¹⁵, Три Брата, на Лысой горе)¹⁶ подчеркивают высокий уровень социальной стратификации.

Как и в других регионах Боспора, раннеримское время в I в. до н.э. характеризуется деградацией сложившейся системы расселения: резко сокращается число поселения на ближней хоре Горгииппии. Поселения «прячутся» на мысовых площадках ущелий. Самый значительный период бытования (VI в. до н.э. – III в. н.э.) имело поселение у Алексеевских колодцев «Криница» (по Салову – «пятно 32»),

¹⁴ Салов 1986, 188–195.

¹⁵ ОАК за 1882–1888 гг. (1891), XXIX–XXX.

¹⁶ ОАК за 1903 г. (1906), 78–79.

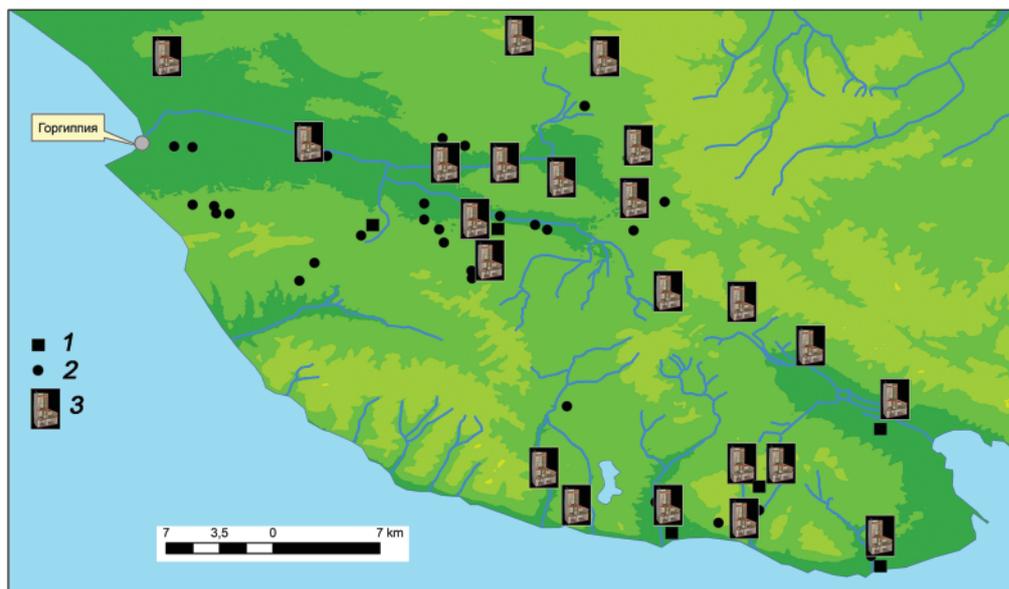

Рис. 3. Полуостров Абрау: памятники раннеримской эпохи (некрополи и поселения)

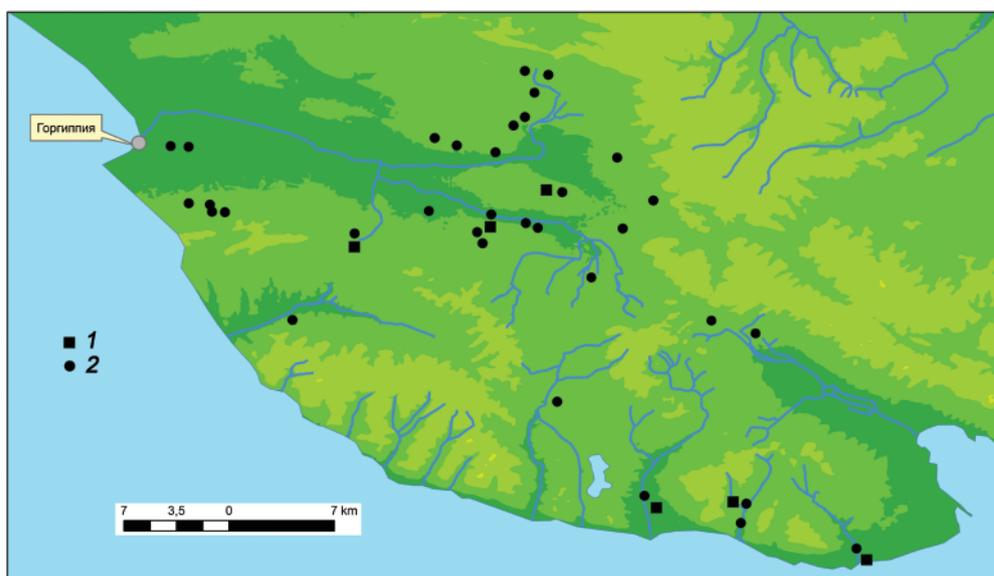

Рис. 4. Полуостров Абрау: памятники римской эпохи (некрополи и поселения)

расположенное вплотную к Анапским плавням и интерпретируемое А.И. Саловым как остатки сооружений античной пристани¹⁷.

По всей видимости, значительный объем хозяйственной деятельности в этот период был сосредоточен внутри городских стен¹⁸ или в непосредственной близости от них.

Вместе с тем отсутствие поселений на плодороднейших землях ближней хоры Горгииппии, называемой греческим географом Страбоном «царской столицей» (царской резиденцией), не может свидетельствовать об их исключении из хозяйственного использования. По-видимому, эти земли перешли в собственность одному хозяину – боспорскому правителю.

На границе царской хоры на востоке появляется укрепленное здание Анапской батарейки, которое контролировало перекресток сухопутных трасс и речную переправу.

Несмотря на более низкое плодородие карбонатных почв предгорий восточной половины Анапской долины на значительном, более 15–20 км, удалении от побережья, в эллинистическое время здесь появляются боспорские поселения: в бассейне реки Бедричка (хора Раевского городища), а также в низовьях балки на северо-восточном склоне горы Маскаги (куст поселений Помидоры 1–4). Античная «зона», которую маркируют остатки сырцовых и сырцово-каменных построек, а также обильные находки боспорских монет периода боспорского кризиса второй половины III – начала II в. до н.э., оказалась расположена возле пригодных для навигации водных магистралей.

Невзирая на пестрый этнический состав населения региона (в этом же ареале засвидетельствовано присутствие полукочевого (?) меотского населения Закубанья, а также аборигенного населения предгорий¹⁹), фортификационные сооружения у боспорских поселений не выявлены.

В периферийных районах Анапской долины в III–II вв. до н.э. продолжают бытовать местные традиции турлучного домостроительства.

На рубеже эр (I в. н.э. – I в. до н.э.) в восточной части Анапской долины происходят изменения не менее значительные, чем в западной: на смену сельскохозяйственным усадьбам приходит целая система укрепленных башенных сырцово-каменных сооружений, имеющая иную логику расположения: она позволяет Горгииппии контролировать систему коммуникаций по всему полуострову Абрау, причем в восточной части Анапской долины ими защищен весь контур долины. Данными о присутствии аборигенного населения предгорий мы не располагаем, тогда как материалы из башенных сооружений свидетельствуют о связях его обитателей с меотскими древностями Прикубанья. Эта культурная традиция остается господствующей и в римское время.

К середине I в. н.э. башенные сооружения частично погибают в огне пожара, частично приходят в запустение. В римское и позднеримское время в хозяйственном освоении находилась вся долина, однако для поселения отдавалось предпочтение укрепленным природой площадкам, расположенным на горизонтах

¹⁷ Салов 1986, 188–195; 2000, 17–25.

¹⁸ За городские стены перекочевали, в частности, и винодельни: Алексеева 1997, 152–167.

¹⁹ Малышев 1995, 151–157.

100–200 м. Об этом свидетельствуют находки отдельных монет и крупные монетные клады в верховьях притоков Маскаги (Бедричка и Шум-речка).

Южная часть полуострова Абрау имеет значительную, превышающую северную более чем вдвое, площадь. Однако сложный рельеф, который определяет простирающийся вдоль побережья Черного моря Навагирский хребет, существенно затрудняет хозяйственную деятельность в регионе в целом. Помимо пространств в долинах, значимым источником био- и других ресурсов, основной транспортной артерией, вне всякого сомнения, для населения этого региона было море.

Судя по погребальным памятникам эпохи бронзы и РЖВ в прямоугольных каменных сооружениях (ящиках или дольменах), эти территории на протяжении тысячелетий принадлежали населению предгорий. Отсутствие курганных насыпей в антропогенном ландшафте региона свидетельствует о затруднениях в доступе в регион кочевое население.

Наиболее значительная, но втрое меньшая по сравнению с Анапской долина этого региона – долина реки Цемес (протяженность ок. 14 км). Из-за отсутствия естественных террас в низовьях Цемесской долины, в долинах рек Сукко и Дюрсо размещение поселений в них небезопасно²⁰. В древности были заселены верховья и средняя часть долины, причем бытовые памятники, как правило, тяготеют к подножию крутого восточного склона, тогда как погребальные располагаются на более пологом – правом.

О довольно высокой плотности населения в архаическое и классическое время свидетельствует обилие аборигенных могильников (Владимировский, Поле Чудес, Кириловский поворот, Цемдолина 1–2), количество комплексов эллинистического времени ограничено.

Эта логистика системы расселения действует в Цемесской долине на протяжении тысячелетий. С нею связаны и монументальные горгиппийские башни-усады (Цемдолинская и Владимировская) раннеримского времени.

Возведение одной из башен раннеримского времени в заболоченном низовье Цемесской долины (Цемесской роще) в 3,5 км от устья Цемесской бухты подчеркивает ее стратегическую значимость²¹.

На берегах Цемесской бухты, в пределах современного Новороссийска, известны в основном погребальные сооружения: гробница, сложенная из эллинистической черепицы на территории бывшей Соборной площади (ныне парк им. Ленина)²², могильники аборигенного населения выше на склонах, по всему периметру (Шесхарис (1973 г.), Астраханская (1978 г.)).

В целом выявленная здесь ситуация подтверждает мнение Э. Тетьбу-де-Мариньи о незначительных экономических перспективах связанной с Цемесской долиной и сопоставимой с ней по размерам (длиной ок. 15 км, ширина в средней части 4,6 км) Цемесской бухты. Отмечая гораздо более выгодное положение Анапы, автор весьма скептически отнесся к возможностям Цемесской гавани, ресурсам

²⁰ О кинетической энергии селевых потоков свидетельствует мощность осадочных отложений на Цемдолинском поселении над культурным слоем эпохи энеолита.

²¹ Имеются данные, что река Цемес была судоходной, пока не вырубил леса на склонах гор в 1921 г.

²² Гайдукевич 1949, 221.

региона и перспективам транзитных сообщений через Цемесскую долину²³. Не случайно данные, в том числе и ландшафтные, о местонахождении здесь крупного античного центра Бата-гавань отсутствуют. Известные здесь два местонахождения античной керамики в прибрежной части²⁴ позволяют предположить, что расположенные на побережье поселения были подтоплены в результате подъема уровня моря, а культурный слой переработан волноприбойной деятельностью.

Гораздо большую востребованность, причем, по-видимому, начиная еще с эпохи энеолита, обнаруживает устье реки Мысхако, расположенной, как и Горгииппия, на перекрестке морских и сухопутных магистралей. В среднем и нижнем течении долина, подобно Анапской и расположенной неподалеку долины реки Озерейка, резко асимметрична: правый – крутой левый борт относительно пологий, заболоченный. С правобережьем связан ареал памятников античной эпохи, причем наиболее ранний бытовой памятник известен в глубине Щели Палагина, по которой протекает река Мысхако²⁵.

Судя по материалам разведок Н.А. Онайко, как и на хоре Горгииппии, здесь в эллинистическую эпоху возникает целая система поселений, тогда как в раннеримское и римское время жизнь сосредоточивается на побережье, прежде всего в устье реки Мысхако на склонах небольшой открытой бухты, где локализуется Бата-селение²⁶. Здесь исследован один из самых значительных в регионе некрополей римского времени (ок. 450 комплексов). Судьба центра во второй четверти III в. н.э. была так же трагична, как и Горгииппии²⁷. По-видимому, в связи с военной опасностью в позднеримское время возрастает население горных ущелий, особенно Широкой Балки.

Несмотря на ограниченность пространства и возможностей развития системы жизнеобеспечения, здесь присутствуют памятники различных эпох. Аборигенные памятники (могильники) более многочисленны, чем в окрестных долинах, погребальный обычай населения предгорий захоронения в каменных ящиках продолжает бытовать до эпохи Великого переселения народов²⁸.

Доступ в этот «укромный уголок» из долин рек Цемес, Озерейка и Цемесской бухты в раннеримское время охраняли две сторожевые башни (Сапун и Чухабль). В развалинах третьей был обнаружен бюст боспорской царицы Динамии.

Скалистый участок побережья, от устья Мысхако до Горгииппии, протяженностью около 50 км сложен как для навигации, так и для хозяйственного использования. О заселении побережья в эпоху поздней бронзы – раннего железа свидетельствуют разрушаемые морским прибоем некрополи в устье реки Дюрсо, в окрестностях Малого Утриша и Широкой Балки. Колебание уровня Мирового океана в сочетании с интенсивной волноприбойной активностью, которая могла переработать за два тысячелетия значительные участки суши на побережье, местами до 500 м.

²³ Тетьбу-де-Мариньи 1853, 211–213.

²⁴ Онайко 1980, 108.

²⁵ Сходная система расселения античного времени засвидетельствована на пологом левом склоне, занимающем местами не менее двух третей ширины долины бассейна реки Озерейки.

²⁶ Strab. XI. 2, 14; Ptol. V, 89.

²⁷ Антипина, Малышев, Медникова 1999, 288–313.

²⁸ Малышев 2011, 226–241.

Самые поздние комплексы указанных некрополей датируются II в. до н.э. В раннеримское время в устье или в непосредственной близости от него целого ряда долин (Абрау, Дюрсо) возводятся сырцово-каменные многоуровневые здания-форты, по-видимому, с целью обезопасить каботажное плавание от пиратских нападений.

Подводя итоги, отметим, что в архаическое и классическое время территория полуострова Абрау практически полностью, за исключением расположенных на перекрестке морских и сухопутных магистралей ранней Горгииппии, оставалась вне пределов античной ойкумены.

Свидетелями установления даннических отношений с населением региона, известных нам по титулатурам боспорских правителей IV в. до н.э.²⁹, являются аборигенные некрополи на черноморском побережье, Анапской и других долин полуострова Абрау.

О востребованности плодороднейших почв окрестностей Горгииппии в эллинистическое время свидетельствует густая сеть земледельческих поселений на юге и востоке горгииппийской хоры. Связанные с этими кустами подкурганские склеповые захоронения позволяют предположить существование экономической и политической автономий в регионе. В эллинистическую эпоху боспорянам удалось освоить пространства, удаленные от побережья на 15–20 км. Возрастание населения и интенсивная хозяйственная деятельность (распашка, перевыпас, сведение лесов) в Анапской долине, возможно, имели серьезные экологические последствия (обмеление рек и засухи).

В раннеримское время выявленная в Анапской долине инфраструктура эллинистического времени почти полностью исчезает: ее остатки уцелели в предгорьях Семисам, а плодороднейшие поля ближней хоры Горгииппии, видимо, стали источником дохода боспорской казны.

Система укрепленных сырцово-каменных башен-усадоб, которая охватила весь полуостров Абрау, свидетельствует не только о расширении боспорского (горгииппийского) присутствия, но и об изменениях в административной и хозяйственной организациях. На протяжении всей римской эпохи, с одной стороны, эта система адаптируется к местным природным условиям, с другой, вписывается в экономику азиатского Боспора. Судя по данным погребальных комплексов, наиболее заселенной является юго-восточная часть прибрежной зоны (долина рек Мысхако, Чухабль, Озерейка) и, конечно, сама Горгииппия.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева, Е.М. 1997: *Античный город Горгииппия*. М.
Абрамов, А.П., Паромов, Я.М. 1993: Раннеантичные поселения Таманского полуострова. *БС* 2, 25–98.
Бейлин, Д.В., Ермолин, Е. Л., Масленников, А. А., Смекалов, С.Л. 2014: Античные поселения Европейского Боспора эллинистического времени (каталог памятников). *ДБ* 18, 35–42.
Веселов, В.В. 2005: *Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–1964 гг.* (ДБ. Suppl. II). М.

²⁹ КБН №6, 6а, 39, 40, 1014, 1037, 1038, 1042.

Эволюция системы расселения в периферийных районах Азиатского Боспора 153

- Антипина, Е.Е., Малышев, А.А., Медникова, М.Б. 1999: Мысхако – форпост Боспора на юго-востоке. *ПИФК X*, 288–313.
- Гайдукевич, В.Ф. 1949: *Боспорское царство*. М.–Л.
- Гарбузов, Г.П. 2009: Районирование античных агроландшафтов Таманского полуострова. *ДБ 13*, 123–140.
- Гарбузов, Г.П., Завойкин, А.А. 2012: Сельская территория центров Азиатского Боспора в период автономии (вторая половина VI–V вв. до н.э.) и в составе державы Спартокидов (IV – начало III в. до н.э.). *ДБ 16*, 116–140.
- Гарбузов, Г.П., Завойкин, А.А. 2015: Сельская территория Таманского полуострова после Спартокидов. *ДБ 19*, 94–105.
- Горлов, Ю.В., Требелева, Г.В. 2013: *Природно-климатические условия и культурный ландшафт Таманского полуострова в античную эпоху*. М.
- Завойкин, А.А. 2002: К вопросу о статусе Феодосии и Горгиппии в державе Спартокидов. *ДБ 5*, 95–106.
- Коровов, Д.С. 2017: *Система расселения алан Центрального Предкавказья в I тыс. н.э.: ландшафтная археология Кисловодской котловины*. Т. I. М.–СПб.
- Латышев, В.В. 1893–1906: *Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе*. СПб.
- Малышев, А.А. 1995: К вопросу о причерноморской локальной группе меотской культуры. *БС 6*, 151–157.
- Малышев, А.А. 2011: Погребальный обряд и планиграфия некрополя в Широкой Балке. В кн.: А.А. Малышев (ред.), *Население предгорий Северо-Западного Кавказа в римскую эпоху: по материалам некрополя в Широкой Балке*. (Некрополи Черноморья. Т. IV). М., 226–241.
- Онайко, Н.А. 1980: *Архаический Торик – античный город на северо-востоке Понта*. М.
- Паромов, Я.М. 1992: *Археологическая карта Таманского полуострова*. (Депон. Рукопись ИНИОН РАН №47103). М.
- Салов, А.И. 1986: Архаическое поселение на окраине Анапы. В кн.: Г.А. Кошеленко (ред.), *Проблемы античной культуры*. М., 188–195.
- Салов, А.И. 2000: Разведка ближней хоры Горгиппии в 1978–1980 гг. В сб.: *Горгиппийский сборник*. Анапа, 17–25.
- Смекалов, С.Л. 2007: Поселения Восточного Крыма и системы земельного межевания. Попытка пространственного анализа. *ДБ 11*, 287–301.
- Смекалова, Т.Н. (ред.) 2012: *Научное наследие П.Н. Шульца и современные исследования в северо-западном Крыму*. (МАКК. VI.2). СПб.
- Смекалова, Т.Н., Колтухов, С.Г., Зайцев, Ю.П. 2015: *Археологические Атласы Северного Причерноморья*. (МАКК. XV). СПб.
- Смекалова, Т.Н., Кутайсов, В.А. 2017: *Археологический атлас Северо-Западного Крыма. Поздний бронзовый век. Ранний железный век. Античность*. (МАКК. XVIII). СПб.
- Сизов, В.И. 1889: Восточное побережье Черного моря: археологические экскурсии (Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Московского археологического общества. II). М.
- Тетьбу-де-Марины, Э. 1853: Цемесская бухта на восточном берегу Черного моря. *ЗООИД 3*, 210–213.
- Требелева, Г.В. 2005: *Оборона территории Азиатского Боспора в первые века нашей эры: историческое моделирование на основе ГИС-технологий*: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Щеглов, А.Н. 1978: *Северо-западный Крым в античную эпоху*. Л.

Latyshev, B. 1916: *Inscriptiones Antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Inscriptiones Tyrae, Olbiae, Chersonesi Tauricae, aliorum loconim a Danubio usque ad regnum Bosporanum continens*. Petropoli.

REFERENCES

- Beylin, D.V., Ermolin, E.L., Maslennikov, A.A., Smekalov, S.L. 2014: Antichnye poseleniya Evropeyskogo Bospora ellinisticheskogo vremeni (katalog pamyatnikov) [Ancient settlements of European Bosphorus of Hellenistic time (catalogue of monuments)]. *Drevnosti Bospora* [*Antiquities of the Bosphorus*] 18, 35–42.
- Garbuzov, G.P. 2009: Rayonirovanie antichnykh agrolandshaftov Tamanskogo poluostrova [Zoning of ancient agricultural landscapes of Taman Peninsula]. *Drevnosti Bospora* [*Antiquities of the Bosphorus*] 13, 123–140.
- Garbuzov, G.P., Zavoykin, A.A. 2012: Sel'skaya territoriya tsentrov Aziatskogo Bospora v period avtonomii (vtoraya polovinf VI–V vv. do n.e.) i v sostave derzhavy Spartokidov (IV – nachalo III v. do n.e.) [The rural area of the Asian Bosporan centers during the period of autonomy (the second half of the 6th – 5th centuries BC) and as part of the power of the Spartocids (the 4th to the beginning of the 3rd century BC)]. *Drevnosti Bospora* [*Antiquities of the Bosphorus*] 16, 116–140.
- Garbuzov, G.P., Zavoykin, A.A. 2015: Sel'skaya territoriya Tamanskogo poluostrova posle Spartokidov. [The rural area of the Taman Peninsula after the Spartokids]. *Drevnosti Bospora* [*Antiquities of the Bosphorus*] 19, 94–105.
- Gaydukevich, V.F. 1949: *Bosporskoe tsarstvo* [*The Bosporan Kingdom*]. Moscow–Leningrad.
- Gorlov Yu.V., Trebeleva G.V. 2013: *Prirodno-klimaticheskie usloviya i kul'turnyy landshaft Tamanskogo poluostrova v antichnyuyu epokhu* [*Natural and climatic conditions and cultural landscape of the Taman Peninsula in ancient times*]. Moscow.
- Korobov, D.S. 2017: *Sistema rasseleniya alan Tsentral'nogo Predkavkaz'ya v I tys. n.e. landshaftnaya arkheologiya Kislovodskoy kotloviny* [*The settlement of the Alans of the Central Caucasus in the first Millennium AD: Landscape archaeology of the Kislovodsk basin*]. T.I. Moscow –Saint Petersburg.
- Latyshev, B. 1916: *Inscriptiones Antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Inscriptiones Tyrae, Olbiae, Chersonesi Tauricae, aliorum loconim a Danubio usque ad regnum Bosporanum continens*. Petropoli.
- Latyshev, V.V. 1893–1906: *Izvestiya drevnikh pisateley grecheskikh i latinskikh o Skifii i Kavkaze* [*Information of ancient Greek and Latin writers on Scythia and the Caucasus*]. Saint Petersburg.
- Malyshev, A.A. 1995: K voprosu o prichernomorskoy lokal'noy gruppe meotskoy kul'tury. [On the issue of the Black Sea local group of Meotian culture]. *Bosporskiy sbornik* [*Bosphorus collection*] 6, 151–157.
- Malyshev, A.A. 2011: Pogrebal'nyy obryad i planigrafiya nekropolya v Shirokoy Balke [Death customs and planography of the necropolis in the Shirokaya Balka]. In: A.A. Malyshev (ed.), *Naselenie predgoriy Severo-Zapadnogo Kavkaza v rimskuyu epokhu: po materialam nekropolya v Shirokoy Balke* [*The population of the foothills of the North-Western Caucasus in the Roman period: materials of the necropolis in the Shirokaya Balka*]. (Nekropoli Chernomor'ya [Pontic Necropolis]. IV). Moscow, 226–241.
- Onayko, N.A. 1980: *Arkhaicheskii Torik – antichnyy gorod na severo-vostoke Ponta* [*Archaic Torik – ancient city in the North-East of Pontos*]. Moscow.
- Paromov, Ya.M. 1992: *Arkheologicheskaya karta Tamanskogo poluostrova* [*Archaeological map of the Taman Peninsula*]. (Manuscript. Institute for Scientific Information in Public Sciences RAS No. 47103). Moscow.

- Salov, A.I. 1986: Arkhaicheskoe poselenie na okraine Anapy [Archaic settlement in the outskirts of Anapa]. In: G.A. Koshelenko (red.), *Problemy antichnoy kul'tury* [Problems of ancient culture]. Moscow, 188–195.
- Salov, A.I. 2000: Razvedka blizhney khory Gorgippii v 1978–1980 gg. [Exploration of the nearest chora of Gorgippia in 1978–1980]. In: *Gorgippiyskiy sbornik* [Gorgippeii collection]. Anapa, 17–25.
- Shcheglov, A.N. 1978: *Severo-zapadnyy Krym v antichnuyu epokhu* [North-Western Crimea in the Classical time]. Leningrad.
- Sizov, V.I. 1889: *Vostochnoe poberezh'e Chernogo morya* [East coast of the Black Sea]. (Materialy i issledovaniya po arkheologii Kavkaza [Materials and research on the archaeology of the Caucasus] II). Moscow.
- Smekalov, S.L. 2007: Poseleniya Vostochnogo Kryma i sistemy zemel'nogo mezhevaniya. Popytka prostranstvennogo analiza [Settlements of the Eastern Crimea and land surveying system. Attempt at spatial analysis]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 11, 287–301.
- Smekalova, T.N. (ed.) 2012: *Nauchnoe nasledie P.N. Shul'tsa i sovremennye issledovaniya v severo-zapadnom Krymu* [Scientific heritage of P.N. Schultz and modern research in North-Western Crimea]. (Materialy k arkheologicheskoy karte Kryma [Materials to the archaeological map of the Crimea]. VI. 2).
- Smekalova, T.N., Koltukhov, S.G., Zaytsev, Yu.P. 2015: *Arkheologicheskie Atlasy Severnogo Prichernomor'ya* [Archaeological Atlases of the Northern Black Sea region]. (Materialy k arheologicheskoy karte Kryma [Materials to the archaeological map of the Crimea] XV). Saint Petersburg.
- Smekalova, T.N., Kutaysov, V.A. 2017: *Arkheologicheskiy Atlas Severo-Zapadnogo Kryma Pozdnyy Bronzovyy Vek. Ranniy Zheleznyy Vek. Antichnost'* [Archaeological Atlas Of The North-Western Crimea Late Bronze Age. Early Iron Age. Antiquity]. (Materialy k arkheologicheskoy karte Kryma [Archaeological Atlases of the Northern black sea region]. (Materials to the archaeological map of the Crimea]. XVIII). Saint Petersburg, 448.
- Tetbu-de-Marini, E. 1853: Tsemesskaya bukhta na vostochnom beregu Tsernogo morya [Tsemess Bay on the East coast of the Black sea]. *Zapiski Odesskogo Obshhestva istorii i drevnostey* [Notes of the Odessa Society for History and Antiquities] 3, 210–213.
- Trebeleva, G.V. 2005: *Oborona territorii Aziatskogo Bospora v pervye veka nashey ery: istoricheskoe modelirovanie na osnove GIS-tekhnologiy*. [Defense of the territory of Asian Bosporus in the first centuries of our era: historical modeling based on GIS technologies]: PhD Thesis. Moscow
- Veselov, V.V. 2005: *Svodnaya vedomost' rezul'tatov arkheologicheskikh razvedok na Kerchenskom i Tamanskom poluostrovakh v 1949–1964 gg.* [Summary of the results of archaeological investigations on the Kerch and Taman peninsulas in 1949–1964]. (Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosporus]. Supplementum II). Moscow.
- Zavoykin, A.A. 2002: K voprosu o statuse Feodosii i Gorgippii v derzhave Spartokidov [On the issue of the status of Theodosia and Gorgippia in the power of the Spartocids]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 5, 95–106.
- Abramov, A.P., Paromov, A.M. 1993: Ranneantichnye poseleniya Tamanskogo poluostrova [Early antique settlements of Taman Peninsula]. *Bosporskiy sbornik* [Bosporus collection] 2, 25–98.
- Alekseeva, E.M. 1997: *Antichnyy gorod Gorgippiya*. [Ancient city of Gorgippia]. Moscow.
- Antipina, E.E., Malyshev, A.A., Mednikova, M.B. 1999: Myskhako – forpost Bospora na yugovostoke [Myskhako as an outpost of Bosporus in the South-East]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] X, 288–313.

THE EVOLUTION OF SETTLEMENT SYSTEM IN THE PERIPHERAL AREAS
OF THE ASIAN BOSPORUS (THE ABRAU PENINSULA)

Alexey A. Malyshev, Galina V. Trebeleva

*Institute of Archaeology, Russian Academy of Science, Moscow, Russia,
maa64@mail.ru; trgv@mail.ru*

Abstract. The paper deals with the materials related to the anthropogenic landscape of the Abrau Peninsula in the Antique period, i.e. the South-Eastern periphery of the Asian Bosphorus, located on the North-Western branches of the Greater Caucasus. The research led to the conclusion that highly fertile soils near Gorgippia were in demand during the Hellenistic period. A dense network of agricultural settlements in the South and East of Gorgippian chora evidences this. Vault tombs under the burial ground associated with these groups suggest the existence of economic and political autonomy in the region. In the Hellenistic period, the Bosphorans managed to develop areas 15–20 km away from the coast. Increasing population and intensive economic activities (tilling, overgrazing, and deforestation) in Anapa valley may have had serious environmental impacts (shallowing of rivers and drought).

In the Early Roman period, the infrastructure of the Hellenistic time detected in Anapa valley disappeared almost completely: its remains survived in the Semisam foothills, while the fertile fields of the closer Gorgippian chora, apparently, became the source of income for the Bosphoran Treasury.

The system of fortified mud brick and stone towers-estates, which covered the entire the Abrau Peninsula, testifies not only about the expansion of the Bosphoran (Gorgippian) presence, but also about changes in the administrative and economic system. Throughout the Roman period, on the one hand, this system was adapting to local natural conditions, on the other, it was being integrated in the economy of the Asian Bosphorus. The data of funerary complexes show that the most populated area was the Southeastern part of the coastal zone (valley of the rivers Myskhako, Chukhabl, and Ozereika) and, of course, Gorgippia proper.

Keywords: Bosphoran Kingdom, system of settlement, classic archaeology, migration, North Caucasus, agricultural estate, ecology

---

DOI: 10.18503/1992-0431-2018-3-61-157-169

К ВОПРОСУ ОБ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЯХ МАРГИАНЫ. КРЕПОСТЬ ЧИЛЬБУРДЖ

В.А. Гаибов

Институт археологии РАН, Москва, Россия
gaibov@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена раскопкам городища Чильбурдж, расположенного в Векильбазарском этрапе Марыйского вelayата Туркменистана, в 17 км к северо-западу от городища Гяур-кала – столичного центра древнего Мервского оазиса (Маргианы античных авторов). Раскопки проводились Среднеазиатской археологической экспедицией ИА АН СССР (РАН) в течение одного полевого сезона (1980 г.). Целью этих раскопок была верификация дешифровок аэрофотоснимков, использовавшихся экспедицией в рамках большого археологического проекта по составлению археологической карты Мервского оазиса, инициированного Г.А. Кошеленко. Другой задачей данных работ было уточнение и корректировка выводов относительно датировки и функционального назначения памятника, сделанных предшествующими исследованиями, которые проводились на памятнике начиная с 1900-х гг. (экспедиция Р. Пампелли). Особенно активно изучался памятник в 50-е гг. прошлого столетия Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедицией (ЮТАКЭ) под руководством М.Е. Массона.

В результате работ САЭ было установлено, что сохранившиеся к настоящему времени крепостные сооружения Чильбурджа относятся к сасанидскому периоду (IV–V вв. н.э.), хотя первые оборонительные сооружения из пахсы здесь были возведены еще в парфянский период. Однако в IV в. н.э. они были забутованы и стали основанием для новых стен, образуя своего рода крепостной вал.

Расцвет города приходится на время от XI до первой половины XIII в. н.э. (вплоть до монгольского нашествия), т.е. на последний период его существования. План города, полученный при помощи аэрофотоснимков, относится именно к этому времени.

Ключевые слова: Парфия, Маргиана, Мервский оазис, Чильбурдж, фортификация, оборонительные сооружения, аэрофотоснимки

В 1976 г. по инициативе Г.А. Кошеленко была создана Среднеазиатская археологическая экспедиция ИА АН СССР. После краткого (1976–1980 гг.) периода раскопок на территории Сурхандарьинского области Узбекистана (городище Зар-тепе), регион работ экспедиции был переориентирован на юг Туркменистана в район Мервского оазиса (Маргиана античных авторов). Причиной тому стала новая масштабная цель экспедиции – составление сводной карты археологиче-

---

Данные об авторе: Гаибов Васиф Абидович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела классической археологии ИА РАН.

Рис. 1. Чильбурдж. Космоснимок (по состоянию на 2017 г.)

Рис. 2. Чильбурдж. Общий вид (фото САЭ)

ских памятников дельты Мургаба от эпохи раннего железного века до позднего средневековья (время монгольского завоевания)¹.

Помимо сплошного рекогносцировочного обследования территории оазиса с применением традиционных методов археологической разведки (использование разномасштабных топографических карт, фотофиксация, глазомерная и инструментальная съемка объектов, сбор подъемного материала и т.п.)² в задачу экспедиции входили и стационарные раскопки «ключевых» памятников. Этому способствовало наличие в распоряжении археологов аэрофотоснимков исследуемого региона³ с дешифровкой отдельных памятников, что позволяло верифицировать выводы, полученные в ходе наземных разведочных работ.

Первым таким объектом, где была применена эта методика, стало большое городище Чильбурдж с окрестностями. Городище находится в 17 км с СЗ от центра Мервского оазиса Александрии/Антиохии Маргианской (совр. городище Гяур-кала). Местоположение GPS: N37°43'31,86" E062°00'45,37" (UTM: 4175820, 412986) (рис. 1, 2).

Памятник впервые был зафиксирован экспедицией Р. Пампелли в начале XX в.⁴ Однако лишь после исследований ЮТАКЭ в конце 1940-х – нач. 1950-х гг. этот памятник стал широко известен⁵ и занял важное место в трудах по истории парфянской архитектуры и фортификации⁶.

Основные итоги этих исследований можно представить следующим образом. Ядром памятника является крепость, представляющая в плане неправильный четырехугольник с длинными стенами 260 и 230 м, и короткими – по 200 м. Одна из сторон имеет направление юг-север, остальные несколько отклонены от направлений стран света. Ворота устроены в северной и южной стенах крепости (рис. 3). Стены из сырцового кирпича по углам и на всех фасах фланкированы многочисленными башнями (по Г.А. Пугаченковой их всего 39), с сохранившейся высотой 13–15 м, длина куртин составляет 17–20 м. В основании стен и башен лежит высокая платформа (от 4,7 до 5,2 м) из пахсы (рис. 4). Башни имеют ширину 5 м и выступают за гладь стен на 5,4 м. На углах крепости находятся особенно мощные башни, квадратные в плане, каждая из сторон равна 14 м. Отрезки стен между башнями имеют внутрстенные коридоры, шириной 1,3 м. В каждом таком отрезке имеется по три ниши. Каждая из ниш имеет свою бойницу. Внутрибашенное помещение – узкое, перекрыто эллипсовидным сводом (рис. 5), каждая из стен помещения имеет бойницу. Очень интересно внешнее оформление стен (рис. 6, 7). Каждый участок стены между башнями раскрепован двумя неглубокими ниша-

¹ На начальном этапе в состав экспедиции входили также сотрудники и студенты МГУ им. М.В. Ломоносова и ТГУ им. Махтумкули. С 1990 года к работам подключилась группа итальянских археологов под руководством проф. М. Този, что позволило расширить как изучаемую территорию, так и хронологические рамки проекта, «отодвинув» их до эпохи ранней бронзы.

² Следует отметить, что с включением в проект итальянских археологов, фиксацию исследуемых памятников стало возможным осуществлять (едва ли не первый опыт в отечественной археологии) с помощью GPS-навигатора Trimble Navigation.

³ Использовалась плановая съемка начала 1960-х гг., выполненная вскоре после строительства Каракумского канала.

⁴ Huntington 1908.

⁵ Пугаченкова 1952, 222–225.

⁶ Пугаченкова 1958, 51–58; Кошеленко 1963, 61; Кошеленко 1966, 77; Массон 1966, 114–115; Gullini 1964, 299–301; Francfort 1979, 32

ми, производящими впечатление бойниц, которые в плане соответствуют отрезкам внутрисканного прохода. В результате число подлинных бойниц на участке стены между двумя башнями равно двум, но создается впечатление, что их 17 (поскольку они расположены в два яруса).

Близкое решение демонстрируют и внешние грани стен башен (рис. 8). На каждой стороне имеется по три полуколонны, разделенных промежутками в 35 см. Как правило, именно в этих промежутках и расположены бойницы боковых стен башен. Третья бойница – в середине центральной полуколонны фаса башни. Башни также имеют ложные бойницы, расположенные в два яруса (на фасаде каждой башни имеется по 31 бойнице, из которых лишь 3 являются настоящими, остальные – ложные).

Контуры внутренней застройки крепости едва различимы на местности. Исключение составляет здание в центре городища, с внешней стороны которого было зафиксировано большое количество золы. Этот факт позволил высказать предположение о существовании здесь храма огня. Другим объяснением этого факта может быть то, что некоторые из жителей городища обитали не в домах, а в палатках.

Датировка памятника исследователями базировалась на анализе подъемного материала, собранного внутри крепости. Это, главным образом, керамика парфянского времени (встречается также некоторое количество керамики X–XII вв.), две медные пар-

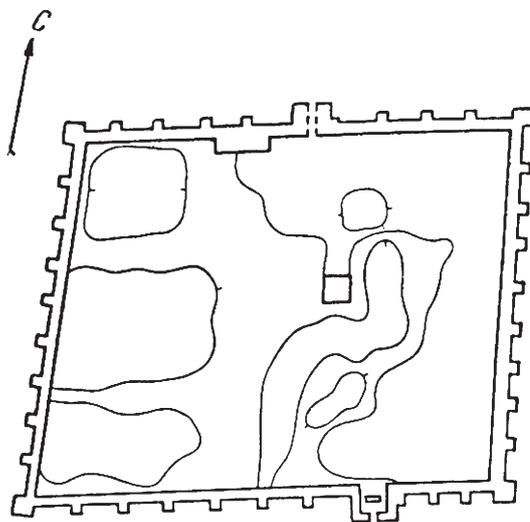

Рис. 3. План (по Г.А. Пугаченковой)

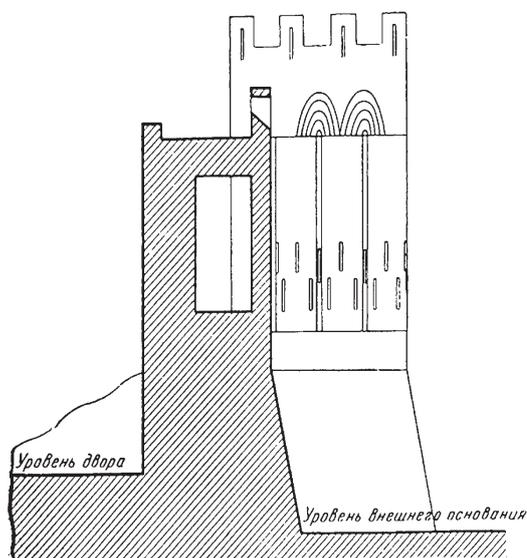

Рис. 4. Разрез стены. Реконструкция (по Г.А. Пугаченковой)

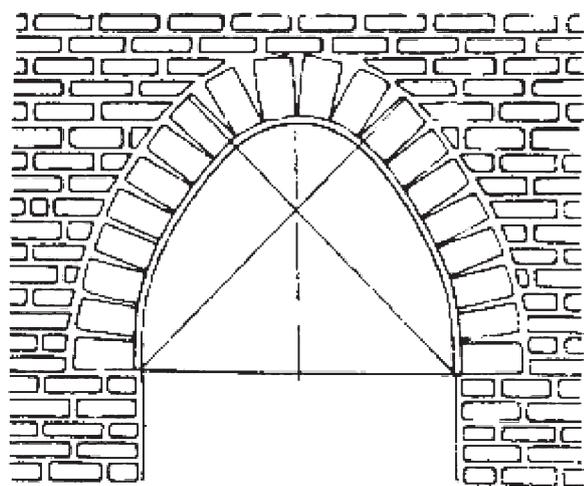

Рис. 5. Свод, выложенный отрезками (по Г.А. Пугаченковой)

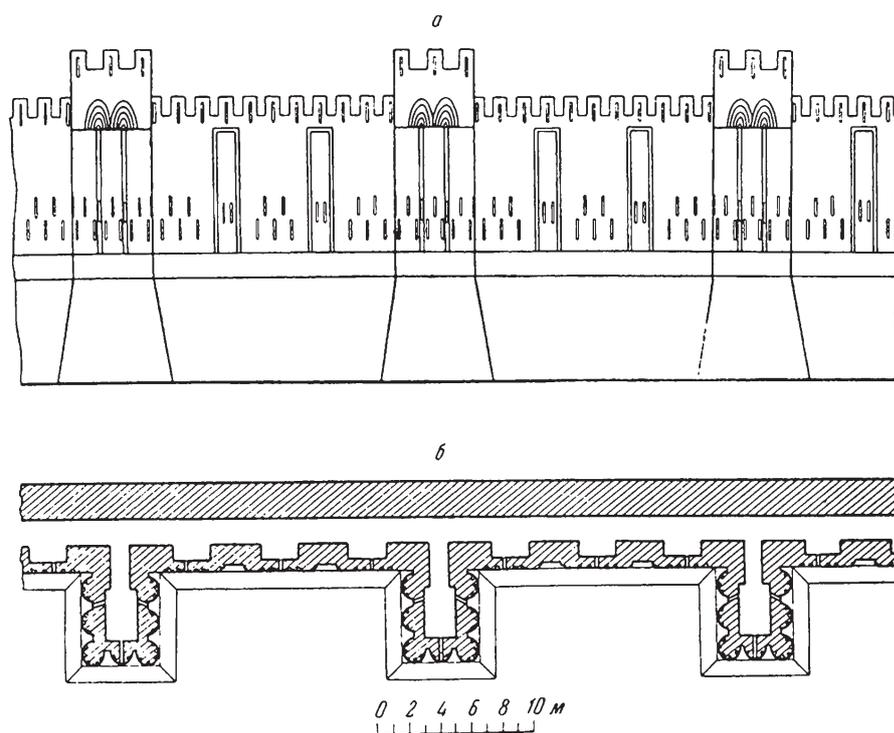

Рис. 6. Участок крепостной стены. Реконструкция (по Г.А. Пугаченковой): а – фасад, б – план

Рис. 7. Участок крепостной стены (фото САЭ)

Рис. 8. Крепостная башня (фото САЭ)

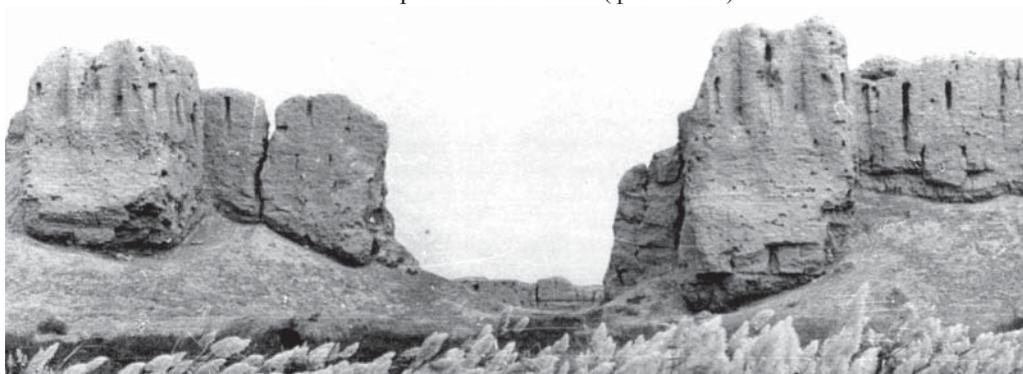

Рис. 9. Крепостные ворота (фото САЭ)

фянские монеты (одна из которых, видимо, принадлежала чекану Вологеца IV), терракотовая фигурка также парфянского времени. Так, было установлено, что крепость существовала во II–III вв. н.э. Жизнь на памятнике продолжалась до IV в. н.э. Позднее крепость была покинута, и лишь в X–XII вв. Чильбурдж вновь был обжит, на сей раз как караван-сарай.

С точки зрения сотрудников ЮТАКЭ, крепость относится к позднепарфянскому периоду, представляя собой дальнейшее развитие принципов фортификации, представленных в укреплениях Старой Нисы и Гяур-калы. С другой стороны, в оформлении стен башен «гофрами» они видели начальный этап того приема, который широко распространился в архитектуре Средней Азии последующего времени.

Через четверть века после работ ЮТАКЭ небольшие раскопочные работы на памятнике в течение одного сезона (1980 г.) были проведены сотрудниками Среднеазиатской археологической экспедиции⁷.

Ситуация на памятнике и вокруг него к этому времени очень сильно изменилась. Ранее памятник находился на самой границе пустыни, в 1980 г. зона сельскохозяйственного освоения придвинулась вплотную к Чильбурджу. Все территории вокруг него были с nivelированы и распаханы. В связи с тем, что Каракумский канал проходит на небольшом расстоянии от памятника, резко изменился режим грунтовых вод, уровень которых резко поднялся. В результате этого, например, центральная низменная часть городища покрылась мощным слоем соли, начали разрушаться нижние части кладки стен и башен. Тем не менее применение аэрофотоснимков, имевшихся в распоряжении экспедиции, позволили еще до начала раскопок внести существенные уточнения в глазомерный план, составленный Г.А. Пугаченковой⁸. Так, на старом плане было представлено восемь башен на западной стене (помимо угловых), в действительности же их было девять. На восточной стене согласно старому плану находилось также восемь башен (помимо угловых), на самом деле их было десять. Число башен на южной стене также представлено неверно: их было девять, тогда как на старом плане изображено восемь (помимо угловых и привратных). Было также установлено, что северная стена не имела ворот, на этом месте находился мощный бастион без каких бы то ни было следов прохода. Единственные ворота были устроены в южной стене (рис. 9). На аэрофотоснимке хорошо видна единственная дорога, ведущая к крепости, и подходила она к ней с южной стороны.

Другое различие состоит в структуре угловых башен. Аэрофотоснимки показали их весьма необычный характер. Угловые башни были выдвинуты далеко вперед за линию стены и связаны с нею небольшим переходом. Такой тип сооружения является уникальным в истории фортификации Мервского оазиса.

На аэрофотоснимках хорошо видны следы зданий вокруг крепости. Этот факт не был отмечен в публикациях Г.А. Пугаченковой (ни в тексте, ни в прилагаемом плане). Однако в условиях изменившейся экологической ситуации на территории и в окрестностях памятника (глубокая вспашка с одной стороны, и заболоченность – с другой) единственной возможностью проверить данные аэро-

⁷ Губаев, Новиков 1985, 14; Губаев, Кошеленко, Новиков 1990, 117–120; Gubaev, Košelenko, Novikov 1990, 51–54. Gaibov, Koshelenko, Novikov 1990, 21–40.

⁸ Пугаченкова 1952, 222. Рис. 4.

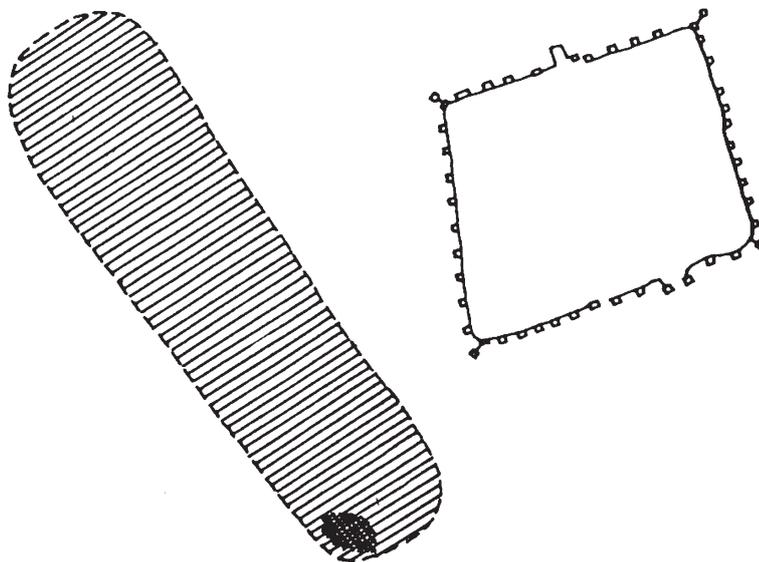

Рис. 10. Территория распространения керамики

фотоснимков оставался сбор подъемного материала там, где это было возможно (рис. 10). Таким образом, можно предположить, что вокруг крепости Чильбурдж существовало неукрепленное поселение. Подъемный материал, собранный в западной части, весьма многочислен. При этом на большей части этой зоны собранная керамика датируется V–VIII вв. н.э.; лишь на небольшом участке встречается керамика X–XII вв.

На территории крепости были проведены небольшие раскопки: два раскопа были сделаны внутри стен, два – на самих стенах, и еще один – с внешней стороны западной стены (рис. 11). Раскоп 1 был заложен на территории городища в том месте, где Г.А. Пугаченкова предполагала наличие храма огня. Здесь было вскрыто здание из сырцового кирпича. Оно было раскопано лишь частично; до уровня пола довести их не удалось из-за выступления подпочвенных вод. Заполнение включало в себя керамику парфянского периода, керамику V–VIII вв., а также значительное число фрагментов, датируемых XI–XIII вв. Находка целых клинчатых кирпичей позволяет предположить наличие сводчатых перекрытий потолка. Среди находок следует упомянуть парфянскую монету II в. н.э. К сожалению, ни точной даты, ни функции данного здания определить не удалось. Сырцовый кирпич, использовавшийся при строительстве этого здания, мог применяться как в парфянское, так и в сасанидское время. Поступление подпочвенных вод не позволило вскрыть слои, современные времени возведения здания.

Раскоп 2 (10 x 5 м) был заложен в западной части памятника с целью проверки достоверности дешифровки аэрофотоснимков и определения датировки рядового сооружения на территории крепости⁹.

⁹ Подробнее см.: Gaibov, Koshelenko, Novikov 1990, 23–25.

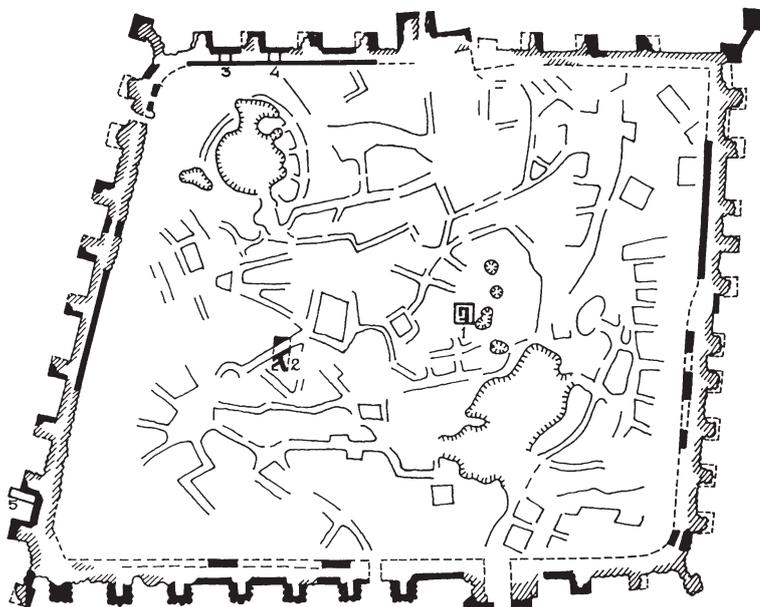

Рис. 11. План (по результатам работ 1980 г.)

Дешифровка аэрофотоснимков показала наличие плотной застройки в едином массиве. В северо-западном и юго-восточном углах застройки обнаружены две глубокие впадины, которые могут быть интерпретированы как древние резервуары. На плане, составленном на основе дешифровки аэрофото, была видна улица, ориентированная с юго-запада на северо-восток, и два здания (блока), образующие ее. Раскоп был заложен таким образом, чтобы захватить часть улицы (на полную ее ширину) и часть обоих зданий. Раскопки показали, что дешифровка аэрофотоснимков были исключительно верной, что план верхних слоев был правильным.

Значительное внимание было уделено исследованиям укреплений Чильбурджа. Раскопы 3 и 4 (рис. 12, 13) были заложены в северо-западном секторе стены. Была установлена общая ширина стены – 5,3 м; ширина внутростенного коридора составляла 1,35 м. Коридор, как правильно определила Г.А. Пугаченкова, представлял собой стрелковую галерею с прямоугольными нишами во внешней стене, в которых были устроены бойницы. В раскопе 4 были зафиксированы также и бойницы, обращенные внутрь городища. Бойницы имели ширину примерно 10 см при высоте 1,10-1,15 м. Следует упомянуть, что наши зачистки показали, что внешний фас паховой платформы продолжал вертикальную линию кирпичной кладки. Пол стрелковой галереи находился на уровне верхней грани паховой платформы. Следует также отметить, что был зафиксирован лишь один уровень пола. Материал с пола представлен почти исключительно керамикой VI–IX вв. н.э., с очень небольшим количеством фрагментов керамики XI – первой половины XIII вв.

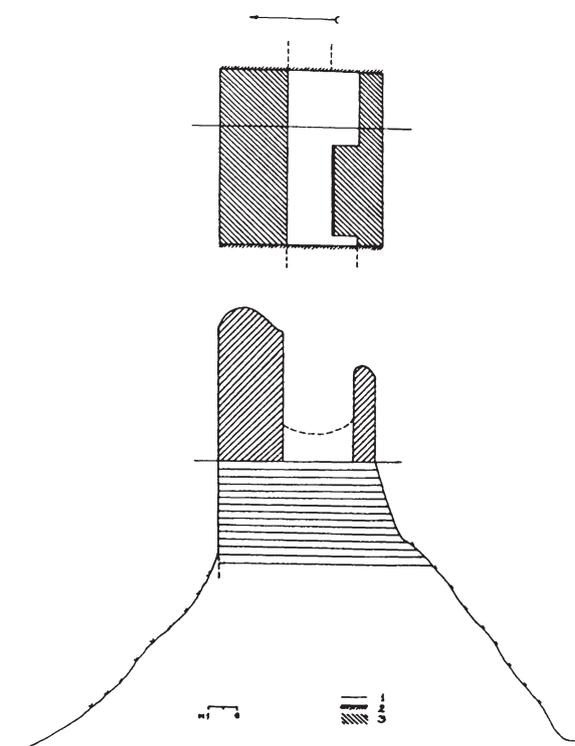

Рис. 12. Раскоп 3. План и профиль: 1 – профиль; 2 – границы шурфа; 3 – кирпич

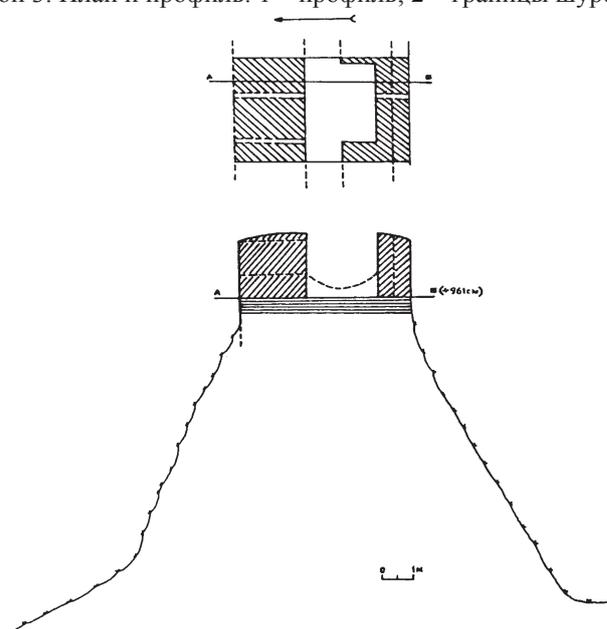

Рис. 13. Раскоп 4. План и профиль

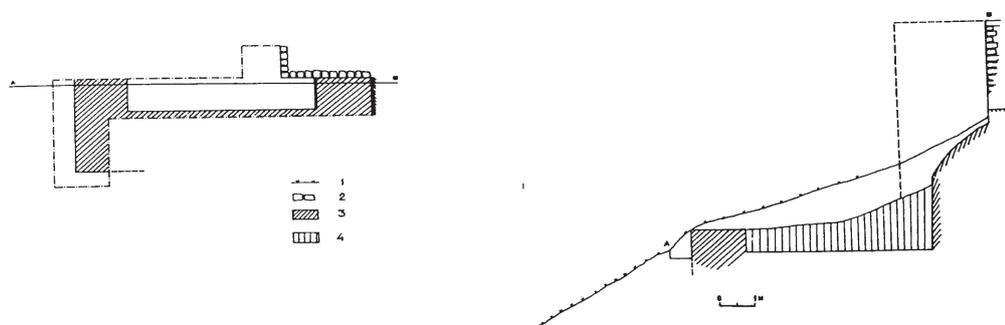

Рис. 14. Раскоп 5. План и профиль: 1 – дневная поверхность; 2 – кирпичи; 3 – пахса; 4 – глиняное заполнение ранней крепости

Раскоп 5 (рис. 14) был устроен с внешней стороны западной стены крепости. Целью этого раскопа было определение наиболее ранних укреплений Чильбурджа. Этот участок был выбран ввиду наилучшей сохранности стены и башни. В результате раскопок было установлено, что нынешним, видимым укреплениям Чильбурджа, предшествовали более ранние укрепления. На небольшой площади раскопа были вскрыты остатки башни, построенной из пахсы, и часть стены, возведенной из того же материала. Башня выступает вперед за гладь стены на 7 м; ширина внешней стены башни составляет 1,6 м, ширина боковой – 1,8 м. Ширина собственно городской стены составляет 1,8 м; ее внутренняя сторона примыкает к пахсовому основанию более поздней городской стены. Внутрибашенное помещение имеет длину 5,4 м; ширина его не установлена, но она составляет не менее 2 м. Внутреннее пространство башни позднее было заполнено плотно сбитой глиной. На полу помещения было обнаружено небольшое количество парфянской керамики; в заполнении помещения была найдена бронзовая монета Шапура II.

Раскопки (по крайней мере, на участке раскопа 5) представили следующую картину истории оборонительных сооружений Чильбурджа: 1) первоначально оборонительную структуру крепости составляли стены и башни из пахсы; 2) позднее башни были забутованы; 3) затем были возведены ныне видимые оборонительные сооружения, и в процессе их строительства были использованы остатки старых стен. Пахсовое основание новых стен покоится частично на остатках старых стен, образуя тем самым перед новой стеной тип крепостного вала, сооруженного на остатках старых оборонительных сооружений, который должен был, видимо, воспрепятствовать воздействию осадных машин.

Обобщая результаты работ на городище Чильбурдж, можно попытаться сформулировать некоторые выводы об истории функционирования этого памятника.

Сооружение крепости Чильбурдж датируется парфянским временем. В этот период были возведены ранние пахсовые укрепления. К сожалению, вскрыть слой парфянского времени на памятнике не представляется возможным. Причиной тому служит высокий уровень подземных вод, препятствующий исследованию нижних слоев. Наличие неукрепленного поселения вне пределов оборонительных стен Чильбурджа засвидетельствовано наличием керамики, монет и терракотовых статуэток парфянского периода.

Определенные изменения в жизни Чильбурджа происходят в IV в. н.э., когда была забутована ранняя башня.

Расцвет поселения приходится на V в. н.э. Очевидно, этим временем должны быть датированы оборонительные сооружения, в значительной мере сохранившиеся по сей день. Вокруг крепости разрастается очень большое поселение, которое, видимо, должно служить свидетельством того, что вся территория внутри стен была занята домами и гражданскими сооружениями. VIII в. н.э. стал временем определенного упадка города; пригород перестает существовать. Последующие столетия также, кажется, не были временем процветания Чильбурджа.

Подлинный расцвет города приходится на время от XI до первой половины XIII в. н.э. (вплоть до монгольского нашествия), т.е. на последний период его существования. Пространство внутри стен было полностью занято домами и, вероятно, гражданскими сооружениями. План города, полученный при помощи аэрофотоснимков, относится именно к этому времени. На территории бывшего пригорода также могли находиться отдельные дома. Кажется, в это время оборонительные сооружения подверглись определенному ремонту.

Жизнь на городище Чильбурдж с началом монгольского нашествия прекратилась и никогда более не возрождалась.

ЛИТЕРАТУРА

- Губаев, А., Новиков, С. 1985: Раскопки памятников Мервского оазиса. *Памятники Туркменистана* 2 (40), 14–16.
- Губаев, А.Г., Кошеленко, Г.А., Новиков, С.В. 1990: Археологические исследования в Мервском оазисе. *ВДИ* 3, 117–120.
- Кошеленко, Г.А. 1966: *Культура Парфии*. М.
- Кошеленко, Г.А. 1963: Парфянская фортификация. *СА* 2, 57–73.
- Массон, В.М. 1966: *Страна тысячи городов*. М.
- Пугаченкова, Г.А. 1952: Парфянские крепости Южного Туркменистана по материалам работ ЮТАКЭ. *ВДИ* 2, 215–225.
- Пугаченкова, Г.А. 1958: *Пути развития архитектуры Южного Туркменистан поры рабовладения и феодализма*. М.
- Gaibov, V., Koshelenko, G., Novikov, S. 1990: Chilburj. *Bulletin of the Asia Institute (NS)* 4, 21–40.
- Gubaev, A., Košelenko, G., Novikov, S. 1990: Archaeological Exploration in the Merv Oasis. *Mesopotamia* XXV, 51–54.
- Gullini, G. 1964: *Architettura iranica dagli Achemenidi ai Sassanidi. Il «Palazzo» di Kuh-i Khwagia (Seistan)*. Torino.
- Francfort, H.-P. 1979: *Les fortifications en Asie Centrale de l'age du bronze a l'epoque Kouchane*. Paris.
- Huntington, E. 1908: Description of the Kurgans of the Merv Oasis. In: R. Pumpelly (ed.), *Explorations in Turkestan in 1908 and 1904*. Vol. 2. Washington.

REFERENCES

- Gubayev, A., Novikov, S. 1985: Raskopki pamyatnikov Mervskogo oazisa [Excavations of the monuments of the Merv Oasis]. *Pamyatniki Turkmenistana [Monuments of Turkmenistan]* 2 (40), 14–16.

- Gubayev, A.G., Koshelenko, G.A., Novikov, S.V. 1990: Arkheologicheskiye issledovaniya v Mervskom oazise [Archaeological researches in the Merv Oasis]. *Vestnik Drevney Istorii* [Journal of Ancient History] 3, 117–120.
- Koshelenko, G.A. 1963: Parfyanskaya fortifikatsiya [Parthian fortification]. *Sovetskaya Arkheologiya* [Soviet Archaeology] 2, 57–73.
- Koshelenko, G.A. 1966: *Kultura Parfii* [Culture of Parthia]. Moscow.
- Masson, V.M. 1966: *Strana tysyachi gorodov* [The country of a thousand cities]. Moscow.
- Pugachenkova, G.A. 1952: Parfyanskiye kreposti Yuzhnogo Turkmenistana po materialam rabot YuTAKE [The Parthian fortresses of Southern Turkmenistan (based on the works of South Turkmen Archaeological Complex Mission)]. *Vestnik Drevney Istorii* [Journal of Ancient History] 2, 215–225.
- Pugachenkova, G.A. 1958: *Puti razvitiya arkhitektury Yuzhnogo Turkmenistan pory rabovladieniya i feodalizma* [Ways of development of the architecture of Southern Turkmenistan in the time of slavery and feudalism]. Moscow.

ON THE ISSUE OF DEFENSIVE STRUCTURES OF MARGIANA. CHILBURJ FORTRESS

Vasif A. Gaibov

Institute of Archaeology, Russian Academy of Science, Moscow, Russia
gaibov@mail.ru

Abstract. The paper is devoted to the excavations of the Chilburj fortress located in the Vekilbazar Etrap of the Mary velayat of Turkmenistan, 17 km northwest of the Gyaur-kala city-site, the capital of the ancient Merv Oasis (Margiana by ancient authors). The Central Asian Archaeological Mission (SAE) of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences USSR (RAS) conducted excavations during 1980 field season. The purpose of these excavations was the verification of the deciphering of aerial photographs used by the Mission in the framework of a large archaeological project on the compilation of the archaeological map of the Merv Oasis, initiated by G.A. Koshelenko. Another task of these works was to clarify and correct the conclusions regarding the dating and functional purpose of the monument, made by previous studies, which were carried out on the monument since the 1900s (expedition of R. Pumpelly), but especially studied in the 1950's by the South Turkmenistan Archaeological Complex Mission (YuTAKE) under the leadership of M.E. Masson.

Because of the work of the SAE, it was established that the extant fortifications of Chilburj belong to the Sassanid period (the 4th and 5th centuries AD), although the first defensive structures from *pakhsa* here were erected in the Parthian period. However, in the 5th century AD they were backfilled and became the basis for new walls, forming a kind of rampart.

The heyday of the city falls on the period from the 11th to the first half of the 13th century AD (up to the Mongol invasion), i.e. for the last period of its existence. The plan of the city, obtained with the help of aerial photographs, refers precisely to this time.

Keywords: Parthia, Margiana, Merv Oasis, Chilburj, fortification, defensive structures, aerial photographs

---

DOI 10.18503/1992-0431-2018-3-61-170-197

ПРОЗВИЩА У ГРЕКОВ АРХАИЧЕСКОЙ И КЛАССИЧЕСКОЙ ЭПОХ.
IV. АФИНЫ: ОТ «ВЕЛИКИХ ОСТРАКИЗМОВ»
ДО «ВЕЛИКИХ ДЕМАГОГОВ»

И.Е. Суриков

Институт всеобщей истории РАН, Москва; Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
isurikov@mail.ru

Аннотация. В первой части статьи анализируются и классифицируются прозвища видных афинских политиков на остраконах. Автор придерживается принятого им принципа, согласно которому прозвища были а) нейтральными, позитивными, негативными; б) устойчивыми, ситуативными, вторичными. Выясняется, что на остраконах преобладают ситуативные негативные прозвища, причем источником их, похоже, в ряде случаев могли служить инвективы в комедии.

Далее автор обращается к прозвищам политиков-демагогов периода поздней классики и указывает, что в конце V в. до н.э. появляются «профессиональные» прозвища (такие, как «кожевник» Клеон, «ламповщик» Гипербол и т.п.). Они часто также порождались комедией как сатирические эпитеты.

В заключении отмечается, что в целом у греков доэллинистического времени прозвища были менее распространены, чем позже. Возможно, играло какую-то роль то обстоятельство, что в эпоху эллинизма во всех отношениях расширились рамки греческого мира, а одновременно и интенсифицировались контакты между государствами. Ономастический же фонд греков оставался практически прежним, достаточно ограниченным

Ключевые слова: прозвища, Греция, Афины, остракизм, остраконы, демагоги, эпитеты

Данная статья, видимо, будет последней в нашем цикле о прозвищах в доэллинистической Греции¹. Соответственно, в ее конце неизбежно придется сделать определенные выводы обобщающего характера, пусть хотя бы пока и предварительные. В основной же части статьи речь пойдет, как и в предшествующей, о

Данные об авторе: Суриков Игорь Евгеньевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор кафедры истории и теории культуры РГГУ. Статья подготовлена при поддержке РФФИ/РГНФ (грант 16-01-00297).

¹ См. предыдущие: Суриков 2017а; 2017б; 2018. Мы вынуждены указать, что в последнюю из этих статей вкралась досадная погрешность. Говоря о знаменитом прозвище Аристида – «Справедливый», – мы в числе прочих свидетельств привели на языке оригинала цитату из Корнелия Непота (Суриков 2018, 99, прим. 41). В опубликованном тексте работы вместо нее появилась абракадабра; вероятно, мы по недосмотру не сняли опцию «автоматического исправления ошибок». Цитата (Nep. Aristid. 1) должна читаться так: “adeo excellebat Aristides abstinentia, ut unus post hominum memoriam, quem quidem nos audierimus, cognomine Iustus sit appellatus”.

прозвищах политических деятелей. На этот раз хронологические рамки работы всецело ограничены классическим периодом. Под «великими остракизмами», упомянутыми в заголовке, мы подразумеваем остракофории 480-х – 460-х гг. до н.э., которые явились важнейшим, ключевым фактором всей государственной жизни и жертвами которых нередко становились виднейшие лидеры афинского полиса, такие, как Аристид, Фемистокл, Ксантипп², Кимон. А «великие демагоги» – это такие персонажи времен Пелопоннесской войны, как Клеон, Гипербол, Клеофонт, чья деятельность знаменовала коренное изменение модели политической жизни³. На них, конечно, практика давать согражданам прозвища в Афинах не прекратилась, и несколько релевантных случаев может быть прослежено также для IV в. до н.э.

Прозвища на остраконах: опыт систематизации. В предыдущей статье⁴ нами были приведены⁵ в достаточно немалом количестве приписки на афинских черепках-«бюллетенях» для остракизма, которые с большей или меньшей степенью вероятности содержат прозвища афинских политиков. Тогда этот материал был дан нами еще без систематизации, и в конце статьи мы указывали, что такая систематизация насущно необходима. Сейчас мы и попытаемся ее осуществить, исходя из тех принципов классификации прозвищ, которая была предложена нами ранее.

Напомним, что прозвища, с одной стороны, можно поделить на нейтральные (употреблявшиеся с чисто идентификационной целью), а также эмоционально окрашенные – позитивные или негативные. С другой стороны, их же можно делить на устойчивые, ситуативные и вторичные (последние давались «задним числом», порой – *post mortem*). Посмотрим на остраконы именно с этой точки зрения.

Сразу необходимо оговорить, что вторичных прозвищ на них заведомо не должно появиться: остраконы – памятники современной жизни и деятельности лиц, которые на них упоминаются. Что же касается эмоциональной окраски, характерно, что мы не встретим на них никаких позитивных эпитетов, а только негативные или, в лучшем случае, нейтральные. И это тоже понятно: на черепках писались имена «кандидатов» на изгнание, а не награду, то есть это была не та ситуация, в которой уместны похвалы.

Оговорим также, что в дальнейшем, систематизируя данные, содержащиеся на остраконах, нам весьма часто придется ставить знак вопроса, поскольку сплошь и рядом является затруднительным однозначное отнесение текста к той или иной категории, да и границы между последними не столь уж четки. Все такие случаи будут специально оговорены. А персоналии политиков будут перечисляться в алфавитном порядке.

Агасий – ὄνος, «осёл»⁶. Прозвище негативное (?), ситуативное (?).

² Отец Перикла Ксантипп (о котором см. Суриков 2000а) тоже с полным основанием может быть назван политиком «первого ранга», его фигура в антиковедческих исследованиях незаслуженно недооценена.

³ Mossé 1985; 1995.

⁴ Суриков 2018, 101–106.

⁵ Естественно, с опорой на выкладки в нашем более раннем детальном исследовании процедуры остракизма (Суриков 2006).

⁶ Brenne 2002, 80. Об этой надписи на остраконе Агасия см. также Bicknell 1986.

Комментарий. Агасий, сын Арксимаха (из письменных источников почти не известен, хотя есть возможность отождествить его с тем заговорщиком Агасием, который упоминается в Plut. Aristid. 13⁷), на остраконах указывается приписанным то к дему Агрила, то к дему Ламптры. Ш. Бренне предлагает считать, что он по семье принадлежал к Агриле, а реально жил в Ламптрах⁸, но для нас это не принципиально. Итак, человека обозвали «ослом». Для нас это звучит сугубо оскорбительно, ныне осёл воспринимается как воплощение тупости. Не совсем так было в античности: в древнегреческом фольклоре осёл, похоже, предстает, как животное неглупое, но ленивое, упрямое и заносчивое (см. хотя бы Aesop. 179–191). Неоднократно отмечалось, что в афинской игре с черепками, называемой «остракинда»⁹, слово «осёл» являлось *terminus technicus* для проигравшего (Poll. IX. 112). Поскольку этимологическая связь между лексемами «остракинда» и «остракизм» прекрасно осознавалась афинянами V в. до н.э., достаточно резонным представляется мнение П. Бикнелла, согласно которому в данной надписи некий остроумец допустил сознательную игру слов: намекнул на то, что Агасий проиграет – а применительно к остракофории это должно означать «будет изгнан». Таким образом, прозвище следует считать скорее ситуативным (связанным с данным конкретным событием), чем устойчивым.

Аристид – τὸν Δάτιδος ἀδελφόν (аккузатив), «брат Датиса»¹⁰. Прозвище негативное, ситуативное.

Комментарий. Личность Аристида, сына Лисимаха, из дема Алопека, в разъяснениях не нуждается. Остракизмом он был изгнан в 482 г. до н.э., остраконов с его именем известно 123. Что касается данного эпитета, наиболее убедительным и поныне остается старое толкование А. Раубичека¹¹, согласно которому здесь мы имеем отрывок из сколия (сколии – стихи, совместно сочинявшиеся и тут же читавшиеся на аристократических симпозиях, своеобразный поэтический жанр¹²), тем более что выражение Ἀριστείδην τὸν Δάτιδος ἀδελφόν как раз прекрасно ложится в присущую сколиям метрику. Датис, видный персидский полководец (этнически – мидянин) надолго запомнился афинянам, поскольку именно он фактически возглавлял¹³ экспедицию 490 г. до н.э., приведшую к битве при Марафоне. В последней Аристид активно участвовал¹⁴, и каким образом оказался он тут причисленным даже не то что к друзьям, а прямо к родственникам Датиса – неясно. Если говорить в самом общем плане, впрочем, то понятно, что имела место некая недружественная пропаганда (скорее всего, со стороны, Фемистокла, который, продвигая свою морскую программу, имел желание ее противников, первым

⁷ Harvey 1984.

⁸ Brenne 2001, 89.

⁹ О которой см. (тоже в связи с остракизмом, но в другом контексте): Palme 2002; Siewert 2002a.

¹⁰ Brenne 2002, 81. Об этом и других интересных остраконах с именем Аристида см.: Raubitschek 1957; Piccirilli 1983.

¹¹ Raubitschek 1957.

¹² О нем см. Jones 2016. В этой же работе справедливо отмечается соответствие сюжетов некоторых сколиев сюжетам современных им вазописных изображений. Перед нами – два параллельных продукта симпозиа.

¹³ Артаферн, племянник Дария I, был другим главой персидского контингента, но его роль, видимо, была скорее номинальной (Суриков 2005б, 312).

¹⁴ Суриков 2008, 90–94 (с указанием на чрезвычайное благородство, проявленное Аристом в ходе этой кампании).

среди которых был Аристид, записать в сторонники персов). Прозвище явно ситуативное, устойчивым же прозвищем Аристида было «Справедливый» (о чем мы писали в предыдущей статье данного цикла).

Архен – φιλοξενῶν, либо «любящий чужеземцев», либо просто «гостеприимный»¹⁵. Прозвище нейтральное (?), устойчивое (?).

Комментарий. Об этом случае, к сожалению, вообще ничего нельзя утверждать с уверенностью. Архен из письменных источников неизвестен, а остракон против него сохранился только один, что, вообще говоря, не рекомендует его как видного политика. Возможно, он был известен не на общеполитическом уровне, а только на уровне своего дема¹⁶ (неясность ситуации, правда, усугубляется тем, что неизвестен его демотик, равно как и патронимик). Более того, есть мнения, согласно которым либо граффито с именем Архена вообще не является остраконом, либо, если это и остракон, приписку следует понимать в ином смысле (например, перед нами все-таки патронимик, но искаженно написанный малограмотным согражданином). Если же все-таки исходить из понимания надписи, предложенного выше, то не исключено, что мы имеем дело с прозвищем, причем скорее устойчивым и совершенно не обязательно негативным. В конце концов, тот, кто любит чужеземцев, гостей, от этого еще не становится изменником. Посему со знаком вопроса характеризуем прозвище как нейтральное.

Боон – Θορίκῳ οἰκῶν, «живущий в Торике»¹⁷. Прозвище негативное (?), устойчивое (?).

Комментарий. Боон, сын Касона, из дема Торик, тоже явно не принадлежал к числу особо влиятельных афинян; есть только два остракона с его именем. Суть данной приписки – в том, что он уподоблен метэку¹⁸. Каждый метэк в Афинах был обязан приписаться к какому-либо дему и в дальнейшем официально обозначался именно как «живущий в таком-то дему», в то время как имена граждан сопровождалось полноценными демотиками («Перикл из Холарга», «Сократ из Алопеки» и т.п.)¹⁹. Но в то же время Боон, конечно, не был метэком, иначе он не мог бы стать «кандидатом» на изгнание остракизмом. Приписка сделана, скорее всего, с целью унижить указанное на остраконе лицо, подчеркнуть его «недостойность». Впрочем, не исключено, что никакого негатива здесь видеть и не следует. Возможно, что Боона просто по какой-то причине так называли в быту.

Каллий – Μῆδος, ὁ Μῆδος, ἐν Μῆδων²⁰, ἐκ Μῆδων, «мидянин», «из мидян» и т.п.²¹ Прозвище нейтральное (?), устойчивое.

¹⁵ Brenne 2002, 81 (с иной интерпретацией приписки).

¹⁶ О том, что среди персоналий, фигурирующих на остраконах, немало представителей элиты аттических демов, см. в нашей работе: Суриков 2005а.

¹⁷ Brenne 2002, 83.

¹⁸ Новейшие работы об афинском сословии метэков и его статусе: Adak 2003; Mansouri 2011.

¹⁹ Демотики афинян имели значительное сходство с этническими названиями граждан других полисов, что, наряду с другими соображениями, дало возможность высказывать в последнее время идею о том, что аттические демы были в известном смысле полисами (Cohen 2000; Whitehead 2001).

²⁰ На остраконе – ΕΓ ΜΕΔΟΝ, что, видимо, все-таки следует понимать все-таки ἐν Μῆδων (т.е. «в [стране] мидян»), а не как-либо иначе: гамма вместо ню поставлена перед сонорной мю по гиперкорректности.

²¹ Brenne 2002, 87–89. Об остраконах с именем этого Каллия см. также: Lewis 1974, 3; Bicknell 1974, 150; Rhodes 1981, 274; Shapiro 1982; Stein-Hölkeskamp 1989, 193 ff.; Littman 1990, 165 ff.; Brenne 1992, 173 f.; Brenne 2001, 119.

Комментарий. Открытие крупного афинского политика Каллия, сына Кратия, из дема Алопека, стало одним из главных «сюрпризов», которые поднесли антиковедам остраконы. Теперь уже практически никто не сомневается, что именно он стал жертвой остракизма в 485 г. до н.э. (Аристотель²² упоминает, что в этом году кто-то был изгнан, но не уточняет, кто именно). По числу известных остраконов, поданных против него (720 как минимум), Каллий уступает только Мегаклу и Фемистоклу, а оба этих последних, безусловно, подверглись остракизму, о чем известно из письменных источников. В литературе Каллия считают представителем либо рода Алкмеонидов, либо рода Кериков, а, скорее всего, он имел какое-то отношение к ним обоим. «Мидянином» сограждане именуют его на остраконах настолько часто, что мы уверенно (без знака вопроса) фиксируем наличие устойчивого прозвища²³, которое появилось, можно смело утверждать, в связи с тем, что Каллий, сын Кратия, возглавлял афинское посольство в Персию²⁴. Воспринималось ли прозвище как негативное? Не думаем, что сказать такое будет правомерно для любого контекста (ср. ниже, в связи с Гераклидом «Царем»), всё зависело от политической обстановки²⁵; в любом случае ничего обидного *stricto sensu* в подобном эпитете нет.

Калликсен – ὁ προδοτής, «предатель, изменник»²⁶. Прозвище негативное, ситуативное (?).

Комментарий. Афинский политический деятель Калликсен, сын Аристони-ма, из дема Ксипета, совсем не упоминается в письменных источниках. Однако обнаружено довольно большое количество остраконов с его именем (281). Вообще говоря, к нему может быть отнесено многое из того, что было сказано чуть выше о Каллии. Причем если Каллий *мог* быть членом рода Алкмеонидов, то Калликсен безусловно *был* таковым – об этом имеется упоминание на другом его остраконе. Эпитет προδοτής, само собой, является негативным; с чем связано его появление здесь – в точности не известно, но, скорее всего, оно было обусловлено именно алкмеонидской принадлежностью политика. Алкмеониды подпортили свою репутацию во многом тем, что «заигрывали» с персидскими властями накануне Мидийских войн, со времени реформ Клисфена. Считаем прозвище ситуативным (хотя полной уверенности в этом нет), поскольку трудно представить, что кого-то устойчиво именовали «предателем», это все-таки уж очень оскорбительно, в отличие от куда мягче звучащего «мидянин». Нужно помнить атмосферу, в которой проходили остракофории 480-х гг. до н.э. Это был период между первым отражением персидской агрессии на Балканскую Грецию при Марафоне и походом Ксеркса, который эллинами ожидался как нечто неизбежное. Происходил поиск внутренних пособников врага, вот тогда-то Калликсена (и не его одного), видимо, и «наградили» столь позорной кличкой.

²² Arist. Ath. pol. 22. 6.

²³ В высшей степени характерно, что Каллий, сын Кратия изображается на карикатуре на одном из остраконов (всем такого рода карикатурам специально посвящена работа: Brenne, 1992), как и следовало ожидать, в персидском платье: в штанах, тире, с луком в руках.

²⁴ Суриков 2000б, 103–104.

²⁵ О проблеме «греческого мидизма» немало писали, см. теперь исчерпывающее исследование отечественного антиковеда: Рунг 2009, 33–64.

²⁶ Brenne 2002, 91. Об остраконах с именем Калликсена см. также: Stamires, Vanderpool 1950.

Клеиппид – Βυζάντιος, «византиец»²⁷. Прозвище нейтральное (?), устойчивое (?).

Комментарий. Клеиппид, сын Диния, из дема Ахарны – достаточно видный афинский политик перикловой поры. В 440-е гг. до н.э. подвергался опасности остракизма, но изгнан не был (хотя, видимо, был серьезным «кандидатом», с его именем известно 124 остракона, в то время как, например, с именем Перикла – всего 4). В начале Пелопоннесской войны занимал пост стратега (Thuc. III. 3. 3). Из материала остраконов стало впервые известно, что Клеиппид был отцом двух демагогов конца V в. до н.э., Клеофонта и Филина²⁸. Особенно известен Клеофонт, ведущий деятель радикальной демократии на последнем этапе Пелопоннесской войны; о нем еще пойдет речь ниже. Что же касается непосредственно Клеофонта, понятно, что византийцем в прямом смысле, т.е. уроженцем полиса Византий, он не мог являться. Какое именно он имел отношение к Византию – в этот вопрос здесь не можем вдаваться; тем не менее из надписи на остраконе видно, что в какой-то момент он получил связанное с данным городом прозвище. Негативным оно вроде бы не представляется.

Ксанфий – ὁ κίθαροδός, «кифаред»²⁹. Прозвище негативное (?), устойчивое (?).

Комментарий. Имеются лишь 4 остракона с именем Ксанфия (что интересно, ни на одном нет ни патронимика, ни демотика), и на двух из них он назван «кифаредом», что позволяет заподозрить устойчивый характер прозвища. Не похоже, что Ксанфий действительно был кифаредом по профессии: вряд ли кому-нибудь пришло бы в голову применять остракизм к музыканту. Скорее это все-таки инвектива: Ксанфию приписано не слишком почетное занятие. Ш. Бренне³⁰ считает, что «Ксанфий» на остраконах – вообще не имя афинского гражданина (слишком уж «по-рабски» оно звучит), а насмешливое прозвище кого-то из политических деятелей (Фемистокла или Ксантиппа). Эта гипотеза вряд ли доказуема.

Леагр – μέλας, «черный»³¹. Прозвище негативное (?), устойчивое.

Комментарий. Леагр, сын Главкона, из дема Керамик (с его именем сохранились 86 остраконов) участвовал в политической жизни (входил в группировку Фемистокла), но в целом был не столько видным политиком, сколько изумительным красавцем, поражавшим современников (вазописцы времен его юности чрезвычайно часто наносили на сосуды надпись Λέαγρος καλός, «прекрасный Леагр»³²). Данный эпитет с неизбежностью вызывает реминисценцию со знаменитым «черным охотником» Пьера Видаль-Накэ³³, вечным юношей-эфебом. Но

²⁷ Brenne 2002, 93.

²⁸ Этот сюжет мы разбираем в: Суриков 2004.

²⁹ Brenne 2002, 133.

³⁰ Brenne 2001, 309.

³¹ Brenne 2002, 96. О Леагре см. также: Raubitschek 1939; Parker 1994; Суриков 2009.

³² О таких надписях в целом см.: Robinson, Fluck 1937. В связи с влиянием надписей с именем Леагра на хронологию афинской вазописи рубежа эпох архаики и классики см.: Francis, Vickers 1982; Cook 1989; Francis 1990; Vickers 1990; Williams 1996.

³³ Собственно, Видаль-Накэ более всего прославился реконструированным им образом «черного охотника», который являл собой одну из структурных парадигм древнегреческого менталитета. Статья этого ученого «Черный охотник и происхождение афинской эфебии», впервые опубликованная в 1968 г., получила широкий резонанс и впоследствии даже дала название самому известному сборнику статей Видаль-Накэ (см. в русском переводе: Видаль-Накэ 2001, 135–134).

этот круг сюжетов в связи с Леагром подробно разбирается нами в другом месте³⁴, а здесь только отметим, что прозвище «черный» для Леагра решительно считаем устойчивым (а не ситуативным), с точки же зрения эмоциональной окрашенности всё же трудно освободиться от впечатления, что прилагательное «черный» не могло не иметь несколько негативного значения. Впрочем, не исключено, что тут мы переносим-таки на античность представления, свойственные восприятию наших современников. Для древних греков вся цветовая гамма была во многом иной, и совершенно не факт, что черный имел в ней значение «абсолютного зла» (иначе греческие дети не получали бы таких имен, как «Меланф», «Меланфий» и т.п.)³⁵.

Леагр – Γλύκωνος, «сын Гликона (сладкого)»³⁶. Прозвище негативное (?), устойчивое (?).

Комментарий. На самом деле отца Леагра звали Главконом («совиным») – имя часто встречающееся и вполне ожидаемое в Афинах с их «символикой совы»³⁷. А тут он наименован Гликоном. Если это не банальная описка (пропуск *альфы*), то писавший решил сознательно поиграть словами, намекая на «сладостность» красавца Леагра.

Леагр – βᾶσκανος, «клеветник» (?)³⁸. Прозвище негативное (?), ситуативное (?).

Комментарий. «Клеветник» – основное значение существительного βᾶσκανος, однако Ш. Бренне³⁹ указывает, что оно может также означать «колдун, чаровник», и предлагает трактовать данный эпитет именно в таком смысле (дескать, прекрасный Леагр очаровывает всех). Считаем подобное толкование возможным, но не обязательным, особенно учитывая, что для него берется слово в далеко не самом ожидаемом для него смысле.

Мегакл – μοιχός, «прелюбодей, развратник»⁴⁰. Прозвище негативное, ситуативное (?).

Комментарий. Мегакл, сын Гиппократы, из дема Алопека, представитель рода Алкмеонидов, изгнанный остракизмом в 486 г. до н.э., является «абсолютным рекордсменом» по количеству имеющихся с его именем остраконов (4445). На целом ряде этих черепков есть интересные приписки, и некоторые из них мы здесь разберем. Мегакл был не то чтобы видным политическим деятелем, а скорее влиятельным и даже блестящим аристократическим лидером «старого стиля». Почему, в связи с какими обстоятельствами своей жизни он назван здесь μοιχός⁴¹

³⁴ Суриков 2009.

³⁵ В качестве параллели можно припомнить, как относились греки к образу волка (к проблеме см. Туманс 2011; Суриков 2017в). У греков нередки имена с корнем λυκ-, да и имя Λύκος неоднократно встречается (в одних только Афинах 25 случаев: Osborne, Byrne 1994, 287–288). А нам трудно представить, что ребенка могли бы при рождении назвать «Волк» (хотя ср. немецк. Вольф, сербск. Вук, французск. Лу и пр.).

³⁶ Brenne 2002, 96.

³⁷ Одна из известных книг об Афинской архэ даже называется «Империя совы» (Samons 2000).

³⁸ Brenne 2002, 95.

³⁹ Brenne 201, 209.

⁴⁰ Brenne 2002, 114. Об этом Мегакле и различных интересных остраконах с его именем (некоторые из них будут упоминаться и ниже) см. также: Суриков 2003; Bicknell 1975; Lavelle 1989; Pardini 1990; Lewis 1993; Raubitschek 1994; Stanton 1996; Culasso Gastaldi 1997; Siewert 2002b. Как видим, литература вопроса весьма обильна.

⁴¹ Об этой категории см. Cantarella 1991; Leão, Rhodes 2016, ad fr. 23c.

(эпитет явно бранный) – сказать не представляется возможным. Не думаем, что такое прозвище можно считать устойчивым (у Мегакла, похоже, были и устойчивые, о которых см. ниже).

Мегакл – $\nu\acute{\epsilon}\alpha\kappa\ \kappa\acute{o}\mu\eta$, $\nu\acute{\epsilon}\alpha\varsigma\ \kappa\acute{o}\mu\eta\varsigma$, «с новыми волосами»⁴². Прозвище негативное (?), устойчивое (?).

Комментарий. Мегакл тут тот же, что и в предыдущем случае; а вот в связи с традиционной трактовкой прозвища (высказываемой, в частности, Ш. Бренне) нам хотелось бы поделиться сомнениями. По мнению Бренне⁴³, здесь «кандидат» на изгнание тоже обвиняется в разврате. Аргументы предлагаются следующие: из одного пассажа Аристофана (Ach. 849: $\text{Κρατῖνος ἀεὶ κεκαρμένος μοιχὸν μῆ μαχαίρα}$) можно сделать вывод, что прелюбодеев в Афинах остригали, следовательно, им часто приходилось ходить «с новыми волосами». Ход рассуждений, конечно, возможный, но отнюдь не обязательный. Нам представляется, что есть еще как минимум один вариант интерпретации, при этом нам опять же поможет текст комедиографа. Дело в том, что существительное $\kappa\acute{o}\mu\eta$ в греческом языке, помимо своего основного значения «волосы», нередко также употребляется в переносном смысле «гордость, высокомерие». Соответственно, глагол $\kappa\omicron\mu\acute{\alpha}\nu$ может означать не только «отращивать волосы», но также «гордиться, чваниться, иметь далеко идущие амбиции». Весьма характерен в этом отношении, например, пассаж Геродота о Килоне (V. 71), где говорится, что этот молодой аристократ после своей олимпийской победы $\acute{\epsilon}\pi\iota\ \tau\upsilon\rho\alpha\nu\nu\acute{\iota}\delta\iota\ \acute{\epsilon}\kappa\acute{o}\mu\eta\sigma\epsilon$, то есть возжаждал тиранической власти⁴⁴, а буквально – «отрастил волосы в отношении тирании». Механизм возникновения такого метафорического словоупотребления в целом понятен: отпрыски аристократических родов в знак своего знатного происхождения и для того, чтобы выделяться из массы сограждан, действительно отращивали длинные волосы (обычай, характерный, между прочим, для аристократов многих эпох и народов и имеющий, очевидно, архетипический характер). Не может ли и в надписи на остраконе $\kappa\acute{o}\mu\eta$ быть употреблено в том же значении? К образу Мегакла, несомненно, гордившегося своим знатным происхождением, участвовавшего в состязаниях колесниц на панэллинских играх (о связанных с ним «конных» эпитетах см. ниже) и, скорее всего, смотревшего на демос свысока, это вполне подходило бы.

Проиллюстрируем возможность нашей интерпретации примером из комедии. У комедиографа V в. до н.э. Гермиппа (Hermipp. fr. 58 Kock), в пьесе «Воины» применительно к какому-то войску говорится о $\kappa\acute{o}\mu\eta\ \tau\epsilon\ \nu\epsilon\alpha\nu\iota\kappa\eta\ \sigma\phi\acute{\rho}\iota\gamma\epsilon\iota\ \tau\epsilon\ \beta\rho\alpha\chi\acute{\iota}\omicron\nu\omega\nu$, то есть дословно о «юношеских волосах и мощи рук». Понятно, что в действительности здесь идет речь не о «юношеских волосах», а о юношеском пыле, юношеской гордыне. Представляется весьма вероятным, что Мегаклу приписываются те же самые черты. Кстати, если взять в расчет цитированный выше текст Геродота о Килоне, то не окажется ли, что автор (или авторы, таких черепков несколько) подобной инвективы на острака косвенно намекали на опас-

⁴² Brenne 2002, 115–116.

⁴³ Brenne 1994, 14. Ср.: Brenne 1992, 172, где тот же исследователь менее категоричен и признает, что толкования этих надписей могут быть различными.

⁴⁴ Это впервые заметили Ш. Бренне (Brenne 2002, 115) и мы (Суриков 2006, 375), независимо друг от друга.

ность Мегакла как потенциального тирана, человека, который ввиду своей νέα κόμη (молодой гордыни) может в конечном счете ἐπὶ τυραννίδι κομᾶν? В таком случае в нашем распоряжении будет первое эпиграфическое свидетельство, приводящее лицо, изгоняемое остракизмом, в связь с угрозой тирании. Исследователи отмечали, что до сих пор ни на одной приписке на остраконах «фактор тирании» не отразился⁴⁵, и удивлялись этому в свете того, что нарративная традиция считает данный фактор едва ли не самым важным для функционирования института остракизма. Не найдено ли «недостающее звено»? Подводя итог: данный, скорее негативный, эпитет, представляется нам, мог быть и устойчивым прозвищем надменного аристократа Мегакла.

Мегакл – φιλάργυρος, «корыстолюбец»⁴⁶. Прозвище негативное, ситуативное (?).

Комментарий. Мегакл – тот же самый. Почему ему вменено в вину корыстолюбие – неизвестно. Впечатления устойчивого прозвища у нас не возникает. Ср. соображения о взяточничестве, приведенные ниже, в связи с Меноном.

Мегакл – ἀλειτηρός, «оскверненный, проклятый»⁴⁷. Прозвище негативное, устойчивое (даже применительно не к этому конкретному индивиду, а ко всему его роду).

Комментарий. Не приходится сомневаться в том, что здесь имеется в виду «Килонова скверна», часто фигурирующая в источниках в связи с Алкмеонидами⁴⁸. Алкмеониды VII–V вв. весьма часто упоминаются античными авторами именно как «оскверненные»⁴⁹. Обратим внимание на то, что это же самое слово фигурирует в известнейшей эпиграмме⁵⁰ на остраконе против Ксантиппа (отца Перикла), близкого родственника Мегакла.

Мегакл – Κυλώνειος, «килоновец» (sic!)⁵¹. Прозвище негативное, ситуативное (?).

Комментарий. Здесь перед нами особенно интересный случай. Прапрадед данного Мегакла, тоже Мегакл⁵², в 636 г. до н.э., являясь архонтом-эпонимом⁵³, возглавил подавление мятежа Килона (из чего и возникла «Килонова скверна»). Он, конечно, не был «килоновцем» в смысле участника заговора Килона, он просто сыграл немаловажную роль в этой ситуации, что и сохранила в смутном виде память народная.

⁴⁵ Например: Schreiner 1970, 87; Siewert 1991, 6. На работу, указанную последней, обратим особое внимание. В ней П. Зиверт был предпринят первый в мировой историографии опыт анализ эпитетов политиков на остраконах (хотя он еще не рассматривал эти эпитеты как прозвища).

⁴⁶ Brenne 2002, 117.

⁴⁷ Brenne 2002, 104–105.

⁴⁸ Именно этому сюжету была посвящена наша кандидатская диссертация (Суриков 1994), он потом занял важное место и в нашей первой монографии (Суриков 2000в).

⁴⁹ По истории их родового проклятия существует достаточно обильная литература. В частности, с чисто событийной точки зрения и поныне представляет интерес серия статей: Williams 1951; Williams 1952a; Williams 1952b.

⁵⁰ Текст, перевод и указания на литературу об этой надписи (editio princeps – Raubitschek 1947) см. Суриков 2006, 73–74.

⁵¹ Brenne 2002, 103.

⁵² См. генеалогическое древо: Суриков 2000в, 249–250.

⁵³ Develin 2003, 30 (с датировкой 632 г. до н.э., но она неверна).

Мегакл – Ἴπποκράτους καὶ Κοισύρας⁵⁴, в традиционном понимании⁵⁵ – «сын Гиппократы и Кесеры», в нашем понимании – «сын Гиппократы и муж Кесеры» (доводы в пользу столь неожиданной интерпретации см. ниже, в комментарии). Есть на остраконах с именем Мегакла также просто слово Κοισύρας⁵⁶ (женское имя Кесира в родительном падеже). Прозвище негативное (?), устойчивое.

Комментарий. О том, какие афинянки из рода Алкмеонидов (или связанные с ним) носили имя Кесира, в свое время детально написал Т. Шир-старший⁵⁷. Согласно его выкладкам, таковых женщин было три, и выкладки эти поныне представляются нам безупречными, попытки произвести четвертую Кесиру, мать Мегакла, не производят на нас положительного впечатления. Кесирой звали не мать, а жену Мегакла, которая также являлась его двоюродной сестрой, дочерью «отца афинской демократии» Клисфена⁵⁸. Имя Кесеры отразилось в комедии, а именно у Аристофана: Aristoph. Ach. 614 – ὁ Κοισύρας (!); Aristoph. Nub. 48; Aristoph. Nub. 800 – Κοισύρας (!). Благодаря комедиографам (а может быть, и не только им) оно стало даже нарицательным в Афинах V в. до н.э., и от него был, в частности, образован неологизм ἐγκεκοισυρώμενος (participium perfecti passivi от глагола ἐγκοισυρόω, «окесирить») со значением «чванящийся родом и богатством, надменный, высокомерный»⁵⁹. Упоминание Кесеры в связи с Мегаклом не только на остраконах 480-х гг. до н.э., но также и в аристофановских драмах более полувека спустя является твердым залогом устойчивого, а не ситуативного характера прозвища.

Мегакл – ἄπολις (?), «лишенный города, лишенный полиса, изгой». Прозвище негативное, ситуативное.

Комментарий. Здесь перед нами непростой случай. Сохранившееся на остраконе]Λι мы вслед за А. Раубичеком⁶⁰ трактуем⁶¹ как остаток вокатива ἄπολι от прилагательного ἄπολις (есть иные варианты восстановления, но они представляются менее вероятными). Мегакл мог получить подобную (чисто ситуативную) кличку именно в связи с тем, что стал жертвой остракизма. Характерно, кстати, что ἄπολις, а не ἄτιμος («лишенный гражданских прав»). Как известно, остракизм не предусматривал атимии; подвергшееся ему лицо гражданство не лишалось, а вот полиса именно лишалось – временно, до окончания срока изгнания.

Мегакл – ἵπποτροφός, «содержащий коней»⁶². Прозвище нейтральное, устойчивое.

Комментарий. Многие представители рода Алкмеонидов отличались своими победами на славных спортивных играх в состязаниях колесниц – и этот Мегакл

⁵⁴ Brenne 2002, 108.

⁵⁵ Например: Lavelle 1989.

⁵⁶ Brenne 2002, 109.

⁵⁷ Shear 1963.

⁵⁸ У Клисфена не было сыновей, только дочери (Cic. De leg. II. 41). Он поэтому сталкивался с проблемой наследования (ср. Cromeu 1979) и был вынужден отдать дочь за близкого родственника (что, впрочем, и в целом соответствовало афинской аристократической норме близкородственных браков, близких к инцестуальным: Сох 1989; в историческом контексте см. также Lape 2002/2003).

⁵⁹ Суриков 1995, 49.

⁶⁰ Raubitschek 1994.

⁶¹ Суриков 2003.

⁶² Brenne 2002, 112.

(пифийский победитель 486 г. до н.э.⁶³), и его сын, тоже Мегакл (олимпийский победитель 436 г. до н.э.⁶⁴). Этот мотив мастерски обыгрывается в начале «Облаков» Аристофана. Не приходится сомневаться в том, что очень многие сограждане в быту называли Мегакла «гиппотрофом», даже не вкладывая в данный эпитет какого-либо негативного смысла⁶⁵.

Мегакл – ἵππότης, «конник»⁶⁶. Прозвище нейтральное, устойчивое.

Комментарий. Тут можно сказать всё то же, что относится к предыдущему эпитету, а также заметить, что в данном случае перед нами гомеровская по истокам лексема. Каждый знает, что у Гомера Нестор, царь Пилоса, постоянно фигурирует как «конник геренский». Существует, кстати, мнение, что это гомеровское ἵππότης, равно как и микенское e-qe-ta, следует связывать не с ἵππος, а с ἔπομα⁶⁷, т.е. под термином следует понимать не столько кавалериста, сколько придворного по отношению к «главному» царю (если внимательно вчитаться в «Илиаду», можно заметить, что именно такую позицию занимает Нестор по отношению к Агамемнону). Однако, независимо от степени вероятности этой гипотезы, нет сомнения, что Гомером и в послегомеровское время эпитет ἵππότης (эпический вариант⁶⁸ аттического ἵππότης) однозначно воспринимался как «конник».

Менон – ἐκ προδοτῶν, «из предателей, из изменников»⁶⁹. Прозвище негативное, устойчивое (?).

Комментарий. Менон, сын Менеклида, из дема Гаргетт – личность не вполне обычная. Он был знатным фессалийцем, другом Кимона и по протекции последнего получил афинское гражданство. Таким образом, перед нами – один из буквально единичных для V в. до н.э. случаев, когда не коренной, а натурализованный афинянин притом играл довольно видную политическую роль. Менон даже однажды занял номинально высший в полисе пост архонта-эпонима⁷⁰. Количество остраконов против него весьма изрядно – как минимум 608 (да, видимо, стоит отнести к тому же лицу еще несколько десятков, на которых упомянут Менон без патронимика и демотика либо с ошибочными патронимиком или демотиком). Обратим внимание на то, что Менон в данной надписи – не «предатель», а именно «из предателей», что, как нам кажется, может с некоторой долей вероятности указывать на устойчивый, а не ситуативный характер прозвища. Происхождение же его с наибольшей степенью уверенности следует связывать именно с фессалийским происхождением данного политика. Фессалийцы в глазах афинян все были предателями после того, как в ходе экспедиции Ксеркса Фессалия добровольно, без каких-либо попыток сопротивления перешла на персидскую сторону.

⁶³ Этой победе посвящена VII Пифийская ода Пиндара.

⁶⁴ Moretti 1957, 105.

⁶⁵ На одном из черепков, направленных против Мегакла, сына Гиппократы, присутствует изображение всадника – вполне понятный сюжет, если учесть вышеупомянутую гиппотрофию, практиковавшуюся Мегаклом.

⁶⁶ Brenne 2002, 112.

⁶⁷ Webster 1962, 457.

⁶⁸ Об эпическом диалекте древнегреческого языка в его связи с историческими диалектами см. Hackstein 2010.

⁶⁹ Brenne 2002, 120 (Ш. Бренне предлагает иное восстановление этой фрагментарно сохранившейся надписи, но нам оно кажется менее вероятным). Об остраконах с именем Менона см. также: Peek 1941, 71; Raubitschek 1955; Helly 1994.

⁷⁰ Develin 2003, 69 (473/472 г. до н.э.).

Менон – ἀφελής, «простой, неизысканный», ἀφελῶν βασιλεύς, «царь простых»⁷¹. Прозвище негативное (?), устойчивое (?).

Комментарий. Это тот же самый Менон, а вот почему он здесь удостоивается такого эпитета – трудно сказать. Возможно, пришелец из периферийной Фессалии воспринимался несколько «неотесанным» на фоне рафинированной афинской элиты. Прозвище ἀφελής повторяется на остраконах немалое количество раз, что позволяет признать его скорее устойчивым.

Менон – δωροδοκῶτατος, «взяточник из взяточников»⁷². Прозвище негативное, ситуативное (?).

Комментарий. Наши выдающиеся антиковеды Л.П. Маринович и Г.А. Кошеленко однажды вынесли такой вердикт: «Возможно, склонность руководителей демократического государства к коррупции является чертой, имманентно присущей этому строю»⁷³. Суждение представляется вполне взвешенным⁷⁴. Взятку древние греки называли просто «даром», δῶρον. Тем не менее, конечно, получение таких «даров» официальными лицами никогда и никем не приветствовалось, а Менон, как отмечалось выше, был в своей жизни и официальным лицом в Афинах (архонтом-эпонимом)⁷⁵. Прозвище не производит впечатления устойчивого.

Фемистокл – καταπύγων⁷⁶, обценный эпитет⁷⁷, который филологи-классики, люди целомудренно-стыдливые, обычно переводят эвфемистически, например, как «развратный»⁷⁸ или “given to unnatural lust”⁷⁹. Если же называть вещи своими именами, так определяли лиц, приверженных к пассивному гомосексуализму, что считалось приемлемым для мальчиков и подростков, но совершенно недопустимым для взрослых мужчин⁸⁰. Прозвище негативное, ситуативное (?).

Комментарий. Личность Фемистокла, сына Неокла, из дема Фреарры – одного из виднейших политических деятелей классической Греции – в разъяснениях не нуждается. Фемистокл был изгнан остракизмом в 470 г. до н.э.⁸¹, но являлся одним из главных «кандидатов» уже и на первых остракофориях (480-е гг. до н.э.), количество остраконов с его именем очень велико (2238). Из письменных источников неизвестно, чтобы Фемистокл имел какое-либо устойчивое прозвище (каковым, например, было «Справедливый» для его важнейшего соперника Аристида);

⁷¹ Brenne 2002, 124–126.

⁷² Brenne 2002, 123.

⁷³ Маринович, Кошеленко 1996, 330.

⁷⁴ О взяточничестве и коррупции в демократических греческих полисах см. также: Harvey 1985; Kulesza 1995; Taylor 2001; Lenfant 2016

⁷⁵ Традиционно считается, что архонты в V в. до н.э. лишь номинально возглавляли государство. В целом это верно (подробнее см.: Суриков 2012), но тем не менее члены коллегии архонтов все-таки могли оказывать серьезное влияние на ситуацию, в частности, пользуясь тем, что они возглавляли судебные коллегии и проводили предпроцессуальные слушания дел (в VI речи Антифонта, например, архонт-басилей отклонил по формальным причинам поданный ему иск, о контексте ситуации см. Суриков 2014).

⁷⁶ Brenne 2002, 132.

⁷⁷ О нем см.: Milne, Bothmer 1953. Подробнее об обценной лексике в Афинах V в. до н.э. (в том числе и об этой лексеме) см. Henderson 1991.

⁷⁸ Вейсман 1991, 680.

⁷⁹ Liddell, Scott, Jones, McKenzie 1996, 907.

⁸⁰ Cantarella 1989, 157.

⁸¹ К хронологическим проблемам события см. Суриков 2006, 137–138 (со ссылками на предшествующую литературу вопроса).

по нашему мнению, нет серьезных оснований считать таковым и *καταπύγων* – уж очень грубо-оскорбительно это слово. Здесь перед нами, скорее всего, ситуативное прозвище, на грани банального ругательства.

Фемистокл – *ΥΠΕΓΑΙΟΣ ἄγος*⁸². Второе слово означает «скверна, проклятие, а первое – в той его форме, как оно зафиксировано на остраконе, – не дает удовлетворительного смысла. Перед нами – либо гапакс, либо, вероятнее, какая-то ошибка писавшего. Если понимать слово как искажение прилагательного *ὑπόγειος* «подземный», то выйдет вроде бы, что Фемистокл назван «подземным проклятием»⁸³. Смущает, однако, то, что тогда получится грамматическая несогласованность: прилагательное имеет окончание -ος, а существительное *ἄγος* – среднего рода. Трудно поверить, что кто-то из граждан был до такой степени безграмотным. Мы поэтому склоняемся к мнению⁸⁴ о том, что здесь искажение иного рода и выражение следует понимать как *ὑπέγγυος ἄγους* – «подлежащий проклятию». Прозвище негативное, ситуативное (?).

Комментарий. После сказанного в предыдущем абзаце, в общем-то, комментировать уже почти и нечего. Отметим только: не похоже, что перед нами устойчивое прозвище. Тем более что обычно скверну, проклятие (*ἄγος*) в Афинах VII–V вв. до н.э. связывали с родом Алкмеонидов («Килонова скверна»)⁸⁵, а не с родом Ликомидов, к которому принадлежал Фемистокл. Напротив того, Мирон из рода Ликомидов ранее на суде обвинял Алкмеонидов в оскверненности (Arist. Ath. pol. 1). Впрочем, за давностью лет многие афиняне к эпохе остракизмов явно порядком подзабыли, кто играл какую роль в деле Килона; назвали же Алкмеонида Мегакла на остраконе *Κυλώνειος*, как мы видели выше.

* * *

Подведем итоги осуществленному систематизированному анализу прозвищ афинских политических деятелей, фигурирующих на остраконах. Результаты, в общем-то, предсказуемы. Во-первых, чем больше известно остраконов с именем данного лица, тем, как правило, выявляется больше и прозвищ этого лица. Так, «абсолютным рекордсменом» по остраконам, как отмечалось выше, является Мегакл; и именно его прозвищам пришлось уделить особенно много места. Во-вторых, негативные прозвища отчетливо доминируют над нейтральными. А вот удастся ли обнаружить аналогичное преобладание ситуативных прозвищ над устойчивыми – тут у нас такого же однозначного суждения нет, прежде всего из-за того, что многие случаи неясны (что мы и отмечали знаком вопроса).

Эпоха демагогов. Первым демагогом в афинской политической жизни должен быть признан все-таки Перикл; его методы борьбы с соперниками (особенно на первом этапе его политической карьеры, когда он стремился вырвать первенство у Кимона) были, в сущности, теми же, какими пользовались потом его преемники, знаменитые демагоги последней трети V в. до н.э. (Клеон и прочие)⁸⁶.

⁸² Brenne 2002, 131.

⁸³ Ср. Berti 1999, 99.

⁸⁴ Hornblower 1992, 203.

⁸⁵ Об этом роде и его «скверне» см. наиболее подробно в нашей монографии: Суриков 2000в.

⁸⁶ Ср. Hornblower 1992, 346.

У Перикла, как знают все, имелось одно в высшей степени позитивное и в высшей степени устойчивое прозвище – «Олимпиец» (Ὀλύμπιος), причем подразумевалось тут не что иное, как то, что Перикл подобен Зевсу (для этого последнего эпikleза Ὀλύμπιος была одной из главных, начиная с времен Гомера). Данное прозвище стало уж настолько устойчивым, что пережило античность: сплошь и рядом Перикла именуют Олимпийцем даже и в современных работах⁸⁷.

Главный источниковый пассаж, имеющий отношение к прозвищу Перикла «Олимпиец», содержится у Плутарха (Plut. Pericl. 8): «...Он (Перикл – И.С.) далеко превзошел всех ораторов. По этой причине, говорят, ему и было дано его известное прозвище (τὴν ἐπίκλησιν). Впрочем, некоторые думают, что он был прозван “Олимпийцем” (Ὀλύμπιον... προσαγορευθῆναι) за те сооружения, которыми украсил город, другие – что за его успехи в государственной деятельности и в командовании войском; и нет ничего невероятного, что его славе способствовало сочетание многих качеств, ему присущих. Однако из комедий того времени⁸⁸, авторы которых часто поминают его имя как серьезно, так и со смехом, видно, что это прозвище (προσωυμία) было дано ему главным образом за его дар слова; как они говорят, он гремел и метал молнии (βροντᾶν... καὶ ἀστράπτειν), когда говорил перед народом, и носил страшный перун (δεινὸν δὲ κεραυνόν) на языке». Громы, молнии, «перуны» (пучки молний или, возможно, шаровые молнии) были неизменно атрибутом опять же Зевса.

Хотя Перикла ни разу не называет «Олимпийцем» Перикл, питавший особенно почтение к этому государственному деятелю⁸⁹, всё же не приходится сомневаться в том, что Плутарх не выдумал нам прозвище, а действительно донес до нас сведения о реальном, причем первичном, то есть появившемся уже при жизни рассматриваемого исторического персонажа. Дело в том, что на основании этого устойчивого прозвища Перикла (прозвища, апеллировавшего, повторим и подчеркнем, к Зевсу) авторами древней аттической комедии был создан для него ряд ситуативных, пародирующих исходное, и притом, в отличие от него, отнюдь не позитивных, а, напротив, негативных, в основном осмеивающих такой недостаток его внешности, каким была несоразмерно вытянутая голова великого афинянина.

Комедиографы поэтому постоянно подшучивали над головой Перикла (дальнейшие выражения даются по: Plut. Pericl. 3), называя его «головастым Зевсом» (Ζεὺς κεφαῖός)⁹⁰, «лукоголовым Зевсом» (σχίνοκέφαλος Ζεὺς), «собирателем голов» (κεφαληγερέτα – аллюзия на гомеровское νεφεληγερέτα, «собиратель туч»), «главой (κεφάλαιον) подземных царств» (здесь опять же игра слов, опирающаяся на имеющую место в греческом языке, как и в русском, семантическую и этимологическую близость слов «голова» и «глава»). Приведенные выражения

⁸⁷ В том числе и в заголовки их вводят подобный эпитет, например: Raaflaub 2000.

⁸⁸ Наиболее фундаментальной работой об образе Перикла в древней аттической комедии и поныне остается Schwarze 1971. Менее впечатляет другое исследование (Vickers 1997), в котором не столь обширен охват свидетельств источников.

⁸⁹ Об отношении Фукидида к Периклу см. наиболее подробно: Will 2003.

⁹⁰ Строго говоря, в этой строчке Кратина – Ζεὺς ξένιος καὶ κεφαῖός (в вокативе), «Зевс, милостивый к иностранцам, и головастый», т.е. тут к контексту привязан еще и распространеннейшая эпikleза Зевса «Ксений» – «покровитель иноземцев». Перикл так тут назван, понятно, потому, что постоянно общался с интеллектуалами-метэками (о символическом характере подобного поведении см. Humphreys 1983, 24), и тут перед нами, самое большее, ситуативное прозвище.

– все, кроме последнего, из драм Кратина, одного из древнейших аттических комедиографов и заведомо современника Перикла (когда Аристофан только-только начинал заниматься ремеслом комедиографа, Кратин был уже стариком, завершившим свою сценическую карьеру⁹¹), а последнее – из Евполида, который был положе, но родился тоже в Перикловы времена.

Порой выходило действительно забавно, как, например, у комика той же эпохи Телеклида, писавшего, что Перикл «то сидит в городе в недоумении от множества дел, с тяжелой головой, то один из головы своей огромной поднимает страшный шум». Впрочем, как бы то ни было, все эти ситуативные прозвища за Периклом как-то не закрепились, и в памяти потомков он остался прежде всего Олимпийцем.

Совсем иная судьба, если брать тот же план прозвищ, ждала представителей уже следующего поколения афинских лидеров – так называемых «новых политиков»⁹². Применительно к ним впервые появились «профессиональные» прозвища, причем, похоже, в качестве устойчивых, а не ситуативных.

Если взять «протагониста» всей этой группы, Клеона, то мало кому не известно, что его называли «кожевником» ($\beta\upsilon\rho\sigma\tau\omicron\pi\acute{\omega}\lambda\eta\varsigma$ – Schol. Aristoph. Equ. 369a; Suid. s.v. $\pi\rho\omicron\beta\alpha\tau\omicron\pi\acute{\omega}\lambda\eta\varsigma$), хотя вряд ли этот богатый и в целом изнеженный человек за всю жизнь выдубил своими руками хоть одну кожу. Этим занимались работники в принадлежавшей ему мастерской, а сам он всецело посвятил себя политической карьере. Но уже во «Всадниках» Аристофана, этой «антиклеоновской» комедии, где знаменитый демагог представлен в виде раба-пафлагонянина, постоянно издевательским образом употребляются слова с корнем $\beta\upsilon\rho\sigma\tau$ -. Схожим образом Клеофонт⁹³, один из преемников Клеона, фактически возглавлявший Афины в последние годы Пелопоннесской войны, уже в «Афинской политике» Аристотеля фигурирует как $\lambda\upsilon\rho\sigma\tau\omicron\iota\omicron\varsigma$ – «лирщик» (именно «лирщик», а не «лирник», не игрок на лире, а лирный мастер, т.е. в данном случае владелец мастерской, изготавливавшей музыкальные инструменты). Их менее удачливый «коллега», демагог Гипербол, вынужденный покинуть Афины в результате остракизма, обозначается у Аристофана эпитетом $\lambda\upsilon\chi\nu\sigma\tau\omicron\iota\omicron\varsigma$, «ламповщик, производитель светильников»⁹⁴. Второстепенный представитель того же поколения демагогов Лисикл упоминается в источниках с эпитетом аналогичного ряда – «скототорговец» ($\pi\rho\omicron\beta\alpha\tau\omicron\kappa\acute{\alpha}\tau\eta\lambda\omicron\varsigma$ – Plut. Pericl. 32; $\pi\rho\omicron\beta\alpha\tau\omicron\pi\acute{\omega}\lambda\eta\varsigma$ – Suid. s.v.).

О том, что перед нами именно устойчивые прозвища, свидетельствует вот какой неопровержимый довод: у того же Аристофана они подчас употребляются *вместо* соответствующих имен, то есть он говорит, допустим, не «Клеон», а «кожевник» – и, следовательно, исходит из того, что аудитория без проблем поймет, о ком идет речь. Вообще говоря, комедия являлась почти неистощимым источником

⁹¹ О подобных выражениях применительно к Периклу в комедиях Кратина см., например: Rusten 2013.

⁹² Настолько удачным оказалось это выражение У.Р. Коннора (Connor 1971), что с тех пор им по отношению к политическим деятелям послеперикловского периода пользуются буквально все исследователи.

⁹³ О котором см. Vanderpool 1952.

⁹⁴ Карпюк 1998, 146.

изобретения обидных кличек для политиков⁹⁵; какие-то из них быстро забывались, но какие-то приживались и как бы «прилипали» к этим персонажам.

Парадоксальным образом к «профессиональным» прозвищам мы отнесли бы и то, которое получил еще один демагог, Гераклид Клазоменский. Аристотель в «Афинской политике» указывает, что он имел прозвище «Царь» (ὁ βασιλεύς ἐπικαλούμενος, Arist. Ath. pol. 41. 3). На первый взгляд весьма позитивное прозвище, но его появление связано отнюдь не с тем, что в Гераклиде было что-то царственное, а с совершенно другими обстоятельствами, как мы сейчас увидим.

Вопрос о Гераклиде Клазоменском достаточно детально разобран Э.В. Рунгом в контексте греко-персидских отношений⁹⁶; на его выкладки мы и опираемся. Вырисовывается следующая ситуация. Уроженец ионийских Клазомен, разумеется, не мог быть исконным афинским гражданином, а, значит, принадлежал к числу натурализованных. Когда Афины во второй половине 420-х гг. до н.э. заключали т.н. Эпиликов мирный договор с новым персидским царем Дарием II, только что вступившим на престол, Гераклид оказал ездившим в Персию послам афинянам какие-то, видимо, важные услуги. Во всяком случае, он буквально сразу же получил в Афинах проксению, а через какое-то время – и гражданство. Датировать сколько-нибудь точно этот последний факт вряд ли представляется возможным, но, во всяком случае, известно, что как гражданин Гераклид стал достаточно видным политиком, избирался стратегом (Plat. Ion 544c), а по своим воззрениям и действиям самым очевидным образом представлял радикальных демагогов; так, по его инициативе была увеличена плата за посещение народных собраний (Arist. Ath. pol. 41. 3). Это произошло на рубеже V–IV вв. до н.э., и, стало быть, к тому времени интересующий нас деятель гражданством уже располагал.

Гераклида, вне сомнения, следует назвать дипломатом (и, судя по всему, одним из видных в свою эпоху); что же касается его прозвища «Царь», то оно, как видно из вышесказанного, оказалось порождено именно его профессиональной дипломатической деятельностью как «эксперта» по ахеменидским делам, по взаимоотношениям с персидским *царем* (иными словами, тут перед нами проявление принципа не метафоры, а метонимии). Таким образом, тут перед нами скорее не хвалебное, а нейтральное, чисто идентифицирующее прозвище, не лишнее, помимо прочего, и по той причине, что имя Гераклид принадлежало к самым распространенным в Греции, и, соответственно, многие его носители упоминаются источниками с уточняющими эпитетами (как Гераклид Понтийский, Гераклид Лемб, Гераклид Критик и др.).

Дипломатической деятельностью занимался в ту же эпоху и Каллий, сын Гиппоника, из рода Кериков⁹⁷ (в литературе его обычно называют Каллием III⁹⁸, чтобы отличать от тезок из той же семьи); а вот демагогом его назвать трудно, поскольку он принадлежал к самой верхушке аристократии. Впрочем, здесь мы говорим о нем вообще не в связи с политикой. Похоже, Каллий все-таки имел устойчивое прозвище «Богатый» (πλούσιος). Аллюзии на это есть у античных

⁹⁵ Storey 1998; Stark 2002.

⁹⁶ Рунг 2000, 87–88.

⁹⁷ Суриков 2000б, 108–109.

⁹⁸ Например: Nails 2002, 68–74. Отметим, кстати, что очерк об этом Каллии в просопографическом труде Д. Нейлс является одним из наиболее информативных.

авторов. Так, у Ксенофонта (Xen. Symp. 4. 37) данный эпитет приложен к Каллию даже в превосходной степени – πλουσιώτατος, «богатейший».

Мы не думаем, чтобы здесь содержался какой-либо негативный оттенок. «Богатый» у античных греков, в общем-то, не было ругательным словом. Еще Ф.Ф. Зелинский справедливо заметил, что от древнегреческого богатства «веет свежим запахом земли», а не «затхлой атмосферой капитализма»⁹⁹. Перед нами опять же средство идентификации, поскольку в Афинах той же эпохи были и другие Каллии¹⁰⁰. Огромное состояние Каллия III было наследственным, и он, попутно заметим, не сохранил его, к концу жизни почти разорившись. «Каллий, Гиппоников сын, в ближайшее время по смерти отца считался самым богатым человеком в Элладе, и, говорят, дед оценил свое состояние в двести талантов, а теперь его имущество не ценится в два таланта» (Lys. XIX. 48).

Мы переместились с хронологической точки зрения уже в период поздней классики. И для него, приходится констатировать, данные по прозвищам политиков весьма скудны. Фокион, видный полководец и политический деятель Афин IV в. до н.э.¹⁰¹, охарактеризован римским биографом Корнелием Непотом так: «Добродетель его широко известна, и по ней получил он прозвище Честного» (Corn. Nep. Phoc. 1). «Честного» – так в переводе Н.Н. Трухиной, которым мы здесь пользуемся, а в латинском оригинале стоит Bonus (соответственно, по-гречески было Ἀγαθός). Может быть, «честный» – и не идеальная передача подобного эпитета, но, согласимся, ведь и трудно подобрать еще более подходящий вариант. «Хороший», «добрый»? Всё это тоже не вполне то. Указанные древнегреческая и римская лексема обозначают человека достойного во всех отношениях, наделенного не какой-то одной или несколькими из признававшихся базовыми добродетелей, а всем их комплексом. То же качество еще более обостренно передавалось понятием καλὸς καὶ ἀγαθός. Характерно, что у Плутарха именно так называет Фокиона не кто иной, как Александр Македонский (Plut. Phoc. 18)¹⁰². Таким образом, перед нами однозначно позитивное прозвище (прямо-таки как у Аристида в предыдущем столетии), но не будем забывать, что оно, естественно, использовалось политическими сторонниками Фокиона, однако вряд ли его противниками, которых было немало.

Что касается устойчивого прозвища «Фалерский» (ὁ Φαληρεὺς) у видного государственного деятеля и философа конца IV в., то тут спорить долго не приходится. Перед нами явно нейтральное, идентифицирующее прозвище, и никак иначе. Личное имя Деметрий тоже ведь являлось чрезвычайно частым. Об этом мы писали во второй статье данного цикла.

Общие итоги. На протяжении четырех статей нами было проанализировано вроде бы немалое количество материала. А в то же время результаты, кажется, трудно назвать впечатляющими, изобильными. Не то чтобы их совсем нет, но велик контраст с тем потоком данных, который наблюдается для эллинистического мира.

⁹⁹ Зелинский 1916, 58.

¹⁰⁰ Например, Каллий, сын Каллиада, тоже дипломат (Суриков 2000б, 108).

¹⁰¹ См. его яркую характеристику: Хабихт 1999, 17–18.

¹⁰² В связи с плутарховой биографией Фокиона см. Lamberton 2003.

Особенно бросается в глаза малое количество «позитива». У эллинистических правителей *официальные* прозвища были обязательно позитивными («Спаситель», «Бог», «Благодетель» и т.п.), хотя в качестве *неофициальных* прозвищ могли появляться и оскорбительные¹⁰³, но нормой это все-таки не было. А для классических Афин был совершенно неизбежен такой жанр, как аттическая комедия, – жанр, который в качестве своей интегральной предпосылки предполагал осмеяние «всего и вся»¹⁰⁴. Отсюда – масса ситуативных негативных прозвищ. Впрочем, какие-то из них (видимо, воспринимавшиеся как наиболее удачные) могли перерасти из ситуативных в устойчивые.

В целом у греков доэллинистического времени прозвища были, как нам представляется, недостаточно распространены (особенно если говорить о политиках, а с деятелями культуры дело обстоит несколько иначе). Причины подобного положения дел еще предстоит осмыслить. Возможно, играло какую-то роль то обстоятельство, что в эпоху эллинизма во всех отношениях расширились рамки греческого мира, а одновременно и интенсифицировались контакты между государствами. Ономастический же фонд греков оставался практически прежним, достаточно ограниченным, и для идентификации лиц традиционных имен подчас уже не хватало; соответственно, прозвищ стало больше.

ЛИТЕРАТУРА

- Вейсман, А.Д. 1991: *Греческо-русский словарь: Репринт V-го издания 1899 г.* М.
- Видадь-Накэ, П. 2001: *Черный охотник: Формы мышления и формы общества в греческом мире.* М.
- Габелко, О.Л. 2014: Антигон Монофталм и Антигон Фуск: к интерпретации двух прозвищ эллинистических монархов. *Antiquitas aeterna* 4, 119–130.
- Зелинский, Ф.Ф. 1916: *Из жизни идей: Научно-популярные статьи. Т. 1. 3 изд.* Пг.
- Карпюк, С.Г. 1998: Гипербол, «человек негодный» // *Вестник древней истории* 4 (227), 142–156.
- Маринович, Л.П., Кошеленко, Г.А. 1996: Уроки античной демократии. В кн.: Л.П. Маринович, Г.А. Кошеленко (ред.), *Античная демократия в свидетельствах современников.* М., 319–330.
- Рунг, Э.В. 2000: Эпиликов мирный договор. *Вестник древней истории* 3 (234), 85–96.
- Рунг, Э.В. 2009: *Греко-персидские отношения: политика, идеология, пропаганда.* Казань.
- Суриков, И.Е. 1994: *Килонова скверна в истории Афин VII–V вв. до н.э. дис. ... канд. ист. наук.* М.
- Суриков, И.Е. 1995: Женщины в политической жизни позднеархаических и раннеклассических Афин. В кн.: Е.С. Голубцова (ред.), *Античный мир и его судьбы в последующие века.* М., 43–52.
- Суриков, И.Е. 2000а: Ксантипп, отец Перикла: Штрихи к политической биографии. *Проблемы истории, филологии, культуры* 8, 100–109.
- Суриков, И.Е. 2000б: Два очерка об афинской внешней политике классической эпохи. В кн.: О.Л. Габелко (отв. ред.), *Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Ч. 1.* Казань, 95–112.

¹⁰³ См. пример: Габелко 2014.

¹⁰⁴ Ср. интереснейшую теорию происхождения комедии, выдвинутую видным представителем кембриджской «ритуалистской школы»: Cornford 1934.

- Суриков, И.Е. 2000в: *Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох*. М.
- Суриков, И.Е. 2003: Остракон Мегакла, Алкмеониды и Эретрия (Эпиграфическое свидетельство о внешних связях афинской аристократии). *Вестник древней истории* 2 (245), 16–25.
- Суриков, И.Е. 2004: Острака и афинская просопография. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия История*. 1 (3), 51–65.
- Суриков, И.Е. 2005а: ΔΗΜΟΤΕΥΤΑΙ: Политическая элита аттических демов в период ранней классики (К постановке проблемы). *Вестник древней истории* 1 (252), 15–33.
- Суриков, И.Е. 2005б: *Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика*. М.
- Суриков, И.Е. 2006: *Остракизм в Афинах*. М.
- Суриков, И.Е. 2008: *Античная Греция: политики в контексте эпохи. Время расцвета демократии*. М.
- Суриков, И.Е. 2009: Новые наблюдения в связи с ономастико-просопографическим материалом афинских остраконов. *Вопросы эпиграфики* 3, 102–127.
- Суриков, И.Е. 2012: Архонтат в Афинах: от истоков института до утраты им политического значения. *Вестник древней истории* 2 (281), 29–54.
- Суриков, И.Е. 2014: Речи Антифонта как источник сведений об уголовном праве Афин классической эпохи. *Древнее право* 1 (29), 10–35.
- Суриков, И.Е. 2017а: Прозвища у греков архаической и классической эпох. I. Предварительные соображения общетеоретического характера. *Проблемы истории, филологии, культуры* 1 (55), 19–34.
- Суриков, И.Е. 2017б: Прозвища у греков архаической и классической эпох. II. У истоков феномена. *Проблемы истории, филологии, культуры* 3 (57), 5–26.
- Суриков, И.Е. 2017в: Волки и львы в античных греческих представлениях: Гомер, Солон и «История животных» Аристотеля. *История и современность* 1 (25), 131–150.
- Суриков, И.Е. 2018: Прозвища у греков архаической и классической эпох. III. Прозвища политиков: архаика и ранняя классика. *Проблемы истории, филологии, культуры* 1 (59), 89–113.
- Туманс, Х.Р. 2011: «Львы» и «волки» у Гомера: заметки к эпической «табели о рангах». *Аристей* 4, 27–51.
- Хабихт, Х. 1999: *Афины. История города в эллинистическую эпоху*. М.
- Adak, M. 2003: *Metöken als Wohltäter Athens: Untersuchungen zum sozialen Austausch zwischen ortsansässigen Fremden und der Bürgergemeinde in klassischer und hellenistischer Zeit (ca. 500–150 v. Chr.)*. München.
- Berti, M. 1999: Note storiche e prosopografiche agli ostraka di Μυρωνίδης Φλυεύς dal Kerameikós di Atene. *Minima epigraphica et papyrologica* 2, 77–109.
- Bicknell, P.J. 1974: Athenian Politics and Genealogy: Some Pendants. *Historia* 23, 2, 146–163.
- Bicknell, P.J. 1975: Was Megakles Hippokratous Alopekethen Ostracized Twice? *L'Antiquité classique* 44, 1, 172–175.
- Bicknell, P.J. 1986: Agasias the Donkey. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 62, 183–184.
- Brenne, S. 1992: “Portraits” auf Ostraka. *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung* 107, 161–185.
- Brenne, S. 1994: Ostraka and the Process of Ostrakophoria. In: W.D.E. Coulson, O. Palagia, T.L. Shear, H.A. Shapiro (eds.), *The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy*. Oxf., 13–24.
- Brenne, S. 2001: *Ostrakismos und Prominenz in Athen: Attische Bürger des 5. Jhs. v.Chr. auf den Ostraka*. Wien.

- Brenne, S. 2002: Die Ostraka (487 – ca. 416 v. Chr.) als Testimonien. In: P. Siewert (Hg.), *Ostrakismos-Testimonien I: Die Zeugnisse antiker Autoren, der Inschriften und Ostraka über das athenische Scherbengericht aus vorhellenistischer Zeit (487–322 v. Chr.)*. Stuttgart, 36–166.
- Cantarella, E. 1989: L'omosessualità nel diritto ateniese. In: G. Thür (Hg.), *Symposion 1985: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte*. Köln, 153–175.
- Cantarella, E. 1991: Moicheia. Reconsidering a Problem. In: M. Gagarin (Hg.), *Symposion 1990: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte*. Köln, 289–296.
- Cohen, E.E. 2000: *The Athenian Nation*. Princeton.
- Connor, W.R. 1971: *The New Politicians of Fifth-Century Athens*. Princeton.
- Cook, R.M. 1989: The Francis – Vickers Chronology. *Journal of Hellenic Studies* 109, 164–170.
- Cornford, F.M. 1934: *The Origin of Attic Comedy*. 2nd ed. Cambridge.
- Cox, C.A. 1989: Incest, Inheritance and the Political Forum in Fifth-Century Athens. *Classical Journal* 85, 1, 34–46.
- Cromeey, R.D. 1979: Kleisthenes' Fate. *Historia* 28, 2, 129–147.
- Culasso Gastaldi, E. 1997: Il doppio ostracismo di Megakles Hippokratous. *Rendiconti dell'Accademia nazionale dei Lincei. Classe di scienze morali, storiche e filologiche* 8, 2, 253–271.
- Degani, E. 1991: Aristofane e la tradizione dell'invettiva personale in Grecia. *Entretiens sur l'antiquité classique* 38, 1–49.
- Develin, R. 2003: *Athenian Officials 684–321 B.C.* Cambridge.
- Francis, E.D. 1990: *Image and Idea in Fifth-Century Greece: Art and Literature after the Persian Wars*. L. – N.Y.
- Francis, E.D., Vickers, M. 1982: Kaloi, Ostraka and the Wells of Athens. *American Journal of Archaeology* 86, 2, 264.
- Hackstein, O. 2010: The Greek of Epic. In: E.J. Bakker (ed.), *A Companion to the Ancient Greek Language*. Oxf., 401–423.
- Harvey, F.D. 1984: The Conspiracy of Agasias and Aischines (Plutarch, Aristeides 13). *Klio* 66, 1, 58–73.
- Harvey, F.D. 1985: Dona Ferentes: Some Aspects of Bribery in Greek Politics. In: P.A. Cartledge, F.D. Harvey (eds.), *Crux. Essays in Greek History Presented to G.E.M. de Ste. Croix on his 75th Birthday*. Exeter, 76–117.
- Helly, B. 1994: La glose d'Hésychius Μενωνίδαι: pénestes thessaliens ou ostracisés athéniens? *Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes* 68, 1/2, 135–146.
- Henderson, J. 1991: *The Maculate Muse: Obscene Language in Attic Comedy*. 2 ed. Oxf.
- Hornblower, S. 1992: *A Commentary on Thucydides. Vol. I*. Oxf.
- Humphreys, S.C. 1983: *The Family, Women and Death: Comparative Studies*. L.
- Jones, G.S. 2016: Observing Genre in Archaic Greek *Skolia* and Vase-Painting. In: V. Gazzato, A. Lardinois (eds.), *The Look of Lyric: Greek Song and the Visual. Studies in Archaic and Classical Greek Song, Vol. 1*. Leiden – Boston, 146–184.
- Kulesza, R. 1995: *Die Bestehung im politischen Leben Athens im 5. und 4. Jahrhundert v.Chr.* Konstanz.
- Lamberton, R. 2003: Plutarch's Phocion: Melodrama of Mob and Elite in Occupied Athens. In: O. Palagia, S.V. Tracy (eds.), *The Macedonians in Athens 322–229 B.C.: Proceedings of an International Conference Held at the University of Athens, May 24–26, 2001*. Oxf., 8–13.
- Lape, S. 2002/2003: Solon and the Institution of the “Democratic” Family Form. *Classical Journal* 98, 2, 117–139.
- Lavelle, B.M. 1989: Koisyra and Megakles, the Son of Hippokrates. *Greek, Roman and Byzantine Studies* 30, 4, 503–513.
- Leão, D.F., Rhodes, P.J. 2016: *The Laws of Solon: A New Edition with Introduction, Translation and Commentary*. 2016.

- Lenfant, D. 2016: Anytos et la corruption massive de juges dans l'Athènes démocratique. *Historia* 65, 3, 258–274.
- Lewis, D.M. 1974: The Kerameikos Ostraka. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 14, 1–4.
- Lewis, D.M. 1993: Megakles and Eretria. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 96, 51–52.
- Liddell, H.G., Scott, R., Jones, H.S., McKenzie, R. 1996: *A Greek-English Lexicon: With a Revised Supplement*. Oxf.
- Littman, R.J. 1990: *Kinship and Politics in Athens 600–400 B.C.* N.Y.
- Mansouri, S. 2011: *Athènes vue par ses métèques (V^e–IVe siècle av. J.-C.)*. P.
- Milne, M.J., Bothmer, D. von 1953: ΚΑΤΑΠΥΓΩΝ, ΚΑΤΑΠΥΓΑΙΝΑ. *Hesperia* 22, 4, 215–224.
- Moretti, L. 1957: *Olympionikai, i vincitori negli antichi agoni Olimpici*. Roma.
- Mossé, C. 1985: De l'ostracisme aux procès politiques: le fonctionnement de la vie politique à Athènes. *Istituto universitario orientale (Napoli). Annali. Sezione di archeologia e storia antica* 7, 9–18.
- Mossé, C. 1995: La classe politique à Athènes au IVe siècle. In: W. Eder (Hg.), *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.* Stuttgart, 67–77.
- Nails, D. 2002: *The People of Plato: A Prosopography of Plato and Other Socratics*. Indianapolis.
- Osborne, M.J., Byrne, S.G. 1994: *A Lexicon of Greek Personal Names. Vol. 2: Attica*. Oxf.
- Palme, B. 2002: Aristophanes, Equ. 855–857 (424 v.Chr.): der Demos könnte gegen Kleon das Ostrakinda-Spiel durchführen (424 v.Chr.). In: P. Siewert (Hg.), *Ostrakismos-Testimonien I: Die Zeugnisse antiker Autoren, der Inschriften und Ostraka über das athenische Scherbengericht aus vorhellenistischer Zeit (487–322 v. Chr.)*. Stuttgart, 216–219.
- Pardini, A. 1990: Megacle, Ateniese ed Alcmeonide. *Quaderni urbinati di cultura classica* 34, 19–34.
- Parker, V. 1994: Zur absoluten Datierung des Leagros Kalos und der "Leagros-Gruppe". *Archäologischer Anzeiger* 3, 365–373.
- Peek, W. 1941: *Inschriften, Ostraka, Fluchtafeln (Kerameikos. Bd. 3)*. B.
- Piccirilli, L. 1983: Aristide di Egina? Per l'interpretazione degli ostraka Agora inv. P. 9945 e P. 5978. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 51, 169–176.
- Raubitschek, A.E. 1939: Leagros. *Hesperia* 8, 2, 155–164.
- Raaflaub, K.A. 2000: Den Olympier herausfordern? Prozesse im Umkreis des Perikles. In: L. Burckhardt, J. von Ungern-Sternberg (Hg.), *Große Prozesse im antiken Athen*. München, 97–113.
- Raubitschek, A.E. 1947: The Ostracism of Xanthippos. *American Journal of Archaeology* 51, 3, 257–262.
- Raubitschek, A.E. 1955: Menon, Son of Menekleides. *Hesperia* 24, 4, 286–289.
- Raubitschek, A.E. 1957: Das Datislied. In: K. Schauenburg (Hg.), *Charites: Studien zur Altertumswissenschaft*. Bonn, 234–242.
- Raubitschek, A.E. 1994: Megakles, geh nicht nach Eretria! *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 100, 381–382.
- Rhodes, P.J. 1981: *A Commentary on the Aristotelian Athenaion Politeia*. Oxford.
- Robinson, D.M., Fluck, E.J. 1937: *A Study of the Greek Love-Names Including a Discussion of Paederasty and a Prosopographia*. Baltimore.
- Rusten, J.S. 2013: 'The Odeion on his Head': Costume and Identity in Cratinus' *Thracian Women* fr. 73, and Cratinus' Techniques of Political Satire. In: G.W.M. Harrison, V. Liapis (eds.), *Performance in Greek and Roman Theatre*. Leiden – Boston, 279–290.
- Samons, L.J. 2000: *Empire of the Owl: Athenian Imperial Finance*. Stuttgart.
- Schreiner, J.H. 1970: The Origin of Ostracism Again. *Classica et mediaevalia* 31, 84–97.

- Schwarze, J. 1971: *Die Beurteilung des Perikles durch die attische Komödie und ihre historische und historiographische Bedeutung*. München.
- Shapiro, H.A. 1982: Kallias Kratiou Alopekethen. *Hesperia* 51, 1, 69–73.
- Shear, T.L. 1963: Koisyra: Three Women of Athens. *Phoenix* 17, 2, 99–112.
- Siewert, P. 1991: Accuse contro i “candidati” all’ostracismo per la loro condotta politica e morale. *Contributi dell’Istituto di storia antica (Milano)* 17, 3–14.
- Siewert, P. 2002a: Plato Comicus fr. 168 PCG VII (ca. 416 v.Chr.): Vergleich des Ostrakismos mit dem Ostrakinda-Spiel der Kinder (416 v.Chr.). In: P. Siewert (Hg.), *Ostrakismos-Testimonien I: Die Zeugnisse antiker Autoren, der Inschriften und Ostraka über das athenische Scherbengericht aus vorhellenistischer Zeit (487–322 v. Chr.)*. Stuttgart, 223–226.
- Siewert, P. 2002b: Pindar, Pyth. 7.18–21 (486 v.Chr.): athenische Mißgunst gegen hippische Siege der Alkmeoniden als Motiv für die Ostrakisierung des Megakles (486 v.Chr.). In: P. Siewert (Hg.), *Ostrakismos-Testimonien I: Die Zeugnisse antiker Autoren, der Inschriften und Ostraka über das athenische Scherbengericht aus vorhellenistischer Zeit (487–322 v. Chr.)*. Stuttgart, 167–170.
- Stamires, G.A., Vanderpool, E. 1950: Kallixenos the Alkmeonid. *Hesperia* 19, 4, 376–390.
- Stanton, G.R. 1996: A Graffito on a Megakles Ostrakon. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 111, 69–73.
- Stark, I. 2002: Athenische Politiker und Strategen als Feiglinge, Beitrüger und Klaffärsche. Die Wannung vor politischer Devianz und das Spiel mit den Namen prominenter Zeitgenossen. In: A. Ercoloni (Hg.), *Spoudaiogeloion: Form und Funktion der Verspottung in der aristophanischen Komödie*. Stuttgart – Weimar, 147–167.
- Stein-Hölkeskamp, E. 1989: *Adelskultur und Polisgesellschaft: Studien zum griechischen Adel in archaischen und klassischen Zeit*. Stuttgart.
- Storey, I. 1998: Poets, Politicians and Perverts: Personal Humour in Aristophanes. *Classics Ireland* 5, 85–134.
- Taylor, C. 2001: Bribery in Athenian Politics Part II: Ancient Reaction and Perceptions. *Greece & Rome* 48, 2, 154–172.
- Vanderpool, E. 1952: Kleophon. *Hesperia* 21, 2, 114–115.
- Vickers, M. 1990: Attic Symposia after the Persian Wars. In: O. Murray (ed.), *Symptica: A Symposium on the Symposion*. Oxf., 105–121.
- Vickers, M. 1997: *Pericles on Stage: Political Comedy in Aristophanes’ Early Plays*. Austin.
- Webster, T.B.L. 1962: Historical Commentary. In: A.J.B. Wace, F.H. Stubbings (eds.), *A Companion to Homer*. L., 452–462.
- Whitehead, D. 2001: Athenian Demes as *Poleis* (Thuc. 2.16.2). *Classical Quarterly* 51, 2, 604–607.
- Will, W. 2003: *Thukydides und Perikles: Der Historiker und sein Held*. Bonn.
- Williams, D. 1996: Refiguring Attic Red-figure: A Review Article. *Revue archéologique* 2, 227–252.
- Williams, G.W. 1951: The Curse of the Alkmaionidai. I. The Origin and Early History. *Hermathena* 78, 32–49.
- Williams, G.W. 1952a: The Curse of the Alkmaionidai. II. Kleisthenes and the Persian Wars. *Hermathena* 79, 1–21.
- Williams, G.W. 1952b: The Curse of the Alkmaionidai. III. Themistokles, Perikles, and Alkibiades. *Hermathena* 80, 58–71.

REFERENCES

- Adak, M. 2003: *Metöken als Wohltäter Athens: Untersuchungen zum sozialen Austausch zwischen ortsansässigen Fremden und der Bürgergemeinde in klassischer und hellenistischer Zeit (ca. 500–150 v. Chr.)*. München.

- Berti, M. 1999: Note storiche e prosopografiche agli *ostraka* di Μυρωνίδης Φλυεύς dal *Keramēikós* di Atene. *Minima epigraphica et papyrologica* 2, 77–109.
- Bicknell, P.J. 1974: Athenian Politics and Genealogy: Some Pendants. *Historia* 23, 2, 146–163.
- Bicknell, P.J. 1975: Was Megakles Hippokratous Alopekethen Ostracized Twice? *L'Antiquité classique* 44, 1, 172–175.
- Bicknell, P.J. 1986: Agasias the Donkey. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 62, 183–184.
- Brenne, S. 1992: "Portraits" auf Ostraka. *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung* 107, 161–185.
- Brenne, S. 1994: Ostraka and the Process of Ostrakophoria. In: W.D.E. Coulson, O. Palagia, T.L. Shear, H.A. Shapiro (eds.), *The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy*. Oxford, 13–24.
- Brenne, S. 2001: *Ostrakismos und Prominenz in Athen: Attische Bürger des 5. Jhs. v.Chr. auf den Ostraka*. Wien.
- Brenne, S. 2002: Die Ostraka (487 – ca. 416 v. Chr.) als Testimonien. In: P. Siewert (Hg.), *Ostrakismos-Testimonien I: Die Zeugnisse antiker Autoren, der Inschriften und Ostraka über das athenische Scherbengericht aus vorhellenistischer Zeit (487–322 v. Chr.)*. Stuttgart, 36–166.
- Cantarella, E. 1989: L'omosessualità nel diritto ateniese. In: G. Thür (Hg.), *Symposion 1985: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte*. Köln, 153–175.
- Cantarella, E. 1991: Moicheia. Reconsidering a Problem. In: M. Gagarin (Hg.), *Symposion 1990: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte*. Köln, 289–296.
- Cohen, E.E. 2000: *The Athenian Nation*. Princeton.
- Connor, W.R. 1971: *The New Politicians of Fifth-Century Athens*. Princeton.
- Cornford, F.M. 1934: *The Origin of Attic Comedy*. 2nd ed. Cambridge.
- Cook, R.M. 1989: The Francis – Vickers Chronology. *Journal of Hellenic Studies* 109, 164–170.
- Cox, C.A. 1989: Incest, Inheritance and the Political Forum in Fifth-Century Athens. *Classical Journal* 85, 1, 34–46.
- Cromey, R.D. 1979: Kleisthenes' Fate. *Historia* 28, 2, 129–147.
- Culasso Gastaldi, E. 1997: Il doppio ostracismo di Megakles Hippokratous. *Rendiconti dell'Accademia nazionale dei Lincei. Classe di scienze morali, storiche e filologiche* 8, 2, 253–271.
- Degani, E. 1991: Aristofane e la tradizione dell'invettiva personale in Grecia. *Entretiens sur l'antiquité classique* 38, 1–49.
- Develin, R. 2003: *Athenian Officials 684–321 B.C.* Cambridge.
- Francis, E.D. 1990: *Image and Idea in Fifth-Century Greece: Art and Literature after the Persian Wars*. London – New York.
- Francis, E.D., Vickers, M. 1982: Kaloi, Ostraka and the Wells of Athens. *American Journal of Archaeology* 86, 2, 264.
- Gabelko, O.L. 2014: Antigon Monoftalm i Antigon Fusk: k interpretatsii dvukh prozvizhch ellinisticheskikh monarkhov [Antigonos Monophthalmos and Antigonos Phouskos: An interpretation of two nicknames of the Hellenistic monarchs]. *Antiquitas aeterna* 4, 119–130.
- Habicht, C. 1999: *Afiny. Istoriya goroda v ellinisticheskuyu epokhy* [Athens: The History of the City in the Hellenistic Period]. Moscow (in Russian).
- Hackstein, O. 2010: The Greek of Epic. In: E.J. Bakker (ed.), *A Companion to the Ancient Greek Language*. Oxford, 401–423.
- Harvey, F.D. 1984: The Conspiracy of Agasias and Aischines (Plutarch, Aristeides 13). *Klio* 66, 1, 58–73.
- Harvey, F.D. 1985: Dona Ferentes: Some Aspects of Bribery in Greek Politics. In: P.A. Cartledge, F.D. Harvey (eds.), *Crux. Essays in Greek History Presented to G.E.M. de Ste. Croix on his 75th Birthday*. Exeter, 76–117.

- Helly, B. 1994: La glose d'Hésychius Μενωνίδαί: pénestes thessaliens ou ostracisés athéniens? *Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes* 68, 1/2, 135–146.
- Henderson, J. 1991: *The Maculate Muse: Obscene Language in Attic Comedy*. 2 ed. Oxford.
- Hornblower, S. 1992: *A Commentary on Thucydides*. Vol. 1. Oxford.
- Humphreys, S.C. 1983: *The Family, Women and Death: Comparative Studies*. London.
- Jones, G.S. 2016: Observing Genre in Archaic Greek *Skolia* and Vase-Painting. In: V. Gazzato, A. Lardinois (eds.), *The Look of Lyric: Greek Song and the Visual. Studies in Archaic and Classical Greek Song*, Vol. 1. Leiden – Boston, 146–184.
- Karpyuk, S.G. 1998: Giperbol, “chelovek negodnyy” [Hyperbolos, “a wretched man”]. *Vestnik drevney istorii [Journal of ancient history]* 4 (227), 142–156 (in Russian).
- Kulesza, R. 1995: *Die Bestehung im politischen Leben Athens im 5. und 4. Jahrhundert v.Chr.* Konstanz.
- Lamberton, R. 2003: Plutarch's Phocion: Melodrama of Mob and Elite in Occupied Athens. In: O. Palagia, S.V. Tracy (eds.), *The Macedonians in Athens 322–229 B.C.: Proceedings of an International Conference Held at the University of Athens, May 24–26, 2001*. Oxf., 8–13.
- Lape, S. 2002/2003: Solon and the Institution of the “Democratic” Family Form. *Classical Journal* 98, 2, 117–139.
- Lavelle, B.M. 1989: Koisyra and Megakles, the Son of Hippokrates. *Greek, Roman and Byzantine Studies* 30, 4, 503–513.
- Leão, D.F., Rhodes, P.J. 2016: *The Laws of Solon: A New Edition with Introduction, Translation and Commentary*. 2016.
- Lenfant, D. 2016: Anytos et la corruption massive de juges dans l'Athènes démocratique. *Historia* 65, 3, 258–274.
- Lewis, D.M. 1974: The Kerameikos Ostraka. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 14, 1–4.
- Lewis, D.M. 1993: Megakles and Eretria. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 96, 51–52.
- Liddell, H.G., Scott, R., Jones, H.S., McKenzie, R. 1996: *A Greek-English Lexicon: With a Revised Supplement*. Oxford.
- Littman, R.J. 1990: *Kinship and Politics in Athens 600–400 B.C.* New York.
- Mansouri, S. 2011: *Athènes vue par ses métèques (V^e–IVe siècle av. J.-C.)*. Paris.
- Marinovich, L.P., Koshelenko, G.A. 1996: Uroki antichnoy demokratii [Lessons of ancient democracy]. In: L.P. Marinovich, G.A. Koshelenko (eds.), *Antichnaya demokratiya v svidetel'stvakh sovremennikov [Ancient democracy in the contemporary testimonies]*. Moscow, 319–330 (in Russian).
- Milne, M.J., Bothmer, D. von 1953: ΚΑΤΑΠΥΓΩΝ, ΚΑΤΑΠΥΓΑΙΝΑ. *Hesperia* 22, 4, 215–224.
- Moretti, L. 1957: *Olympionikai, i vincitori negli antichi agoni Olimpici*. Roma.
- Mossé, C. 1985: De l'ostracisme aux procès politiques: le fonctionnement de la vie politique à Athènes. *Istituto universitario orientale (Napoli). Annali. Sezione di archeologia e storia antica* 7, 9–18.
- Mossé, C. 1995: La classe politique à Athènes au IVe siècle. In: W. Eder (Hg.), *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.* Stuttgart, 67–77.
- Nails, D. 2002: *The People of Plato: A Prosopography of Plato and Other Socratics*. Indianapolis.
- Osborne, M.J., Byrne, S.G. 1994: *A Lexicon of Greek Personal Names. Vol. 2: Attica*. Oxford.
- Palme, B. 2002: Aristophanes, Equ. 855–857 (424 v.Chr.): der Demos könnte gegen Kleon das Ostrakinda-Spiel durchführen (424 v.Chr.). In: P. Siewert (Hg.), *Ostrakismos-Testimonien I: Die Zeugnisse antiker Autoren, der Inschriften und Ostraka über das athenische Scherbengericht aus vorhellenistischer Zeit (487–322 v. Chr.)*. Stuttgart, 216–219.
- Pardini, A. 1990: Megacle, Ateniese ed Alcmeonide. *Quaderni urbinati di cultura classica* 34, 19–34.

- Parker, V. 1994: Zur absoluten Datierung des Leagros Kalos und der "Leagros-Gruppe". *Archäologischer Anzeiger* 3, 365–373.
- Peek, W. 1941: *Inschriften, Ostraka, Fluchtafeln (Kerameikos. Bd. 3)*. Berlin.
- Piccirilli, L. 1983: Aristide di Egina? Per l'interpretazione degli ostraka Agora inv. P. 9945 e P. 5978. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 51, 169–176.
- Raaflaub, K.A. 2000: Den Olympier herausfordern? Prozesse im Umkreis des Perikles. In: L. Burckhardt, J. von Ungern-Sternberg (Hg.), *Große Prozesse im antiken Athen*. München, 97–113.
- Raubitschek, A.E. 1939: Leagros. *Hesperia* 8, 2, 155–164.
- Raubitschek, A.E. 1947: The Ostracism of Xanthippos. *American Journal of Archaeology* 51, 3, 257–262.
- Raubitschek, A.E. 1955: Menon, Son of Menekleides. *Hesperia* 24, 4, 286–289.
- Raubitschek, A.E. 1957: Das Datislied. In: K. Schauenburg (Hg.), *Charites: Studien zur Altertumswissenschaft*. Bonn, 234–242.
- Raubitschek, A.E. 1994: Megakles, geh nicht nach Eretria! *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 100, 381–382.
- Rhodes, P.J. 1981: *A Commentary on the Aristotelian Athenaion Politeia*. Oxford.
- Robinson, D.M., Fluck, E.J. 1937: *A Study of the Greek Love-Names Including a Discussion of Paederasty and a Prosopographia*. Baltimore.
- Rung, E.V. 2000: Epilikov mirnyy dogovor [Epilycus' peace treaty]. *Vestnik drevney istorii [Journal of ancient history]* 3 (234), 85–96 (in Russian).
- Rung, E.V. 2009: *Greko-persidskie otnosheniya: politika, ideologiya, propaganda [Greco-Per-sian relations: politics, ideology, propaganda]*. Kazan.
- Rusten, J.S. 2013: 'The Odeion on his Head': Costume and Identity in Cratinus' *Thracian Women* fr. 73, and Cratinus' Techniques of Political Satire. In: G.W.M. Harrison, V. Liapis (eds.), *Performance in Greek and Roman Theatre*. Leiden–Boston, 279–290.
- Samons, L.J. 2000: *Empire of the Owl: Athenian Imperial Finance*. Stuttgart.
- Schreiner, J.H. 1970: The Origin of Ostracism Again. *Classica et mediaevalia* 31, 84–97.
- Schwarze, J. 1971: *Die Beurteilung des Perikles durch die attische Komödie und ihre historische und historiographische Bedeutung*. München.
- Shapiro, H.A. 1982: Kallias Kratiou Alopekethen. *Hesperia* 51, 1, 69–73.
- Shear, T.L. 1963: Koisyra: Three Women of Athens. *Phoenix* 17, 2, 99–112.
- Siewert, P. 1991: Accuse contro i "candidati" all' ostracismo per la loro condotta politica e morale. *Contributi dell'Istituto di storia antica (Milano)* 17, 3–14.
- Siewert, P. 2002a: Plato Comicus fr. 168 PCG VII (ca. 416 v.Chr.): Vergleich des Ostrakismos mit dem Ostrakinda-Spiel der Kinder (416 v.Chr.). In: P. Siewert (Hg.), *Ostrakismos-Testimonien I: Die Zeugnisse antiker Autoren, der Inschriften und Ostraka über das athenische Scherbengericht aus vorhellenistischer Zeit (487–322 v. Chr.)*. Stuttgart, 223–226.
- Siewert, P. 2002b: Pindar, Pyth. 7.18–21 (486 v.Chr.): athenische Mißgunst gegen hippische Siege der Alkmeoniden als Motiv für die Ostrakisierung des Megakles (486 v.Chr.). In: P. Siewert (Hg.), *Ostrakismos-Testimonien I: Die Zeugnisse antiker Autoren, der Inschriften und Ostraka über das athenische Scherbengericht aus vorhellenistischer Zeit (487–322 v. Chr.)*. Stuttgart, 167–170.
- Stamires, G.A., Vanderpool, E. 1950: Kallixenos the Alkmeonid. *Hesperia* 19, 4, 376–390.
- Stanton, G.R. 1996: A Graffito on a Megakles Ostrakon. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 111, 69–73.
- Stark, I. 2002: Athenische Politiker und Strategen als Feiglinge, Beiträger und Klaffärsche. Die Wannung vor politischer Devianz und das Spiel mit den Namen prominenter Zeitgenossen. In: A. Ercoloni (Hg.), *Spoudaiogeloion: Form und Funktion der Verspottung in der aristophanischen Komödie*. Stuttgart–Weimar, 147–167.

- Stein-Hölkeskamp, E. 1989: *Adelskultur und Polisgesellschaft: Studien zum griechischen Adel in archaischen und klassischen Zeit*. Stuttgart.
- Storey, I. 1998: Poets, Politicians and Perverts: Personal Humour in Aristophanes. *Classics Ireland* 5, 85–134.
- Surikov, I.E. 1994: *Kilonova skverna v istorii Afin VII–V vv. do n.e.* [Kylonian pollution in the history of Athens, 7th – 5th centuries B.C.]. PhD in history dissertation. Moscow (in Russian).
- Surikov, I.E. 1995: Zhenshchiny v politicheskoy zhizni pozdnearkhaicheskikh i ranneklassicheskikh Afin [Women in political life of Late Archaic and Early Classical Athens]. In: E.S. Golubtsova (ed.), *Antichnyy mir i ego sud'by v posleduyushchie veka* [Ancient world and its fates in subsequent centuries]. Moscow, 43–52.
- Surikov, I.E. 2000a: Ksantipp, otets Perikla: Shtrikhi k politicheskoy biografii [Xanthippos, Perikles' father: some features to a political biography]. *Problemy istorii, filologii, kultury* [Journal of historical, philological and cultural studies] 8, 100–109 (in Russian).
- Surikov, I.E. 2000b: Dva ocherka ob afinskoy vneshney politike klassicheskoy epokhi [Two notes on the Classical Athens' foreign policy]. In: O.L. Gabelko (ed.), *Mezhhgosudarstvennyye otnosheniya i diplomatiya v antichnosti. Ch. 1* [Interstate relations and diplomacy in antiquity, Pt. 1]. Kazan, 95–112 (in Russian).
- Surikov, I.E. 2000v: *Iz istorii grecheskoy aristokratii pozdnearkhaicheskoy i ranneklassicheskoy epoch* [From the history of Greek aristocracy in Late Archaic and Early Classical periods]. Moscow (in Russian).
- Surikov, I.E. 2003: Ostrakon Megakla, Alkmeonidy i Eretriya (Epigraficheskoye svidetel'stvo o vneshnikh svyazyakh afinskoy aristokratii) [Megacles' ostrakon, the Alcmaeonidae and Eretria (An epigraphical evidence for foreign relations of Athenian aristocracy)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of ancient history] 2 (245), 16–25 (in Russian).
- Surikov, I.E. 2004: Ostraka i afinskaya prosopografiya [Ostraka and Athenian prosopography]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya Isoriya* [Journal of N.V. Lobachevsky Nizhny Novgorod University, History series] 1 (3), 51–65.
- Surikov, I.E. 2005a: ΔΗΜΟΤΕΥΤΑΙ: Politicheskaya elita atticheskikh demov v period ranney klassiki (K postanovke problemy) [ΔΗΜΟΤΕΥΤΑΙ: Political elite of Attic demes in Early Classical period (Statement of the problem)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of ancient history] 1 (252), 15–33 (in Russian).
- Surikov, I.E. 2005b: *Antichnaya Gretsiya: politiki v kontekste epokhi. Arkhaika i rannyya klassika* [Ancient Greece: politicians in the context of the epoch. Archaic and Early Classical periods]. Moscow.
- Surikov, I.E. 2006: *Ostrakizm v Afinakh* [Ostracism in Athens]. Moscow (in Russian).
- Surikov, I.E. 2008: *Antichnaya Gretsiya: politiki v kontekste epokhi. Vremya rastsveta demokratii* [Ancient Greece: politicians in the context of the epoch. The heyday of democracy]. Moscow.
- Surikov, I.E. 2009: Novye nablyudeniya v svyazi s onomastiko-prosopographicheskimi materialami afinskikh ostrakonov [New observations on the onomastical and prosopographic information of the Athenian ostraka]. *Voprosy epigraphiki* [Questions of epigraphic] 3, 102–127.
- Surikov, I.E. 2012: Arkhontat v Afinakh: ot istokov instituta do utraty im politicheskogo znacheniya [Archonship in Athens: from the origins of the institution to the loss of its political significance]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of ancient history] 2 (281), 29–54 (in Russian).
- Surikov, I.E. 2014: Rechi Antifonta kak istochnik svedeniy ob ugovnom prave Afin klassicheskoy epokhi [Antiphon's speeches as a source for criminal law in classical Athens]. *Ius antiquum* 1 (29), 10–35 (in Russian).
- Surikov, I.E. 2017a: Prozvishcha u grekov arkhaiskoy i klassicheskoy epoch. I. Predvaritel'nye soobrazheniya obshcheteoreticheskogo kharaktera [Nicknames among Greeks of the Archaic and Classical periods: I. Preliminary thoughts of general theoretical character].

- Problemy istorii, filologii, kultury* [Journal of historical, philological and cultural studies] 1 (55), 19–34.
- Surikov, I.E. 2017b: Prozvishcha u grekov arkhaischeskoy i klassicheskoy epoch. II. U istokov fenomena [Nicknames among Greeks of the Archaic and Classical periods: II. On the origins of the phenomenon]. *Problemy istorii, filologii, kultury* [Journal of historical, philological and cultural studies] 3 (57), 5–26.
- Surikov, I.E. 2017v: Volki i l'vy v antichnykh grecheskikh predstavleniyakh: Gomer, Solon i "Istoriya zhiivotnykh" Aristotelya [Wolves and lions in Ancient Greek views: Homer, Solon and Aristotle's *Historia animalium*]. *Istoriya i sovremennost'* [History and contemporaneity] 1 (25), 131–150.
- Surikov, I.E. 2018: Prozvishcha u grekov arkhaischeskoy i klassicheskoy epoch. III. Prozvishcha politikov: arkhaiska i rannyya klassika [Nicknames among the Greeks: Greeks' nicknames of the Archaic and Classical periods: III. Nicknames of Archaic and Early Classical politicians]. *Problemy istorii, filologii, kultury* [Journal of historical, philological and cultural studies] 1 (59), 89–113 (in Russian).
- Taylor, C. 2001: Bribery in Athenian Politics Part II: Ancient Reaction and Perceptions. *Greece & Rome* 48, 2, 154–172.
- Tumans, H.R. 2011: "L'vy i "volki u Gomera: zametki k epicheskoy "tabeli o rangakh ["Lions" and "wolves" in Homer: notes on the epical "table of ranks". *Aristey* [Aristeus] 4, 27–51.
- Vanderpool, E. 1952: Kleophon. *Hesperia* 21, 2, 114–115.
- Veisman, A.D. 1991: *Grechesko-russkiy slovar': Reprint V-go izdaniya 1899 g.* [A Greek-Russian lexicon: A reprint of the 5th edition, 1899]. Moscow.
- Vickers, M. 1990: Attic Symposia after the Persian Wars. In: O. Murray (ed.), *Symptica: A Symposium on the Symposion*. Oxford, 105–121.
- Vickers, M. 1997: *Pericles on Stage: Political Comedy in Aristophanes' Early Plays*. Austin.
- Vidal-Naquet, P. 2001: *Chernyy okhotnik: Formy myshleniya i formy obshchestva v grecheskom mire* [The black hunter: Forms of thought and forms of society in the Greek world]. Moscow.
- Webster, T.B.L. 1962: Historical Commentary. In: A.J.B. Wace, F.H. Stubbings (eds.), *A Companion to Homer*. London, 452–462.
- Whitehead, D. 2001: Athenian Demes as *Poleis* (Thuc. 2.16.2). *Classical Quarterly* 51, 2, 604–607.
- Will, W. 2003: *Thukydides und Perikles: Der Historiker und sein Held*. Bonn.
- Williams, D. 1996: Refiguring Attic Red-figure: A Review Article. *Revue archéologique* 2, 227–252.
- Williams, G.W. 1951: The Curse of the Alkmaionidai. I. The Origin and Early History. *Hermathena* 78, 32–49.
- Williams, G.W. 1952a: The Curse of the Alkmaionidai. II. Kleisthenes and the Persian Wars. *Hermathena* 79, 1–21.
- Williams, G.W. 1952b: The Curse of the Alkmaionidai. III. Themistokles, Perikles, and Alkibiades. *Hermathena* 80, 58–71.
- Zelinskiy, F.F. 1916: *Iz zhizni idey: Nauchno-populyarnye stat'i* [From the life of ideas: Scientific-popular articles]. Vol. 1. 3rd ed. Petrograd.

GREEK NICKNAMES OF THE ARCHAIC AND CLASSICAL PERIODS.
IV. ATHENS: FROM THE “GREAT OSTRACISMS”
TO THE “GREAT DEMAGOGUES”

Igor E. Surikov

*Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Russia; Russian State
University for the Humanities, Moscow, Russia
isurikov@mail.ru*

Abstract. The first part of the article analyzes and classifies nicknames of prominent Athenian politicians as read in ostraka. The author is matching his old principle, according to which nicknames were *a)* neutral, positive, negative; *b)* standing, situative, secondary. It becomes clear that situative negative nicknames prevail in ostraka, and their source, it seems, in a number of cases may have been invectives in comedy.

Further, the author turns to nicknames of demagogue politicians in the Late Classical period, and he notes that in the end of the 5th century B.C. there appear “professional” nicknames (such as Kleon “the Tanner”, Hyperbolos “the Lamp-maker”, etc.). They were often also generated by comedy as satiric epithets.

In the conclusion it is noted that in general nicknames were less developed among the Greeks of pre-Hellenistic times than later. Maybe, a circumstance played its role that in the Hellenistic period frameworks of the Greek world widened in all respects, and contacts between states became more intensive. But the onomastical fund of Greeks remained practically the same, limited enough.

Keywords: nicknames, Greece, Athens, ostracism, ostraka, demagogues, epithets

---

ПУБЛИКАЦИИ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2018), 198–214
© The Author(s) 2018

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2018), 198–214
© Автор(ы) 2018

DOI 10.18503/1992-0431-2018-3-61-198-214

ФИГУРНЫЙ СОСУД В ФОРМЕ ГОЛОВЫ АФРИКАНЦА ИЗ ОЛЬВИИ

Д.В. Журавлев*, Д.Н. Хмелевский**

* *Государственный исторический музей, отдел археологических памятников,
Москва, Россия*

denzhuravlev@mail.ru

** *Институт археологии НАН Украины, Киев, Украина*

hmelevskij68@mail.ru

Аннотация. В 2016 г. при раскопках римской цитадели в Ольвии был найден крупный фрагмент фигурного краснолакового сосуда, представляющий бюст молодого африканца. Сосуд датируется, вероятно, II–III вв. н.э. Центр его производства неясен, но маловероятно, чтобы он был сделан в африканской мастерской, особенно учитывая практически полное отсутствие африканского керамического импорта в I–III вв. н.э. в Ольвии, Херсонесе и на Боспоре. Скорее всего, подобно большинству фигурных сосудов из Северного Причерноморья, он был изготовлен в одной из малоазийских мастерских. Никаких оснований связывать его находку с присутствием римских войск в Ольвии нет, этот явно импортный сосуд поступил в Побужье в результате торговых связей.

Ключевые слова: Ольвия Понтийская, римская керамика, фигурный сосуд, изображения африканцев.

В 2016 г. при раскопках римской цитадели в Ольвии был найден крупный фрагмент фигурного краснолакового сосуда, представляющий бюст молодого африканца (рис. 1–2). Учитывая сравнительную редкость подобных находок, произ-

---

Данные об авторах: Журавлев Денис Валерьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологических памятников Государственного исторического музея; Хмелевский Дмитрий Николаевич – младший научный сотрудник Института археологии НАН Украины.

ходящих из регулярных раскопок, мы решили посвятить этому сосуду небольшое специальное исследование.

Описание сосуда. Фрагмент представляет собой лицевую сторону фигурного сосуда, изготовленного в рельефной форме и представляющего изображение лица человека негроидного типа. Черты лица хорошо проработаны. Глаза чернокожего (сохранился лишь один) открыты, но немного прищурены, в центре хорошо заметен круглый зрачок; над ними – высокие надбровные дуги. Нос широкий и плоский, губы пухлые. Выделены скулы и ямочки на щеках. Сохранилось одно ухо, прижатое к голове. Голова обрамлена курчавыми волосами со спиральными кончиками на концах, дополнительно оформленными кривой гравировкой. Тылочная сторона сосуда, горлышко и дно утрачены. Высота – 15,5 см; ширина (фас) – 10,1 см; ширина боковой части – 9,5 см. Лак красный (Munsel – 10R 4/8 – основной цвет, но есть оттенки 10R 4/6), высокого качества, равномерно покрывает всю поверхность изделия. Глина светло-коричневая, без заметных включений. В целом, если лица африканцев на сосудах из собрания Государственного Эрмитажа и Одесского археологического музея имеют «веселое выражение»¹, то наш персонаж скорее насмешлив, чем весел.

Археологический контекст находки. Римская цитадель расположена в южной части верхнего города Ольвии и топографически хорошо выделяется, поскольку доминирует над Нижним городом. С севера она ограничена второй поперечной балкой, с запада и юго-запада – Заячьей балкой, а с востока – высоким берегом Бугского лимана². Ольвийская цитадель представляет собой важную часть архитектурно-строительных остатков античного города, и связана с пребыванием здесь римских войск с середины II до середины III в. н.э.

Первые археологические исследования центральной и северо-восточной частей северной фортификационной линии Ольвийской цитадели проводилось Б.В. Фармаковским в 1904, 1905 и 1924 гг. В ходе этих работ были открыты строительные остатки, которые дали возможность установить местонахождение ворот, двух куртин – центральной (№ 6), северо-восточной (№ 8) и так называемой казармы (№ 9), примыкавшей к куртине № 6³.

За прошедшее после раскопок время часть описанных строительных остатков окончательно разрушилась, часть исчезла в ходе двух мировых войн, часть просто заплывла землей. Учитывая экспозиционную значимость остатков цитадели, было принято решение провести необходимые археологические исследования, необходимые для проекта их музеефикации⁴. Эти работы были начаты в 2005 г. и продолжаются по настоящее время.

В ходе проведения этих исследований были вновь открыты центральная и северо-восточная куртины, помещение так называемой казармы, определено местоположение предполагаемых ворот⁵.

¹ Герцигер 1976, 91.

² Буйских 1991, 30–31.

³ Фармаковский 1908, 1–15; 1909, 1–50; 1926, 143–163.

⁴ Крыжицкий 1985, 153.

⁵ Крыжицкий, Хмелевский 2008, 147–153.

Рис. 1. Фигурный сосуд из Ольвии в форме головы африканца
(фото Д.Н. Хмелевского)

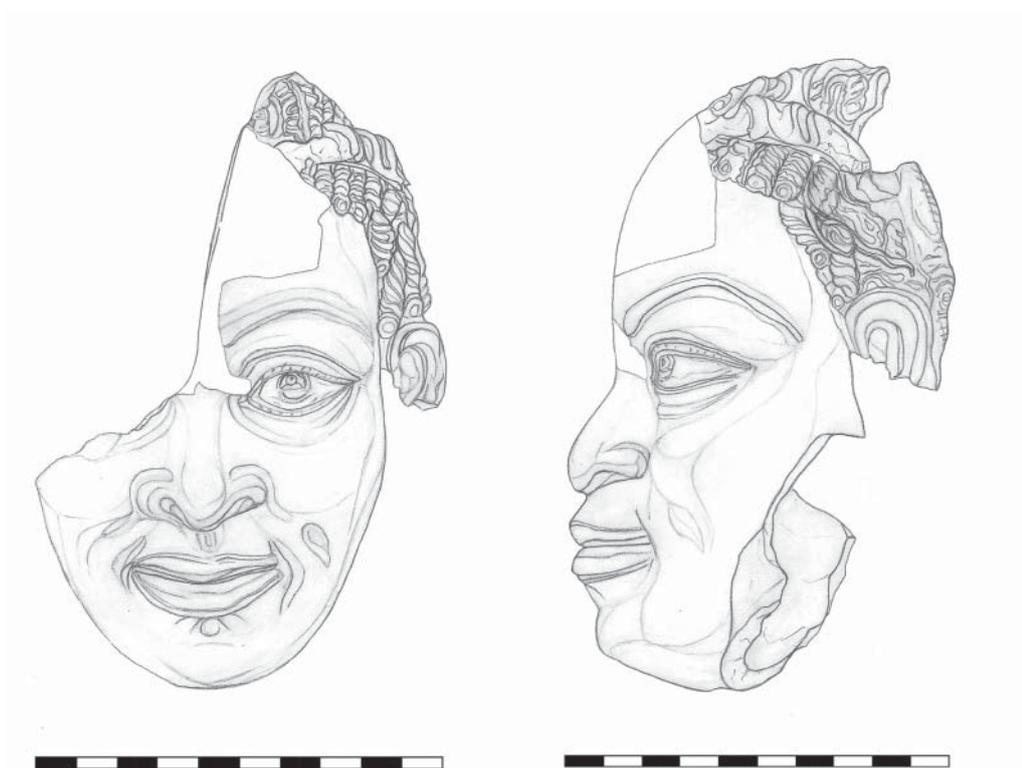

Рис. 2. Фигурный сосуд из Ольвии в форме головы африканца
(рис. Е. Пятаковой)

Основным достижением раскопок в 2011–2015 гг. явилось открытие части северо-западной оборонительной стены⁶. Кроме этого, на разных уровнях прирезки в основном в северной и восточной части были выявлены очаги и их остатки, хозяйственные ямы, почти одинаковые по конструкции⁷.

В северо-западном углу раскопа (останца), к западу от ямы № 92, после зачистки была обнаружена известняковая крышка (возможно, от цистерны). В дальнейшем под крышкой была выявлена яма № 93. Яма округлая в плане, западная часть ее была прокопана в древности. В северной части ямы, на глубине 0,40 м от уровня выявления залегал крупный известняковый бут. Грунт заполнения на этой глубине сероглинистый, рыхлый с включениями угольков, пепла, фрагментами печины. В восточной части ямы прослеживаются ее границы. Материал из этого слоя немногочисленный, представлен в основном фрагментами керамики различного времени (VI в. до н.э. – III в. н.э.). Среди этих обломков и был обнаружен фрагментированный краснолаковый сосуд (рис. 1–2), краткий анализ которого является темой нашей статьи.

⁶ Крыжицкий, Хмелевский 2013, 56–60.

⁷ Хмелевский 2016, 555–561.

Сосуды в форме бюста. Фигурные рельефные сосуды – интересная группа высококачественной керамики, которой посвящено много специальных исследований. Начало исследования фигурных сосудов было положено ставшей уже классической работой М.И. Максимовой⁸. В дальнейшем к ним не раз обращались специалисты по Северному Причерноморью⁹ и другим регионам¹⁰. В Ольвии к 1976 г., согласно подсчетам Д.С. Герцигер, было обнаружено около 40 фигурных сосудов различных форм (рис. 3)¹¹. Важно отметить, что значительная часть этих сосудов происходит из погребений некрополя, а часть – вообще беспаспортна, поэтому находка столь хорошо сохранившегося фрагмента сосуда (рис. 1–2) при регулярных раскопках на городище вызывает особый интерес.

Сосуды в форме человеческого бюста известны с архаического времени¹². В эллинистическое время ряд таких сосудов даже воспроизводил портретные черты, например, Арсинои II и Арсинои III, жен монархов из династии Птолемеев¹³ или Митридата-Геракла¹⁴. Римским временем датируется ряд фигурных сосудов с изображением мифологических персонажей – например, Одиссея и Ахилла¹⁵. В позднеэллинистическое и римское время популярность такой парадной посуды увеличивается (рис. 4, 1, 3), и они начинают производиться во многих центрах¹⁶. Помимо керамических, известны и стеклянные сосуды в виде человеческой головы¹⁷. Известны находки фигурных сосудов такой формы и в Северном Причерноморье¹⁸.

В римское время сосуды в виде головы или изображения человеческого лица были особенно популярны, что привело к своеобразному феномену – появлению лицевых урн и сосудов иного назначения¹⁹. С территории хоры Херсонеса Таврического происходит фрагмент рельефного флакона с туловом в виде мужской

⁸ Maximova 1927.

⁹ См., например: Сорокина 1997; Герцигер 1976, 85–93; 1981, 43–44; Буйских 2006, 206–230. Одним из авторов публикуемой статьи представлен небольшой обзор импортной книдской рельефной керамики в Северном Причерноморье (Журавлев 2017, 116–126 (с литературой)).

¹⁰ См., например: Mandel 1988 (с литературой); Gabler, Márton 2008, 163–172; и многие другие.

¹¹ Герцигер 1976, 85.

¹² Восточная Греция: Ducat 1966, 7–49, pl. I–II, IV–VII; Richter 1967, 33–37; von Vocano 1976, 33–43; Walter-Karydi 1985, 9. Abb. 7–8; Herdejürgen 1989, 71–77 (с литературой); Schlotzhauer 2006, 229–256 (с литературой). Атика: Горбунова 1960, 45–47; 1962, 28–45; Croissant 1973, 205–225; Biers 1973, 17–20; Reeder Williams 1978, 374–377, 397, pl. 102.

¹³ Yon 1985, 242–247, pl. XXXIX.

¹⁴ Такой сосуд, в частности, был найден в некрополе Пантикапея. Б.В. Фармаковский определил тип Геракла (Фармаковский 1916, 311–327), а Д.С. Герцигер, рассмотрев изображения с близкой иконографией в скульптуре, монетах и геммах, пришла к выводу, что это изображение Митридата VI Евпатора в облике Геракла (Герцигер 1981, 43–44).

¹⁵ Greifenhagen 1967, 532–534, Taf. XXII–XXIII.

¹⁶ Salomonson 1968, 136, fig. 47, 3; 139, fig. 50; Johnson 1970, 39–42, fig. 1–3, 5; La Baume, Salomonson 1976, 170–172, Taf. 66, 625, 626, 628; 67, 627, 629, 630; Mandel 1988, 228–230, Taf. 20–22.

¹⁷ Fremersdorf 1961, 55–56, Taf. 104, 106–107; Сорокина 1968, 181–189; Kunina 1977, 122–123. N. 86–90; и др.

¹⁸ Керчь – ИАК 30, 1909, 9, рис. 7; Johnson 1970, 40–41, fig. 5.

¹⁹ Этому интересному явлению посвящена значительная литература: см., например: Митова-Джонова 1972, 203–211; Ricci 1985, 347, tav. CXIV, 1–3; CXXXIX, 6; Braithwaite 1984, 99–131; Braithwaite 2007 (с исчерпывающей литературой по вопросу); Nicolici, Raičković 2008, 135–153. В Северном Причерноморье нам известен лишь один такой сосуд, происходящий из Херсонеса Таврического (Костромичев 2011, 34–35, рис. 18, 2). Фрагментированное состояние этого сосуда привело к неточному определению формы херсонесского сосуда как кувшина.

Рис. 3. Фигурные сосуды из Ольвии. 1 – Одесский археологический музей (по: Кат. Одесса. 1983, № 105); 2–3 – Государственный Эрмитаж (по: Герцигер 1976, Рис. 2, 3–4)

головы²⁰, определить антропологическую принадлежность которой по схематическому рисунку в публикации затруднительно. Фигурный сосуд в виде головы Силена, увенчанной увенчан горлом в форме головы Деметры или Кору (Персефоны) книдского производства был найден в Усть-Альминском некрополе²¹. Антропоморфные сосуды встречаются также на территории Мезии и Фракии²².

Фигурные сосуды с изображением чернокожего. Надо отметить, что изображения мужской головы негроидного типа встречаются среди фигурной керамики уже с V в. до н.э.²³ Сосуды этой формы были особо широко распространены в римское время. Фигурные сосуды с изображением молодого юноши негроидного типа были не раз встречены в городах Северного Причерноморья: например, из знаменитой коллекции Фогеля происходит сосуд в виде фигурки сидящего афри-

²⁰ Кленина, Созник 2004, 67–68, рис. 16, Кат. 153. Авторы публикации относят этот флакон к продукции книдского производства II в. н.э.

²¹ Пуздровский 2012, 201–206, рис. 2–3.

²² Ненова-Мерджанова 1994, 1–5.

²³ Beardsley 1929, 23–41; Snowden 1976, 142–143, fig. 153–154; 172–173, fig. 208–211). Особенно интересны в этой связи двусторонние сосуды, одна часть которых представляет собой голову чернокожего юноши или бородатого мужчины, а вторая – белокожей девушки (Beardsley 1929, 27, Nos. 44–45, fig. 6; Richter 1967, Abb. 17; Snowden 1976, 146–147, fig. 159–160; 157, fig. 178–179), а другие – чернокожей девушки и белокожего мужчины (Snowden 1976, 162–163, fig. 193), чернокожей и белокожей девушек (Горбунова 1962, 31, рис. 4; Croissant 1973, 206, fig. 1–4; 214–215, fig. 12–13), или двух чернокожих (Snowden 1976, 166, fig. 199).

канца²⁴. Три сосуда в виде бюста чернокожего были опубликованы Д.С. Герцигер – два из собрания Государственного Эрмитажа (рис. 3, 2–3), один – из Одесского археологического музея (рис. 3, 1)²⁵.

Сосуд в виде головы чернокожего юноши хранится в Балтиморе (коллекция Робинсона)²⁶. Два фигурных сосуда II–III в. в виде головы африканца хранятся в Хьюстоне (рис. 4, 2, 4)²⁷. Близкий по трактовке сосуд был найден при раскопках в Лимассоле²⁸. Два практически целых сосуда в виде головы чернокожего юноши и один фрагмент от аналогичного изделия происходят из некрополя Самфораки и датируются около 25 г. до н.э.²⁹

Наш сосуд напоминает по облику и терракотовую голову африканца из Агригента, датированную концом VI или началом V в. до н.э.³⁰, хотя она имеет совсем другое назначение. Керамические бальзамарии в виде головы чернокожего африканского производства получили широкое распространение в III–IV вв. н.э.³¹ Впрочем, они немного отличаются от публикуемого сосуда по своему облику.

Происхождение формы краснолаковых сосудов. Скорее всего, форма керамических сосудов, обнаруженных в Ольвии и других местах, имеет прототипом бронзовые сосуды-бюсты, имевшие различные размеры (рис. 4, 5–6). Их находки во множестве зафиксированы не только в ряде пунктов Восточного Средиземноморья³², но даже в Беграме (Афганистан)³³. Ф. Коарелли считает их изделиями александрийского происхождения³⁴. Подобные бронзовые сосуды, вероятно, служили контейнерами для фимиама³⁵ или иных благовоний. Возможно, краснолаковые сосуды в форме головы африканца представляли собой более дешевый транспортный контейнер для доставки благовоний менее взыскательным потребителям.

Изображения эфиопов/африканцев в античном искусстве и литературе. Изображения африканцев получили широкое распространение в античное время. Наиболее ранние изображения относятся к минойскому времени. Сложно сказать, кого они представляли – мифологических эфиопов или реальных нубийских воинов. Но их изображения есть, например, на фресках из Феры и из дворца Нестора в Пилосе³⁶.

В античной литературной традиции эфиопы играют заметную роль. Царь эфиопов Мемнон во главе войска участвовал в Троянской войне против греков. Эфиопию после похода на Трою посещает Менелай. Греки считали эфиопов обитателя-

²⁴ Cramer 1908, 53, N 523, Taf. VIII, 12.

²⁵ Герцигер 1976, 89–91, рис. 2, 3–4.

²⁶ Beardsley 1929, fig. 22; Fontana 1995, 88, fig. 8.

²⁷ Snowden 1976, 236–237, fig. 327–328; Parlasca 1986, Taf. 38, 1.

²⁸ Karagheorghis 1988, 52–53, N 49 (высота сосуда 19 см). Ср.: Snowden 1976, fig. 328.

²⁹ Dusenbery 1998, 779–780, No. SP-2, S152-1, S151-A.

³⁰ Snowden 1976, 148–149, fig. 163.

³¹ Fontana 1995, 83–91.

³² Goessler 1928, 75–86; Билимович 1967, 37–38; Snowden 1976, 192, fig. 241–242. Большое число бронзовых бальзамариев было собрано в статье К. Маевского (Majewski 1963, 95–126). Из последних работ о бронзовых сосудах, в том числе в виде голов эфиопов см. Marti 1996, 979–1000.

³³ Coarelli 1961, 168–179.

³⁴ Coarelli 1961, 176.

³⁵ Majewski 1963, 100; Герцигер 1976, 92.

³⁶ Snowden 1976, 136–140.

ми южного края земли, на берегах Океана. Так как эфиопы совершали обильные жертвоприношения олимпийским богам, боги охотно пировали вместе с ними и дарили им свою благосклонность (Hom. Od. I. 21–25; II. I. 423; XXIII. 206).

Впрочем, трудно говорить о тождественности эфиопов ранних античных авторов и чернокожего населения Африки. Есть все основания предполагать, что эфиопы Гомера и других авторов были неким идеализированным светлокожим народом (но, например, спутник Одиссея Еврибад, в отличие от эфиопов) специально описан как чернокожий)³⁷.

Позднее Геродот описывает ливийских воинов с курчавыми волосами в персидской армии (VII, 70). Неоднократно с чернокожими обитателями Северной Африки встречались и греческие жители Навкратиса. Поскольку в наши задачи не входит анализ античной литературы, упоминающей об эфиопах/африканцах, отсылаем заинтересованного читателя к прекрасным обзорам на соответствующую тему³⁸. Но именно благосклонность олимпийских богов к этому народу, вероятно, привела к тому, что изображения голов эфиопов, а затем – всех чернокожих, стали некоторым символом благоденствия.

В римское же время часть населения империи имела черный цвет кожи, поэтому изображения африканцев были хорошо известны и понятны всем.

Изображения африканцев широко представлены в вазописи³⁹, а также на мозаиках⁴⁰. Чернокожие изображались и на драгоценных предметах – например, на золотой фиале из клада в Панагюриште с изображением голов эфиопов⁴¹, и на других ювелирных украшениях⁴², а также на монетах, начиная с классического времени⁴³. Многочисленны изображения африканцев в терракотовых масках⁴⁴, терракотовых статуэтках⁴⁵, широкое распространение получили светильники в виде головы мужчины негроидного типа⁴⁶. Кроме того, известны каменные⁴⁷ и бронзовые⁴⁸ статуи с изображением чернокожих. Интересны небольшие фигурные сосуды в виде фигурок африканских детей, сидящих с сосудом, птицей⁴⁹, спящего около амфоры маленького эфиопа⁵⁰ или полные трагизма сосуды с изображением борьбы юного чернокожего с крокодилом⁵¹. Известны и стеклянные

³⁷ Иванчик 2005, 23.

³⁸ Beardsley 1929; Snowden 1976 (с подробной литературой вопроса); Иванчик 2005, 23–25.

³⁹ Beardsley 1929, 42–66; Snowden 1976, 141, fig. 150–152; 144–145, fig. 155–158; 150–151, fig. 165–166; и т.д.

⁴⁰ Snowden 1976, 186–187, fig. 234–235; Karagheorghis 1988, 56–57, N 52.

⁴¹ Snowden 1976, 180–181, fig. 221–222; Кат. Москва 2013, 218–219, № 73 (с литературой).

⁴² Snowden 1976, 194–195, fig. 244–246.

⁴³ Snowden 1976, 192, fig. 186–193.

⁴⁴ Snowden 1976, 190, fig. 238; Karagheorghis 1988, 54–55, N 50–51.

⁴⁵ Snowden 1976, 234–235, fig. 317–323; Karagheorghis 1988, 42–45, N 34–39.

⁴⁶ Hausmann 1962, Beil. 80, 1–2; Snowden 1976, 192, fig. 240; 235, fig. 324; Desanges 1976, 260–261, fig. 352–354; Karagheorghis 1988, 48–49, N 45–47; Кузманов 1992, 67, № 44–45; Журавлев и др. 2010, 265–267, № 95 (описан как сатир) (с литературой).

⁴⁷ Snowden 1976, 202–205, fig. 256–258.

⁴⁸ Snowden 1976, 197–201, fig. 251–255, 259–261.

⁴⁹ Hausmann 1962, Beil. 76–78; Snowden 1976, 182, fig. 223, 226.

⁵⁰ Snowden 1976, 206, fig. 262–263

⁵¹ Beardsley 1929, 38–41, fig. 9; Snowden 1976, 174–175, fig. 213–214. См. также изображение чернокожего акробата на спине у крокодила: Snowden 1976, 228, fig. 299.

Рис. 4. Фигурные сосуды в форме головы африканцев – 1. Вена, музей истории искусств (по: Hausmann 1962, Veil. 76. 1); 2, 4 – Хьюстон, II–III вв. н.э. (по: Snowden 1962, N 327-328); 3 – музей в Chemtou (по: Fontana 1995, fig. 10); 5 – бронзовый бюст. Остия. II в. н.э. Музеи Ватикана (по: Leglant 1976, fig. 372); 6 – бронзовый бюст. Музей Providence. II–I вв. до н.э. (по: Snowden 1962, fig. 239)

сосуды в виде головы африканца⁵². Интересна целая серия гротесков⁵³, представляющих головы чернокожих. Разумеется, наш перечень далеко не полон, и подобных изображений известно значительно больше⁵⁴.

По очевидным причинам популярность этих изображений в римской Северной Африке⁵⁵ и Египте⁵⁶ была особенно высока. Существует точка зрения, что распространение таких сосудов, возможно, было связано и с чернокожими легионерами, проходившими свою службу в отдаленных уголках империи⁵⁷, хотя это предположение и дискуссионное.

Заключение. Публикуемый сосуд датируется, вероятно, II–III вв. н.э. Центр его производства неясен, но маловероятно, чтобы он был сделан в африканской мастерской, особенно учитывая практически полное отсутствие африканского керамического импорта в I–III вв. н.э. в Ольвии, Херсонесе и на Боспоре. Скорее всего, подобно большинству фигурных сосудов из Северного Причерноморья, он был изготовлен в одной из малоазийских мастерских. Никаких оснований связывать его находку с присутствием римских войск в Ольвии нет, этот явно импортный сосуд поступил в Побужье в результате торговых связей.

ЛИТЕРАТУРА

- Билимович, З. 1967: Бронзовый фигурный сосуд в виде головы негра. *СГЭ*. XXVIII, 37–38.
- Буйских, С.Б. 1991: *Фортификация Ольвийского государства (первые века нашей эры)*. Киев.
- Буйских, С.Б. 2006: Фигурные сосуды дионисийского круга из Золотого Мыса. В сб.: Д.В. Журавлев (ред.), *Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. Памяти Н.П. Сорокиной*. (Труды ГИМ. 159). М., 206–230.
- Герцигер, Д.С. 1976: Четыре фигурных сосуда из Ольвии. В сб.: Н.И. Сокольский и др. (ред.), *Художественная культура и археология античного мира. Сборник памяти Б.В. Фармаковского*. М. 84–93.
- Герцигер, Д.С. 1981: Об одном фигурном сосуде из Пантикапея. *СГЭ*. XLVI, 43–44.
- Горбунова, К.С. 1960: Фигурный канфар второй четверти V в. до н.э. *СГЭ*. XVIII, 45–47.
- Горбунова, К.С. 1962: Аттические вазы в форме человеческих голов в собрании Эрмитажа. *ТГЭ*. VII. Л., 28–45.
- Журавлев, Д.В. 2017: Книдский импорт рельефной керамики в Северном Причерноморье в римское время. В сб.: В.Н. Зинько, Е.А. Зинько (ред.), *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути-товары-отношения: материалы международной научной конференции*. (БЧ XVIII). Симферополь–Керчь, 116–126.
- Журавлев, Д.В., Быковская, Н.В., Желтикова, А.Л. 2010: *Светильники второй половины III в. до н.э. – IV в. н.э.: импортные эллинистические светильники. Боспорские светильники эллинистического и римского времени*. (Из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Коллекция светильников. Т. II). Киев.

⁵² Price 1974, 291–292, fig. 5, pl. LXV, ab; Snowden 1976, 221, fig. 287.

⁵³ Richter 1967, Abb. 30; La Baume, Salomonson 1976, 172–173, Taf. 67, 631; 68, 632; Salomonson 1979, 136, fig. 14 (в центре); Salomonson 1980, 117, Abb. 18–20; 118, Abb. 21, ab

⁵⁴ Отсылаем читателя к прекрасно иллюстрированному исследованию (Snowden 1976), в котором собраны основные изображения чернокожих античного времени.

⁵⁵ Desanges 1976, 246–268.

⁵⁶ Leclant 1976, 269–285.

⁵⁷ Swan 1992, 15–22, fig. 6.

- Иванчик, А.И. 2005: *Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н.э. в античной литературной традиции, литературе и истории (Pontus Septentrionalis III)*. М.–Берлин.
- Кат. Москва 2013 – Д.В. Журавлев, К.Б. Фирсов (ред.), *Фракийское золото из Болгарии. Ожившие легенды. Каталог выставки в Государственном историческом музее. 1 октября – 30 ноября 2013 г.* М.
- Кат. Одесса 1983 – Г.А. Дзис-Райко (ред.), *Одесский археологический музей АН УССР*. Киев.
- Кленина, Е.Ю., Созник, В.В. 2004: *Керамические сосуды II–III вв. н.э. из усадьбы «Близнецы» (Хора Херсонеса Таврического)*. Roznān.
- Костромичев, Д.А. 2011: Римское военное присутствие в Херсонесе в начале I – первой половине V вв. (по данным археологии). *Stratum plus* 4, 15–164.
- Крыжицкий, С.Д. 1985: *Ольвия. Историкографическое исследование архитектурно-строительных комплексов*. Киев.
- Крыжицкий, С.Д., Хмелевский, Д.Н. 2008: К вопросу о комплексе крепостных ворот Римской цитадели в Ольвии. В сб.: В.Н. Зинько (ред.), *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Militaria* (БЧ IX). Керчь. 147–153.
- Крыжицкий, С.Д., Хмелевский, Д.Н. 2013: Доследования северной оборонительной линии Римской цитадели Ольвии в 2005–2011 гг. (предварительные итоги). В сб.: *Матеріали III міжнародної науково-практичної конференції «Аркасівські читання»*. Миколаїв, МНУ імені В.О. Сухомлинського. Миколаїв, 56–60.
- Кузманов, Г. 1992: *Античні лампи. Колекція на Націоналния археологически музей*. София.
- Митова-Джонова, Д. 1972: Глинени урни с изображение на човешко лице от Мезия. *Известия на Археологическия Институт*. XXXIII. София, 203–211.
- Ненова-Мерджанова, Р. 1994: Съдове с формата на човешки или антропоморфен бюст от римските провинции Мизия и Тракия. *Археология*. София. 1–5.
- Пуздровский, А.Е. 2012: Погребение с фигурным краснолаковым сосудом из Усть-Альминского некрополя. В сб.: Д.В. Журавлев, К.Б. Фирсов (ред.), *Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гущиной* (Труды ГИМ. 191). М., 201–207.
- Сорокина, Н.П. 1968: Стекланный фигурный сосуд из Кеп. *СА* 4, 181–189.
- Сорокина Н.П. 1997. *Религия и коропластика в античности (фигурные сосуды из собрания ГИМ)* (Труды ГИМ. 91). М.
- Фармаковский, Б.В. 1908: Раскопки в Ольвии. *ОАК за 1905 г.* СПб, 1–15.
- Фармаковский, Б.В. 1909: Раскопки в Ольвии. *ОАК за 1906 г.* СПб. 1–50.
- Фармаковский, Б.В. 1916: Терракотовый сосуд в форме головы Геракла из Пантикапея (Керчи). В сб.: *Сборник статей в честь графини П.С. Уваровой*. М., 311–327.
- Фармаковский, Б.В. 1926: Отчет о раскопках в Ольвии в 1924 г. *СГАИМК* 1, 143–163.
- Хмелевский, Д.Н. 2016: Исследования северной оборонительной линии Римской цитадели Ольвии в 2005–2015 гг. *Стародавне Причорномор'я*. XI. Одеса, 555–561.
- Beardsley, G.H. 1929: *The Negro in Greek and Roman Civilization. A Study of the Ethiopian Type*. Baltimore–London.
- Biers, R. 1973: An Attic Head Vase. *MVSE. Annual of the Museum of Art and Archaeology, University of Missouri-Columbia* 7, 17–20.
- Braithwaite, G. 1984: Romano-British Face Pots and Head Pots. *Britannia* XV, 99–131.
- Braithwaite: G. 2007: *Faces from the Past: A Study of Roman Face Pots from Italy and the Western Provinces of the Roman Empire* (BAR IS 1651). Oxford.
- Coarelli, F. 1961: Novi elementi per la cronologia di Begram: cinque recipient bronzei in forma di buste. *Archaeologica Classica* XIII, 168–179.

- Cramer, M. 1908: *Griechische Altertümer südrussischen Fundorts aus dem Besitze des Herrn A. Vogell, Karlsruhe*. Kassel.
- Croissante, F. 1973: Collection Paul Canellopoulos (IV). Vases plastiques attiques en forme de têtes humaines. *BCH* 97, 205–225.
- Gabler D., Márton A. 2008. Römische Kopfgefäße und eine Wienkanne mit Kopfmündung im Museum der Bildenden Künste von Budapest. *RCRF Acta*. 40. Bonn, 163–172.
- Goessler, P. 1928: Antike Büstengefäße aus Metal. In: *Antike Plastik. Walther Amelung zum Sechzigsten Geburtstag*. Berlin–Leipzig, 75–86.
- Desanges, J. 1976: The Iconography of the Black in Ancient North Africa. In: J. Vercoutter, J. Leclant, F.M. Snowden, J. Desanges J. (eds.), *The Image of the Black in Western Art. I. From the Pharaohs to the fall of the Roman Empire*. Lausanne.
- Ducat, J. 1966: *Les vases plastiques rhodiens archaïques en terre cuite*. Paris.
- Dusenbery, E.B. 1998: *Samothrace. The Necropolis. Catalogues of Objects by Categories*. Princeton.
- Fontana, S. 1995: Tradizione artigianale e raffigurazione di tipi atnici nei balsamari configurati di produzione africana (III–IV sec. D. C.). *Quaderni di archeologia della Libia*. 17, 83–91.
- Fremersdorf, F. 1961: *Römisches Geformtes Glas in Köln* (Die Denkmäler des römischen Köln. Bd. VI). Köln.
- Greifenhagen, A. 1967: Zwei Kopfgefäße: Odysseus und Achilleus. *Gymnasium* 4, 532–534.
- Hausmann, U. 1962: Hellenistische Neger. *AM* 77, 255–281.
- Herdejürgen, H. 1989: Ostgriechische Büstengefäße – Bemerkungen zur Chronologie. In: H.U. Cain, H. Gabelmann. D. Salzmann (Hrsg.), *Festschrift für Nikolaus Himmelmann: Beiträge zur Ikonographie und Hermeneutik. Beihefte der Bonner Jahrbücher*. Bd. 47. Mainz, 71–77.
- Johnson, B.L. 1970: A Glazed Head of a Girl. *MVSE. Annual of the Museum of Art and Archaeology, University of Missouri-Columbia* 4, 39–42.
- Karageorghis, V. 1988: *Blacks in Ancient Cypriot Art*. Houston.
- Kunina, N. 1997: *Ancient Glass in the Hermitage Collection*. Saint Petersburg.
- La Baume, P., Salomonson, J.W. 1976: *Römische Kleinkunst. Sammlung Karl Löffler*. (Wissenschaftliche Kataloge des Römisch–Germanischen Museums Köln. Bd. III). Köln.
- Leclant, J. 1976: Egypt, Land of Africa, in the Greko-Roman Period. In: J. Vercoutter, J. Leclant, F.M. Snowden, J. Desanges, *The Image of the Black in Western Art. I. From the Pharaohs to the fall of the Roman Empire*. Lausanne, 269–285.
- Majewski, K. 1963: Brazowe balsamaria antropomorficzne w cesarstwie Rzymskim. *Archeologia*. XIV. Wrocław–Warszawa–Kraków, 95–126.
- Mandel, U. 1988: *Kleinasiatische reliefkeramik der mittleren Kaiserzeit: Die «Oinophorengruppe» und Verwandtes*. (Pergamenische Forschungen. Bd. 5). Berlin–New York.
- Martí, V. 1996: De l'usage des „balsamaries“ antropomorphes en bronze. *MEFRA* 108.2, 979–1000.
- Maximova, M.I. 1927: *Les vases plastiques dans l'antiques (époque archaïque)*. Paris.
- Nicolić, S., Raičković, A. 2008: Prosopomorphic Vessels from Moesia Superior. *Старинар. Нова серија*. LVIII. Београд [2009], 135–153.
- Parlasca, K. 1986: Ein Büstengefäß in Damaskus. Zur kleinasiatischen Bleiglasurkeramik, in: E. Böhr, W. Martini (Hrsg.), *Studien zur Mythologie und Vasenmalerei. Konrad Schauenburg zum 65. Geburtstag am 16. April 1986*. Mainz, 209–212.
- Price, J. 1974: A Roman mould-blown negro-head glass beaker from London. *The Antiquaries Journal* LIV, 291–292.
- Reeder Williams, E. 1978: Figurine Vases from the Athenian Agora. *Hesperia* 47, 356–401.

- Ricci, A. 1985: Ceramica a pareti sottili. In: *Atlante delle forme ceramiche. II. Ceramica fine Romana nel Bacino Mediterraneo (tardo ellenismo e primo impero)*. (Enciclopedia dell'arte antica, classica e orientale). Roma, 231–356.
- Richter, I. 1967: *Das Kopfgefäß. Zur Typologie einer Gefäßform*. Magister-Arbeit. Philosophische Fakultät der Universität zu Köln. Köln.
- Salomonson, J.W. 1968: Études sur la céramique romaine D'Afrique. Sigillée claire et céramique commune de Henchir el Ouiba (Raqqada) en Tunisie Centrale. *BABesch* 43, 80–145.
- Salomonson, J.W. 1979: Kleinasiatische Tonschalen mit Reliefverzierung. Bemerkungen zu einem Fragment der „Oinophorengattung“ in der Universitätsammlung in Utrecht. *BABesch* 54, 117–137.
- Salomonson, J.W. 1980: Der Trunkenbold und die Trunkene Alte. Untersuchungen zur Herkunft, Bedeutung und Wanderung einigen plastischer Gefäßstypen der römischen Kaiserzeit. *BABesch* 55.1, 65–135.
- Schlotzhauer, U. 2006: Ostgriechische koroplastisch gestaltete Gesichts- und Kopfgefäße aus milesischen Werkstätten. In: R. Biering, V. Brinkmann, U. Schlotzhauer, B.F. Weber (Hrsg.), *Maiandros. Festschrift für Volkmar von Graeve*. München, 229–256.
- Snowden, F.M. 1976: Iconographical Evidence on the Black Populations in the Greco-Roman Antiquity. In: J. Vercoutter, J. Leclant, F.M. Snowden, J. Desanges. *The Image of the Black in Western Art. I. From the Pharaohs to the fall of the Roman Empire*. Lausanne, 133–245.
- Swan, V. G. 1992: Legio VI and its Men: African Legionaries in Britain. *Journal of Roman Pottery Studies* 5, 1–33.
- Vocano, von, O. 1976: Zur Chronologie der rhodischen Büstenvasen. *Bonner Jahrbücher*. 1976, 33–43.
- Walter-Karydi, E. 1985: Die Themen des ostionischen figürlichen Salbgefäße. *Münchener Jahrbuch der bildenen Kunst*. XXXVI. München, 7–16.
- Yon, M. 1985: Portraits Lagides a Chypre. *Report of the Department of Antiquities Cyprus*. Nicosia, 242–247.

REFERENCES

- Beardsley, G.H. 1929: *The Negro in Greek and Roman Civilization. A Study of the Ethiopian Type*. Baltimore–London.
- Biers, R. 1973: An Attic Head Vase. *MVSE. Annual of the Museum of Art and Archaeology, University of Missouri-Columbia* 7, 17–20.
- Bilimovich, Z. 1967: Bronzovyy figurnyy sosud v vide golovy negra [Bronze plastic vessel in the form of Negro's head]. *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha [Proceedings of the State Hermitage]* XXVIII, 37–38.
- Braithwaite, G. 1984: Romano-British Face Pots and Head Pots. *Britannia*. XV, 99–131.
- Braithwaite, G. 2007: *Faces from the Past: A Study of Roman Face Pots from Italy and the Western Provinces of the Roman Empire*. (BAR IS 1651). Oxford.
- Buyskikh, S.B. 1991: *Fortifikatsiya ol'viyskogo gosudarstva (pervye veka nashey ery) [Fortification of Olbian State (first centuries AD)]*. Kiev.
- Buyskikh, S.B. 2006: Figurnye sosudy dionisiyskogo kruga iz Zolotogo Mysa [Plastic vessels of Dionysian circle from Zolotoy Mys]. In: D.V. Zhuravlev (ed.), *Severnoe Prichernomor'e v epokhu antichnosti i srednevekov'ya. Pamyati N.P. Sorokinoy [The Northern Black Sea Region in the Antiquity and the Middle Ages. In memory of N.P. Sorokina]*. (Transactions of the State Historical Museum. 159). Moscow, 206–230.
- Cat. Moscow. 2013 – D. Zhuravlev, K. Firsov (eds.), *Frakiyskoe zoloto iz Bolgarii. Ozhivshie legendy. Katalog vystavki v Gosydarstvennom Istoricheskom muzee [Thracian Gold from*

- Bulgaria. The Legends became alive. Exhibition Catalogue in the State Historical Museum*]. Moscow.
- Cat. Odessa 1983 – G.A. Dzis-Rayko (ed.), *Odesskiy arkhеologicheskiy muzei AN USSR* [Odessa Archaeological Museum of Ukrainian Academy of Sciences]. Kiev.
- Coarelli, F. 1961: Novi elementi per la cronologia di Begram: cinque recipienti bronzei in forma di buste. *Archaeologica Classica* XIII, 168–179.
- Cramer, M. 1908: *Griechische Altertümer südrussischen Fundorts aus dem Besitze des Herrn A. Vogell, Karlsruhe*. Kassel.
- Croissante, F. 1973: Collection Paul Canellopoulos (IV). Vases plastiques attiques en forme de têtes humaines. *BCH* 97, 205–225.
- Desanges, J. 1976: The Iconography of the Black in Ancient North Africa. In: J. Vercoutter, J. Leclant, F.M. Snowden, J. Desanges J. (eds.), *The Image of the Black in Western Art. I. From the Pharaohs to the fall of the Roman Empire*. Lausanne.
- Ducat, J. 1966: *Les vases plastiques rhodiens archaïques en terre cuite*. Paris.
- Dusenbery, E.B. 1998: *Samothece. The Necropolis. Catalogues of Objects by Categories*. Princeton.
- Farmakovskiy, B.V. 1908: Raskopki v Ol'vii [Excavations in Olbia]. *Otchet Arkheologicheskoy Komissii za 1905 g.* [Reports of the Archaeological Commission in 1905]. Saint Petersburg, 1–15.
- Farmakovskiy, B.V. 1909: Raskopki v Ol'vii [Excavations in Olbia]. *Otchet Arkheologicheskoy Komissii za 1906 g.* [Reports of the Archaeological Commission in 1906]. Saint Petersburg, 1–50.
- Farmakovskiy, B.V. 1916: Terrakotovyi sosud v forme golovy Gerakla iz Pantikapeya (Kerchi) [Terracotta vessel in the form of Heracles' head from Pantikapaion (Kerch)]. In: *Sbornik statey v chest' grafini P.S. Uvarovoy* [Collection of papers in honor of the Countess P.S. Uvarova]. Moscow, 311–327.
- Farmakovskiy, B.V. 1926: Otchet o raskopkakh v Olvii v 1924 g. [Report on the excavations in Olbia in 1924]. *Soobshcheniya Gosudarstvennoy Akademii Istorii Material'noy Kul'tury* [Proceedings of the State Academy for History of Material Culture]. Vol. 1, 143–163.
- Fontana, S. 1995: Tradizione artigianale e raffigurazione di tipi atnici nei balsamari configurati di produzione africana (III–IV sec. D.C.). *Quaderni di archeologia della Libia*. 17, 83–91.
- Fremersdorf, F. 1961: *Römisches Geformtes Glas in Köln* (Die Denkmäler des römischen Köln. Bd. VI). Köln.
- Gabler D., Márton A. 2008. Römische Kopfgefäße und eine Wienkanne mit Kopfmündung im Museum der Bildenden Künste von Budapest. *RCRF Acta*. 40. Bonn, 163–172.
- Gertsiger, D.S. 1976: Chetyre figurnykh sosuda iz Ol'vii [Four plastic vessels from Olbia]. In: N.I. Sokolskiy et al. (eds.), *Khudozhestvennaya kul'tura i arkheologiya antichnogo mira. Sbornik pamyati B.V. Farmakovskogo* [Artistic culture and archaeology of the Classical world. Collection in memory of B.V. Farmakovskiy]. Moscow. 84–93
- Gertsiger, D.S. 1981: Ob odnom figurnom sosude iz Pantikapeya [On one plastic vessel from Pantikapaion]. *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha* [Proceedings of the State Hermitage] XLVI, 43–44.
- Goessler, P. 1928: Antike Büstengefäße aus Metal. In: *Antike Plastik. Walther Amelung zum Sechzigsten Geburtstag*. Berlin–Leipzig, 75–86.
- Gorbunova, K.S. 1960: Figurnyi kanfar vtoroy chetverti V v. do n.e. [Plastic kantharos of the second quarter of the 5th century BC]. *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha* [Proceedings of the State Hermitage]. XVIII, 45–47.
- Gorbunova, K.S. 1962: Atticheskie vasy v forme chelovecheskikh golov v sobranii Ermitazha [Attic vases in the form of human heads in the collection of the Hermitage]. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha* [Transactions of the State Hermitage] VII, 28–45.

- Greifenhagen, A. 1967: Zwei Kopfgefäße: Odysseus und Achilleus. *Gymnasium* 4, 532–534.
- Hausmann, U. 1962: Hellenistische Neger. *AM* 77, 255–281.
- Herdejürgen, H. 1989: Ostgriechische Büstengefäße – Bemerkungen zur Chronologie. In: H.U. Cain, H. Gabelmann, D. Salzmann (Hrsg.), Festschrift für Nikolaus Himmelmann: Beiträge zur Ikonographie und Hermeneutik. *Beihefte der Bonner Jahrbücher*. Bd. 47. Mainz, 71–77.
- Johnson, B.L. 1970: A Glazed Head of a Girl. *MVSE. Annual of the Museum of Art and Archaeology, University of Missouri-Columbia* 4, 39–42.
- Karageorghis, V. 1988: *Blacks in Ancient Cypriot Art*. Houston.
- Khmelevskiy, D.N. 2016: Issledovaniya severnoy oboronitel'noy linii Rimskoy tsitadeli Ol'vii v 2005–2015 gg. [Investigation of the northern defensive line of the Roman citadel of Olbia in 2005–2015]. *Starodavne Prichernomor'e [The Ancient Black Sea Region]*. Vol. XI. Odessa, 555–561.
- Klenina, E.Yu., Soznik, V.V. 2004: *Keramicheskie sosudy II–III vv. n.e. iz usad'by "Bliznetsy" (Khora Khersonesa Tavricheskogo) [Ceramic vessels from the farm "Bliznetsy" (Chora of Tauric Chersonesos)]*. Poznań.
- Kostromichev, D.A. 2011: Rimskoe voennoe prisutstvie v Khersonese v nachale 1 – pervoy polovine V vv. (po dannym arkheologii) [Roman military presence in Chersonesos in the early 1st – 5th century AD (on the archaeological data)]. *Stratum plus* 4, 15–164.
- Kryzhitskiy, S.D. 1985: *Ol'viya. Istoriograficheskoe issledovanie architekturno-stroitel'nykh kompleksov [Olbia. Historiographic investigation of architecture-building contexts]*. Kiev.
- Kryzhitskiy, S.D., Khmelevskiy, D.N. 2008: K voprosy o komplekse krepostnykh vorot Rimskoi tsitadeli v Ol'vii [On the issue on fortress gate of the Roman citadel in Olbia]. In: V.N. Zinko (ed.), *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti isrednevekov'ya. Militaria [The Cimmerian Bosphorus and barbarian world in the Antiquity and the Middle Ages. Militaria]*. (IX Bosporskie Chteniya [Bosporan Readings]). Kerch, 147–153.
- Kryzhitskiy, S.D., Khmelevskiy D.N. 2013: Dosledovaniya severnoy oboronitel'noy linii Rimskoy tsitadeli Ol'vii v 2005–2011 (predvaritel'nye itogi) [Investigations of the northern defensive line of the Roman citadel in Olbia in 2005–2009]. In: *Materiali III mizhnarodnoy naukovopraktichnoy konferentsii "Arkasiv'ski chitannya". [Proceedings of the III International theoretical and practical conference "Arkasiv Readings". Sukhomlinsky Nikolayev National University]*. Nikolayev, 56–60.
- Kunina, N. 1997: *Ancient Glass in the Hermitage Collection*. Saint Petersburg.
- Kuzmanov, G. 1992: *Antichny lampi. Kolleksiya na Natsionalny archeologicheski muzey [Ancient Lamps. Collection of the National Archaeological Museum]*. Sofia.
- La Baume, P., Salomonson, J.W. 1976: *Römische Kleinkunst. Sammlung Karl Löffler. (Wissenschaftliche Kataloge des Römisch-Germanischen Museums Köln. Bd. III)*. Köln.
- Leclant, J. 1976: Egypt, Land of Africa, in the Greko-Roman Period. In: J. Vercoutter, J. Leclant, F.M. Snowden, J. Desanges, *The Image of the Black in Western Art. I. From the Pharaohs to the fall of the Roman Empire*. Lausanne, 269–285.
- Majewski, K. 1963: Brazowe balsamaria antropomorficzne w cesarstwie Rzymskim. *Archeologia*. XIV. Wrocław–Warszawa–Kraków, 95–126.
- Mandel, U. 1988: *Kleinasiatische reliefkeramik der mittleren Kaiserzeit: Die «Oinophorengruppe» und Verwandtes*. (Pergamenische Forschungen. Bd. 5). Berlin–New York.
- Marti, V. 1996: De l'usage des „balsamaries“ antropomorphes en bronze. *MEFRA* 108.2, 979–1000.
- Maximova, M.I. 1927: *Les vases plastiques dans l'antiques (époque archaïque)*. Paris.
- Mitova-Dzhonova, D. 1972: Glineny urny s izobrazheniem choveshko litse ot Mesia [Clay urns with a depiction of human face from Moesia]. *Izvestiya na Archaeologicheskiya Institut* XXXIII, 203–211.

- Nenova-Merdzhanova, R. 1994: Sdove s formata na choveshki ili antropomorfen byust ot rimskite provintsii Miziya i Trakiya. *Archaeologiya*. Sofia, 1–5.
- Nicolić, S., Raičković, A. 2008: Prosopomorphic Vessels from Moesia Superior. *Starinar: Nova serija*. LVIII. Beograd [2009], 135–153.
- Parlasca, K. 1986: Ein Büstengefäß in Damaskus. Zur kleinasiatischen Bleiglasurkeramik, in: E. Böhr, W. Martini (Hrsg.), *Studien zur Mythologie und Vasenmalerei. Konrad Schauenburg zum 65. Geburtstag am 16 April 1986*. Mainz, 209–212.
- Price, J. 1974: A Roman mould-blown negro-head glass beaker from London. *The Antiquaries Journal* LIV, 291–292.
- Puzdrovskiy, A.E. 2012: Pogrebenie s figurnym krasnolakovym sosudom iz Ust'-Al'minskogo nekropolya [Burial with a plastic red-glazed vessel from the Ust'-Alma necropolis]. In: D. Zhuavlev, K. Firsof (eds.), *Evrasia v skifo-sarmatskoe vremya. Pamyati Iriny Ivanovny Guschinoy [Eurasia during the Scythian-Sarmatian time. In memory of Irina Ivanovna Gushchina]*. (Transactions of the State Historical Museum. 191). Moscow, 201–207.
- Reeder Williams, E. 1978: Figurine Vases from the Athenian Agora. *Hesperia* 47, 356–401.
- Ricci, A. 1985: Ceramica a pareti sottili. In: *Atlante delle forme ceramiche*. II. *Ceramica fine Romana nel Bacino Mediterraneo (tardo ellenismo e primo impero)*. (Enciclopedia dell'arte antica, classica e orientale). Roma, 231–356.
- Richter, I. 1967: *Das Kopfgefäß. Zur Typologie einer Gefäßform*. Magister-Arbeit. Philosophische Fakultät der Universität zu Köln. Köln.
- Salomonson, J.W. 1968: Études sur la céramique romaine D'Afrique. Sigillée claire et céramique commune de Henchir el Ouiba (Raqqada) en Tunisie Centrale. *BABesch* 43, 80–145.
- Salomonson, J.W. 1979: Kleinasiatische Tonschalen mit Reliefverzierung. Bemerkungen zu einem Fragment der „Oinophorengattung“ in der Universitätsammlung in Utrecht. *BABesch* 54, 117–137.
- Salomonson, J.W. 1980: Der Trunkenbold und die Trunkene Alte. Untersuchungen zur Herkunft, Bedeutung und Wanderung einigen plastischer Gefäßstypen der römischen Kaiserzeit. *BABesch* 55.1, 65–135.
- Schlotzhauer, U. 2006: Ostgriechische koroplastisch gestaltete Gesichts- und Kopfgefäße aus milesischen Werkstätten. In: R. Biering, V. Brinkmann, U. Schlotzhauer, B.F. Weber (Hrsg.), *Maiandros. Festschrift für Volkmar von Graeve*. München, 229–256.
- Snowden, F.M. 1976: Iconographical Evidence on the Black Populations in the Greco-Roman Antiquity. In: J. Vercoutter, J. Leclant, F.M. Snowden, J. Desanges. *The Image of the Black in Western Art. I. From the Pharaohs to the fall of the Roman Empire*. Lausanne, 133–245.
- Sorokina, N.P. 1968: Steklyannyy figurnyy sosud iz Kep [Glass plastic vessel from Kepoi]. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]* 4, 181–189.
- Sorokina, N.P. 1997: *Religiya i koroplastika v antichnosti (figurnye sosudy iz sobraniya GIM) [Religion and terracotta in antiquity (plastic vessels in the State Historical Museum)]*. (Transactions of the State Historical Museum. 91). Moscow.
- Swan, V. G. 1992: Legio VI and its Men: African Legionaries in Britain. *Journal of Roman Pottery Studies* 5, 1–33.
- Vocano, von, O. 1976: Zur Chronologie der rhodischen Büstenvasen. *Bonner Jahrbücher*. 1976, 33–43.
- Walter-Karydi, E. 1985: Die Themen des ostionischen figürlichen Salbgefäße. *Münchener Jahrbuch der bildenen Kunst*. XXXVI. München, 7–16.
- Yon, M. 1985: Portraits Lagides a Chypre. *Report of the Department of Antiquities Cyprus*. Nicosia, 242–247.
- Zhuravlev, D.V. 2017: Knidskiy import rel'efnoy keramiki v Severnoe Prichernomor'e v rimskoe vremya [Cnidian import of Relief Ware in the Northern Black Sea Region in the Roman period]. In: V.N. Zinko, E.A. Zinko (eds.), *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir*

- v period antichnosti srednevekov'ya. Torgovlya: puti-tovary-otnosheniya: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. (XVIII Bosporskie chteniya [Bosporan Readings]). Simferopol-Kerch, 116-126.*
- Zhuravlev, D.V., Bykovskaya, N.V., Zheltikova, A.L. *Svetil'niki vtoroy poloviny III v. do n.e. – IV v. n.e.: importnye ellinisticheskie svetil'niki. Bosporskie svetil'niki ellinisticheskogo i rimskogo vremeni [Lamps of the second half of the 3rd century BC – 4th century AD.: Imported Hellenistic Lamps. Bosporan Lamps of the Hellenistic and Roman Period]. (Iz sobraniya Kerchenskogo istorico-kul'turnogo zapovednika. Kolleksiya svetil'nikov) [From the Collection of Kerch History and Culture Preserve. Collection of Lamps. Vol. II]. Kiev.*

PLASTIC FLASK IN THE FORM OF AFRICAN'S HEAD FROM OLBIA

Denis V. Zhuravlev*, Dmitriy N. Khmelevskiy**

**State Historical Museum, Moscow, Russia*

denzhuravlev@mail.ru

***Institute of Archaeology, Ukrainian Academy of Sciences, Kiev, Ukraine*

hmelevskij68@mail.ru

Abstracts. In 2016, during the excavations of the Roman citadel in Olbia, a large fragment of a figured red-glazed flask was found, representing the bust of a young African. The flask is probably dated to the 2nd – 3rd centuries AD. The center of its production is uncertain, but it is unlikely that it was made in an African workshop, especially considering the almost total absence of African ceramic imports in the 2nd – 3rd centuries AD in Olbia, Chersonesos and the Bosporus. Most likely, like most of the shaped vessels recorded in the Northern Black Sea region, the flask was made in one of the Asia Minor workshops. There is no reason to relate its finding with the presence of Roman troops in Olbia. It seems most likely, that this obviously imported flask arrived to the Bug River basin as a result of trade ties.

Keywords: Olbia Pontica, Roman pottery, flasks, depictions of Africans

---

DOI 10.18503/1992-0431-2018-3-61-215–223

ДВЕ «МЕГАРСКИЕ» ЧАШИ ИЗ ПОРФМИЙСКОГО НЕКРОПОЛЯ

М.Ю. Вахтина

*Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия
vakhtina@rambler.ru*

Аннотация. Статья посвящена публикации двух археологически целых «мегарских» чаш, входивших в состав погребального инвентаря склепов 2 (?) и 7, открытых в процессе исследования некрополя античного города Порфмий в восточной части Керченского полуострова. Одна из них украшена фризом с изображением Эротов на колесницах, другая – орнаментом из «налагающихся» листьев. Чаши были изготовлены в Ионии во II в. до н.э.

Ключевые слова: Боспор, Порфмий, некрополь, склеп, погребение, инвентарь, «мегарская» чаша

Первые археологические раскопки античного города Порфмий, расположенного в древности на восточной оконечности Керченского полуострова недалеко от самой узкой части Керченского пролива, были проведены в 1953 г., однако некрополь этого поселения начал изучаться Порфмийским отрядом Боспорской археологической экспедиции ИИМК РАН сравнительно недавно. В 2003 г. к западу от скального плато, на котором расположено городище, был выявлен участок, где совершались захоронения эллинистического времени, а с 2004 г. здесь начались регулярные исследования. Большинство раскрытых нами захоронений¹ были расположены восточнее заброшенного карьера вдоль сельской дороги, соединяющей села Жуковка и Опасное. Погребения, обнаруженные на этом участке, можно отнести к трем типам: захоронения в простых грунтовых ямах, плитовых могилах и каменных плитовых склепах. Всего было открыто 6 грунтовых могил, одна плитовая могила и 9 склепов². Почти все захоронения принадлежали к последнему периоду истории города – III- первой половине I в. до н.э.

Среди погребальных комплексов, известных для Порфмийского эллинистического некрополя, самыми интересными и сложными являются склепы, сооруженные из крупных плит местного известняка, как правило, хорошо отесанных с одной, «внутренней», стороны и грубо обработанных с другой, «внешней». Скле-

Данные об авторе: Вахтина Марина Юрьевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории античной культуры Института истории материальной культуры РАН.

¹ В 2003–2004 гг. работы на некрополе велись под руководством научного сотрудника ИИМК РАН Р.В. Стоянова, а с 2008 г. – научного сотрудника Восточно-Крымского историко-культурного заповедника П.Г. Столяренко.

² Об исследованиях Порфмийского некрополя см.: Вахтина, Стоянов 2006; Вахтина 2009, 105–105; Вахтина, Столяренко 2013; 2014; Vakhtina, Stolyarenko 2017.

пы имели разные размеры и содержали разное количество захороненных. Вероятно, они использовались как семейные усыпальницы на протяжении достаточно длительного времени. Все склепы, открытые на некрополе, были ограблены. Однако даже после расхищения грабителями основной массы ценных вещей, входивших в состав инвентаря, можно прийти к выводу о его многочисленности и «богатстве». Захоронения в склепах сопровождались достаточно разнообразным набором предметов, в числе которых были столовые и туалетные сосуды, терракотовые статуэтки, бусы, зеркала, украшения из металла, бронзовые боспорские монеты. К числу часто встречающихся категорий находок относятся и образцы рельефной керамики, представленной преимущественно «мегарскими» чашами. Фрагменты этих сосудов постоянно встречаются не только в инвентаре склепов, но и при раскопках простых грунтовых погребений, совершенных в ямах. К сожалению, керамические находки обычно доходят до наших дней в перемещенном и фрагментированном виде.

Среди обломков «мегарских» чаш, обнаруженных в результате изучения Порфмийского некрополя, есть два экземпляра, отличающихся относительно хорошей сохранностью. От первого из них сохранились 12 фрагментов, позволяющих представить форму чаши и систему украшающего ее декора (рис. 1). Сосуд предположительно можно связать с инвентарем склепа № 2, раскопанного в 2004 г.³ Обломки чаши с красным, частично осыпавшимся покрытием были обнаружены в 2009 г. при исследовании старой грабительской траншеи. Позже дальнейшие исследования этого участка показали, что фрагменты рельефной чаши, составившие после реставрации полный профиль сосуда, следует с большой степенью вероятности отнести к инвентарю склепа № 2, раскопанного ранее. Чаша имеет полусферическую форму и вертикальный край. Высота ее 6 см, диаметр края – 12,2 см. Глина плотная, розовато-коричневая, покрытие красное. Верхний фриз украшен орнаментом в виде сложной плетенки, на центральном фризе изображены Эроты, управляющие несущимися вправо колесницами-бигами. В медальоне дна – сложная розетка, от которой отходят в стороны побеги аканфа со склоненными верхушками, чередующиеся с ромбовидными и ланцетовидными листьями, которые образуют нижний орнаментальный фриз. Сходная схема орнамента представлена на доньшках чаш из коллекций Керченского историко-культурного заповедника⁴ и Ялтинского историко-литературного музея⁵. Несколько доньшек с таким орнаментом были найдены при раскопках городища Порфмий⁶. Такая композиция на доньях и придонных частях рельефных чаш встречается на сосудах, произведенных в Ионии⁷.

Сцены с участием Эротов были очень популярны в декоре рельефных чаш в период с последней четверти III до середины II в. до н.э.⁸ Целый ряд чаш и их

³ Вахтина, Стоянов 2006, 187–193, рис. 5; Vakhtina, Stolyarenko 2017, 64, 75, fig. 9.

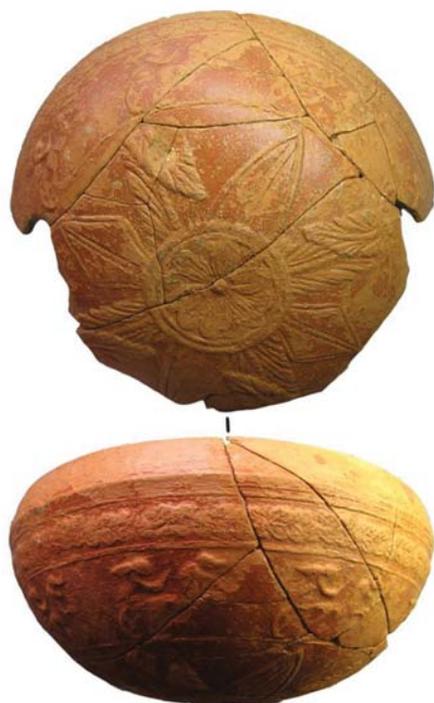
⁴ Гжежулка 2010, кат. 1, 2. Происхождение сосудов неясно, однако, судя по их сохранности, они найдены в погребениях.

⁵ Турова, Коваленко 2005, 343–344, кат. 9, рис. 5, 2. Авторы отмечают, что мотив орнамента придонной зоны фрагмента чаши из Ялтинского музея характерен для мастерских милето-эфесской группы и датируют его серединой-третьей четвертью II в. до н.э.

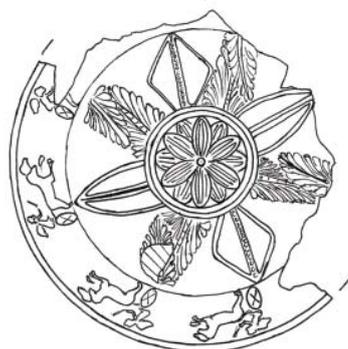
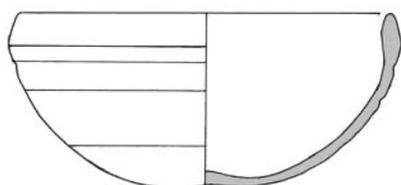
⁶ Турова, Коваленко 2005, кат. 191, 216, 218, 219.

⁷ См., напр., Lamontier 1977, pl. 30, cat. 1976; pl. 31, cat. 33; pl. 71, cat. 9341–9342.

⁸ Rotroff 1982, 19.

1.

2.

Рис. 1. Рельефная чаша из склепа № 2 (?). 1 – фото; 2 – прорисовка (выполнена П.Г. Столяренко)

фрагментов, украшенных изображениями Эротов, участников «идиллических» сцен, происходят из раскопок Афинской Агоры⁹. Однако изображения, опубликованные А. Ламонье¹⁰, сюжетно и композиционно наиболее близки тем, которые представлены на фризе чаши из Порфмия, можно видеть на фрагментах чаш, изготовленных в Ионии и украшенных изображениями Эротов на колесницах вправо.

Рельефные чаши с изображениями Эротов известны и в материалах причерноморских колоний. Чаша, украшенная хороводом Эротов, происходит из склепа погребения № 3/1975 некрополя Мессамбрии¹¹, а в склепе, открытом в 1974 г. на том же некрополе, была обнаружена чаша с изображением хоровода Ник и Эротов¹². На Боспоре ближайшую аналогию декору порфмийской чаши можно увидеть в изображениях на фрагментах венчика и стенок чаши из Пантикапея¹³. В верхней ее части помещен пояс из волют, под ним сохранилась часть центрального фриза, на котором, как и на порфмийской чаше, представлены Эроты на колесницах вправо. Тот же сюжет – Эроты на бигах вправо – украшал чашу, фрагмент которой был обнаружен на городище Булганак¹⁴. Фрагменты из Пантикапея датированы в пределах II в. до н.э., вероятно, к этому же времени принадлежит и чаша из Порфмия.

Вторая чаша, речь о которой пойдет в настоящей статье, происходит из склепа № 7, исследованного в 2010 г. Склеп состоял из погребальной камеры и дромоса. Камера была сложена из обработанных известняковых плит, имела мощеный пол, дромос примыкал к ней с запада. Камера склепа имела внутренние размеры 2,15 x 1,47 м. Пол ее был вымощен плитами подпрямоугольной формы. Северная стена была полностью разрушена окопом времен Великой Отечественной войны.

Пол дромоса был земляным, с подсыпками щебенкой и мелким ракушечником.

В юго-восточной части склепа № 7 в 0,25 м от верхней части южной стенки склепа была расчищена верхняя часть костяка. Кости черепа, плечевого пояса, позвоночника и ребра, лучевая, малая берцовая, а также кости кисти и стопы сохранились *in situ*. Вероятно, костяк принадлежал женщине (возраст не определяется)¹⁵. Судя по сохранившейся части скелета, она лежала на спине, с руками, вытянутыми вдоль туловища. В 0,15 м севернее черепа, немного ниже, были расчищены фрагменты раздавленной грунтом рельефной «мегарской» чаши с красным покрытием. Чаша располагалась на боку и была обращена донной частью к восточной стенке склепа. В области грудной клетки погребенной, к северу от нее, был обнаружен раздавленный грунтом красноглиняный лагинос, покрытый ангобом бежевого цвета. В 0,25 м севернее и на 0,13 м ниже черепа первого костяка найден другой череп без нижней челюсти, обращенный лицевой частью к северу. На полу склепа, вымощенном плитами, были расчищены 3 костяка, сохранившиеся фрагментарно. Все погребенные лежали вытянуто на спине и были ориентированы головой на восток.

⁹ Rotroff 1982, pls. 16–57.

¹⁰ Lamonier 1977, pl. 37, cat. 3127, 3133, 3135, 3143, 3151, 5576, 13134.

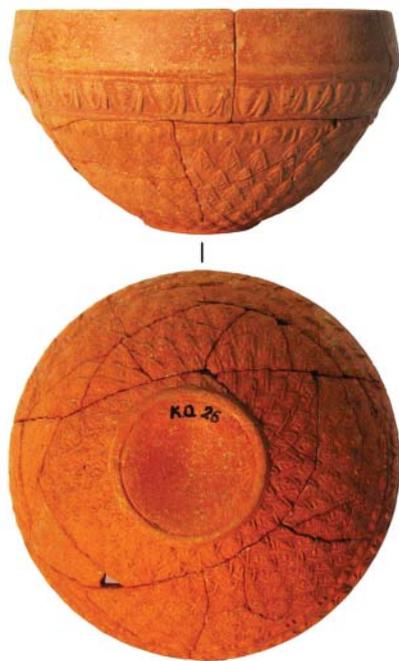
¹¹ Ćimbuleva 2005, 105, fig. 19.

¹² Ćimbuleva 2005, 103, fig. 2.

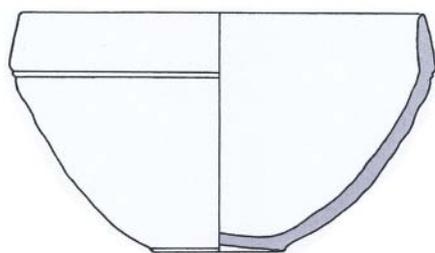
¹³ Гжежулка 2010, 55–56, 263, № 26.

¹⁴ Шапцев 2008, 333, рис. 4, 3. Под краем чаши, над изображениями Эротов, пояс из овов.

¹⁵ Определения проведены научным сотрудником Института антропологии и этнографии РАН С.В. Святко.

1.

2.

Рис. 2. Рельефная чаша из склепа № 7. 1 – фото; 2 – прорисовка
(выполнена П.Г. Столяренко)

Чаша, обнаруженная в заполнении склепа № 7, имела полусферическую форму, край ее слегка загнут внутрь (рис. 2). Высота чаши 7,1 см, диаметр края – 12 см. Глина плотная, розоватая, покрытие красное. Под широким неорнаментированным краем – фриз из овов, разделенных вертикальными рельефными линиями, под ним – фриз стилизованных букраниев, также разделенных вертикальными линиями. Тулово чаши из склепа № 7 украшено мелколиственным чешуйчатым орнаментом. Плоское дно не орнаментировано. С. Ротрофф относила такие чаши из раскопок Афинской Агоры к группе чаш с растительным орнаментом, а изображения листьев трактовала как листья папоротника¹⁶. Производство таких чаш в Афинах началось в последней трети III в. до н.э.; после 145 г. до н.э. количество их резко сокращается, а к 86 г. до н.э. чаши этого типа становятся достаточно редкими. Производились сосуды с подобным орнаментом и в мастерских греческих городов Малой Азии¹⁷. Чаши, имеющие темное покрытие, обычно относят к продукции эфесских мастерских¹⁸. Сосуды, покрытые красным лаком, по-видимому, производились в нескольких центрах. Среди продукции этих центров можно встретить экземпляры, украшенные в верхней части, как и порфмийская чаша, фризами из овов и букраниев¹⁹. По сравнению с чашами, украшенными «идиллическими» сюжетами, сосуды с подобным орнаментом на Боспоре встречаются гораздо чаще. Чаши этого типа и их фрагменты известны в материалах Пантикапея²⁰, Парфения²¹, Тиритаки²². Целая серия образцов сосудов с подобным орнаментом происходит из раскопок Порфмия²³. Как и находки подобных чаш, обнаруженных при исследовании жилых кварталов эллинистического города, чашу из склепа № 7 можно отнести к продукции ионийских мастерских и датировать II в. до н.э.

Фрагменты чаш с декором из небольших «налагающихся» листьев встречаются и при раскопках сельских поселений Боспора²⁴. Известны они и на памятниках местного населения Крыма. Обломок такой чаши был обнаружен на Булганакском городище²⁵. На городище Кара-Тобе известны фрагменты рельефных чаш с серым покрытием эфесского производства²⁶; здесь также найден фрагмент дна и придонной части чаши с красным покрытием, близкой по характеру декора чаше из Порфмийского некрополя²⁷. Археологические данные подтверждают, что чаши

¹⁶ Rotroff 1982, 18. С. Ротрофф назвала чаши, украшенные изображением «накладывающихся» друг на друга листьев, чашами с «черепичным» орнаментом, подразумевая способ укладки черепицы, когда один ряд частично перекрывает следующий. А. Ламонье именовал этот тип декора «чешуйчатым с остроконечными листьями» (Lamonier 1977, pl. 106–110).

¹⁷ Lamonier 1977, 13; Внуков, Коваленко 1998, 64. Ионийские чаши, имевшие чешуйчатый орнамент на тулове и фризы из овов под краем, см.: Lamonier 1977, pl. 53, cat. 5282–5286, pl. 54, cat. 8480, pl. 57, cat. 5533, 8701, 5576, 5187.

¹⁸ Внуков, Коваленко 1998.

¹⁹ Lamonier 1977, pl. 57, cat. 5116 – с двумя фризами овов; pl. 56, cat. 507; pl. 57, cat. 5344 – с фризами из овов и букраниев.

²⁰ Гжежулка 2010, кат. 23, 24.

²¹ Гжежулка 2010, кат. 97.

²² Гжежулка 2010, кат. 146, 148, 149.

²³ Гжежулка 2010, кат. 270–276.

²⁴ Масленников 2007, 277, рис. 119, 2.

²⁵ Шапцев 2008, 327, рис. 1, 1.

²⁶ Внуков, Коваленко 1998, 64, рис. 2, 5–6.

²⁷ Внуков, Коваленко 1998, 68–69, рис. 5, 2.

с чешуйчатым орнаментом были весьма популярны на Боспоре, они не только широко импортировались, но и производились в местных мастерских. Например, их изготавливали в мастерской Деметрия в Пантикапее, о чем свидетельствует находка в 1885 г. подобной чаши с характерной надписью на донышке в каменной гробнице в саду Ф.И. Гросса²⁸.

«Мегарские» чаши широко использовались в погребально-поминальной практике боспорян. Вероятно, обычай класть эти сосуды в погребения распространился и на варварскую периферию Боспора. В качестве одного из примеров можно привести раннесарматское захоронение у с. Белогорье Подгоренского р-на Воронежской обл. на правом берегу Дона, где была обнаружена рельефная чаша II в. до н.э.²⁹

Как показали раскопки, в эллинистическое время «мегарские» чаши достаточно часто входили в состав погребального инвентаря комплексов погребений некрополя Порфмия, где их помещали как в «богатые», так и в «бедные» захоронения. Рельефные сосуды широко представлены и в жилых комплексах древнего города. Изучение и систематизация этой группы находок являются очень важными для понимания культурного облика и экономических связей этого небольшого военного поселения в период его расцвета.

ЛИТЕРАТУРА

- Березуцкий, В.Д., Кравец, В.В., Кравец, А.В. 2016: Погребение с мегарской чашей на Среднем Дону. *Вестник ВГУ 2. Серия: История. Политология. Социология*, 26–29.
- Вахтина, М.Ю. 2009: Порфмий – греческий город у переправы через Киммерийский Боспор. *БИ XXII*, 91–126.
- Вахтина, М.Ю., Столяренко, П.Г. 2013: Некрополь Порфмия (по материалам раскопок 2004–2012 гг.). *Культурный слой 2*, 114–145.
- Вахтина, М.Ю., Столяренко, П.Г. 2014: Грунтовый некрополь Порфмия. Особенности погребального обряда «малого» боспорского города. В сб.: В.Ю. Зуев, В.А. Хршановский (ред.), *Погребальная культура Боспорского царства. Материалы круглого стола, посвященного 100-летию со дня рождения М.М. Кубланова*. СПб, 129–135.
- Вахтина, М.Ю., Стоянов, Р.В. 2006: Новые данные о некрополе Порфмия. *Археологические вести*. 13. СПб, 182–194.
- Внуков, С.Ю., Коваленко, С.А.: 1998. Мегарские чаши с городища Кара-Тобе. В сб.: *Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье* (Труды ГИМ 102), 61–76.
- Гжежулка, С. 2010: «Мегарские» чаши из собрания Керченского историко-культурного заповедника. 1. Варшава.
- Масленников, А.А. 2007: *Сельские святилища Европейского Боспора*. М.
- Турова, Н.П., Коваленко, С.А. 2005: Мегарские чаши из археологической коллекции Ялтинского историко-литературного музея. *БИ VIII*, 339–349.
- Шапцев, М.С. 2008: Мегарские чаши позднескифского городища Булганак. *ПИФК XXI*, 325–335.
- Čimbuleva, J. 2005: La nécropole antique de Messambria. In: V. Velkov (ed.), *Nessebre 3*. Burgas, 91–117.

²⁸ Гжежулка 2010, 53–54, кат. 24.

²⁹ Березуцкий, Кравец, Кравец 2016, 27, рис. 1, 2–4.

- Lamonier, A. 1977: *La céramique Hellénistique a reliefs. 1. Ateliers «Ioniens»*. (École française d'Athènes. Exploratione archéologique de Délos. XXI). Paris.
- Rotroff, S. I. 1982: *Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Moldmade Bowls* (The Athenian Agora. XXII). Princeton.
- Vakhtina, V. Ju., Stolyarenko P.G. 2017: The Necropolis of Porthmion: the Results of Recent Excavations. In: P. Kiyashkina, M. Damyanov, A. Bozkova, P. Delev (eds.), *Proceedings of the International Conference "Ancient Greek Necropoleis along the Black Sea Coast"*, Nessebar, October 4–7, 2012 (Nessebar 4), Veliko Tarnovo, 61–85.

REFERENCES

- Berezutskiy, V.D., Kravets, V.V., Kravets A.V. 2016: Pogrebenie s megarskoy chashey na Srednem Donu [Burial with the Megarian bowl on the Middle Don]. *Vestnik Voronezhskogo Gosudarstvennogo Universiteta 2. Seria: Istorija. Polotologia. Sotsiologiya* [Proceedings of Voronezh State University 2. Series: History. Political Science. Sociology], 26–29.
- Čimbuleva, J. 2005: La nécropole antique de Messambria. In: V. Velkov (ed.), *Nessebre 3*. Burgas, 91–117.
- Grzegorzólka, S. 2010: "Megarskie" chashi iz sobraniya Kerchenskogo istoriko-kulturnogo zapovednika [Megarian bowls in the Kerch History and Cultural Preserve]. Vol. 1. Warsaw.
- Lamonier, A. 1977: *La céramique Hellénistique a reliefs. 1. Ateliers «Ioniens»*. (École française d'Athènes. Exploratione archéologique de Délos. XXI). Paris.
- Maslennikov, A.A. 2007: *Sel'skie svyatilishcha Evropeyskogo Bospora* [Ancient rural sanctuaries at the European Bosphorus]. Moscow.
- Rotroff, S.I. 1982: *Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Moldmade Bowls* (The Athenian Agora. XXII). Princeton.
- Shaptsev, M.C. 2008: Megarskie chashi iz pozdneskifskogo gorodishcha Bulganak [Megarian bowls from the Late Scythian settlement Bulganak]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural studies] XXI, 325–335.
- Turova, N.P., Kovalenko, S.A. 2005: Megarskie chashi iz arkheologicheskoy kollektzii Yaltinskogo istoriko-literaturnogo museya [Megarian bowls in the archaeological collection of the Historical-Literary Museum]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporos studies] VIII, 339–349.
- Vakhtina, V. Ju., Stolyarenko P.G. 2017: The Necropolis of Porthmion: the Results of Recent Excavations. In: P. Kiyashkina, M. Damyanov, A. Bozkova, P. Delev (eds.), *Proceedings of the International Conference "Ancient Greek Necropoleis along the Black Sea Coast"*, Nessebar, October 4–7, 2012 (Nessebar 4), Veliko Tarnovo, 61–85.
- Vakhtina, M. Yu, Stolyarenko, P.G. 2013: Nekropol' Porfimiya (po materialam raskopok 2004–2012 gg.) [Porthmion necropolis (materials of 2004–2012 excavations)]. *Kulturnyy sloy* [Cultural stratum] 2, 114–145.
- Vakhtina, M. Yu, Stolyarenko, P.G. 2014: Gruntovy nekropol' Porfimiya. Osobennosti pogrebal'nogo obryada "malogo" bosporskogo goroda [Ground necropolis of Porthmion. Peculiarities of the burial ritual of the "smaller" Bosporan town] In: V.Yu. Zuev, V.A. Khrshanovskiy (eds.), *Pogrebal'naya kultura Bosporskogo tsarstva. Materialy kruglogo stola, posvyaschennogo 100-letiyu so dnya rozhdeniya M.M. Kublanova* [Burial Customs of the Bosporan Kingdom. Materials of the Round Table Devoted to the 100th Anniversary of the Birth of M.M. Kublanova]. Saint Petersburg, 129–135.
- Vakhtina, M.Yu, Stoyanov, R.V. 2006: Novye dannye o nekropole Pofmiya [New data on the necropolis of Porthmion] *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological news] 13. Saint Petersburg, 182–194.

- Vakhtina, M. Yu. 2009: Porfmiy – grecheskiy gorod u perepravy cherez Kimmeriyskiy Bospor [Porthmion – Greek city near the way across the Cimmerian Bosphoros]. *Bosporskie issledovaniya* [*Bosporos studies*] XXII, 91–126.
- Vnukov, S. Yu., Kovalenko, S. A.: 1998. Megarskie chashi s gorodishcha Kara-Tobe [Megarion bowls from the city-site of Kara-Tobe]. In: *Ellinisticheskaya i rimskaya keramika v Severnom Prichernomorie* [*Hellenistic and Roman pottery at the Northern Black Sea Region*] (Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo Muzeya [Proceedings of the State Historical Museum]) 102, 61–76.

TWO “MEGARION” BOWLS FROM PORTHMION NECROPOLIS

Marina Yu. Vakhtina

Institute for History of Material Culture, Saint-Petersburg, Russia
vakhtina@rambler.ru

Abstract. The article is the publication of two archaeological intact “Megarion” bowls found the grave goods in tombs nos. 2 (?) and 7, revealed during the excavation at the necropolis of the Greek city of Porthmion in the Eastern Crimea. One of them is decorated with the frieze with the images of Erots driving the chariots; the other one has the overlapping leaves. The bowls were produced in Ionia in the 2nd century BC.

Keywords: Bosporan kingdom, Porthmion, necropolis, crypt, burial, inventory, “megarion” bowl

---

DOI 10.18503/1992-0431-2018-3-61-224–233

ГРАФФИТО ТРАПЕЗИТА ИЗ ФАНАГОРИИ

Н.В. Завойкина

Институт археологии РАН, Москва, Россия
zavoykina@mail.ru

Аннотация. В статье публикуется граффито из раскопок Верхнего города Фанагории. Оно состоит из пяти строк и датируется по палеографическим особенностям первой половиной – началом третьей четверти IV в. до н.э. Структура каждой из строк надписи одинаковая и состоит из личного имени, буквенной аббревиации, цифр в акрофонической системе. Упоминается три фанагорийца: Атот, Нумений, Дионий сын Стракто(кла?). Характер расположения имен, сокращений и цифр в строках позволяет предполагать, что граффито представляет запись трапезита, который аккуратно и поэтапно фиксировал операции с денежными суммами. Полагаем, что все они выражены в оболах. Лаконичное содержание граффито не позволяет точно определить характер «банковской» операции. Можно предполагать выдачу определенных денежных сумм в долг, помещение их на хранение, или, что нельзя исключать, возврат упомянутыми лицами долгов трапезиту.

Ключевые слова: классическая археология, Боспор, Фанагория, эпиграфика, граффити

В 2011 г. в ходе археологических исследований Верхнего города Фанагории была найдена стенка амфоры, разломанная на две неравные части (рис. 1). Она находилась среди разновременного мусора в большой яме II–III вв. н.э.¹ Длина стенки – 12,5 см, высота – 10,3 см, толщина – 1 см. На внешней стороне амфорной стенки процарапано 4-х строчное граффито. Высота букв: 0,6 – 1,1 мм. Окончания 2–3 строк уничтожены сколом. В центре 3–4 строк имеется скол лицевой поверхности. Лакуна уничтожила 2 буквы.

Предварительная реконструкция и интерпретация граффито в тезисной форме была изложена в материалах конференции «XVIII Боспорские Чтения», но без сопровождения научно-справочным и библиографическим аппаратом (с обещанием последующей полной и развернутой публикацией этого памятника)². При верстке материалов конференции в моей публикации ряд греческих букв был машиной заменен на другие символы³. Такого рода технические опечатки привели

Данные об авторе: Завойкина Наталья Владимировна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела классической археологии Института археологии РАН.

Граффито хранится в ФГБУК Государственный историко-археологический музей-заповедник «Фанагория» ФМ-КП 10/3 А 1503 9180321.

¹ Объект 437 (Кузнецов 2012, 17–18).

² Завойкина 2017а, 151–158.

³ Завойкина 2017а, 151: D вместо Δ и P вместо Π; 153: wp вместо ων в слове ἐκτέων и др.

к утрате смысла граффито и некоторых слов⁴. Этот факт является одним из аргументов в новом издании граффито. Кроме того, от предлагаемой интерпретации аббревиации ЕЕО как ἐ(πτὰ) ἐ(κτέων) ὀ(ροβοῦ) вынуждена отказаться, поскольку повторный осмотр граффито в фондах ГФБУК «Историко-археологический музей «Фанагория»» не подтвердил возможность реконструкции в конце 2-й стк. и в лакуне 3-й стк. сокращения ЕЕО⁵. Поскольку такое прочтение после личных имен в указанных строках не имеет поддержки в источнике, то и рассуждения о стоимости ороба в Фанагории не могут быть приняты во внимание.

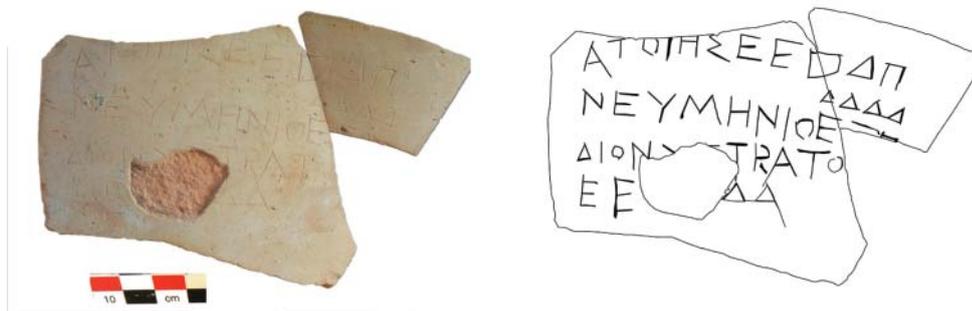

Рис. 1. Граффито трапезита из Фанагории и его прорисовка

Вернемся к граффито. Буквы граффито расположены свободно и достаточно ровно в строках. Обращает внимание отличие в начертании *омикрона* в личных именах и в конце 1-й стк. В именах эта буква вырезана в центре строки круглой и небольшой. Она меньше остальных букв в 2 раза. «Вторая *омикрон*» вырезана в 1-й стк. после *эпсилон* в форме квадрата. Подобной формы *омикрон* встречается в надписях с раннеархаического времени⁶. В Фанагории она отмечается на стенке амфоры круга Фасоса IV в. до н.э. (рис. 2)⁷. Следовательно, «квадратная» *омикрон* не может восприниматься как «характер времени» для определения ранней датировки надписи. Из других признаков времени отметим, что *альфа* и *дельта* имеют правильные треугольные очертания; маленькая черточка выступает вверх над вершинами букв. *Мю* вырезана с наклонными боковыми гастами, *ню* – с укороченной центральной частью, но без наклона буквы вправо. *Сигма* имеет широко расставленные боковые гасты; *эпсилон* – крупного размера, прямоугольной формы, горизонтальные гасты не во всех случаях одинаковой длины. *Пи* процарапана в конце 1-й стк. с равновеликими боковыми гастами. Однако длинная, правая

⁴ Перевод этого граффито без согласования со мной был включен одним из составителей в том материалов по истории и археологии Пантикапея и Фанагории (2017б, 340, № 259).

⁵ См. ниже.

⁶ Jeffery 1990, Pl. 34, № 12 (Эпидавр); Pl. 35, № 11 (Лакония); Pl. 44, № 3 (Ахайя) и др. Предположение, что в виде квадрата в граффито изображена *эта*, а *эта* прямоугольной формы известна в некоторых локальных дорических алфавитах архаического времени, лишено смысла, поскольку такой формы буква уже не употреблялась к IV в. до н.э.

⁷ Граффито на стенке амфоры (глина плотная бежевая с примесью слюды) было найдено в 2004 г. на Верхнем городе в слое классического времени. Высота макс. – 8,7 см, ширина макс. – 7,7 см. Перед *омикрон* виден нижний край правой наклонной гасты.

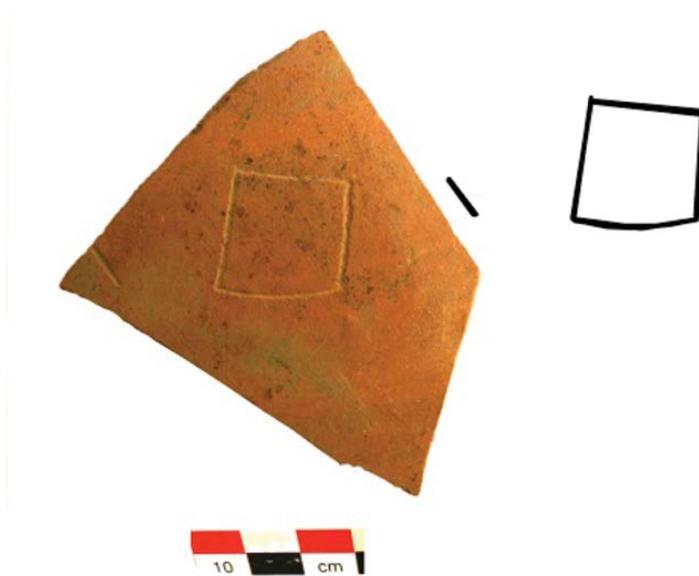

Рис. 2. Граффито на стенке амфоры круга Фасос, IV в. до н.э.

гаста *πι* является следствием соскользнувшего вниз острия «стилоса». Об этом свидетельствует более глубокая толщина верхней части правой гасты *πι*. Трехчастная форма *ιψιλον*, которую использовал автор граффито, характерна для надписей не ранее первой трети IV в. до н.э.⁸ Перечисленные особенности начертания букв встречаются в лапидарных надписях из боспорских городов первой половины IV в. до н.э.⁹ *Terminus post quem* служит передача дифтонга *ου* через *ο* во 2-й стк. в имени *Νευριῆυδ*. Это лексическое явление указывает, что граффито было вырезано не позднее середины IV в. до н.э.¹⁰ В фанагорийском граффито отсутствуют формы букв, характерные для раннеклассического времени¹¹, но оно не содержит и курсивные формы букв, которые входят в употребление примерно в последней трети IV в. до н.э.¹² Близкие аналоги формам букв фанагорийского граффито встречаются в письме Лесиса начала IV в. до н.э. из Афин¹³, в свинцо-

⁸ См., например, в проксеническом декрете времени Перисада I из Пантикапея (CIRB-Album № 1).

⁹ Книпович, Болтунова 1960, 12, табл. II.1.

¹⁰ Ср. КБН 9, 10. В лапидарных надписях Боспора употребление дифтонга *ου* вместо графемы *ο* отмечается не ранее первой трети IV в. до н.э. (Яйленко 2010, 23–25). В ольвийских надписях употребление графемы *ο* также не выходит за середину IV в. до н.э. (Dubois 1996, 32; Яйленко 2017, 362).

¹¹ Например, трехчастная или «узкая», вытянутая по вертикали *σигма*; наклоненная вправо *ню*; *ιψιλον* в форме латинской V; *αλφα* – со скошенной центральной перекладиной и др.

¹² Например, застольная надпись на тулове чернолакового канфара с поселения «Полянка» (Завойкина 2016, 103–104); письмо на амфорном остраконе из Никония (Awianowicz 2011, 237–239).

¹³ Jordan 2000, 92–94, fig. 2. Шрифт письма Лесиса отличается от фанагорийского граффито размером *ομικρον*, который одинакового размера с остальными буквами в строке. Напомню, что при-

вом письме первой половины IV в. до н.э. из Пантикапея¹⁴; difixio IV в. до н.э. из Пантикапея.¹⁵ Итак, полагаем, что фанагорийское граффито было написано в первой половине – начале третьей четверти IV в. до н.э.

Граффито:

ΑΤΟΤΗΣΕΕΟΔΠ

ΔΔΔΔ

ΝΕΥΜΗΝΙΟΕ - 2 -

ΔΙΟΝ - 2 - ΤΡΑΤΟ- 3 -

ΕΕ - 2 - ΔΔ

Реконструкция:

1. Ἀτότης ΕΕΟΔΠ

2. ΔΔΔΔ

3. Νευμήνιῳ ΕΟΠ

4. Διονῶ [Σ]τρατό[κλῶ?]

5. ΕΕ[Ο Δ]ΔΔ

Надпись состоит из трех предложений. Структура предложений четкая, схожая между собой, и выражается формулой: личное имя + аббревиация + цифры. Полностью сохранилась 1 стк.: ЛИ Ἀτότης в nom. sg. + ΕΕΟ + ΔΠ. Чтение 2 стк. выглядит как: ЛИ Νευμήνιῳ в genet. sg. + ΕΟΠ+ ΔΔΔΔ¹⁶. Третье предложение вырезано в 4–5 строках: ЛИ Διονῶ¹⁷ в genet. sg. + ЛИ Στρατο[-2/3-] в genet. sg.+ ΕΕ + [-2-]ΔΔ. Характер расположения слов в строках показывает, что буквы ΔΔΔΔ во 2-й стк. должны относиться ко 2-му предложению, связанному с Нумением. Автор граффито дописал буквы ΔΔΔΔ позднее, уже после ΕΟΠ, но строкой выше, поскольку после этих букв места на остраконе было недостаточно для процарапывания еще четырех литер. Расстояние между 1-й и 3-й строками позволило сделать эту дополнительную ремарку без какого-либо ущерба для остального текста.

1 стк. Личное имя Ἀτότης вырезано в nom. sg. Это имя отмечено один раз в Пантикапее в IV в. до н.э. (КБН 170). В Ольвии известен вариант Ἀτότας во II в. н.э.¹⁸ Л. Згуста относил эти имена к группе антропонимов из южной Малой Азии (Ликия, Пафлагония)¹⁹. В Фанагории оно встречается впервые. Наличие цифр в акрофонической системе ΔΠ = 15, вырезанных в конце строки, дает основание считать, что буквы ΕΕΟ выступают сокращениями каких-то слов. Литера Ε встречается среди граффити на сосудах, но не имеет однозначной интерпретации. Так, в граффити на амфорах с афинской агоры *эпсилон* предлагают понимать как ἔ(λαιον), ε(ῖς), ηεи или ηεῖς, в которых пропущен аспират, или как цифру 100 по акрофонической системе²⁰. Аббревиатура ΕΕ встречена на стенке чернолакового

мерно с первой трети IV в. аттический диалект получает распространение в боспорских надписях (Яйленко 2010, 23–25).

¹⁴ Сапрыкин, Зинько 2003, 266, 275 (рис.). Ср.: Яйленко 2005, 481: исследователь относит надпись ко второй половине IV в. до н.э.

¹⁵ Яйленко 2005, 478–480, рис. 10.

¹⁶ Объяснение реконструкции см. ниже.

¹⁷ Обоснование чтения имени Диония см. ниже.

¹⁸ LGPN IV, s.v.

¹⁹ Zgusta 1964, 111, 1234-1-3.

²⁰ Lawall 2000, 9–10 (анализ интерпретации граффити Η/Ε, предложенное М. Ленг), 17–18 (мнение М. Лавалля о расшифровке граффити Η/Ε на амфорах V в. до н.э.).

канфара III в. до н.э. при раскопках поселения «Генеральское западное». С.Ю. Сапрыкин и А.А. Масленников так разъясняют содержание: «...На внешней поверхности ближе к краю венчика сохранились две одинаковые буквы — ΕΕ [...]. Для правильного их понимания важно сравнить это граффито с граффити на хиосской амфоре V в. до н.э. с обозначением цены и объема $\pi(\acute{\epsilon}\nu\tau\epsilon) \epsilon(\acute{\iota}\zeta) \epsilon(\acute{\iota}\zeta) \chi(\acute{\omicron}\epsilon\varsigma) \delta\epsilon\kappa\alpha\tau\acute{\epsilon}\tau\alpha\rho\epsilon\varsigma$ (Lang, 1976, p. 76, He 2). Тогда нашу надпись можно трактовать как $\epsilon(\acute{\iota}\zeta) \epsilon(\acute{\iota}\zeta)$ [...], т.е. (емкость) 2 котилы (?). Если так, то в канфар могло входить 0,546 л, что, впрочем, много для такого сосуда. Поэтому возможно, что единица емкости могла быть менее котилы, например, два киафа»²¹. На остраконе с поселения Северсов маяк сохранилось четырехстрочное граффито, в котором встречаются ΕΕ в 1-й стк., Ε – в 2-й и 4-й строках и рассматривается Ε издателем как цифра 100²². В этом граффито строки процарапаны с интерпункцией.

Прояснить вопрос о возможном значении сокращения ΕΕ в фанагорийском граффито помогает буква Ο, вырезанная после этих двух литер. В граффити позднеархаического и классического времени из Ольвии, Пантикапея и других городов встречается *омикрон* как знак сокращения слова $\acute{\omicron}\beta\omicron\lambda\acute{\omicron}\varsigma$ ²³. Автор фанагорийского граффито специально изобразил квадратную *омикрон* как символ обола, чтобы отличать этот знак от аналогичной буквы в именах. В первой половине – третьей четверти IV в. до н.э. на Боспоре только Пантикапей чеканил монеты, среди них был и серебряный обол²⁴.

Если принять интерпретацию *омикрон* в фанагорийском граффито как начальной буквы слова $\acute{\omicron}(\beta\omicron\lambda\acute{\omicron}\varsigma)$, то остается одна возможность из приведенных выше интерпретаций для понимания ΕΕ в качестве сокращения $\epsilon(\acute{\iota}\zeta)$, $\epsilon(\acute{\iota}\zeta) \acute{\omicron}(\beta\omicron\lambda\acute{\omicron}\varsigma)$ ²⁵. Отсутствие денежных знаков после цифр ΔΠ = 15 указывает, что здесь следует подразумевать денежные номиналы, равные оболу. Автор граффито не счел нужным повторно процарапывать квадратную *омикрон* после ΔΠ, поскольку ему было и так ясно, о каких монетах идет речь. Таким образом, можно предложить следующую интерпретацию: Ἀτότης $\epsilon(\acute{\iota}\zeta)$, $\epsilon(\acute{\iota}\zeta) \acute{\omicron}(\beta\omicron\lambda\acute{\omicron}\varsigma)$ ΔΠ, Атот – о(дин), о(дин) о(бол), пятнадцать (оболов). Такая последовательность в записи денежных средств указывает, что граффито следует связывать с деятельностью трапезита, лавка которого, вероятно, располагалась на территории Верхнего города Фанагории²⁶. Всего Атот взял в долг у трапезита или, что нельзя исключать, предоставил ему на хранение 17 оболов. Определить точный характер «банковской» операции

²¹ Сапрыкин, Масленников, 2007, № 399; Lawall 2000, 9–11, 17–18, 33–35 (№ 25, 29).

²² Рубан 1985, 42. Знак Ε = 100, то есть $\acute{\epsilon}\kappa\alpha\tau\acute{\omicron}\nu$, отмечен в надписях некоторых, в том числе, ионийских полисов, тогда как в аттических надписях буква Η = 100 (Tod 1911/1912, 118–121).

²³ Фанагория, коммерческая метка в виде монограммы Πο (маленькая *омикрон* вписана во внутреннее поле $\pi\iota = 5$ обол) на стенке сероглиняной миски конца IV–III вв. до н.э. (Емец 2012, 198, № 675); записи денежных сумм из Пантикапея IV–III вв. до н.э. (Яйленко 2010, 102–103, № 16, 23, 31, 32); граффито V в. до н.э. с Березанского поселения (Яйленко 1980, 95, № 47). Есть примеры в надписях некоторых полисов, где буква Ο выступает как знак сокращения золотого статера (Tod 1911/1912, 119, 124). На Боспоре начало чеканки золотого статера относится к концу 370-х гг. до н.э. (Завойкин 2013, 379–380). Однако в граффити из боспорских городов неоднократно засвидетельствован Σ как знак статера (Пантикапей: Яйленко 2010, 102–103).

²⁴ Зограф 1951, 171–177; Анохин 1986, 31–32; Завойкин 2013, 348.

²⁵ Возможно чтение $\acute{\omicron}(\beta\omicron\lambda\acute{\omicron}\iota)$, о(болы).

²⁶ О деятельности трапезитов в IV до н.э. хорошее представление дает материал из Афин, представленный, прежде всего, в торговых речах Демосфена: Глускина 1970, 17–42.

сложно из-за лаконичности надписи. В 1-й стк. неизвестный меняла зафиксировал поэтапную выдачу или поступление денежных средств. Он аккуратно записал ее последовательность: два раза по одному оболу, а затем еще 15 (оболов). Такая фиксация наводит на предположение, что запись денежных сумм не была произведена одновременно, она, напротив, отражает два временных периода: сначала по одному оболу, а позднее (но насколько, остается неизвестным) еще 15 оболов. Подобную тщательность и, видимо, временные интервалы в записях денежных сумм трапезит соблюдает и в последующих строках граффито.

2 стк. ΔΔΔΔ. Цифры ΔΔΔΔ = 40 следует относить к имени Нумения в 3-й стк. (см. выше).

3 стк. Νευμήνιδ ΕΟΠ. Личное имя Νευμήνιος вырезано в genet. sg. – Νευμήνιδ с передачей окончания имени дифтонга ου через графему δ. В имени Νευμήνιος начальный слог передан дифтонгом -ευ вместо -ου (Νουμήνιος). Эта новая форма пополняет список боспорских вариантов имени Νουμήνιος: Νεομήνιος (КБН 210, 211), Νομήνιος²⁷. В 3 стк. после *эпсилон* сохранились верхние горизонтальные гасты двух букв. От правой стороны первой горизонтали процарапана вниз прямая черта, большая часть которой уничтожена сколом. Однако сохранившаяся часть позволяет восстановить здесь *омикрон* квадратной формы, аналогичную по форме букве в 1 стк. Вторая вертикаль по размерам соответствует верхней гасте *пи*, процарапанной в 1 стк. Таким образом, предлагаем в конце 3 стк. восстановление: ΕΟΠ. Поскольку после Π и ΔΔΔΔ не стоит знак денежного номинала, то это дает основание думать, что обе эти суммы были выражены также в оболах. Учитывая сказанное, полагаем, что ΕΟΠ / ΔΔΔΔ означает ε(ῖς) ὀ(βολός), π(έντε), ΔΔΔΔ – один обол, пять (оболов), сорок (оболов).

Имя Нумения вырезано в генетиве, который подразумевает, что предполагаемый меняла получил от Нумения на хранение или в качестве возврата долга в общей сумме 46 оболов. Однако эту сумму не была внесена Нумением одновременно. Об этом свидетельствует последовательность и характер занесения цифр в граффито. Самой последней была записана сумма в 40 оболов, место для которой нашлось только в интервале между 1-й и 2-й строками. Итак, Нумений сначала принес один обол, затем еще пять, и позднее доложил еще сорок оболов. Трапезит аккуратно записал последовательность этих операций.

4 стк. Здесь вычитывается διον- 2 -трато- 2/3 . Между *ню* и *тау* лакуна уничтожила 2 буквы. В верхнем поле строки после *ню* хорошо видна левая косая гаста *ипсилон* (ср. *ипсилон* в 3-й стк.). Далее вверху справа от лакуны перед *тау* сохранился край верхней линии, который, судя по его наклону, может принадлежать *сигме*. Восстанавливать личное имя Διονύ[σ]τрато[ς] затруднительно. Подобное имя с композитом -στратος неизвестно в древнегреческой ономастике²⁸. В именах с композитом Διονυσ- использовалось в качестве второго композита слово, как правило, несущее позитивное значение: Διονύσαρχος, Διονυσιφάνης, Διονυσόδωτος, Διονυσόδωρος, Διονυσοκλής и т.п.²⁹

²⁷ Завойкина 2013, 274, № 96.

²⁸ Подробная подборка приведена в: Pape-Bensler 1911, XXX–XXXI, имя Διονύστρατος не упоминается. Не отмечено такое имя и в томах LGPN.

²⁹ Многочисленные примеры собраны в LGPN 1–5b.

В регионе Македонии, Фракии и Малой Скифии известно имя Διονῦς, genet. sing. Διονῦ.³⁰ Используем его для реконструкции в начале 4 стк.: Διονῦ. В данном случае генетивная форма имеет поддержку в чтении ЛИ Νευμήνιῶ строкой выше.

Оставшаяся лексема -[σ]trato- является, по всей видимости, частью второго имени, вырезанного в 4-й стк. Так, имен с композитом Σtrato- известно достаточное число. Из них в регионе Северного Причерноморья встречены Στρατόδημος (КБН 957, 2 в.н.э.), Στρατοκλής (КБН 6, первая половина VI в. до н.э.), Στρατόνικος³¹, Στρατόφιλος³². Восстанавливаем предположительно чтение: Διονῦ [Σ]τρατό[κλδ?], поскольку оно наиболее удачно заполняет лауну. Предполагаем, что автор граффито специально указал отчество Диония, чтобы не перепутать его с другим одноименным человеком из числа своих должников.

5 стк. Здесь лауна уничтожила две буквы³³. Реконструкцию утраченных букв подсказывают сохранившиеся буквы ΕΕΟ в 1 стк. и ΔΔΔΔ – во 2-й стк. Предполагаем чтение как ΕΕ[ΟΔ]ΔΔ, то есть ε(ἵς), ε(ἵς) ὀ(βολός) ΔΔΔ, – один, один обол, тридцать (оболов).³⁴ Учитывая то, что структура 4–5 стк. аналогична предложению с именем Нумений, то и смысл их должен совпадать. Поэтому рассматриваемая денежная запись в 5 стк. относится к имени Диона сына Страто(кла?). Поскольку оно, как и имя Нумения, стоит в генетиве, можно заключить, что Дионий отдал на хранение или вернул долг сначала в размере одного оболы, а затем еще 30 оболы.

Таким образом, получаем следующий перевод граффито: Атот – один, один о(бол), 15 (оболов); от Нумения – обол, пять (оболов), сорок (оболов); от Диония сына Страто(ника ?) – один, (один) обол, 30 (оболов).

Итак, архив Фанагории классического времени пополнился новым источником, который свидетельствует о деятельности, по всей видимости, трапезита и суммах, которыми фанагорийцы оперировали в тот период. Интересно отметить, что они обращались с суммами в не крупных денежных номиналах, что согласуется с пантикапейским материалом синхронного времени³⁵. В 15 из 22 граффити жители Пантикапея использовали оболы. Отметим также, что четыре новых антропонима – Атот, Нумений, Дионий, и, возможно, Страто(кл) – пополнили список жителей города в IV в. до н.э.³⁶

ЛИТЕРАТУРА

- Анохин, В.А. 1986: *Монетное дело Боспора*. Киев.
 Глускина, Л.М. 1970: О некоторых аспектах кредитно-денежных отношений в Аттике IV в. до н.э. *ВДИ* 3, 17–42.
 Емец, И.А. 2012: *Граффити и дипинти из античных городов и поселений Северного Причерноморья (подготовительные материалы к Корпусу)*. М.

³⁰ LGPN 4, s.v.

³¹ LGPN 4, s.v.

³² LGPN 4, s.v.

³³ Размер лауны около 2,2 см. «Ширина» омикрон квадратной формы, эpsilon, альфы, дельты – ок. 1,1 см.

³⁴ Объяснение такой интерпретации см. выше.

³⁵ Яйленко 2010, 104.

³⁶ Завойкина 2013, 290–293, 303–304.

- Завойкин, А.А. 2013: *Образование Боспорского государства. Археология и Хронология становления державы Спартокидов* (БИ. Suppl. 10). Симферополь–Керчь.
- Завойкина, Н.В. 2013: Фанагорийское общество (по материалам эпиграфики). В сб.: В.Д. Кузнецов (отв. ред.), *Материалы по археологии и истории Фанагории*. Вып. 1. (Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 1). М., 240–313.
- Завойкина, Н.В. 2016: Симпозиум в археологическом контексте. *КСИА* 241, 103–108.
- Завойкина, Н.В. 2017а: Новое торговое граффито из Фанагории. В сб.: В.Н. Зинько (ред.), *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути-товары-отношения*. (БЧ XVIII). Керчь, 151–158.
- Завойкина, Н.В. 2017б: Фанагория. Торговые связи. В кн.: *Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства*. М., 340.
- Зограф, А.Н. 1951: *Античные монеты*. (МИА 16). М.–Л.
- Книпович, Т.Н., Болтунова, А.И. 1962: Очерк истории греческого лапидарного письма. *НЭ* 3, 3–32.
- Кузнецов, В.Д. 2012: *Отчет о работе Фанагорийской экспедиции ИА РАН в Фанагории в 2011 г.* Архив ИА РАН. Р-1. № 46673.
- Рубан, В.В. 1985: Проблемы исторического развития Ольвийской хоры в IV–III вв. до н.э. *ВДИ* 1, 26–45.
- Сапрыкин, С.Ю., Зинько, В.Н. 2003. *Difixio* из Пантикапея. *ДБ* 6, 266–275.
- Сапрыкин, С.Ю., Масленников, А.А. 2007: *Граффити и дипинти хоры античного Боспора* (БИ. Suppl. 1). Симферополь–Керчь.
- Яйленко, В.П. 1980: Граффити Левки, Березани и Ольвии. *ВДИ* 2, 72–99.
- Яйленко, В.П. 2005: Магические надписи Боспора. *ДБ* 8, 465–514.
- Яйленко, В.П. 2010: *Тысячелетний Боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н.э. – V в. н.э.* М.
- Яйленко, В.П. 2017: *История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса и Боспора VII в. до н.э. – VII в.н.э.* СПб.
- Awianowicz, B. 2011: A New Hellenistic Ostrakon from Nikonion. *ZPE* 178, 237–239.
- Dubois, L. 1996: *Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont*. Genève.
- Jeffery, L.H. 1990: *The Local Scripts of Archaic Greece. A Study of the Origin of the Greek Alphabet and its Development from the Eighth to the Fifth centuries B.C.* Revised edition with supplement by A.W. Johnston. Oxford.
- Jordan, D.R. 2000: A Personal Letter Found in the Athenian Agora. *Hesperia* 69.1, 91–103.
- Lawall, M. 2000: Graffiti, Wine Selling, and the Reuse of Amphorae in the Athenian Agora, ca. 430 to 400 BC. *Hesperia* 69.1, 3–90.
- Lang, M. 1976: *Graffiti and dipinti* (The Athenian Agora. XXI). Princeton.
- Tod, M.N. 1911/1912: The Greek Numeral Notation. *The Annual of the British School at Athens* 18, 98–132.
- Zgusta, L. 1964: *Kleinasiatische Personennamen*. Praga.

REFERENCES

- Anokhin, V.A. 1986: *Monetnoe delo Bospora [The Bosporan Coinage]*. Kiev.
- Awianowicz, B. 2011: A New Hellenistic Ostrakon from Nikonion. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 178, 237–239.
- Dubois, L. 1996: *Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont*. Genève.
- Gluskina, L.M. 1970. О некоторых аспектах кредитно-денежных отношений в Аттике IV в. до н.э. [On some aspects of credit and monetary relations in Attica BC during the fourth century BC]. *Vestnik Drevney Istorii [Journal of Ancient History]* 3, 17–42.

- Emets, I.A. 2012: *Graffiti i Dipinti iz antichnykh gorodov i poseleniy Severnogo Prichernomor'ya (podgotovitel'nye materialy k Korpusu)* [*Graffiti and Dipinti from Ancient Towns and Settlements of the North Black Sea Region (preparatory materials for the Corpus)*]. Moscow.
- Jeffery, L.H. 1990: *The Local Scripts of Archaic Greece. A Study of the Origin of the Greek Alphabet and its Development from the Eighth to the Fifth centuries B.C.* Revised edition with supplement by A.W. Johnston. Oxford.
- Jordan, D.R. 2000: A Personal Letter Found in the Athenian Agora. *Hesperia* 69.1, 91–103.
- Knipovich, T.N., Boltunova, A.I. 1962: Oчерк istorii grecheskogo lapidarnogo pis'ma na Bospore [The Issue of the Paleography of Bosporan Inscriptions]. *Numizmatika i ehpiigrafika* [*Numismatics and Epigraphy*] 3, 3–32.
- Kuznetsov, V.D. 2012: *Otchet o rabote Fanagoriyskoy ekspeditsii Instituta arkheologii Rossiyskoy Akademii Nauk v Fanagorii v 2011* [*The Report on works of the Phanagorian Mission of Institute of Archaeology, Russian Academia of Science, at Phanagoria in 2011*]. Archive of Institute of Archaeology, Russian Academia of Science. R-1. No. 46673.
- Lawall, M. 2000: Graffiti, Wine Selling, and the Reuse of Amphorae in the Athenian Agora, ca. 430 to 400 BC. *Hesperia* 69, 3–90.
- Lang, M. 1976: *Graffiti and dipinti* (The Athenian Agora. XXI). Princeton.
- Ruban, V.V. 1985: Problemy istoricheskogo razvitiya Ol'viyskoy khory v IV–III vv. do n. eh. [Some problems of historical development of Olbian *chora* in 4th – 3rd centuries BC]. *Vestnik Drevney Istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 26–45.
- Saprykin, S.Yu., Zinko, V.N. 2003: Difixio iz Pantikapeya [Difixio from Pantikapaion]. *Drevnosti Bospora* [*Antiquates of the Bosporos*] 6, 266–275.
- Saprykin, S.Yu., Maslennikov, A.A. 2007: *Graffiti i dipinti khory antichnogo Bospora* [*Graffiti and Dipinti from the chora of the ancient Bosporus*]. (Bosporskie issledovaniya [Bosporos Studies. Supplementum 1]. Simferopol–Kerch.
- Tod, M.N. 1911/1912: The Greek Numeral Notation. *The Annual of the British School at Athens* 18, 98–132.
- Yaylenko, V.P. 1980: Graffiti Levki, Berezani i Olvii [Graffiti from Leukas, Berezan and Olbia]. *Vestnik Drevney Istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 72–99.
- Yaylenko, V.P. 2005: Magicheskie nadpisi Boospora [Magical inscriptions of the Bosporus]. *Drevnosti Bospora* [*Antiquates of the Bosporos*] 8, 465–514.
- Yaylenko, V.P. 2010: *Tysyacheletniy bosporskiy reikh. Istorია i ehpiigrafika Bospora VI v. do n. e. – V v. e.* [*The thousand-year Bosporan Kingdom. History and Epigraphy of the Bosporus from the sixth century BC to the fifth century AD*]. Moscow.
- Yaylenko, V.P. 2017: *Istorია i ehpiigrafika Olvii, Khersonesa i Bospora v VII v. do n.e. – VII v. n.e.* [*History and Epigraphy of Olbia, Chersonesos and the Bosporan Kingdom from the 7th century BC to the 7th century AD*]. Saint Petersburg.
- Zavoykin, A.A. 2013: *Obrazovanie Bosporskogo gosudarstva. Arkheologiya i khronologiya stanovleniya derzhavy Spartokidov* [*A Creation of the Bosporan State. Archaeology and Chronology of the formation of the Spartocids State*] (Bosporskie issledovaniya [Bosporos Studies]. Supplementum 10). Simferopol–Kerch.
- Zavoykina, N.V. 2013: Fanagoriyskoe obschestvo (po materialam ehpiigrafiki) [The Society of Phanagoria (based on epigraphic data)]. In: V.D. Kuznetsov (ed.). *Materialy po istorii Fanagorii* [*Materials on Archaeology and History of Phanagoria*]. 1. (Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy [Phanagoria. Results of Archaeological Researches]. 1). Moscow, 240–313.
- Zavoykina, N.V. 2016: Simposiy v arkheologicheskom kontekste [Symposium in the archeological context]. *Kratkie soobshchenia Instituta arkheologii RAN* [*Brief Communications of the Institute of Archaeology RAS*] 241, 103–107.

- Zavoykina, N.V. 2017a: Novoe torgovoe graffito iz Fanagorii [New trade graffiti from Phanagoria]. In: V.N. Zinko (ed.), *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Torgovlya: puti – tovary – otnosheniya* [*Bosporus Cimmerian and the Barbarian World in the Ancient Time and the Middle Ages. Trade: Routs – Goods – Relations*]. (The 18th Bosporan Readings). Kerch, 151–158.
- Zavoykina, N.V. 2017b: Fanagoria. Torgovye svyazi [Phanogoria. Trade contacts]. In: *Pantika-pey i Fanagoriya. Dve stolitsy Bosporskogo tsarstva* [*Pantikapaion and Phanagoria. Two Capitals of the Bosporan Kingdom*]. Moscow, 340.
- Zograf, A.N. 1951: *Antichnye monety* [*Ancient coins*] (Materialy po istorii i arkhologii SSSR [Materials on History and Archaeology of USSR] 16). Moscow.
- Zgusta, L. 1964: *Kleinasitische Personennamen*. Praga.

A GRAFFITO OF TRAPESITES FROM PHANAGORIA

Natalya V. Zavoykina

Institute of Archaeology, Russian Academy of Science, Moscow, Russia
zavoykina@mail.ru

Abstract. The paper is a publication of the new graffito found during the archaeological excavations at the Upper City site in Phanagoria. The inscription consists of five lines (fig. 1). Some paleographical features allows the author to date it from the first half to the beginning of third quarter of the 4th century BC. Every line includes a personal name, letter abbreviations, and numbers in the acrophonic system. Three Phanagorians are mentioned in the document: Atotes, Neumenios, and Dionys, the son of Strato(kles?). A nature of the arrangement of names, abbreviations and numbers in the lines suggests that the graffito represents a record of the *trapezites*, who carefully and systematic recorded his transactions with monetary amounts. The letters EEO in 1st line are presumably deciphered on the basis of analogies as ε(ἰς), ε(ἰς) ὀ(βολός); EO in the 2nd line and the 3rd line as ε(ἰς) ὀ(βολός). The numbers in the acrophonic system are scribbled after them in the lines: 1) ΔΠ = 15; 2) Π, ΔΔΔΔ = 5, 40; 3) ΔΔΔ = 30. The author believes that they are all expressed in *oboloi*, so the *trapezites* did not scrawl a coin sign near the numbers. The laconic content of graffito does not allow to accurately determining a nature of the “banking” operation. It can expect the issuance of certain sums of money in debt, placing them in storage, or, which cannot be excluded, the return of debts to the *trapedzites* by the mentioned persons.

Graffito: 1. Ἀτότης ΕΕΟΔΠ | 2. ΔΔΔΔ | 3. Νευμήνιῳ ΕΟΠ |

4. Διονῷ [Σ]τρατό[κλῶ] | 5. ΕΕ[Ο Δ]ΔΔ.

Interpretation: Atotes – one, one o(bolos), 15 (oboloi); from Neumenios – one o(bolos), five (oboloi), forty (oboloi); from Dionys, the son of Strato(nikos?) – one, one (obolos), thirty (oboloi).

Keywords: classical archeology, Bosporus, Phanagoria, epigraphy, graffito

DOI 10.18503/1992-0431-2018-3-61-234–249

КЛАД ПАНТИКАПЕЙСКИХ МЕДНЫХ МОНЕТ III в. до н.э. С ХОРЫ ГОРГИППИИ (1986 г.)

М.Г. Абрамзон*, А.М. Новичихин**

* *Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск, Россия*

abramzon-m@mail.ru

** *Анапский археологический музей, Анапа, Россия*

yazamat10@yandex.ru

Аннотация. В статье впервые публикуется клад из 157 пантикапейских медных монет второй четверти III в. до н.э., найденный 1986 г. в окрестностях хутора Усатова Балка под Анапой и поступивший в Анапский археологический музей. Комплекс принадлежит к группе кладов периода денежного кризиса на Боспоре, в которых основу составляют деградированные пантикапейские медные монеты типа «сатир/лук и стрела, ПАН» (SNG VMI 900–905). Публикуемый клад почти полностью состоит из таких монет, более половины которых отражает финальную стадию деградации. Он был зарыт, по-видимому, близко к дате городского пожара в середине III в. до н.э. Катастрофа в Горгииппии сопровождалась опустошением ее хоры, гибелью некоторых усадеб, а также сокрытием кладов, два из которых происходят с поселений у хутора Усатова Балка.

Ключевые слова: Боспор, Горгииппия, Усатова Балка, монетные клады, денежное обращение, денежный кризис III в. до н.э., Анапский археологический музей

В сентябре 1986 г. в Анапский археологический музей (далее – ААМ) поступил клад из 157 пантикапейских медных монет, случайно найденный на пашне примерно в 1 км к юго-востоку от хутора Усатова Балка Анапского сельского округа города-курорта Анапы¹, на вершине распаханной небольшой возвышенности, фигурирующей в топольемке Анапской археологической экспедиции

Данные об авторах. Абрамзон Михаил Григорьевич – доктор исторических наук, профессор, директор НИИ исторической антропологии и филологии Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова; Новичихин Андрей Михайлович – кандидат исторических наук, заместитель заведующего Анапским археологическим музеем по научной работе.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00098 А «Денежное обращение, экономическая и политическая ситуация на Азиатском Боспоре в III–I вв. до н.э. по материалам монетных кладов из новых поступлений в Анапский археологический музей».

¹ ААМ. Инв. № КМ 7895/1–157. Клад был передан жителем Анапы Н.Н. Ананьевым, который собрал на пашне 155 монет. При осмотре места находки научными сотрудниками ААМ Н.Д. Нестеренко и А.М. Новичихиным были найдены еще две монеты, относящиеся к кладу. Таким образом, общее количество монет в нем составило 157 монет. Клад упомянут нами в числе комплексов периода денежного кризиса III в. до н.э. См. Абрамзон, Новичихин 2017, 381, табл. 1, № 1.

ИА АН СССР в 1978 г. как курган 7 курганной группы Усатова Балка² (рис. 1). Эта местность относится к ближней хоре Горгиппии. Новейшие исследования выявили здесь целую группу усадеб эллинистического времени³, с которыми связан ряд монетных кладов. Так, из раскопок 2011 г. на поселении Усатова Балка 3 происходят два небольших клада эллинистического периода, один из которых содержал пантикапейские тетрагалки последней трети IV в. до н. э., второй – монеты Левкона II (ок. 240–220 гг. до н.э.)⁴. В 2013 г. неподалеку также на пашне был найден огромный клад пантикапейских медных монет периода денежного кризиса (21366 экз.), имеющий тот же набор типов и дату, что и публикуемый комплекс⁵. Наиболее близко к месту находки клада находится поселение Усатова Балка 3, чуть дальше – Усатова Балка 4⁶ (рис. 2–3).

Публикуемый клад первоначально исследовался научным сотрудником ААМ Н.Д. Нестеренко, который составил опись монет, выделил в комплексе перечеканку из типа «голова сатира/голова льва, осетр, ПАН» с контрамарками⁷ в тип «сатир/лук и стрела, ПАН»⁸ – самую тяжелую монету клада (Табл. 1, 1), а все остальные монеты отнес к типу *Шелов* 66, разделив их на три группы, соответствующие этапам деградации типа *Шелов* 65: I (№ 1–2), II (№ 3–12) и III (№ 13–157). В группы I и II вошли монеты, отчеканенные на более крупных и ровных кружках (19–17 мм), весом часто более 3 г (3.07–3.82 г). Голова сатира на них имеет более крупные размеры, чем на монетах III группы; они демонстрируют начальную стадию деградации типа – редукцию нормального веса и небрежность техники чеканки. Монета № 2 наиболее близка стилистически и по размеру кружка к тетрагалкам типа *Шелов* 65. Монеты III группы, которую открывают выделенные Н.Д. Нестеренко три экземпляра № 13–15 с необычной формой лука⁹, принадлежат к следующей стадии, характеризующейся дальнейшей технической и стилистической деградацией и редукцией веса (размер кружка – 16–13 мм, вес – менее 3–2 г). Как отмечал Д.Б. Шелов, самые легкие и наиболее поздние из деградированных монет имеют вес менее 2 г, а иногда и менее 1 г¹⁰. Более половины монет клада также имеют вес менее 2 г, легчайшая – 1.04 г (№ 60).

Таблица 1

Метрология монет из клада 1986 г.

Вес, г	Количество экз.	Размер, мм	Количество экз.
6.97	1	20–19	2
3.82–3.07	5	18–17	14
2.93–2.00	72	16–15	95
1.99–1.04	79	14–13	46

² Алексеева 1978, рис. 23.

³ Сударев 2011; Новичихин 2012; Крайнева 2012. Подробно см.: Абрамзон, Новичихин 2017, 379–380.

⁴ Абрамзон, Коваленко, Сударев 2011, 146–165.

⁵ Абрамзон, Новичихин 2017.

⁶ Крайнева 2012.

⁷ Шелов 1956, № 62; Анохин 1986, № 130; SNG BM I 886–889.

⁸ Шелов 1956, № 67; SNG BM I 898–899.

⁹ Такие монеты присутствуют и в кладе 2013 г. из Усатовой Балки. См. Абрамзон, Новичихин 2017, табл. I, 13.

¹⁰ Шелов 1956, 109.

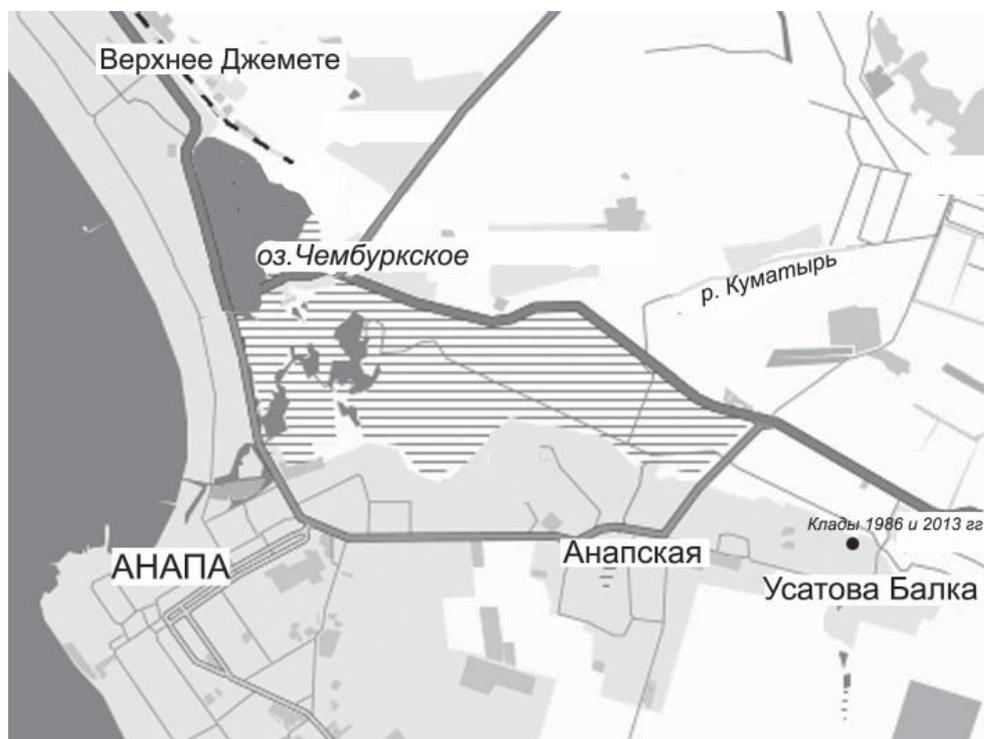

Рис. 1. Усатова Балка. Место находки кладов 1986 и 2013 г.

Рис. 2. Место находки могила 1986 г. и поселения Усатова Балка 3 и 4

Рис. 3. Курган 7. Вид с востока (современное состояние)

Клад 1986 г. из Усатовой Балки примыкает к группе из восьми однородных по составу кладов периода денежного кризиса III в. до н.э. на Боспоре¹¹, основу которых составляет деградировавшая пантикапейская медь типа *SNG BMT 900–905*: из Керчи (кладбище, 1879 г.)¹², пос. Джемете Анапского р-на (1963 г.)¹³, пос. Правобережный Темрюкского р-на (1974 г.)¹⁴, Анапы (1977 г.)¹⁵, Усатовой Балки (1986 и 2013 гг.)¹⁶, с. Золотое (1999 г.)¹⁷ и Мирмекия (2002 г.)¹⁸. Четыре комплекса из этого списка связаны с драматическими событиями в Горгиппии: это клады с ее ближайшей хоры: один из Джемете и два – из Усатовой Балки (1986 и 2013 гг.), а также Анапский (Гребенской) клад 1977 г. с территории горгиппийского некрополя, в 1,5–2 км от городища. Эти горгиппийские клады были спрятаны, по-видимому, во время конфликтов в Прикубанье или катастрофы в городе и на хоре в середине III в. до н.э.¹⁹

Ситуация на боспорском денежном рынке в момент сокрытия группы перечисленных кладов характеризуется новой фазой денежного кризиса – эмиссией огромной массы деградированной пантикапейской меди, что отражают и размеры

¹¹ Список см.: Абрамзон, Новичихин 2017, 381.

¹² Люценко 1880, л. 19, № 14.

¹³ Абрамзон, Фролова 2007–2008, 140–145.

¹⁴ Захаров 1979, 84–86; Абрамзон, Фролова 2007–2008, 145–151.

¹⁵ Нестеренко 1981, 86–87; Абрамзон, Фролова 2007–2008, 151–152.

¹⁶ Подробнее см. Абрамзон, Новичихин 2017, 377–388.

¹⁷ Абрамзон 2011, 15–54.

¹⁸ Абрамзон, Фролова, Куликов 2008, 73–87; Абрамзон, Фролова 2007–2008, 135–140.

¹⁹ Алексеева 1980, 45; Сапрыкин 2001, 194.

перечисленных кладов: из Усатовой Балки (2013 г.) – 21366 монет, с. Золотое – более 2600, Горгиипии – 1050, Правобережного – 925, Джемете – 725, Мирмекия – 722. На этом фоне публикуемый клад составляет куда более скромную сумму²⁰, но он тоже представляет большой интерес с позиций оценки степени состоятельности боспорян, объемов их накоплений и коммерческих операций.

Скорее всего, дата публикуемого клада близка ко времени городского пожара середины III в. до н.э., совпавшего с опустошением хоры²¹. К тому времени у границ Боспора формируется сирако-меотский военно-политический союз племен, что предположительно привело к боспоро-сиракским конфликтам²². Таким образом, клад 1986 г., как и остальные аналогичные горгийские клады периода денежного кризиса, является важным свидетельством денежного обращения, экономической и исторической ситуации на Боспоре в середине III в. до н.э.

Приложение I

КАТАЛОГ МОНЕТ ИЗ КЛАДА 1986 г.

Ок. 300–275 гг. до н.э.

Л.с. Голова безбородого сатира в плющевом венке влево. Под типом видна прежняя надчеканка в виде горита.

О.с. Лук и стрела вправо; ПАН. Под типом видна прежняя надчеканка в виде двенадцатилучевой звезды.

Лит.: Шелов 1957, № 67; *SNG BM I* 898–899.

№ п/п	Вес, г	Диаметр, мм
1	6.97	20

Ок. 275–250 гг. до н.э.

Л.с. Голова безбородого сатира в плющевом венке влево.

О.с. Лук и стрела вправо; внизу ПАН.

Лит.: Шелов 1957, № 66; *SNG BM I* 900–905.

2	3.43	19
3	3.82	18

4	3.82	17
5	2.73	17
6	2.50	17
7	2.58	17
8	2.71	18
9	3.07	18
10	2.50	17
11	2.86	16
12	2.66	16
13	2.13	15
14	2.11	15
15	2.20	15
16	1.78	15
17	2.72	16
18	1.57	13
19	1.98	15
20	2.25	15
21	2.17	16
22	2.14	16
23	2.29	14
24	2.65	15

²⁰ Еще меньшую сумму (40 монет) составил только упомянутый клад с Керченского кладбища 1879 г.

²¹ Алексеева 1997, 45–46; 2010, 486.

²² Марченко 1996, 115–116.

Клад пантикапейских медных монет III в. до н.э. с хоры Горгиипии (1986 г.) 239

25	1.86	15	62	1.67	13
26	1.81	14	63	2.31	14
27	2.50	15	64	1.50	13
28	1.46	13	65	2.09	15
29	1.77	14	66	2.42	15
30	1.87	15	67	1.82	15
31	1.41	15	68	1.76	14
32	2.27	15	69	1.85	12
33	1.86	15	70	2.55	14
34	2.26	15	71	1.17	14
35	1.52	14	72	1.68	14
36	1.78	14	73	2.40	15
37	2.03	15	74	1.76	13
38	2.10	15	75	1.92	15
39	2.00	16	76	1.99	16
40	2.11	17	77	1.54	16
41	2.88	16	78	1.53	16
42	2.19	15	79	1.92	17
43	1.31	14	80	2.59	14
44	1.47	15	81	1.79	15
45	2.02	15	82	1.73	15
46	1.88	14	83	2.24	16
47	1.91	14	84	2.85	15
48	1.46	15	85	1.90	15
49	1.91	15	86	1.90	14
50	1.98	14	87	2.02	15
51	1.78	14	88	2.01	14
52	1.77	14	89	2.11	15
53	1.99	14	90	1.76	16
54	2.23	15	91	2.22	15
55	2.43	15	92	2.06	15
56	2.47	14	93	1.79	17
57	2.10	16	94	2.04	15
58	2.20	13	95	1.88	13
59	2.16	15	96	1.44	15
60	1.04	14	97	1.82	14
61	1.93	14	98	2.08	14

99	2.48	15	129	1.63	14
100	2.29	15	130	1.78	14
101	2.75	15	131	2.19	14
102	2.36	16	132	1.81	16
103	1.50	15	133	1.76	15
104	1.63	15	134	1.92	16
105	1.51	14	135	1.94	15
106	1.88	15	136	2.30	15
107	1.59	15	137	1.80	15
108	2.00	15	138	3.47	17
109	1.29	16	139	1.98	16
110	2.18	15	140	2.12	15
111	1.91	16	141	1.91	15
112	1.79	14	142	2.30	16
113	2.67	15	143	2.09	15
114	1.68	15	144	1.75	14
115	2.32	15	145	1.30	15
116	1.96	14	146	2.25	16
117	1.36	14	147	2.63	15
118	1.45	15	148	1.86	15
119	1.98	15	149	2.23	15
120	1.68	15	150	2.26	14
121	1.32	14	151	1.49	14
122	2.39	16	152	1.60	15
123	2.33	16	153	1.70	16
124	2.93	17	154	2.05	15
125	1.85	15	155	2.07	16
126	2.20	16	156	1.13	14
127	2.28	14	157	1.81	14
128	2.55	15			

Табл. 1. Клад пантикапейских монет III в. до н.э. из Усатовой Балки (1986 г.)

Табл. 2. Клад пантикапейских монет III в. до н.э. из Усатовой Балки (1986 г.)

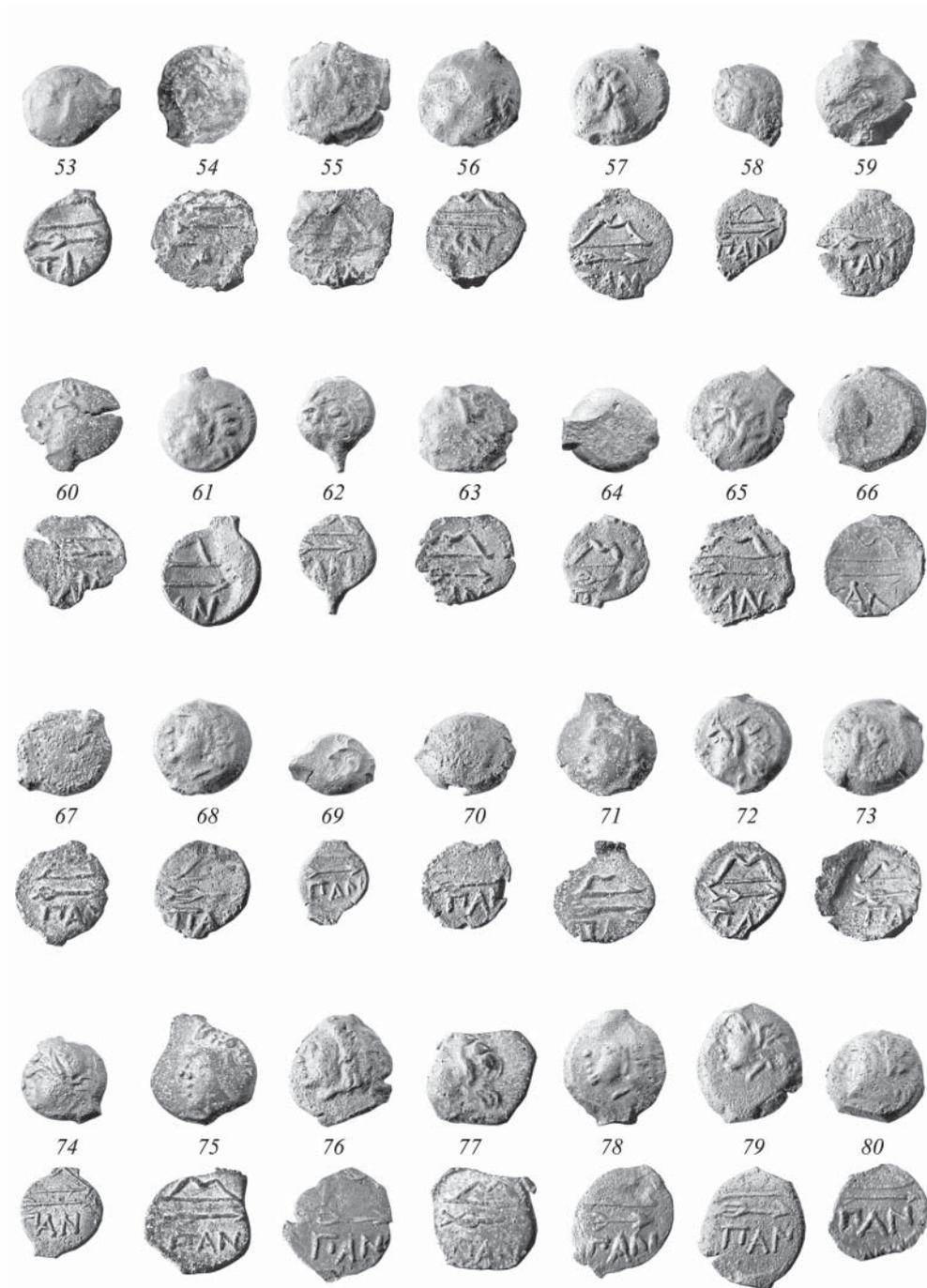

Табл. 3. Клад пантикапейских монет III в. до н.э. из Усатовой Балки (1986 г.)

Табл. 4. Клад пантикапейских монет III в. до н.э. из Усатовой Балки (1986 г.)

Табл. 5. Клад пантикапейских монет III в. до н.э. из Усатовой Балки (1986 г.)

Табл. 6. Клад пантикапейских монет III в. до н.э. из Усаговой Балки (1986 г.)

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон, М.Г. 2011: *Корпус боспорских кладов античных монет. II. Клады из новых поступлений в Керченский историко-культурный заповедник (2009–2010 гг.)* (БИ. Suppl. 7). Симферополь–Керчь.
- Абрамзон, М.Г., Коваленко, М.А., Сударев, Н.И. 2011: Два клада боспорских монет с античного поселения «Усатова Балка 3» (2011 г.). *ПИФК* 4, 146–165.
- Абрамзон, М.Г., Фролова, Н.А. 2007–2008: *Корпус боспорских кладов античных монет. I. (1834–2005 гг.)* (БИ. Suppl. 2). Симферополь–Керчь.
- Абрамзон, М.Г., Фролова, Н.А., Куликов, А.В. 2008: Клад пантикапейских медных монет III в. до н.э. из Мирмекия (2002 г.). *РА* 1, 73–87.
- Алексеева, Е.М. 1978: Отчет о работе Анапской экспедиции 1978 г. Архив ИА РАН. Р–1. № 7411, 7411а.
- Алексеева, Е.М. 1980: К изучению сельских поселений вокруг Горгииппии. В сб.: И.Т. Кругликова (ред.), *Горгииппия. Материалы Анапской экспедиции*. I. Краснодар.
- Алексеева, Е.М. 1997. *Античный город Горгииппия*. М.
- Алексеева, Е.М. 2010. Горгииппия. В кн.: Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.), *Античное наследие Кубани*. М., 470–509.
- Анохин, В.А. 1986: *Монетное дело Боспора*. Киев.
- Захаров, В.А. 1979: Клад пантикапейских монет из совхоза «Правобережный» (предварительная публикация). *ВДИ* 3, 84–86.
- Крайнева, А.А. 2012: *Отчет о проведении охранно-спасательных археологических исследований на объекте археологического наследия «Поселение и грунтовый могильник “Усатова Балка-4”», расположенном в зоне строительства «ПС 220 кВ “Бужора” с заходами ВЛ 220 кВ» в г. Анапа Краснодарского края в 2011 году*. Архив ИА РАН. Р–1. Оп. 1. Кн. 43. № 29935–29936.
- Люценко, Е.Е. 1880: *Керчь и Тамань. Некоторые сведения о денежных кладах, найденных в последнее время на Керченском и Таманском полуостровах, а также на Юге России*. В кн.: Абрамзон, М.Г., Фролова, Н.А. 2007–2008, 580–596.
- Марченко, И.И. 1996: *Сираки Кубани*. Краснодар.
- Нестеренко, Н.Д. 1981: Клады Горгииппии. *КСИА* 168, 85–87.
- Новичихин, А.М. 2012: *Отчет об археологических разведках в окрестностях п. Усатова Балка Анапского сельского округа города-курорта Анапа в 2009 г.* Архив ИА РАН. Р–1. № 36620.
- Сапрыкин, С.Ю. 2001: Неопубликованная эпитафия из Горгииппии. *ВДИ* 1, 190–194.
- Сударев, Н.И. 2011: *Отчет об охранных археологических работах (разведках) на территории г.к. Анапа, Темрюкского и Крымского районов Краснодарского края в 2010 г.* Архив ИА РАН. Р–1. № 28892–28896.
- Шелов, Д.Б. 1956: *Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э.* М.

REFERENCES

- Abramzon, M.G. 2011: *Korpus bosporskikh kladov antichnykh monet. T. II. Klady iz novykh postupleniy v Kerchenskiy istoriko-kul'turnyy zapovednik (2009–2010 gg.)* [A corpus of the Bosporan hoards of ancient coins. Vol. II. Hoards from new arrivals in the Kerch Historical and Cultural Reserve (2009–2010)] (Bosporskie issledovaniya [Bosporos Studies]. Suppl. 7). Simferopol–Kerch.
- Abramzon, M.G., Frolova, N.A. 2007–2008: *Korpus bosporskikh kladov antichnykh monet. T. I (1834–2005 gg.)* [A corpus of the Bosporan hoards of ancient coins. Vol. I (1834–2005)] (Bosporskie issledovaniya [Bosporos Studies]. Suppl. 2). Simferopol–Kerch.

- Abramzon, M.G., Frolova, N.A., Kulikov, A.V. 2008: Klad pantikapeyskikh mednykh monet III v. do n.e. iz Mirmekiya (2002 g.) [A hoard of Pantikapaion copper coins of the 3rd c. BC from Myrmekion (2002)]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology] 1, 73–87.
- Abramzon, M.G., Kovalenko, M.A., Sudarev, N.I. 2011: Dva klada bosporskikh monet s antichnogo poseleniya «Usatova balka 3» (2011 g.) [Two hoards of Bosporan coins from the antique Settlement “Usatova Balka 3” (2011)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 4, 146–165.
- Alekseeva, E.M. 1978: *Otchet o rabote Anapskoy ekspeditsii 1978 g.* [Report on the work of the Anapa Mission in 1978]. Archive of the IA RAS]. R–1. Nos. 7411, 7411a.
- Alekseeva, E.M. 1980: K izucheniyu sel'skikh poseleniy vokrug Gorgippii [A study of rural settlements around Gorgippia]. In: I.T. Kruglikova (ed.), *Gorgippiya. Materialy Anapskoy ekspeditsii* [Gorgippia. Materials of the Anapa expedition]. I. Krasnodar, 18–50.
- Alekseeva, E.M. 1997: *Antichnyy gorod Gorgippiya* [The ancient town Gorgippia]. Moscow.
- Alekseeva, E.M. 2010: Gorgippia. In: G.M. Bongard-Levin, V.D. Kuznetsov (eds.), *Antichnoe nasledie Kubani* [Antique heritage of Kuban']. Moscow, 470–509.
- Anokhin, V.A. 2011: *Monetnoe delo Bospora* [The Coinage of the Bosporus]. Kiev.
- Krayneva, A.A. 2012: *Otchet o provedenii okhranno-spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovaniy na ob'ekte arkheologicheskogo naslediya «Poselenie i gruntovyy mogil'nik “Usatova Balka-4 Anapa”», raspolozhennom v zone stroitel'stva «PS-220 kV “Buzhora” s zakhodami v VL 220 kV» v g. Anapa Krasnodarskogo kraya v 2011 g.* [Report on the 2011 salvage archaeological works at the site of “Settlement and necropolis of Usatova Balka-4” and Anapa (Krasnodar Territory)]. Archive of the Institute of Archaeology, RAS. R–1. List 1. Book 43. Nos 29935–29936.
- Lyutsenko, E.E. 1880: *Kerch' i Taman'. Nekotorye svedeniya o denezhnykh kladakh, naydenykh v poslednee vremya na Kerchenskom i Tamanskom poluostrrovakh, a takzhe na Yuge Rossii* [Kerch and Taman. Some information on coin hoards recently found in the Kerch and Taman peninsulas and in the South of Russia] (Manuscript). In: Abramzon, M.G., Frolova, N.A. 2007–2008, 580–596.
- Marchenko, I.I. 1996: *The Siraki of the Kuban*. Krasnodar.
- Nesterenko, N.D. 1981: Klady Gorgippii [Hoard from Gorgippia]. *Kratkie Soobshcheniya Instituta Arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 168, 85–87.
- Novichikhin, A.M. 2012: *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh v okrestostyakh p. Usatova Balka Anapskogo sel'skogo okruga goroda-kurorta Anapa v 2009 g.* [Report on the 2009 archaeological fieldworks in the outskirts of the village of Usatova Balka (Anapa rural district of the city-resort Anapa)]. Archive of the Institute of Archaeology, RAS. R–1. No. 36620.
- Saprykin, S.Yu. 2001: Neopublikovannaya epitafiya iz Gorgippii [An unpublished epitaph from Gorgippia]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 190–194.
- Shelov, D.B. 1956: *Monetnoe delo Bospora VI–II vv. do n.e.* [The Coinage of the Bosporus in the 6th–2nd centuries BC]. Moscow.
- Sudarev, N.I. 2011: *Otchet ob okhrannykh arkheologicheskikh rabotakh (razvedkakh) na territorii goroda-kurorta Anapa, Temryukskogo i Krymskogo rayonov Krasnodarskogo kraya v 2010 g.* [Report on the 2010 salvage archaeological fieldworks in Anapa, Temryuk and Krymsky districts of the Krasnodar Territory]. Archive of the Institute of Archaeology, RAS. R–1. Nos. 28892–28896.
- Zakharov, V.A. 1979: Klad pantikapeyskikh monet iz sovkhoza «Pravoberezhnyy» (predvaritel'naya publikatsiya) [A hoard of Pantikapaion coins from the state farm of “Pravoberezhnyy” (A preliminary report)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 84–86.

A HOARD OF PANTIKAPAION COPPER COINS OF THE THIRD CENTURY BC
FROM THE CHORA OF GORGIPPIA (1986)

Mikhail G. Abramzon*, Andrey M. Novichikhin**

* *Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia*
abramzon-m@mail.ru

** *Anapa Archaeological Museum, Anapa, Russia*
yazamat10@yandex.ru

Abstract. The paper is the first publication of a hoard of 157 Pantikapaion copper coins dated to the second quarter of the 3rd century BC, found in 1986 near the hamlet Usatova Balka in the outskirts of Anapa. The coins came in the Anapa Archaeological Museum. The assemblage belongs to the group of hoards of the period of the monetary crisis on the Bosphorus, in which the basis is the Pantikapaion degraded copper coins with Pan/bow and arrow, ΠΑΝ (SNG BM I 900–905). The 1986 hoard almost entirely consists of such coins, half of which belongs to the final stage of degradation. The hoard was concealed, apparently, closer to the date of the Gorgippian great fire in the mid – 3rd century BC. The catastrophe in Gorgippia led to the devastation of her chore, ruining of some estates, and the concealment of hoards including those two from Hellenistic settlements near the hamlet of Usatova Balka.

Keywords: Bosphorus, Gorgippia, Usatova Balka, coin hoards, monetary circulation, monetary crisis of the 3rd century BC, Anapa Archaeological Museum

---

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2018), 250–256
© The Author(s) 2018

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2018), 250–256
© Автор(ы) 2018

DOI 10.18503/1992-0431-2018-3-61-250–256

ИССЛЕДОВАНИЯ В.Д. БЛАВАТСКОГО В АКВАТОРИИ ФАНАГОРИИ (1958 и 1959 гг.)

Е.Г. Застрожнова

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, Санкт-Петербург, Россия
pankratova0484@yandex.ru

Аннотация. Первые исследования в затопленной части города состоялись под руководством В.Д. Блаватского в 1958–1959 гг. В ходе этих работ стало известно, что граница Фанагории отстояла от берега на 220–240 м. Глубина затопленных частей города была не более 2,3 м, а площадь находящейся под водой Фанагории достигала 17 га. В статье обобщена информация из опубликованной части отчетов В.Д. Блаватского с привлечением неопубликованных фрагментов из архивных дел.

Ключевые слова: Боспорское царство, Фанагория, античность, подводная археология

«Столица Азиатского Боспора» – Фанагория один из самых больших античных центров на территории Российской Федерации. Первые исследования в затопленной части города состоялись в 1958–1959 гг. и официально подтвердив то, что северная часть памятника находится под водой, обозначили первоначальные задачи по ее изучению. В статье обобщена информация из опубликованной части отчетов В.Д. Блаватского с привлечением неопубликованных фрагментов из архивных дел.

То, что часть территории города скрыта водами Таманского залива, было известно еще в XIX в. К.К. Герц отмечал, что во время отливов местные жители собирали монеты на берегу Таманского залива¹. В 1920-е гг. на дне Таманского залива, возле Фанагории, обнаружили и извлекли из воды две большие мраморные

Данные об авторе: Застрожнова Евгения Григорьевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Архива РАН.

Рис. 1 – Лодка с аквалангистами, землесосная станция, трубопровод, лодка с грохотом (слева-направо). 1959 г. Фото. Архив ИА РАН. Р-1.1937. Оп.1. Л.12

статуи античного времени, изображающие львов, которые теперь украшают лапидарий Феодосийского музея древностей². В ходе работ на территории городища Фанагорийской экспедицией под руководством В.Д. Блаватского (1936–1939 гг.) было установлено, что северная часть памятника находится под водой³. Приступить к подводным исследованиям для уточнения прохождения северной границы Фанагории В.Д. Блаватскому удалось в 1958 г.

В 1957 г., в рамках подготовительного периода к этим исследованиям, члены археологического кружка В.Д. Блаватского при МГУ (Б.Г. Петерс, И.В. Смирнов, Г.А. Кошеленко, Ю.А. Савельев и племянник Д.В. Блаватского – А.В. Блаватский), по собственной инициативе были включены в группу не профессиональных водолазов при Центральном морском клубе ДОСААФ. После курса теории и прохождения практических погружений в Москва-реке, был сформирован подводный отряд при Пантикапейской экспедиции, руководителем которой был В.Д. Блаватский. В задачи подводного отряда входили разведочные работы в различных частях Керченского пролива, а также у кос Тузла и Чушка⁴.

¹ Герц 1898, 78.

² Небезынтересно привести описание скульптур львов из Инвентарной книги ФМД: 5) Лев мраморный античного времени. Лев в лежачем положении с поднятой головой, повернут вправо. III–II вв. до н.э. Найден на дне Таманского залива в 1920-х гг. (Блаватский, Кошеленко 1963, 10–11). Сильно окатан морской водой, лапы отбиты. В-2463.к.л.4974/1; 6) Лев мраморный античного времени. Лев в лежачем положении с поднятой головой, повернут вправо. III–II вв. до н.э. Найден на дне Таманского залива в 1920-х гг. Высота – 90 см, длина – 140 см. Окатан водой, лапы отбиты. Акт о принятии от 24.12.1972 г.

³ РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1-1939. Д. 181. Л. 23

⁴ Блаватский, Кошеленко 1963, 25.

В 1958 г. подводные археологические исследования были сосредоточены у Фанагории. Работы проводились отрядом археологов-подводников, состоящим из преподавателей и студентов исторического факультета МГУ и Московского энергетического института⁵. В состав экспедиции был также включен историк и археолог, доцент Московского университета В.И. Кузищин. Основной задачей работ этого года, была разведка прибрежной части Фанагории и составление плана затопленной площади древнего города. Вдоль берега была разбита базовая линия длиной 700 м, разделенная на 4 отрезка, каждый из которых обследовало несколько водолазов в радиусе 20–40 м. Обследование велось визуально, без применения специальной техники. На дне залива было обнаружено большое количество отдельных камней и скоплений керамики. По свидетельству В.Д. Блаватского, «черепки древних сосудов, обломки черепиц и камни мы искали, как это ни странно, по цвету водорослей. Как оказалось, они являются прекрасными маяками, указывающими на скопления керамики и камней: на общем зеленом фоне водорослей резко выделялись буроватые кусты, выросшие на этих скоплениях»⁶. В северо-восточной части исследуемого участка была зафиксирована целая гряда, тянувшаяся с юго-востока на северо-запад, состоявшая из разорванных рядов кладок, грубо отесанных квадров и фрагментов керамики. Другой большой завал камней был открыт в северо-западной части акватории, он тянулся с юга на север и затем резко поворачивал к востоку. К юго-востоку от этого завала были обнаружены две хорошо отесанные известняковые плиты.

Как заключил В.Д. Блаватский, по данным разведок 1958 г. можно предположить, что примерно треть города находится под водой, и северная граница Фанагории отстояла от берега на 220–240 м. Глубина затопленных частей города была не более 2,3 м. Площадь находящейся под водой Фанагории достигает 17 га.⁷

Зимний период 1958–1959 гг. был использован для подготовки к новой экспедиции. Клуб подводников Московского энергетического института выделил свою бригаду, во главе которой стоял инженер-подполковник М.К. Семин, а его помощником был назначен А.В. Блаватский. В основной состав аквалангистов входили сотрудники, участвовавшие в экспедиции 1958 г. и получившие опыт морских погружений и археологических работ. Основной задачей экспедиции было доказать возможность и целесообразность проведения подводных раскопок затопленных древних городов, осуществив их в Фанагории, пусть и в небольших масштабах.

Летом 1959 г. подводная археологическая экспедиция была организована Институтом археологии и Институтом истории искусств АН СССР, при помощи студентов МГУ (В.Д. Блаватский, М.К. Семин, Т.В. Блаватская, Г.А. Кошеленко, Б.Г. Петерс, Е.М. Алексеева и др)⁸. В этом году для раскопок уже стала применяться специальная аппаратура. В.Д. Блаватский отмечал трудности в связи с ее получением: «с большим трудом удалось разгрузить и спустить на воду в Тамани четырехтонную землесосную установку и добыть лодки»⁹. Поскольку сотрудникам экспедиции не удалось найти большие лодки в Таманском заливе, «то при-

⁵ Блаватский, Кузищин 1961, 136.

⁶ Блаватский, Кошеленко 1963, 74

⁷ Блаватский, Кузищин 1961, 138.

⁸ Архив ИА РАН. Р-1.1937. Оп. 1. Л. 1.

⁹ Архив ИА РАН. Р-1.1937. Оп. 1.Л. 3.

Рис. 2 – Деревянная рама, придавленная камнем. Угол раскопа, первый штык. 1959 г. Фото. Архив ИА РАН. Р-1.1937. Оп.1. Л. 13

шлось добывать большие плоскодонные лодки на Азовском море, перевозить их и вымачивать»¹⁰. Прицеп для перевозки лодок, который удалось с трудом найти, «при первой же поездке претерпел аварию, а сильные ливни вызвали распутицу, усложнившую перевозку остальных лодок» (рис. 1). В результате всех затруднений, подготовительный к работам период занял восемь дней. Все исследования были проведены в оставшиеся у экспедиции двенадцать дней, однако В.Д. Блаватский отмечал, что работе постоянно «мешали крупные неполадки или непогода»¹¹.

Место для раскопок было выбрано, исходя из данных разведок 1958 г. Намеченный участок располагался в северо-восточной части к югу и западу от больших каменных завалов. Участок находился на расстоянии 185 м от берега, на глубине 1,9 м. Для того чтобы выделить границы раскопа, была сколочена деревянная рама размером 4 х 4 м (рис. 2), которую отбуксировали на место, предназначенное для раскопок, и затопили, привязав к ней тяжелые камни¹². Раскопки велись сначала вручную – лопатой, крупные обломки керамики и камни выбирались вручную, а мелкие фрагменты керамики, ракушки и водоросли отсасывались землесосной машиной. Далее грунт шел по железному трубопроводу, закрепленному на железных же поплавках, и заканчивался на грохоте – массивной раме с двойной сеткой

¹⁰ Архив ИА РАН. Р-1. 1937. Оп. 1. Л. 8.

¹¹ Архив ИА РАН. Р-1. 1937. Оп.1. Л. 9.

¹² Блаватский, Кошеленко 1963, 82.

Рис. 3 – Испытание землесосной станции и грохота. 1959 г. Фото. Архив ИА РАН. Р-1.1937. Оп.1. Л.12

(рис. 3), горизонтально установленной между двумя лодками. Здесь был пост второго археолога, выбиравшего находки. Третья большая лодка служила операционной базой. Она стояла на якоре возле раскопа, с нее по трапу спускались под воду археологи и аквалангисты, каждая смена продолжалась 30 минут. В.Д. Блаватский отмечал, что весьма затруднял работу и фиксацию поднимающийся со дна ил, видимость была удовлетворительной только ранним утром, когда муть оседала на дно. Обычно именно в это время под воду спускался начальник экспедиции и фотографы, которые фотографировали раскоп (рис. 4).

В ходе работ было установлено, что наверху залегал пласт намывного песка (0,65 м), под ним располагался слой булыжной мостовой II в. до н.э., подошва которого достигала в глубину 1,3 м от поверхности грунта. Находки с подводного раскопа состояли в основном из фрагментов черепицы, остродонных амфор IV–II вв. до н.э., а также простой и чернолаковой керамики (рис. 5).

Подводя итоги работ, В.Д. Блаватский заключил, что «теперь с полной уверенностью можно было сказать, что выводы разведок 1958 г. верны. Действительно, море захватило у древнего города почти 17 га, и предварительно намеченные границы действительно оказались границами города».¹³ Подводный отряд Фанагорийской экспедиции продолжил свою работу в 1999 г.¹⁴, и список уникальных находок, открытых в затопленной части Фанагории пополняется каждый год.

¹³ Архив ИА РАН. Р-1. 1937. Оп.1. Л. 10.

¹⁴ Кузнецов, Латарцев, Латарцева, Амеликин 2003, 152–163.

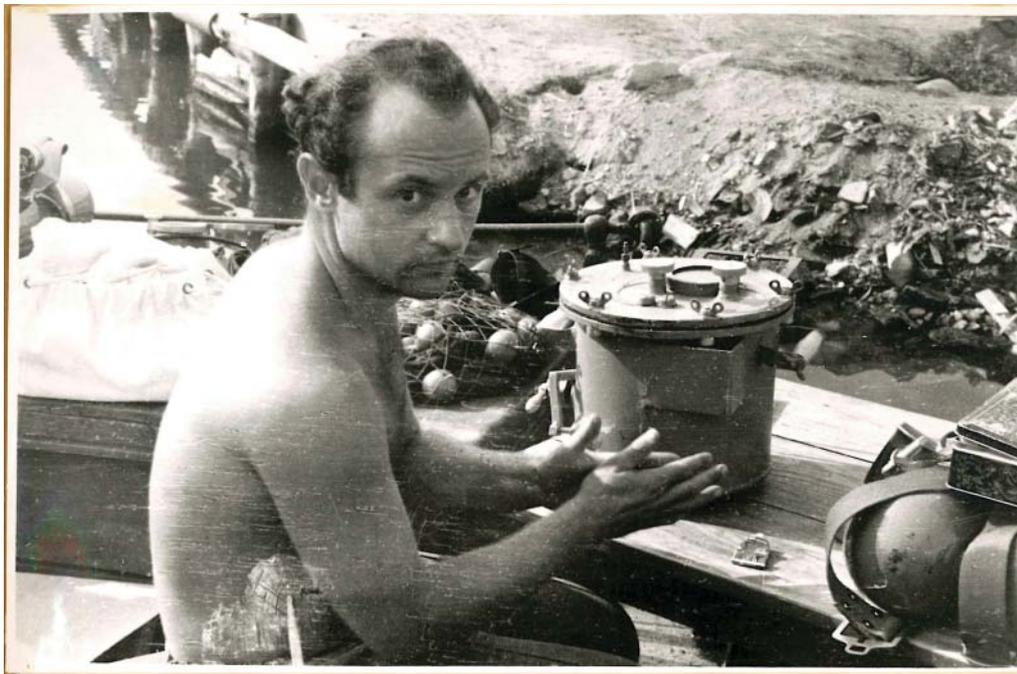

Рис. 4 – Кинооператор с киноаппаратом в боксе. 1959 г. Фото. Фото. Архив ИА РАН. Р-1.1937. Оп.1. Л. 15

Рис. 5 – Находки из верхних штыков подводного раскопа. 1959 г. Фото. Архив ИА РАН. Р-1.1937. Оп.1. Л.13

ЛИТЕРАТУРА

- Блаватский, В.Д., Кошеленко, Г.А. 1963: *Открытие затонувшего мира*. М.
 Блаватский, В.Д., Кузищин, В.И. 1961: Подводные разведки в 1958 г. *КСИА* 83, 136–138.
 Герц, К.К. 1898: *Археологическая топография Таманского полуострова*. СПб.
 Кузнецов, В.Д., Латарцев, В.Н., Латарцева, Е.Е., Амелькин, А.О. 2003 *Подводные исследования в Фанагории в 1999–2002 гг.* ДБ 6, 152–163.

REFERENCES

- Blavatskiy, V.D. Kuzishchin, V.I. 1961: Podvodnye razvedki v 1958 g. [Underwater exploration in 1958]. *Kratkie soobshcheniya Instituta Arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 83, 136–138.
 Blavatskiy, V.D., Koshelenko, G.A. 1963: *Otkrytie zatonuvshogo mira* [The discovery of a Sunk-en World]. Moscow.
 Gerts, K.K. 1898: *Arkheologicheskaya topografiya Tamanskogo poluostrova* [Archaeological topography of the Taman Peninsula]. Saint Petersburg.
 Kuznetsov, V.D. Latartsev, V.N., Latartseva, E.E., Amelkin, A.O. 2003: Podvodnye issledovaniya v Fanagorii v 1999–2002 gg. [Underwater researches in Phanagoria]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 6, 152–163.

V.D. BLAVATSKY'S EXPLORATION OF THE AQUATORIA OF PHANAGORIA
 IN 1958 AND 1959

Evgenia G. Zastrozhnova

Archive of the Russian Academy of Science Saint Petersburg Branch, Saint Petersburg, Russia
 pankratova0484@yandex.ru

Abstract. The first exploration of the flooded part of Phanagoria was conducted under the leadership of V.D. Blavatsky in 1958–1959. In the course of these works, it became known that the boundary of the city stretched from the modern coastline for 220–240 m. The depth of the flooded parts of the city is not more than 2,3 m and the square of underwater part of Phanagoria reached 17 hectares. The paper summarizes information from the published reports of V.D. Blavatsky, with the involvement of unpublished fragments from archival documents.

Keywords: Bosporan Kingdom, Phanagoria, antiquity, underwater archaeology

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2018), 257–263
© The Author(s) 2018

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2018), 257–263
©Автор(ы) 2018

DOI 10.18503/1992-0431-2018-3-61-257–263

V АБХАЗСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 100-ЛЕТИЮ ВЫДАЮЩЕГОСЯ АБХАЗСКОГО АРХЕОЛОГА-КАВКАЗОВЕДА М.М. ТРАПША (Сухум, 20–24 ноября 2017 г.)

А.В. Безруков

*Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск, Россия
buonogiorno@mail.ru*

20–24 ноября 2017 г. в г. Сухум (Абхазия) состоялась V Абхазская международная археологическая конференция, посвященная 100-летию выдающегося абхазского археолога-кавказоведа М.М. Трапша. Организаторами конференции выступили Академия наук Абхазии, Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа, Министерство культуры и охраны историко-культурного наследия РА и Абхазский государственный университет.

В конференции приняли участие археологи, историки и искусствоведы из музеев, университетов и академических научных учреждений Абхазии, России, Беларуси и Молдовы. За четыре дня работы конференции прозвучало 56 докладов и сообщений, которые были распределены тематически по трем секциям.

На торжественном заседании утром 21 ноября с приветственным словом к участникам конференции обратился заместитель председателя оргкомитета, директор АБИГИ им. Д.И. Гулиа АН РА А.Е. Ашуба, отметивший важность археологических изысканий и научных контактов М. Трапша, который, прожив всего 61 год, 18 лет занимался научно-археологической деятельностью и за это время внес неоценимый вклад в становление абхазской археологии. Советник Президента РА по науке, культуре и образованию В. Зантария зачитал приветственную телеграмму от Президента РА Р.Д. Хаджимбы. Затем было заслушано шесть

докладов пленарной части конференции, посвященных в большинстве своем жизненному пути М.М. Трапша и его практическому вкладу в изучение археологических памятников, их типологии и периодизации Абхазии. В рамках пленарного заседания первым выступил И.И. Цвинария (Сухум), который в своем докладе «Памяти М.М. Трапша. Жизненный путь и научная деятельность» отметил, что М.М. Трапш – первый выдающийся абхазский ученый-археолог, без которого невозможно представить историю Абхазии античного и средневекового периодов. Доклад О.Х. Бгажба (Сухум) «М.М. Трапш и древности Цебельды (Цабала)» был посвящен итогам исследований памятников цебельдинской культуры, а М.М. Трапш, наряду с Ю.Н. Вороновым, назван одним из первооткрывателей культуры Цебельды. В совместном докладе А.И. Джопуа и В.А. Ньюшкова (Сухум) «М.М. Трапш и его вклад в изучение археологических памятников северо-западной Абхазии» основное внимание было уделено работам Трапша на целом ряде археологических памятников вне пределов территории Сухума и его окрестностей, на территории северо-западной Абхазии. Г.А. Сангулия (Сухум) в докладе «Клады бронзолитейного производства в системе периодизации и типологии памятников Абхазии М.М. Трапша» обратил внимание на влияние исследовательской деятельности М.М. Трапша на уточнение периодизации и типологии памятников Абхазии эпохи бронзы на примере образцов бронзолитейного дела. Сообщение В.Р. Эрлиха (Москва) «Погребение финала поздней бронзы с частичной кремацией на Северо-Западном Кавказе» было посвящено анализу инвентаря погребения, датируемого временем перехода от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку. В заключительной части пленарного заседания участникам конференции был представлен доклад Н.А. Трапша (Ростов-на-Дону) «Исторические исследования М.М. Трапша в методологическом измерении: опыт комплексной интерпретации», в котором автор основное внимание уделил теоретико-методологическому вкладу М.М. Трапша в археологию. Затем участники конференции разошлись по секциям.

Вечернее заседание секции № 1 «Каменный век и бронза» (председатели – И.И. Цвинария, С.А. Кулаков) открыл доклад коллектива исследователей из научных центров России и Абхазии в лице С.А. Кулакова (Санкт-Петербург), А.И. Джопуа (Сухум), М.А. Кулькова и Т.В. Сапелко (Санкт-Петербург) на тему «Новые биостратиграфические данные по пещерной стоянке Мачагуа (Гудаутский район Абхазии)», в котором были представлены результаты последних лет исследований пещерного комплекса. В докладе Г.Д. Атаева (Махачкала) «Поселение горно-долинного типа Дагестана эпохи средней бронзы» рассматривались архитектурная и историко-культурная особенности данных поселений эпохи бронзы на территории Дагестана. Доклад А.Ю. Скакова (Москва) «Изучение археологии Кавказа в отделе бронзового века ИА РАН/АН СССР» продолжил тему исследования эпохи бронзы на территории Кавказа. Завершилось вечернее заседание секции докладом М.И. Кудина (Майкоп) и К.А. Глазова (Сочи) «Особенности пространственной ориентации дольменов Большого Сочи» о выделении несколько групп дольменов и уточнении их хронологии.

Параллельно проходившее заседание секции № 2 «Ранний железный век и античность» (председатели – О.Х. Бгажба, А.Р. Канторович) открылось докладом А.Р. Канторовича и В.Е. Маслова (Москва) «Раскопки скифского курганного мо-

гильника Новозаведенное-III на Ставрополье в 2017 г.», в котором сообщалось, что среди всего погребального инвентаря наибольший интерес представляет находка бронзовых конских налобников, выполненных в скифо-меотском зверином стиле и демонстрирующих тесные связи местных скифов с меотской культурой Прикубанья во 2-й половине IV в. до н.э. Тема скифов получила дальнейшее продолжение в докладе С.И. Лукьяшко (Ростов-на-Дону) «Скифский портрет». З.Г. Хондзия (Сухум) в докладе «Раннеантичный могильник в поселке Тасракуа (Гудаутского района), обнаруженный в 2013 г.» на основании анализа инвентаря и скелета лошади датирует его V в. до н.э. и отмечает, что всаднические погребения известны еще с эпохи поздней бронзы на Куланыхском некрополе, расположенном поблизости. В докладе А.В. Копылова, В.П. Копылова (Москва) и Н.В. Андрианова (Ростов-на-Дону) «Некоторые итоги новых исследований Елизаветовского городища и его курганного некрополя» авторы представили результаты работы последних нескольких лет на грунтовом некрополе, которые позволяют решить вопрос о его греческом характере, что предполагали еще А.А. Миллер и Т.Н. Книпович. В докладе Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко (Краснодар) «Типология и хронология меотских мечей из Прикубанского могильника» основное внимание было уделено анализу данной распространенной категории предметов погребального инвентаря меотов. В завершение вечернего заседания вниманию участников было представлено сообщение А.Б. Белинского (Ставрополь), И.И. Цвинария (Сухум), А.И. Иванчика (Москва) и С.С. Сакания (Сухум) «Работы совместной Российско-Абхазской экспедиции в 2013 г. (Баглан)» о предварительных итогах работы коллектива.

Завершился первый день работы конференции докладами участников секции № 3 «Средневековье. Охрана памятников» (председатели – В.А. Нюшков, А.А. Туаллагов). А.А. Туаллагов (Владикавказ) в докладе «О новой находке из Абхазии» большую часть посвятил аланской проблематике в контексте последних находок на территории Абхазии. Архимандрит Дороефий (Дбар) (Новый Афон) представил доклад «Греческая надпись Пицундского собора», в котором приводит подробный филологический разбор надписи XVI в. из Пицундского собора с привлечением обширного эпиграфического материала с территории Кавказа и Краснодарского края. Сообщение З.В. Доде «К проблеме культурно-хронологической атрибуции скальных могильников Северного Кавказа» было посвящено вопросу культурно-хронологической атрибуции в контексте средневековой археологии. В докладе Д.Э. Василенко «Строительная керамика церкви у родника Крион Нерон (Адлерский район г. Сочи): некоторые аспекты типологии и хронологии» приведены аналогии с территории Абхазии, которые, возможно, свидетельствуют о существовании на территории современного Сочи единого этнокультурного массива. Доклад А.В. Пьянкова (Краснодар) «Поздняя группа погребений (XII–XV вв.) могильника Бжид–1 в Северо-Восточном Причерноморье» был посвящен группе кремационных погребений. Завершил первый рабочий день конференции доклад М.Ю. Меньшикова (Москва) «Святынища и сакральные места в окрестностях пос. Красная Поляна Адлерского района. По результатам археологических исследований 2010–2011 гг.».

Утреннее заседание 22 ноября секции № 1 «Каменный век и бронза» (председатели – А.Н. Габелия, А.Ю. Скаков) открыли В.А. Ларенок, П.А. Ларенок и

О.П. Ларенок (Ростов-на-Дону) с докладом «Элитарное женское погребение переходного времени от средней к поздней бронзе из могильника “Бургуста 1” Красносулинского района Ростовской области» о богатом женском погребении, единственном среди двух десятков исследованных могил. Высокий статус погребенной, по мнению авторов, подтверждается, помимо богатого инвентаря, и обнаружением в соседней могильной яме чучела лошади. Вопросам технологического плана был посвящен доклад Г.Н. Поплевко (Санкт-Петербург) «Техника выколотки в изготовлении круглодонной керамики». Технологический аспект археологических исследований был продолжен в совместном докладе А.Д. Резепкина и М.А. Кульковой (Санкт-Петербург) «Микроморфологические исследования керамики из поселений майкопской культуры». В завершение работы утренней части конференции Д.З. Авидзба (Сухум) сделал доклад на тему «Эволюция предметов вооружения Абхазии в эпоху поздней бронзы – раннего железа», в котором обратил внимание на сохранение в комплексе предметов вооружения традиционных элементов в среде местных племен.

На утреннем заседании секции № 2 «Ранний железный век и античность» (председатели – А.И. Джопуа, В.Р. Эрлих) А.Н. Габелия прочитал доклад «Амфоры из Сухумской крепости», посвященный общим вопросам типологии и хронологии многочисленной группы амфор, большая часть коих представлена т.н. колхидскими амфорами, ранние из которых датируются IV в. до н.э. А.А. Егорейченко (Минск) в докладе «О происхождении антских двуспиральных подвесок» на основании хронологической близости финальных погребений цебельдинских могильников, содержащих этот тип украшений, с антскими древностями, сделал вывод о том, что прототипом для антских двуспиральных височных украшений послужили кавказские очевидные подвески. Р.Х. Гаглойти (Цхинвал) представил доклад «Сармато-аланы и Центральный Кавказ», посвященный предметам неизвестного назначения из раскопок Даргавского катакомбного могильника. В совместном докладе А.В. Безрукова (Магнитогорск) и В.В. Улитина (Краснодар) «Категории античной керамики в Прикубанье и Волго-Камье: проблемы изучения функционального использования и роли в культуре варваров» сравнивались роль и формы функционального использования импортной керамики в варварской среде на примере регионов ближней и дальней варварской периферии. Сообщение А.В. Иванова (Краснодар) «Некрополь “Вышка-1”: новые сведения о населении Северо-Западного Кавказа V в. до н.э. (предварительное сообщение)» обозначило основные направления будущих исследований в заявленном направлении с учетом увеличения фактического материала по этнической составляющей населения региона в указанный период. Завершил работу секции на утреннем заседании Д.А. Топал (Кишинев) с докладом «Между Кавказом и Балканами. Генезис скифского клинкового оружия в Трансильвании и Южных Карпат», посвященный проверке отдельных типологических наблюдений такой специфической категории скифской материальной культуры, как клинковое оружие Карпато-Днестровского региона на примере акинака.

Завершилась работа утренней части конференции докладами в рамках секции № 3 «Средневековье. Охрана памятников» (председатели – Дорофей (Дбар), О.В. Шаров). Доклад А.А. Горбенко и В.М. Косяненко (Азов) «Новые открытия на территории Крепостного городища (г. Азов)» был посвящен редким предметам

из раскопок авторов (чаша из черепа человека, расписной краснолаковый кувшин, фрагмент привозной ткани из льна с хлопком, сохранившийся на дужке фибулы, фибула, изготовленная из двух разноцветных металлов). Авторы пришли к выводу, что донские меоты организовали местное керамическое производство, во многом подобное кубанскому. А.А. Мاستыкова (Москва) в докладе «Раскопки византийского храма в Горзувитах (Южный берег Крыма)» обратилась к теме завершившихся весной 2017 г. раскопок основания византийской базилики VI в. н.э., обнаруженной на территории международного детского центра «Артек» в Крыму. Архитектурную тему продолжил С.С. Сакания (Сухум) с докладом «Две церкви одной формы (из истории архитектуры Абхазии)», посвященным христианским древностям Абхазии. Доклад Е. Ендольцевой (Москва) и Г.А. Сангулия (Сухум) «Проблемы датировки и типологии: об одном рельефе из хранилища бывшего Государственного Управления Республики Абхазия охраны историко-культурного наследия» сообщил о работах авторов по изучению средневековых храмов и памятников искусства Абхазии. В докладе А.С. Кизилова, К.А. Глазова (Сочи) и М.И. Кудина (Майкоп) «Античная строительная и тарная керамика крепости Сочи ее 3-D реконструкция» был представлен опыт внедрения современных технологий в сферу археологических реконструкций на примере античного фортификационного строительства. Завершали работу секции доклады, объединенные темой воинских погребений с кремациями, такие, как доклад О.В. Шарова (Санкт-Петербург) «В поисках германцев: могильники Чатыр-Даг и Цебельда», посвященный актуальному и в последнее время дискуссионному вопросу о германской принадлежности могильников с кремациями, открытых в Предгорном и Горном Крыму, и сообщение Р.Б. Схатум (Краснодар) «Средневековое кремационное воинское погребение с территории г. Геленджика».

Вечернее заседание секции № 1 «Каменный век и бронза» (председатели – И.И. Марченко, Г.Д. Атаев) открыл доклад Г.Н. Вольной (Владикавказ) на тему «Центрально-симметричные композиции в искусстве центрального варианта кобанской культуры», посвященный специфическим элементам искусства памятников кобанской культуры в виде характерных двухчастных симметричных композиций с объемным изображением рогов, голов и протом баранов, направленных в противоположные стороны. Докладчик отметил, что изображение барана от других животных отличают закрученные в волюты рога по обеим сторонам от головы, а образ барана – один из самых распространенных в центральном варианте кобанской культуры. В совместном докладе В.Р. Эрлиха (Москва) и Г.Л. Годизова (Майкоп) «Археологический комплекс Шушук в предгорьях Западного Кавказа. Новые данные» был подведен итог и представлены результаты археологических исследований памятника последних лет с краткой интерпретацией. А.Л. Будайчиев (Махачкала) в докладе «Типология керамики поселения эпохи ранней бронзы Сугют (Южный Дагестан)» представил детальную и подробную типологию многочисленного керамического материала из раскопок поселения Сугют. В докладе М.И. Кудина (Майкоп) «Типология дольменов с ложным входом» автором была предложена собственная классификация данных дольменов, поскольку, по мнению автора, термины «ложнопортальные, корытообразные» не отражают всей специфики дольменов с необычной деталью. В завершающей части работы секции был представлен доклад Р.М. Барцыц (Сухум) «Башкапсарские рудники: ис-

следования и перспективы» по истории металлургии на территории Абхазии в контексте Башкапсарских медных рудников, на территории которых было выявлено 13 объектов.

Вечернее заседание секции № 2 «Ранний железный век и античность» (председатели – Г.А. Сангулия, Р.Х. Гаглойти) открыл доклад А.Н. Коваленко (Ростов-на-Дону) на тему «Проблемы типологии и периодизации поселений скифского времени на территории устьевой области р. Дон», посвященный рассмотрению серии надежно и узко датированных погребальных комплексов второй половины IV – первой трети III в. до н.э. с опорой исключительно на четко датированные греческим импортом погребальные комплексы. Ф.М. Кобахиа (Сухум) в своем докладе «Ритуальный сосуд в традиционной религии абхазов» обратил внимание на то, что данный аспект одного из важнейших пластов духовной культуры хатто-древнеабхазского общества еще не являлся предметом специального исследования и что ретроспективное освещение данного вопроса важно для выявления историко-культурно специфики отдельных обрядовых элементов. В докладе О.И. Шафрановой (Ставрополь) «Женские украшения из Куланрхуского некрополя в семиотической интерпретации» была предпринята попытка археолого-этнографического моделирования на примере женских украшений из погребений раннего железного века. Доклад А.Н. Марченко и М.Ю. Русаков (Ростов-на-Дону) «Хронология и типология костяных застежек раннескифского времени степной зоны Северного Причерноморья» был посвящен уточнению хронологии и типов рассматриваемых деталей одежды на примере материалов из погребений.

Вечернее заседание секции № 3 «Средневековье. Охрана памятников» (председатели – С.М. Сакания, Г.В. Требелева) открыл доклад А.С. Кизилова (Сочи) «Неучтенные средневековые археологические памятники центральной части Сочи периода расцвета Абхазского царства», посвященный поиску памятников эпохи средневековья в районе Большого Сочи с целью упорядочивания имеющейся информации о расположении фрагментов древней архитектуры и выполнения работ по созданию 3-D модели с использованием технологии фотограмметрии. В докладе Г.В. Требелевой, Г.Ю. Юркова (Москва), И.И. Цвинария, С.С. Сакания, З.Г. Хондзия (Сухум), Т.Ю. Шведчикова (Москва) «Исследование на некрополе Маркульского храма (2015–2017 гг.)» были подведены итоги двух лет работ, которые войдут в коллективную монографию, посвященную средневековым храмам Абхазии. В докладе Г.А. Сангулия (Сухум) и Т.М. Кармова (Санкт-Петербург) «Типология и периодизация раннесредневековых памятников с. Хашпса Гагрского района» основное внимание было уделено раннесредневековым памятникам данного района. М.Е. Колесникова и Л.П. Ермоленко (Ставрополь) в докладе «Развитие краеведческой археологии на Северном Кавказе в 1920-е годы» обратились к проблеме становления краеведческой археологии на Северном Кавказе – одной из сфер как научной, так и культурно-просветительской деятельности историков и археологов. И.А. Джопуа (Сухум) в докладе «Религиозно – познавательный туризм как фактор сохранения объектов историко-культурного наследия» рассказал о важности развития в регионе современных форм туризма с целью сохранения исторических памятников и популяризации научных знаний. В докладе А.Р. Бозиева (Нальчик) «История исследования аланской культуры на Северном Кавказе» был представлен историко-археологический обзор изучения алан на территории

Северного Кавказа в рамках последних десятилетий с подведением итогов изучения аланской культуры различных этапов. Завершила работу секции на конференции Л. Головина (Сухум) с докладом «Вопросы типологии и классификации артефактов в камеральных исследованиях», посвященным теоретическим аспектам изучения археологических материалов в рамках камеральных исследований.

23 ноября 2017 г. состоялось итоговое пленарное заседание, заслушаны отчеты председателей секций, отметивших, что доклады, представленные на конференции, сопровождались оживленной дискуссией. Участники V Абхазской Международной археологической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения выдающегося археолога-кавказоведа М.М. Трапша, отметили, что традиция проведения археологических конференций в Республике Абхазия способствует интеграции научного сообщества, более тесной координации деятельности научно-исследовательских учреждений, вузов, музеев, государственных органов охраны памятников страны с зарубежными научными центрами и высказали пожелание принять участие в следующей конференции, в 2020 г. По итогам конференции планируется издание сборника статей.

А.В. Безруков

к.и.н., доцент

кафедры всеобщей истории Института гуманитарного образования
Магнитогорского государственного технического
университета им. Г.И. Носова, Магнитогорск, Россия

Andrey V. Bezrukov,

Nosov Magnitogorsk State Technical University,
Magnitogorsk, Russia
buonogiorno@mail.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АДСВ – Античная древность и средние века. Свердловск. Екатеринбург
АМА – Античный мир и археология. Саратов.
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БИКАМЗ – Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник
БИ – Боспорские исследования. Симферополь–Керчь
БС – Боспорский сборник. Москва
ВДИ – Вестник древней истории. Москва
ДБ – Древности Боспора. Москва
ЗОАО – Записки Одесского Археологического Общества. Одесса
ЗООИД – Записки Одесского Общества истории и Древностей. Одесса
ИАК РАН – Институт археологии Крыма РАН
КБН – Корпус боспорских надписей. М.–Л., 1965.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН (АН СССР). Москва
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь–Керчь
МАК – Материалы и исследования по археологии. Москва
МИА – Материалы по истории и археологии СССР. Москва–Ленинград
НЭ – Нумизматика и эпиграфика. Москва
ПиФ 2017 – Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства. Каталог выставки. М., 2017.
ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры. Москва–Магнитогорск–Новосибирск
РА – Российская археология. Москва
САИ – Археология СССР. Свод археологических источников. Москва; Ленинград
СА – Советская археология. Москва
- BAR – British Archaeological Reports
BerRGK – Bericht der Römisch-Germanischen Kommission
Bronces y religion romana 1993 – Bronces y religion romana (Actas del XI Congreso Internacional de Bronces antiguos, Madrid, mayo-junio 1990) / J. Arce, F. Burkhalter (eds.). Madrid, 1993.
САН III/3 – Cambridge Ancient History. Vol. III. Part 3. Cambridge, 2008
CIRB – Album–Corpus Inscriptionum Regni Bosporani. Album Imaginum. Saint Petersburg, 2005.
EAnt – Eurasia antiqua
JRA – Journal of Roman Archaeology
LGPN – Lexicon of Greek Personal Names. Vols. 1–5b. Oxford
LIMC – Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae
NC – The Numismatic Chronicle. London
Pape-Benseler – Pape, W., Benseler, G.E. Wörterbuch der griechischen Eigennamen. 3d ed. Braunschweig, 1911.
RASMI – Rassegna di Studi del Civico Museo Archeologico e del Civico Gabinetto Numismatico di Milano
RIC – Sutherland C.H.V. et al. The Roman Imperial Coinage. Vol. I–X. London, 1984–1994.
ZPE – Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik

СОДЕРЖАНИЕ

В честь профессоров А.А. Масленникова и В.Д. Кузнецова	5
<i>Трейстер М.Ю.</i> (Берлин) – Персонификация Африки на атташах ручек амфоры из Нижнего Подонья (о римских бронзовых амфорах в Сарматии)	10
<i>Труфанов А.А.</i> (Симферополь), <i>В.И. Мордвинова</i> (Москва) – Погребения I в. н.э. из Усть-Альминского некрополя (Юго-Западный Крым)	30
<i>Голофаст Л.А.</i> (Москва), <i>Рыжов С.Г.</i> (Севастополь) – К вопросу о происхождении посуды группы «Понтийской позднеримской лошенной»	47
<i>Гаврилюк Н.А.</i> (Киев), <i>Молев Е.А.</i> (Нижний Новгород) – Лепная керамика из объектов и слоев III–VI вв. н.э. боспорского города Китея	60
<i>Зинько В.Н.</i> (Симферополь) – Косторезная мастерская в боспорском городе Тиритака..	73
<i>Виноградов Ю.А.</i> (Санкт-Петербург) – Особенности расписного склепа кургана Большая Близница	80
<i>Завойкин А.А.</i> (Москва) – Новая строительная жертва из Фанагории	90
<i>Шелов-Коведяев Ф.В.</i> (Москва) – К ранней истории Фанагории	98
<i>Абрамзон М.Г.</i> (Магнитогорск), <i>Сапрыкина И.А.</i> (Москва), <i>Смекалова Т.Н.</i> (Симферополь) – Содержание серебра в статерах Савромата IV	107
<i>Ворошилов А.Н.</i> , <i>Ворошилова О.М.</i> (Москва) – Позднеантичное захоронение с погребальным ременным гарнитуром из Фанагории	125
<i>Мальшев А.А.</i> , <i>Требелева Г.В.</i> (Москва) – Эволюция системы расселения в периферийных районах Азиатского Боспора (на примере п-ва Абрау)	143
<i>Гаилов В.А.</i> (Москва) – К вопросу об оборонительных сооружениях Маргианы. Крепость Чильбурдж	157
<i>Суриков И.Е.</i> (Москва) – Прозвища у греков архаической и классической эпох. IV. Афины: от «великих остракизмов» до «великих демагогов»	170

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Журавлев Д.В.</i> (Москва), <i>Хмелевский Д.Н.</i> (Киев) – Фигурный сосуд в форме головы африканца из Ольвии	198
<i>Вахтина М.Ю.</i> (Санкт-Петербург) – Две «мегарские» чаши из порфмийского некрополя	215
<i>Завойкина Н.В.</i> (Москва) – Граффито трапезита из Фанагории	224
<i>Абрамзон М.Г.</i> (Магнитогорск), <i>Новичихин А.М.</i> (Анапа) – Клад пантикапейских медных монет III в. до н.э. с хоры Горгиппии (1986 г.)	234

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

<i>Застрожнова Е.Г.</i> (Санкт-Петербург) – Исследования В.Д. Блаватского в акватории Фанагории (1958 и 1959 гг.)	250
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Безруков А.В.</i> (Магнитогорск) – V Абхазская Международная Археологическая конференция, посвященная 100-летию выдающегося Абхазского археолога-кавказоведа М.М. Трапша (Сухум, 20–24 ноября 2017 г.)	257
---	-----

 CONTENTS

In honour of professor A.A. Maslennikov and professor V.D.Kuznetsov	5
<i>M.Yu. Treister</i> (Berlin) – The Personification of Africa on the Handle Attachments of Amphora from the Lower Don Area (On the Roman Bronze Amphorae in Sarmatia)....	10
<i>A.A. Trufanov</i> (Simferopol), <i>V.I. Mordvintseva</i> (Moscow) – A Grave of the 1 st Century AD in the Ust-Alma Necropolis (The Southwestern Crimea)	30
<i>L.A. Golofast</i> (Moscow), <i>S.G. Ryzhov</i> (Sevastopol) – On the Origin of the Late Roman Pontic Burnished Ware	47
<i>N.A. Gavrilyuk</i> (Kiev), <i>E.A. Molev</i> (Nizhny Novgorod) – Handmade Ceramics from the 3 rd –4 th Centuries AD Objects and Layers of Kytaiou	60
<i>V.N. Zinko</i> (Simferopol) – Carving Workshop in the Bosphorus City of Tyritake	73
<i>Yu. A. Vinogradov</i> (Saint-Petersburg) – Peculiarities of the Painted Tomb of the Bolshaya Bliznitsa Kurgan.....	80
<i>A.A. Zavoykin</i> (Moscow) – A Construction Offering from Phanagoria.....	90
<i>F.V. Shelov-Kovedyayev</i> (Moscow) – From the Early History of Phanagoria	98
<i>M.G. Abramzon</i> (Magnitogorsk), <i>I.A. Saprykina</i> (Moscow), <i>T.N. Smekalova</i> (Simferopol) – The Silver Content of Sauromates IV's Staters.....	107
<i>A.N. Voroshilov</i> , <i>O.M. Voroshilova</i> (Moscow) – A Late Antique Burial with a Funeral Belt Set in the Necropolis of Phanagoria.....	125
<i>A.A. Malyshev</i> , <i>G.V. Trebeleva</i> (Moscow) – The Evolution of Settlement System in the Peripheral Areas of the Asian Bosphorus (The Abrau Peninsula).....	142
<i>V.A. Gaibov</i> (Moscow) – On the Issue of Defensive Structures of Margiana. Chilburj Fortress	157
<i>I.E. Surikov</i> (Moscow) – Greek Nicknames of the Archaic And Classical Periods. IV. Athens: From the “Great Ostracisms” to the “Great Demagogues”	170

PUBLICATIONS

<i>D.V. Zhuravlev</i> (Moscow), <i>D.N. Khmelevskiy</i> (Kiev) – Plastic Flask in the Form of African's Head from Olbia.....	198
<i>M.Yu. Vakhtina</i> (Saint-Petersburg) – Two “Megarion” Bowls From Porthmion Necropolis.	215
<i>N.V. Zavoykina</i> (Moscow) – A Graffito of Ttrapesites from Phanagoria	224
<i>M.G. Abramzon</i> (Magnitogorsk), <i>A.M. Novichikhin</i> (Anapa) – A Hoard of Pantikapaion Copper Coins of the Third Century BC from the Chora of Gorgippia (1986).....	234

FROM SCIENCE HISTORY

<i>E.G. Zastrozhnova</i> (Saint-Petersburg) – V.D. Blavatsky's Exploration of the Aquatoria of Phanagoria in 1958 and 1959	250
--	-----

SCIENTIFIC LIFE

<i>A.V. Bezrukov</i> (Magnitogorsk) – The Fifth Abkhaz International Conference Dedicated to the 100 th Anniversary of the Outstanding Abkhaz Archaeologist M.M. Trapsh (Sukhum, November 20–24, 2017).....	257
--	-----

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Проблемы истории, филологии, культуры» обращается к авторам с просьбой присылать статьи, оформленные по следующим правилам:

Статьи присылаются на e-mail: history@magtu.ru; history.pifk@inbox.ru; текст должен быть напечатан в формате WORD 1997-2003 (doc.), иллюстрации в одном из распространенных форматов (jpg, tiff). Тексты на греческом языке рекомендуется набирать в формате Unicode.

Объем статей не должен превышать 1 авт. л., шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5.

Поля: верхнее – 2 см., левое – 2,5 см., нижнее – 2 см., правое 1,5 см.

Статья должна иметь четкую структуру и состоять из 3-х основных частей: введения, основной части, заключения.

К статье необходимо приложить резюме на русском и английском языках (термины подлежат обязательному переводу; иностранные фамилии и географические названия даются в оригинале). **Резюме не менее двухсот слов и список ключевых слов (не более десяти)**, а также почтовый и электронный адреса авторов, место работы и должность, **ORCID!!!!**

Кроме того, необходимо прислать заполненный и подписанный договор.

Ссылки даются в подстрочных примечаниях (в конце каждой страницы) со сквозной нумерацией по следующей системе: фамилия автора и год публикации без запятой, номер страницы, прим. (n., App., ect.), рис. (fig., Abb., ect.) или табл. (pl., Taf., ect.).

Например: Иванов 1972а, 536, рис. 2; 1972б, 56–59; Salvatori 1995, 67–68, fig.1.

Если в книге или статье не указан автор, обязательно указывается редактор или составитель.

Для литературных произведений, цитируемых в тексте статьи, даются ссылки в подстрочных примечаниях.

Ссылки на газеты:

Правда 21.05.1933.

Pravda 21.05.1933.

Полевой материал автора:

ПМА 2010, РБ, Бакалинский р-н, д. Юльгимировка, с. Ахманово.

Для архивных документов:

ОР РНБ. Ф. 316. Д. 161. Л.1.

РО ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. №. 196. Л. 18–19 об.

Все поступающие в редакцию материалы проверяются на наличие заимствований из открытых источников, проверка выполняется с помощью системы Антиплагиат.ВУЗ. Статьи, содержащие элементы некорректных заимствований (более 30%), автоматически снимаются с рассмотрения. Публикация бесплатна.

ЛИТЕРАТУРА

Литература перечисляется в конце статьи в алфавитном порядке в двух списках (сначала на языке статьи, потом транслитерированный список – **REFERENCES**) по следующей форме:

Фамилия и инициалы автора не выделяются курсивом. Между фамилией и инициалами ставится запятая. За ними без знака препинания ставится год издания, после него двоеточие и название работы. В конце библиографического описания год не повторяется.

Курсивом выделяется источник, из которого взята библиографическая статья, то есть, в случае, если это монография или сборник – курсивом выделяется само название монографии/сборника, например:

Для книг:

Галанина, Л.К. 1997: *Келермесские курганы (Степные народы Евразии, I)*. М.

Alexander, C. 1928: *The Metropolitan Museum of Art Jewelry. The Art of the Goldsmith in Classical Times*. L.–New York.

Для литературных произведений:

Толстой, Л.Н. 1980–1982: *Полное собрание сочинений*. М.

Пушкин, А.С. 1960–1968: *Собр. соч.*: в 10 т. М.

Пушкин, А.С. 1978: *Избранное*: в 3 т. М.

Для журнальных статей (обязательно указывается первая и последняя страницы статьи). Если это статья в журнале или сборнике, курсивом выделяется название журнала/сборника, оно **не отделяется** от названия статьи косыми чертами. Если указываемая Вами статья находится в сборнике или коллективной монографии (то есть не в периодическом издании), то в зарубежном описании перед ней ставится «**In:**», а в русском «**В сб.:**» или «**В кн.:**». Номер выпуска не отделяется от названия журнала знаками пунктуации. Страницы указываются через запятую после номера (для журналов) или после города выпуска (для сборников):

Ростовцев, М.И. 1917: Надпись на золотом сосуде из с. Мигулинской. *ИАК* 63, 106–108.

Аннинский, А.П. 2008: Беседа о странностях истории. *Родина* 2, 18–26.

Salvatori, S. 2000: Bactria and Margiana seals: a new assessment of their chronological position and a typological survey. *East and West* 50, 97–145.

Названия зарубежных журналов приводятся без сокращений, как и названия городов (в кириллическом описании сохраняются сокращения М., СПб., Л.)

Названия российских журналов сокращаются только в оригинальном библиографическом описании, в References указывается полное название журнала:

Для статей/ глав в книгах и сборниках (обязательно указываются фамилия и инициалы редактора/ов книги или сборника, а также первая и последняя страницы статьи):

Salvatori, S. 1998: Margiana archaeological map: the Bronze age settlement pattern. In:

A. Gubaev, G. Koshelenko & M. Tosi (eds.), *The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990–95*. Rome, 57–65.

Для книг/статей без авторов:

Сайко, Э.В. (ред.) 2001: *Город в процессах исторических переходов, теоретические аспекты и социокультурные характеристики*. М.

Для электронных документов:

Городецкий, С. 2011: *Письма с фронта*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>

Brooke, R. 2010: *His actual reaction to war*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.warpoetry.co.uk/brooke2.html>

References

Описание русских, украинских и других работ, написанных не латинским (английским, французским, немецким, итальянским и т.п.) алфавитом, начинается с транслитерированной фамилии автора(ов). **Важно:** необходимо использовать ту транслитерацию фамилии(й), которая используется в издании, на которое Вы ссылаетесь. Если там нет транслитераций, воспользуйтесь или наиболее распространенной транслитерацией этой фамилии (если возможно), или транслитерируйте согласно общим правилам (см. ниже).

Библиографическое описание работ, опубликованных на языках, не использующих латинский алфавит, состоит из двух частей: транслитерации и перевода на английский язык.

Например:

Для книг:

Saprykin, S.Yu. 1996: *Pontiyskoe tsarstvo: gosudarstvo grekov i varvarov v Prichernomor'e* [*The Pontic Kingdom: the state of the Greeks and barbarians in the Black Sea*]. Moscow.

Для журнальных статей:

Pokrass, Yu. 1997: Klad zolotykh bosporskikh monet nachala I-go veka [A hoard of gold Bosporan coins from the early 1st century AD]. *Numizmatika i faleristika* [*Numismatics and Phaleristics*] 3, 4–6.

Kadeev, V.I. 1979: Khersones, Bospor i Rim v I v. do n.e. – III v. n.e. [Chersoneses, the Bosporus and Rome during the 1st century BC – 3rd century AD]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 55–76.

Для статей/ глав в книгах и сборниках:

Puzdrovskiy, A.E. 2001: Rimsko-bosporskaya voyna i etnopoliticheskaya situatsiya v Krymskoy Skifii v seredine I v. n.e. In: V.Yu. Zuev (ed.), *Bosporskiy fenomen: kolonizatsiya regiona. Formirovanie polisov. Obrazovanie gosudarstva* [*The Bosporan phenomenon: colonization of the region. Formation of poleises. Formation of the state*]. Pt. 2. Saint-Petersburg, 212–217.

Для электронных документов:

Gorodetskiy, S. 2011: *Pis'ma c fronta* [*Letters from the Front*], <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>

Правила транслитерации

Русский язык

а	а	з	z	п	р	ч	ch	я	ya
б	b	и	i	р	г	ш	sh		
в	v	й	y	с	s	щ	shch		
г	g	к	k	т	t	ъ	«		
д	d	л	l	у	u	ы	y		
е	e	м	m	ф	f	ь	'		
ё	ye	н	n	х	kh	э	e		
ж	zh	о	o	ц	ts	ю	yu		

Украинский язык

а	a	ж	zh	м	m	ф	f	я	ja
б	b	з	z	н	n	х	h		
в	v	и	y	о	o	ц	c		
г	g	і	i	п	p	ч	ch		
г	g'	ї	i'	р	r	ш	sh		
д	d	й	j	с	s	щ	shh		
е	e	к	k	т	t	ь	'		
є	je	л	l	у	u	ю	ju		

Сокращения

К статье должен прилагаться список всех встречающихся в ней сокращений с их расшифровками

АО – Археологические открытия. Москва

IGBR – Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae / G. Mihailov (ed.). Sofia, 1956

- Между цифрами ставится короткое тире (не дефис!), между цифрами и тире пробелы не ставятся (н., 153–160; I–II вв. н.э.)
- Длинное тире (—) вообще не используется, как и буква «ё»
- Сокращения для обозначения страниц не используются. Используются сокращенные обозначения для томов, колонок, таблиц, рисунков и т.д.

Статьи, оформленные не по правилам и без английского блока, к рассмотрению не принимаются!!!!

Решение о публикации выносится редколлегией на основе рецензирования рукописей и общим голосованием; о принятом решении сообщается авторам. Присланные в редакцию материалы не возвращаются.

+16

Проблемы истории, филологии, культуры. № 3. 2018

Сдано в набор 25.07.2018. Подписано в печать 30.09.2018.

Дата выхода 30.09. 2018.

Формат 70x100/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 34,8. Уч.-изд. л. 33,9.

Бумага тип. №2. Тираж 440 экз. Заказ № .

Журнал распространяется бесплатно.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-67784 от 28 ноября 2016 г.
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель: Абрамзон М.Г.

Соучредители: Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова»,

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт археологии Российской Академии наук»

Редакция: 455000, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 26, каб. А1.

Издательство: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.

Типография: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.